

У Н И В Е Р С И Т Е Т С К А Я

Б И Б Л И О Т Е К А

А Л Е К С А Н Д Р А

П О Г О Р Е Л Ь С К О Г О

С Е Р И Я

И С Т О Р И Я

К У Л Ь Т У Р О Л О Г И Я

ЧАРЛЬЗ ТИЛЛИ

ПРИНУЖДЕНИЕ,
КАПИТАЛ
И ЕВРОПЕЙСКИЕ
ГОСУДАРСТВА

990–1992 гг.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»

МОСКВА 2009

ББК 63.3

Т 39

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

В. Л. Глазычев, Г. М. Дерлугьян, Л. Г. Ионин,

А. Ф. Филиппов, Р. З. Хестанов

Т 39 **Чарльз Тилли.** Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Менской Т. Б. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 328 с.

ISBN 5-91129-044-8

© Менская Т. Б., перевод, 2009

© Издательский дом «Территория будущего», 2009

Памяти Штейна Роккана

*Интеллектуала-энтузиаста, организатора,
творческого человека
и друга*

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЬЯН. ВОЕННО-НАЛОГОВАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА	8
ПРЕДИСЛОВИЕ	17
1. ГОРОДА И ГОСУДАРСТВА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ	21
Государства в истории	21
Возможные решения	27
Логика капитала и принуждения	42
Война способствует формированию и трансформации государств	47
Долгосрочные тенденции и их взаимодействие	59
Несколько предварительных замечаний	65
2. ГОРОДА И ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ	72
Когда Европы еще не было	72
Государства и принуждение	80
Города и капитал	83
Взаимодействие город—государство	88
Физиология государства	92
Liaisons dangereuses (опасные связи)	98
Формы государства	102
3. КАК ВОЙНА СОЗДАВАЛА ГОСУДАРСТВА И НАОБОРОТ	110
Бифуркация насилия	110
Как государства контролировали принуждение	112
Перемены	121
Захват, производство или покупка принуждения	131
Возвращение долгов	135
Длинная (и могущественная) рука империи	140
4. ГОСУДАРСТВА И ИХ ГРАЖДАНЕ	147
От ос к локомотивам	147
Согласование, права и коллективное действие	151

Институт прямого правления	157
Французская революция: от непрямого правления к прямому	162
Экспансия государств, прямое правление и создание национальных государств	172
Незапланированные нагрузки	176
Милитаризация = огражданствление (переход власти от военных к гражданскому правительству)	182
5. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	189
Китай и европа	189
Снова о государствах и городах	194
Движение через принуждение	202
Капиталистическая траектория развития	211
Траектории развития по пути капитал + принуждение	221
6. СИСТЕМА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ	235
Связь европейских государств между собой	235
Окончание войн	241
Члены системы	247
Формирование мира из связанных между собой государств	260
Как начинаются войны	264
Шесть важных вопросов	269
7. ВОЕННЫЕ И ГОСУДАРСТВА В 1992 Г.	276
Политическое «неразвитие»	276
Влияние и наследие второй мировой войны	283
Возвышение военных	291
Современные военные в исторической перспективе	293
Военное устройство	298
Военные у власти	301
Как военные захватывают власть?	308
Заключение	317
БИБЛИОГРАФИЯ	323

ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЬЯН
ВОЕННО-НАЛОГОВАЯ
ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Перед вами итоговая работа одного из наиболее влиятельных сегодня исторических социологов. Благодаря своей легендарной обрванности и самодисциплине Чарльз Тилли успел написать очень много — более тридцати книг плюс сотни статей, научных обзоров и рецензий. Известность пришла к нему в 1964 г. уже с первой монографией, название которой состояло из всего-навсего одного, хотя исключительно знакового топонима «Вандея».¹ Там, где профессиональные историки ранее лишь описывали с точки зрения якобинского Парижа либо с позиций патриотического краеведения печально известное и малопонятное контрреволюционное восстание конца XVIII в., Тилли увидел социологическую проблему объяснения *вариативности* политических и идеологических альянсов времен Великой французской революции. Почему в аристократическо-плебейском Париже, столице дворцов и трущоб, торжествует радикализм, в зажиточной Жиронде — осторожная и в итоге обреченная буржуазная умеренность, а в провинциальной глуши Вандеи французские крестьяне так ожесточенно отстаивают вроде бы дряхлые структуры феодально-клерикального угнетения? Крепкая социологическая теория, считал Тилли, должна уметь объяснить не только предполагаемую центральную норму (революционное брожение Парижа тех лет), но и различные местные «отклонения» от нормы — тем более что этих отклонений, от Аквитании до Эльзаса, набиралось статистическое большинство случаев, и притом полное местного разнообразия.

Вместо обычных для прежних поколений историков эрудированных и порою элегантных, но несистематичных рассуждений о характере французских провинций, Тилли выдвинул общую модель с множественными переменными, которую можно было про-

¹ Charles Tilly. *The Vendee*. Cambridge: Harvard University Press, 1964.

тестировать на эмпирическом материале по самым различным параметрам: демография, классовый состав местностей, характер землевладения, административные практики Старого режима, доступ к рынкам, плотность сети дорог, уровень грамотности, присутствие центральной бюрократии в лице суперинтендантов либо сеньориального косвенного управления замков и аббатств, дислокация королевских гарнизонов, наличие или отсутствие крупных региональных городов. Такая задача потребовала долгого сидения в архивах, чем ранее занимались только историки, но никак не социологи, тем более американские. В дело были пущены все виды источников, причем не столько политические речи, письма и мемуары видных деятелей или декреты властей, сколько всевозможная архивная мелочовка, которой в Европе сохранилось ох как немало. Тут дворянские прошения и крестьянские жалобы, амбарные книги, рекрутские росписи, приходские регистрации крещений и смертей, податные списки, судебные тяжбы, закладные и векселя, контракты и деловая переписка, рыночные прејскуранты далеких лет, статистические таблицы и старинные карты. «Ван-дея» Тилли стала такой знаменитой, поскольку наглядно, в реальном деле, показала, как социология и история могут взаимоусиливать друг друга.

Все эти массовые архивные материалы в принципе были давно известны, но в них долго не замечали особой драматичности и тем более фундаментальной значимости. Конечно, к тому времени, где-то с конца 1950-х гг., становится очевиден переворот в науке о прошлом, начатый еще до войны школой журнала «Анналы» под многолетним предводительством многоумного и всезнающего Фернана Броделя. Но «Анналисты» все-таки оставались включены в профессиональную гильдию французских историков. Даже вводя в оборот новые, структурно-долгосрочные, темы и массовые исходные источники они по-прежнему чурались теоретических моделей, относя подобные занятия к чуждой им епархии экономистов, политологов и социологов. Это прекрасно видно на примере работ самого Броделя, который в каждой главке берет некий феномен или взаимосвязь, приводит массу интереснейших и порою неожиданных деталей, углубляет картинку, высказывает целый ряд обобщающих рассуждений, наводящих на новые, более широкие обобщения — и затем переходит к следующему разделу в своем грандиозном историческом повествовании. Броделя интересовали именно взаимосвязи множества деталей и неочевидные обобщения, он мастерски ткал свое богатое, плотно текстурированное историческое

полотно, оставляя другим выявлять более абстрактные причинно-следственные цепочки.

Научные революции, как показывает Рэндалл Коллинз, совершаются не одиночками, какими угодно блестящими, а авангардными интеллектуальными движениями, целыми группами единомышленников, попутчиков и, неизбежно, также соперников, оказавшихся в некий момент на переднем крае своих социальных сетей.² Фернан Бродель (род. 1903) был на поколение старше Чарльза Тилли (род. 1927) и его друга-соперника Иммануила Валлерстайна (род. 1930). Бродель при жизни добился колоссального влияния во французской историографии. Однако в основном именно благодаря работам более младших американских социологов Тилли и Валлерстайна взгляды и слава Броделя проникли на интеллектуальный рынок Америки и распространились в социологии, антропологии и политологии. Это имело заметный обратный эффект, не только сделав Броделя подлинно мировой научной величиной, но и подсказав самому мэтру дальнейшие направления его исследований. Бродель на склоне лет выказал редкое благородство, открыто признав влияние молодых тогда американцев. Если Валлерстайн на основе броделевского обобщающего мировидения сформулировал свою знаменитую концепцию эволюции миросистемы, то Тилли скорее пошел вглубь, систематически раскапывая и выявляя полную парадоксов и противоречий динамику роста государственной власти и, одновременно, сопротивления общества росту власти над собой, что приводит в западных странах эпохи Нового времени к частым бунтам, забастовкам и революциям. Из подобных конфликтов, точнее, последующих за ними или превентивных компромиссов, как теперь показано и доказано корпусом работ Тилли и его многочисленных последователей, постепенно, в течение нескольких веков возникают и оформляются законом гражданские права, институционализация протестных движений, легальной политической оппозиции и всевозможные формы того, что экономисты называют «общественными благами» — контроль над насилием и преступностью, доступ к судам, бесплатное образование, медобслуживание, социальные пособия, национальные пенсионные системы. Кстати, в этом признавал ключевое влияние Тилли и другой известнейший француз — Пьер Бурдьё.

² Randall Collins. *The sociology of philosophies: a global theory of intellectual change*. Cambridge: Harvard University Press, 1998. Русский перевод: Рэндалл Коллинз. *Социология философий* / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2002.

Сам Тилли (как и Валлерстайн) совершенно не был склонен к бунтам и конфликтам. Неизменно веселый и приветливый Тилли, всегда готовый помочь с организацией очередной конференции или защитой диссертации, оставался даже на пике своего научного влияния и славы вполне доступен, поскольку обладал заразительно искренним интеллектуальным любопытством. Он постоянно что-то писал, мастерил какие-то аргументы и гипотезы. Когда несколько лет назад пронеслась обескураживающая весть, что у Тилли обнаружен рак, он нашел силы появиться на ежегодной конференции Американской социологической ассоциации и блестяще выступить на пленарном заседании, посвященном памяти его друга Пьера Бурдьё. Медицина либо жизнестойкость Тилли, казалось, творили чудеса. Раз за разом он возвращался из больницы, измученный и безволосый после химиотерапии, объявляя потрясенной и ликующей аудитории, что слухи о его кончине по-прежнему преувеличены. Более того, каждый раз он писал в больнице по новой книге. Очевидно это то, что поддерживало в Тилли энергию и волю к жизни. Болезнь взяла свое лишь весной 2008 г.

Оценивая сегодня солидное и весьма разнообразное наследие Чарльза Тилли, вероятно, следует признать основным его трудом вот эту книгу, наглядно озаглавленную «Принуждение, капитал и европейские государства» (тяжеловесных подзаголовков он не терпел.) Здесь сразу высказан основной тезис — современные государства Европы сформировались в различных комбинациях военно-административного принуждения (прежде всего изъятия налогов) и капиталистического финансирования (в основном в виде постоянно возраставшего государственного долга частным капиталистическим олигархиям). Чтобы оценить необычность и историко-логическую элегантность данного теоретического прорыва Тилли, надо хотя бы совсем вкратце пересказать историю его возникновения.

В конце 1960-х гг. в социальных науках Запада господствовала однолинейная и весьма идеологичная теория модернизации. Ее основной постулат — все общества проходят некие эволюционные стадии роста на пути от примитивной, статичной и функционально нераздельной традиционности к современности, характеризуемой инновационной динамичностью, рациональным научным управлением, неуклонным материальным ростом, дифференциацией на функциональные сферы экономики, политики и культуры. Американский образ жизни послевоенного периода возводился в те-

оретическую тотальность, прообраз высшего уровня современности, к которому должны были прийти все остальные пока полутрадиционные страны, оттого названные тогда «развивающимися».

Гарвардский выпускник, автор прозвучавшей «Вандеи» и серии статей по исторической демографии и урбанистике Чарльз Тилли считался в то время одним из наиболее перспективных исследователей нового поколения школы модернизации. Заметим, что не менее перспективным модернизационщиком тогда считался и молодой, но уже прозвучавший нью-йоркский эксперт по новым политическим элитам Африки Иммануил Валлерстайн. Оказавшись на волне политического и научного интереса, Валлерстайн и Тилли получали лестные предложения сотрудничества в новых модернизационных проектах, финансируемых правительствами Запада и крупнейшими частными фондами. Так сорокалетний социолог Тилли оказался вместе с маститым стэнфордским политологом Люсианом Паем сопредседателем международной рабочей группы по политическому развитию под эгидой элитного Совета по исследованиям в общественных науках (более известного под английской аббревиатурой SSRC). Группа в основном западных ученых летом собиралась на несколько недель в курортном климате северной Калифорнии побросать теоретический «мячик» и так, в постоянном личном общении, сформулировать основные положения будущего сборника работ. Предполагалась не обычная коллективная монография, а не менее как установочный манифест школы модернизации по проблеме формирования эффективной современной государственности, подобно уже тогда знаменитому экономическому манифесту теоретической группы Уолта Ростоу из Массачусетского технологического института. Стратегия мозгового штурма в закрытой для посторонних летней школе казалась оптимальным способом решения задачи. Вот только сама задача оказалась нерешаемой.

От группы ожидали некоего абстрактно-синтетического дистиллята опыта государственного развития Запада, который можно было бы передавать третьему миру. Опыт оказался несводимым к общему знаменателю. Французы, конечно, настаивали на главенстве рационально-бюрократической централизации, в чем их поддерживали немцы, хотя и в основном молчаливо (памятуя о милитаристском и нацистском прошлом). Англо-американские коллеги считали нормой либеральный рыночно-ориентированный путь собственных стран. Умнейший веселый норвежец Стайн Роккан озадачивал всех примером социал-демократической Скандина-

вии. Швейцария вообще никуда не вписывалась. Ну, и Россия. Хотя русских там, естественно, не было, собравшиеся западные эксперты были достаточно честны и трезвомыслящи, чтобы отдавать отчет в чистейше политической направленности схем тоталитаризма и понимать, насколько Россия последних столетий сродни имперской модели Испании и Австро-Венгрии.

Дискуссии затянулись на несколько лет и кончились вежливой отставкой Люсиана Пая, одного из основателей школы модернизации, не считавшего для себя возможным принимать участие в коллективных похоронах собственной теории. (Еще одна параллель — тогда же, в 1972 г., Валлерстайн выступил на собрании Американской социологической ассоциации с кратким программным докладом «Теория модернизации, да упокоится с миром».) Руководство группой по политическому развитию перешло к Роккану и Тилли, которые только в 1975 г. наконец смогли опубликовать ее материалы. Тем временем, в 1973 г., Тилли успел выступить со знаменитой, детальной и теоретически безупречной критической статьей «Порождает ли модернизация революции?» Это был разгром некогда влиятельной, но внутренне противоречивой и натянутой политологической схемы Сэма Хантингтона, который в результате молчаливо отступил из активной научной жизни в твердыню Гарварда, где и отсиживался двадцать лет, прежде чем предпринять эпатажную вылазку с уже вовсе ненаучным, но идеологически крайне заостренным «Столкновением цивилизаций».

Эти публикации и выступления означали бесповоротный разрыв с однолинейной эволюционной схемой стадий политической модернизации, с вымученным структурным функционализмом Талкотта Парсонса (одного и, откровенно говоря, не самого любимого из преподавателей Тилли в Гарварде) и с идеологией либеральной демократизации мира по американскому образцу. Эта идеология еще возродится в 1990-е гг. в перелицованном виде теорий глобализации и политической транзитологии, однако уже без того впечатляющего размаха и серьезного теоретизирования, которые отличали прежнюю школу модернизации. Размах и теоретизацию унаследовали как раз повстанцы последнего поколения модернизаторов — Валлерстайн и Тилли.

В чем состояла предложенная Рокканом и Тилли теоретическая альтернатива, станет ясно из прочтения данной книги. Обращу лишь внимание на основной ее посыл. Здесь нет однолинейной заданности. Многообразие истории воплощается во множестве рядоположенных вариантов, которые можно представить в виде спек-

тра стратегий от полностью капиталистических (как в коммерческих городах-государствах) до полностью принудительных, подобно военно-административным империям. Россия расположена не за пределами европейского спектра возможностей, а лишь ближе к флангу принудительных стратегий. Выбор государственных стратегий далеко не произвольный и тем более не идейно заданный. Строители европейских государств Нового времени действовали в жесткой конкуренции. Проигравшие или не успевшие в ходе последних пяти столетий исчезали с карты путем поглощения более успешными государствами.

Стратегия определялась в первую очередь ресурсами, которые правители государств могли найти в пределах досягаемости. Там, где сложились капиталистические города, сплелись торговые потоки и возникла высокая плотность населения с соответствующими производственными навыками, ресурсы для ведения войн и содержания государственного аппарата находились буквально под боком и в концентрированном виде. Здесь задачей было договориться об организованном и предсказуемом изъятии части ресурсов преимущественно в виде денежных налогов. Путь этот полон своих конфликтов и порою отчаянных столкновений. Изначально именно по поводу налогов возникли революции, в ходе которых пошли на эшафот и английский король Карл I, и французский Людовик XVI. Парламентаризм и либеральная политика первоначально возникают в этой ветви эволюции как механизмы компромисса между капиталистическими и военно-бюрократическими элитами. Там же, где государство и правящие элиты имели дело с крестьянством, расплывленном по множеству деревень, принуждение выдвигается на первую роль, формируются устойчиво аристократические иерархии, государство само становится главным предпринимателем и реформатором. Это, впрочем, идеальные типы, между которыми в реальной истории возникает множество гибридов. Среди специалистов эта теория государства сегодня общепризнанная и для краткости зовется военно-налоговой — постоянные войны формируют государства, которые в свою очередь приобретают морфологические черты в силу того, что и каким путем доступно для изъятия в виде податей, повинностей и налогов.

По композиции эта книга для Тилли необычна. Здесь нет массы архивных данных, которые остались в прочих его статьях и монографиях. Есть, однако, довольно широкий сравнительно-исторический охват, всегда чреватый риском упустить или перепутать какие-то детали, что Тилли готов был первым же это при-

знать. Однако меняют ли фактические микронеточности общую теорию?

Куда серьезнее будет критика с макроисторических позиций. Теория Тилли имеет сугубо европейское применение. Она плохо работает на периферии, в Африке или Латинской Америке, да даже в исторически древней Индии и арабских странах, где современные государственные аппараты очевидно не возникали из местных процессов налогообложения и регионального геополитического соперничества. Госаппараты третьего мира прямо насаждались колониальными властями и впоследствии, после независимости, присваивались местными властными группировками, повстанческими движениями, а также всевозможными хунтами, диктаторами, иногда попросту мафиями. Это очевидно другой тип эволюции государственной власти, с особой динамикой и своими не самыми обнадеживающими результатами.

Работающий в Америке болгарский политолог Венелин Ганев не так давно предложил интересный теоретический ход — пустить тиллиевскую военно-налоговую модель исторического развития государства в обратном направлении.³ Периферийным государствам вроде посткоммунистической Болгарии сегодня войны реально не угрожают, поэтому эффективная оборона не является главной заботой правителей. Одновременно основные источники их доходов отнюдь не в налогах, о которых надо постоянно торговаться с населением, а в иностранных займах, помощи, экспортно-импортных операциях более или менее контрабандного толка. Откуда тут взяться трудной и хлопотной работе по обеспечению рациональной эффективности власти?

Не менее характерно с другой стороны, что Тилли практически ни словом не упоминает собственную страну — Соединенные штаты Америки. Сказать, что тематика книги ограничена Европой, будет чисто формальной отговоркой. Дело куда серьезнее и потенциально интереснее. В США капитализм удивительно долго, вплоть до XX в., прекрасно развивался фактически без государства. Власть местных капиталистических элит была институционализована какими-то другими способами — через множественные протестантские церкви и джентльменские клубы, социальные сети взаимоподдержки выпускников элитных (и также протестантских) колледжей Плющевой лиги, местное самоуправление и местное же ополчение,

³ Venelin Ganév. *Preying on the state: the transformation of Bulgaria after 1989*. Ithaca: Cornell University Press, 2007.

имевшее реальное военное значение вплоть до гражданской войны Севера и Юга. Тем не менее эта, казалось бы, несвязная, минималистская федерация в момент напряжения оказывалась на изумление эффективна. В гражданской войне северяне и южане мобилизовали, снабдили и несколько лет в полном порядке удерживали под ружьем при колоссальных потерях три миллиона бойцов — больше, чем вся Европа времен Наполеоновских войн! Такой тип власти еще предстоит изучать и понять.

Чарльз Тилли, впрочем, совершил и без того более чем достаточно, чтобы считаться одним из современных классиков. Его работы предстоит осваивать и, отталкиваясь от них, самим двигаться дальше.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я это называю творческим неврозом, имея в виду искусство превращения собственных непреодолимых влечений и страхов в интеллектуальную продукцию. Предлагаемая вниманию читателей книга может служить иллюстрацией этого явления. В настоящем случае мое стремление обнаружить или придумать симметрию в сложных событиях соединилось с желанием уйти от другой тягостной и ответственной задачи, которая к тому же была не так заманчива. Читатель настоящей книги с легкостью заметит приметы моего непреодолимого стремления к порядку и простоте. Второй мотив, впрочем, следует несколько разъяснить. И раньше я неоднократно брался за трудную работу, чтобы избежать другой, которая мне представлялась неприятной и мучительной. На этот раз, принявшись вместе с Вимом Блокмансом собирать материалы по взаимодействию городов и государств в Европе, я начал писать исключительно амбициозную книгу, сравнивая роль определенных городов и государств в нескольких частях Европы начиная с 1000 г. н.э.

Настоящей книгой я намеревался ответить на смелый вызов Пери Андерсона: «Сегодня, когда «история снизу», став лозунгом марксистов и немарксистов, принесла значительные плоды в нашем понимании прошлого, необходимо тем не менее вспомнить одну из аксиом исторического материализма: вечная борьба классов разрешается в конечном счете на *политическом* — а не экономическом или культурном — уровне общества. Другими словами, пока существуют классы, главные изменения в производственных отношениях завершаются созданием и разрушением государств» (Anderson, 1974: 11). Я надеялся в новой книге соединить три главных своих интереса: история и динамика коллективного действия, процесс урбанизации и формирование национальных государств.

Я понимал, что подобная работа потребует обращения к экзотическим источникам и знания языков, не говоря уже о том, чтобы составлять громадные списки и рассматривать статистические выкладки, находя для каждой подходящее место. Я начал писать и скоро обнаружил, что зарываюсь в материал, обращаясь за ним в самые невероятные места, что мне приходится учить новые языки и вспо-

минать уже известные. Корнельский университет предоставил мне возможность проверить некоторые основополагающие идеи книги, где я прочитал в 1987 г. курс. Впрочем, обсуждение в Итаке показало, что мои идеи еще плохо оформлены, но сам вопрос очень важен и заслуживает дальнейшей продолжительной над ним работы.

Когда в феврале-марте 1988 г. я работал над этой книгой, я читал лекции в Institut d'Etudes Politiques в Париже. (За предоставленную возможность я должен поблагодарить Алена Ланселота и Пьера Бирнбаума, я также благодарю Клеменс Хеллер за оказанную мне фондом Maison des Sciences de l'Homme поддержку во время моего пребывания в Париже.) Между лекциями я планировал поработать в парижских архивах. Но почти сразу стал читать лекции о европейских городах и государствах. Размышляя над интересными возникавшими у слушателей вопросами, я понял, что на подходе новая книга: гораздо более всеобъемлющая, краткая и одновременно выполняемая, чем та, которую я уже начал писать. Занявшись этой новой книгой, я смогу с честью (хотя и временно) выйти из пугающе громадного проекта. Вместо того чтобы ходить в архив, я оставался работать дома и начал быстро строчить новый том. Начавшейся работе нисколько не мешали мои (скорректированные относительно новых задач) лекции, так что, когда в конце марта я вернулся в Нью-Йорк, основные главы новой книги были уже написаны.

Оставив другие планы, для реализации которых Фонд Рассел Сейдж предоставил мне оплаченный годовой отпуск, я бросился к компьютеру и продолжил работу над начатой книгой. (В продолжение этого времени Полин Ротштайн и ее помощники в Рассел Сейдж предоставляли мне неоценимую помощь с книжными источниками, Камил Йеззи очень облегчала повседневную работу, Эрик Уоннер и Питер де Жаноси великодушно меня поддерживали, а Роберт Мертон и Вивиана Зелизер вдохновляли меня на рассмотрение больших структур, широких процессов и на масштабные сравнения.) К июлю 1988 г. был уже готов первый, хотя и не окончательный вариант книги. Этот первый вариант и последующие назывались (соответственно): «*Государства, принуждение и капитал*», «*Капитал, серебро, меч и скипетр*» и, наконец, не так сладкозвучно, но более точно «*Принуждение, капитал и европейские государства*». (В настоящую книгу включен переработанный материал, который раньше публиковался в «*География европейского капитализма и государственного строительства с 1500 г.*» (издатели Eugene Genovese и Leonard Hochberg), «*Географические перспективы в истории*» (Oxford: Basil Blackwell, 1989), «*Поджигатели во-*

йны и рядовые граждане в современном мире» (CSSC [Center for Studies of Social Change, New School for Social Research] Working Paper 41, 1987), «Как война создает государства и наоборот» (CSSC Working Paper 42, 1987), «Государства, принуждение и капитал» (CSSC Working Paper 75, 1988) и «Государство и контрреволюция во Франции», *Social Research* 56 (1989), 71–98.)

Затем мои друзья и коллеги читали и слушали отрывки из этой книги; я все время их отвлекал, следуя неотступной потребности говорить о моей работе и обсуждать ее. Жанет Абу-Лугход, Вим Блокманс, Брюс Каротер, Сэмюэл Кларк, Брайан Даунинг, Карменца Галло, Торвальд Гран, Марьолейн Т'Харт, Петер Катценстайн, Андрою Кирби, Джон Линн, Перри Марс.

Неоценимым даром Мартена Прака, Сидни Тэрроу, Вейна те Брейка и Бин Вонга стало то, что они критически проанализировали первые варианты книги, а Ричард Бензель, Роберт Джервис, Джо Хасбендз и Дэвид Лэйтин добавили весьма уместные комментарии к отдельным разделам. Я искренне благодарен Адель Ротман за предложенный план книги. Ники Адуба тщательно и с большим пониманием редактировала мою рукопись. Луиза Тилли в это время заканчивала собственную книгу, но она великодушно переносила мою одержимость и даже предложила стратегически важное решение.

Те, кто слушал мои лекции в университетах Бергена, Ирвайна (в Калифорнии) Чикаго, Женевы, Лейдена и Западного Онтарио, в университете Нью-Йорка (City University), Колумбийском, Гарвардском и в Эстонской академии наук — задавали очень точные вопросы в связи с данной работой. Просеминар в университете New School по вопросу формирования государства и коллективному действию постоянно мне помогал в формулировании основных положений. Мои глубокие признания Харрисону Уайту и другим единомышленникам из Центра социальных исследований при Колумбийском университете (особенно Лизе Андерсон, Дэвиду Кеннедейну, Мартину Гарджулио, Денису Джексону, Джеральду Марвеллу, Сальваторе Питруцелло, Кейт Робертс, Гектору Шамису, Камалю Шехадди, Джеку Снайдеру, Клэр Ульман и Ронану Ван Россему) за прекрасный семинар, который они организовали, чтобы подробно обсудить главы из нашей книги. Никто из перечисленных критиков не видел полного текста настоящей книги и, следовательно, не может нести ответственности за допущенные в ней ошибки.

Без ошибок, конечно, не обошлось. Пробираясь через целое тысячелетие, я мог упустить из виду важные идеи или события, не

рассмотреть существенные противоречия, неверно понять некоторые факты или неправильно истолковать отдельные изменения. Но я надеюсь, что читатели сообщат мне о замеченных пропусках и ошибках и что они, прежде чем отвергнуть мои теории, подумают, оказали ли замеченные ошибки существенное влияние на общие мои построения. Настроенный оптимистически, я надеюсь, что эта книга продолжит труд покойного Штейна Роккана, что получат дальнейшую поддержку важные идеи нашей общей со Штейном работы *Формирование национальных государств в Западной Европе* (*The Formation of National States in Western Europe*) и будут исправлены допущенные тогда ошибки. Я надеюсь в настоящей работе проиллюстрировать фактами программу исторического исследования широкомасштабных перемен, которую я проводил в более ранних моих книгах: *Большие структуры, широкие процессы, гигантские сравнения* (*Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*) и *Социология на встрече с историей* (*As Sociology Meets History*); что настоящей книгой я внесу свой вклад в попытку выработать теорию исторической случайности, теорию выдвинутую недавними трудами Антони Гидденса, Алана Преда, Артура Стинчкомба и Гаррисона Уайта. Если так, то значит конструктивное знание снова окажется результатом работы по необходимости и фобий. И вот я один перед моей задачей: мне надо написать большую книгу.

ГОРОДА И ГОСУДАРСТВА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИИ

Примерно 3800 лет назад правитель небольшого города-государства Месопотамии завоевал все города-государства своего региона и заставил их поклоняться богу своего родного города Мардуку. Хаммурапи, правитель Вавилона, стал царем Месопотамии. Как успешный завоеватель он получил права и обязанность устанавливать законы для всех жителей своего царства. Во введении к своим знаменитым законам он просит великих богов Анума и Эллиля дать ему наставления:

(мне, Хаммурапи, заботливому государю, богобоязненному), чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы восходить над черноголовыми¹ и озарять страну. Анум и Эллиль призвали меня для благоденствия населения.

Теперь, выступая по божественному повелению, Хаммурапи мог уверенно называть тех, кто не повиновался его законам, «преступниками» и «злыми». За его спиной стояло божественное правосудие, поддерживая против хулящих его жертв, отвергнутых союзников и мятежников. Хаммурапи укреплял свой город и закладывал основы государства; здесь верховными становились его боги и их особый взгляд на правосудие.

Государства являются крупнейшими и сильнейшими образованиями вот уже 5000 лет. Мы определяем государства как организации, осуществляющие принуждение (организации принуждения), отличные от домохозяйств и родственных групп и имеющие несомненное преимущество сравнительно со всеми другими обра-

¹ Самоназвание двуединого шумеро-аккадского этноса. – *Прим. перев.*

зованиями на определенной территории. Понятие «государство» в таком случае включает города-государства, империи, теократии и многие другие формы правления, но не включает племена, роды, фирмы и церкви как таковые. Однако наше определение противоречиво; хотя многие политологи используют это понятие в организационном смысле, некоторые из них распространяют его на всякую структуру власти вообще, существующую на территории расселения значительного, непрерывно проживающего населения, а другие ограничивают данное понятие лишь сравнительно сильными, централизованными и определившимися суверенными образованиями — примерно тем, что я называю национальным государством. И я дальше размою это понятие, если буду называть государствами современные Монако и Сан Марино, не имеющие «значительной» территории, лишь на том основании что таковыми их, безусловно, считают другие государства.

Пока будем придерживаться в нашем определении организационного принципа. Исходя из этого принципа, мы обнаружим государства (если судить по данным археологии) уже в 6000 г. до н.э., а письменные источники и сохранившиеся рисунки регистрируют наличие государств 2000 лет спустя. На протяжении последующих 8000 лет государства занимали небольшое пространство всей обитаемой территории Земли, но постепенно их значение возросло.

В это же время появляются города. В период между 8000 и 7600 гг. до н.э. поселение, которое позднее называлось Иерихон, имело храм и каменные дома; в последующее тысячелетие здесь появились толстые стены и отдельно стоящие здания. Уже можно было не без оснований назвать Иерихон городом, причем и другие ближневосточные поселения начинают приобретать черты городов. В Анатолии Чатал-гуйюкские находки включали богатые дома, гробницы и предметы искусства, восходившие ко времени задолго до 6000 г. до н.э. Оформившиеся города и значительного размера государства появляются в мировой истории примерно в одно время, это было время великого развития способности человека к творчеству и разрушению. В течение нескольких тысячелетий, однако, государства, о которых идет речь, оставались в основном городами-государствами. Часто они состояли из управляемой жрецом столицы, к которой прилегали платившие ей дань области, составлявшие ее экономическую зону. К 2500 г. до н.э. некоторые города Месопотамии, включая Ур и Лагаш, начинают создавать под управлением полководцев империи, целостность которых поддер-

живалась силой и данью; Хаммурапи собрал Южную Месопотамию примерно 7000 лет спустя после появления здесь первых империй. С этого времени великие цивилизации развиваются как соединения значительных по размерам государств и многочисленных городов. Так развивались цивилизации от Месопотамии, Египта и Китая до Европы.

Появившись, города и государства в течение следующих 8–10 тысячелетий попеременно становились предметами любви или ненависти. Завоеватели часто разоряли города и перебивали жителей, чтобы затем построить на их месте новые столицы. Горожане, отчаянно борясь за независимость против монаршего вмешательства в их дела, в то же время прибегали к защите монархов против бандитов, пиратов или соперников-купцов. Оглядываясь теперь на развитие городов и государств, мы видим, как необходимы они друг другу.

По большей части *национальные* государства — государства, осуществлявшие правление над множеством расположенных рядом регионов с их городами посредством централизованных, дифференцированных и автономных структур, — появлялись нечасто. Государства по большей части не были национальными: империи, города-государства или что-то еще. Термин национальное государство, к сожалению, не обязательно означает *государство-нация*, государство, где население отличается значительной языковой, религиозной тождественностью и общностью символов. И хотя такие государства, как Швеция и Ирландия, очень близки к этому идеалу, на самом деле очень немногие европейские национальные государства были государствами-нациями. Великобритания, Германия и Франция — эти главнейшие национальные государства — конечно, никогда не отвечали предлагаемому условию. А Советский Союз, имея в составе воинственно настроенных эстонцев и армян, пришел к трагическому концу. Китай, история которого исчисляется тремя тысячами лет последовательно сменявших друг друга национальных государств (из которых ни одно не было государством-нацией, благодаря множеству языков и национальностей, проживавших в них), является в этом смысле исключением. Только в последние несколько веков распространились по свету национальные государства со своими отдельными территориями, включая колонии. Только после Второй мировой войны почти весь мир оказался поделенным на номинально независимые государства, правительства которых более или менее признают существование друг друга и право на существование.

По мере того как шел процесс деления мира на солидных размеров государства, начались два противоположных процесса. Во-

первых, многие народы, не имевшие собственной государственности, стали предъявлять права на образование независимых государств. С удивительным постоянством образования собственных государств требовали не только жители бывших колоний, но и жившие на территории старых, признанных государств Запада меньшинства. И сейчас армяне, баски, эритрейцы, канаки, курды, палестинцы, сикхи, тамилы, тибетцы, жители Западной Сахары и многие другие народы, не имеющие государственности, борются за право образования самостоятельных государств; тысячи погибли за это право. В Советском Союзе, который долгое время казался монолитным, литовцы, эстонцы, азербайджанцы, украинцы, армяне, евреи и множество других «национальностей» добились самостоятельности (в той или иной степени) и даже независимости.

В недавнем прошлом бретонцы, фламандцы, жители Французской Канады, черногорцы, шотландцы и валлийцы (уэльсцы) пытались получить самоуправление внутри или вне тех государств, которые в настоящее время их контролируют. В борьбе за собственную государственность меньшинства часто получают поддержку третьих сторон, но не тех государств, на территории которых они обитают. Если бы все стремящиеся к самостоятельности народы действительно создали свои государства, то мир бы был разделен не на (примерно) 160 признанных в настоящее время государств, а на тысячи государствовподобных образований, причем многие из них были бы совсем крошечными и экономически нежизнеспособными.

Второе противодействие было сильнее: на суверенитет государств посягают их могущественные соперники — блоки (НАТО, Евросоюз или европейский торговый союз), мировые сети торговцев такими дорогими и незаконными товарами, как наркотики и оружие, и финансовые организации вроде гигантских международных нефтяных компаний. В 1992 г. члены Евросоюза разрушили внутренние экономические барьеры до такой степени, что государствам стало трудно проводить самостоятельную политику в отношении денег, цен и занятости. Все это признаки того, что государствам, как мы их знаем, может прийти конец, что они вскоре могут утратить свою немислимую гегемонию.

Одним из своих язвительных «законов» организационного поведения С. Норткот Паркинсон устанавливает, что «задуманные планы замечательно исполняются институтами, находящимися на грани коллапса» (Parkinson, 1957: 60). Так строительство знаменитых собора св. Петра и Ватиканского дворца было завершено в XVI—XVII вв., после того как папы в основном утратили свою земную

власть. Созданный во имя мира Дворец Лиги Наций завершен в 1937 г., как раз во время, когда подготавливается Вторая мировая войны. Или вспомним проектирование колониального Нью-Дели, где «каждая фаза отступления британцев точно совпадала с новой победой в осуществлении этого проекта» (Parkinson, 1957: 68). Возможно, такой же принцип можно выявить и в нашем случае. Вероятно, государства следуют той древней закономерности, согласно которой институт разрушается как раз тогда, когда завершается его становление. Государства, однако, остаются доминирующей формой, так что каждый, кто представляет себе мир без государств, — бессмысленный мечтатель.

Государства собираются в *системы* столь широкого охвата, что они взаимодействуют, и они взаимодействуют так активно, что влияют на судьбы друг друга. Поскольку государства всегда возникают в результате борьбы за контроль над территорией или населением, то и появляются они не поодиночке, и обычно группируются в системы. Система государств, которая теперь преобладает почти повсюду, сформировалась в Европе после 990 г. н.э., а пять столетий спустя распространилась далеко за ее пределы. Постепенно она поглотила, заслонила или уничтожила всех своих соперников, включая те системы государств, которые тогда имели центрами Китай, Индию, Персию и Турцию. Однако в начале второго тысячелетия Европа не существовала как нечто органическое; она состояла из территории к северу от Средиземного моря, которую раньше занимала Римская империя, и огромного северо-восточного фронта, так никогда и не покоренного Римом, который, впрочем, был освоен христианскими миссионерами, оставленными на память распадавшейся империей. В то же время значительную часть южной Европы контролировали мусульмане.

Европейский континент, как мы его знаем теперь, уже и тогда имел базу для объединения. Почти всю его территорию объединяла неорганизованная сеть торговых городов, и она обеспечивала связи с процветающими системами производства и коммерции от Средиземноморья до Восточной Азии. Население Европы составляли в основном крестьяне, а не охотники, скотоводы или горожане-торговцы. Даже в таких районах городской концентрации, как Северная Италия, у власти находились главным образом крупные землевладельцы, а сельское хозяйство было преобладающим видом экономической деятельности. Возможно европейское население (сравнительно с другими мировыми ареалами, кроме Китая), было более однородным, гомогенным в культурном отношении, благо-

даря религии, языку и другим видам наследия римской оккупации. В том регионе, который был в свое время под властью Рима, обнаруживаются (среди обломков суверенитета) также следы римского права и политической организации.

Эти особенности затем окажут значительное влияние на историю Европы. Возьмем произвольно дату 990 г. н.э. За тысячу лет до того Европа на мировой арене не была определившимся, единым и независимым актором, поэтому наши попытки описать последующие трансформации Европы в терминах ее отдельных этносов или социальных структур будут попытками проецировать позднейшие достижения на то время, когда они еще не возникли. Больше того, в указанное время еще даже не сформировались такие страны, как Германия, Россия или Испания, как нечто целое. Они оформятся в следующие века в результате процессов, которые мы постараемся здесь проследить. Так что соответствующие ссылки на отчетливые и устойчивые характеристики «Германии» или «России» были бы неверным представлением бурной, обусловленной обстоятельствами истории европейских государств.

Длительная гегемония Европы, возникновение национальных государств и рост национальных армий представляются столь естественными событиями, что ученые редко задаются вопросом, почему в Европе не победили другие альтернативные варианты, например, региональные империи Азии, Африки и обеих Америк, процветавшие там долгое время после 990 г. Конечно, отчасти ответом на вопрос может быть диалектика развития городов и государств в течение нескольких столетий после 990 г. Со временем густая и неравномерная сеть городов совпала с делением на многочисленные хорошо оформленные и более или менее независимые государства, что выделило Европу из всех других районов мира. За меняющейся географией городов и государств стояла динамика капитала (предпочтительной сферой действия которого были города) и принуждения (которое выкристаллизовывалось в государствах). Так что всякий, кто заинтересуется взаимодействием городов и государств, быстро перейдет к исследованию капитала и принуждения.

В каждый отдельный момент истории Европы мы отмечаем удивительное разнообразие форм сочетания принуждения и капитала. Империи, города-государства, союзы городов, сети землевладельцев, церкви, религиозные ордена, союзы пиратов, военизированные банды и многие другие формы правления утверждались в разных частях Европы за последние тысячу лет. Большинство из них были государствами того или иного рода: они были организация-

ми, контролировавшими главные концентрированные средства принуждения в границах определенной территории, и в определенных отношениях главенствовали здесь над всеми другими организациями. И лишь позднее и постепенно преобладающей формой стало национальное государство. Отсюда вопрос: *чем объясняется большое разнообразие видов политических образований (во времени и пространстве) в Европе после 990 г. н.э. и почему европейские государства со временем трансформировались в разные формы национальных государств?* Почему направление перемен было одним, а пути — разными? В этой книге мы попытаемся хотя бы прояснить этот вопрос, если не окончательно его разрешить.

ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

Имеющиеся на сегодняшний день решения этого важного вопроса не могут удовлетворить сколько-нибудь серьезного исследователя европейской истории. Причем предлагаемые ответы различаются в первую очередь по их отношению к двум проблемам. Во-первых, в какой степени и насколько сильно формирование государства зависит от определенной формы экономических изменений? Здесь возможен разброс вариантов от прямой экономической предопределенности до полной автономии политики. Во-вторых, насколько сильно влияют на путь его преобразования внешние (относительно определенного государства) факторы? Конкретные решения этих вопросов варьируются от преобразований, зависящих от сугубо внутренних факторов, до таких, где наибольшее значение имели внешние обстоятельства. Не случайно совершенно так же варьируются теории войн и внешних связей: от экономического детерминизма до политического детерминизма, от внутренних факторов до внешних (международных).

И хотя мало кто из исследователей стоит на крайних позициях — выводя, например, происхождение и развитие государства исключительно из экономики — различия в предлагаемых подходах к решению этих вопросов огромны. На *рис. 1.1* схематично представлены ответы на два поставленных вопроса.

Этатистские исследования

Так, этатистская модель войны, международных отношений и образования государства рассматривает политические изменения как отчасти независимые от экономических изменений и представля-

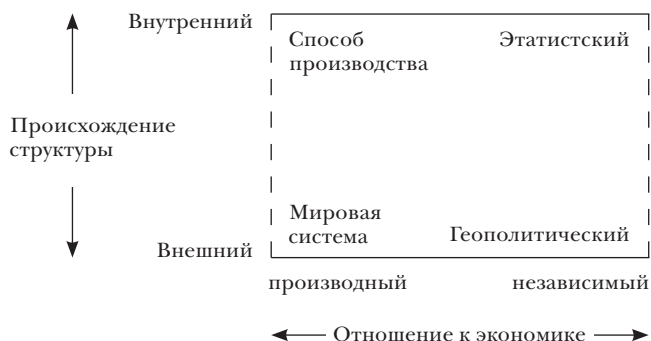

Рис. 1. 1. Концепции формирования государства

ет развитие в основном как серию событий, происходящих внутри данного государства. Многие исследователи международных отношений часто прибегали к этатистскому подходу, полагая, что отдельные государства исходят из своих, присущих им, интересов, что международная система анархична и что взаимодействия государств сводятся в конечном счете к нанесению и отражению ударов акторами, действующими в собственных интересах. В наши дни самые популярные теории классического типа принято называть теориями «структурного реализма» (structural realist) или «рационального выбора» (rational choice); такие теории рассматривают действия гегемонистской биполярной или многополярной международной системы, но в своем анализе поведения государства исходят из интересов и ориентации отдельных государств (например, Bueno de Mesquita, 1988; Gilpin, 1988; Waltz, 1988; развернутый обзор и критика в Holsti, 1985; Jervis, 1988a).

Этатистское описание трансформации государств, несомненно, самое популярное среди историков, социологов и тех, кто занят сравнительной политологией. Эти исследователи восприняли теперь уже дискредитировавшую себя теорию политического развития, в рамках которой ученые искали те глубинные причины, которые порождали сильное, стабильное и эффективное государство, причем считалось, что существует только один набор таких причин. Как когда же исследование не ограничивалось историей отдельных государств, устанавливался некий магистральный путь развития европейских государств и определялись отклонения от него. Эти отклонения представлялись проявлением неэффективности, слабости, неудачи, геополитических особенностей или связывались

с определенным временем экономических преобразований и сопутствующих им обстоятельств. В этой традиции выделялись удачные примеры (Франция или Британия) и множество полностью или частично неудачных (Румыния или Португалия). Бертран Бадие и Пьер Бирнбаум, например, считают Францию наиболее полно реализовавшейся моделью европейского государства: «Пруссия, Испания и Италия пошли разными, хотя и родственными путями, но процесс дифференциации и институализации нигде не зашел так далеко, как во Франции». Великобританию они считают «примером недоогосударствления» (Badie, Birnbaum, 1979: 191, 217).

Самуэль Хантингтон был великодушнее. Рассматривая вместе Европу и США, он различает три модели модернизации правительственных институтов: континентальная рационализация верховной власти и дифференциация структур в рамках единого суверенного образования под одной короной, британская централизация власти в представительном собрании и американский тип дробления суверенитета (Huntington, 1968: 94–98). Позднее, однако, Хантингтон отказывается от противопоставления Британии Континенту и больше занимается сопоставлением европейского и американского опыта. В обоих случаях, однако, Хантингтон указывает на влияние войны на изменения в государственных структурах, считая, впрочем, что война производила один и тот же эффект по всей Европе. Этот анализ, подчеркивая внутренние причины изменений, мало внимания уделяет экономическим детерминантам.

Второй вариант этатистского анализа располагается ближе к центру нашей диаграммы. В этом случае государства рассматриваются в международном контексте, но все-таки как действующие более или менее индивидуально; в разрешении же вопроса о различных путях образования государства исследователи данного направления исходят из социокультурных различий разных частей Европы — протестанты или католики, славяне или германцы, закрепощенные или свободные, крестьяне или пастушеские племена — и возводят различия к попыткам правителей достичь схожих целей в совершенно различных средах. Так, ученые не раз заявляли, что особенности развития государств в юго-восточной Европе (в отличие от России на востоке и капиталистических государств на западе) предопределялись местными славянскими, мадьярскими и романскими крестьянскими традициями (Berend, 1988; Hitchins, 1988; Roksandic, 1988).

Пол Кеннеди в своей популярной книге предлагает усложненный вариант этатистской аргументации с привлечением значительного

количества экономической аргументации. Его «Подъем и падение великих держав» (*Rise and Fall of the Great Powers*) похожа на «Подъем и падение наций» (*Rise and Decline of Nations*) Манкура Олсона (которую он даже не цитирует), причем не только названием: в обеих книгах утверждается, что самый процесс экономической и политической экспансии приводит к таким последствиям, которые затем замедляют этот вызвавший их процесс. Впрочем, Олсон больше занят современностью: он стремится построить общую модель и выделяет объединения — картели, тред-юнионы и другие, — которые формируются внутри государства и пользуются преимуществами и пользуются преимуществами развития. Кеннеди же, напротив, рассматривает главным образом положение государства на международной арене и широко обрисовывает их исторический путь.

Из-за неравномерности экономического развития, по Кеннеди, ведущие государства то приобретают, то теряют преимущества сравнительно с другими государствами, причем обычно они стремятся поддержать эти преимущества военной силой. Государствам, которые выигрывают в этом соревновании, приходится тратить все больше ресурсов на армию и флот. «Если же слишком большую часть ресурсов государства приходится направлять не на рост благосостояния, а на военные цели, то, скорее всего, это приведет в дальней перспективе к ослаблению этого государства» (Kennedy, 1987: xvi). Другие государства в это время собирают все больше материальных ценностей, реинвестируя их в производство новых материальных ценностей, пользуясь тем, что у них меньше обязательств по финансированию военной силы. И хотя предварительно Кеннеди заявляет, что упадок и полное падение суть лишь возможность, но все приводимые им примеры — раннеимператорский Китай, империя Великих Моголов, Османская империя, Габсбурги, Великобритания и Соединенные Штаты — указывают на то, что упадок неизбежен. В поддержку своей точки зрения Кеннеди приводит соответствующую хронологию с 1519 г.: Габсбурги начинают борьбу за власть (1519–1659), борьба великих держав, когда ни одна не стала ведущей (1660–1815), период неопределенной гегемонии Британии (1815–1885), следующий период напряженного равновесия (1885–1918), подъем Соединенных Штатов и временное превосходство (1918–1943), биполярная система СССР–США (1943–1980) и следующий период нарастающей борьбы (1980–?). И если анализ Кеннеди лишь неопределенно указывает на различные источники государственной организации, то подчеркиваемое им взаимодействие войны, экономики и международного положения указывает

на те факторы, которыми не может пренебречь ни одно исследование данного вопроса.

Еще большее значение различным формам и масштабам войны в трансформации европейской системы государств приписывает Уильям МакНил в своей книге «В борьбе за власть». В описании МакНила *tour de force* предстает в разных формах войны в мире в целом с 1000 г. н.э., особенно автор подчеркивает технологические аспекты военного дела. Он подробно описывает последствия изобретения пороха, осадной артиллерии, антиосадных фортификаций и других великих технических изобретений не только в военном деле, но и в государственных финансах, введение дисциплины и точности в гражданскую сферу и многое другое. Я, впрочем, считаю, что МакНил недооценивает важность таких организационных нововведений, как коммодификация военной службы, а также влияние изменений в ведении морской войны, но в целом его работа полна озарений относительно воздействия войн на общественную жизнь и государственную структуру. Впрочем, он не делает попытки проанализировать систематически, как военная организация соотносится с разными типами государственных образований.

МакНил в своей работе исчерпывает возможности этатистского и геополитического анализа (формирования государства). В этом изложении, центральное место отводится войне, а положение (государства) внутри международной системы в первую очередь определяет организационную историю государства. По большей части работы с этатистским подходом к рассматриваемому вопросу отвечают традиционному употреблению данного термина, поскольку считают трансформацию французского, оттоманского или шведского государств результатом событий и процессов, протекавших в их собственных границах.

Подобное этатистское описание формирования государства — будь оно аналитически углубленным или развернутым — доставляет в избытке сырой материал, который послужил мне для обоснования предлагаемой здесь теории. Но сам по себе этот материал не дает сколько-нибудь определенного ответа на главный вопрос настоящей книги: почему европейские государства, идя столь разными путями, в конечном счете пришли к национальному государству. Привлекаемый нами материал состоит из описаний особенностей (*particularisms*) и направленности развития (*teleologies*) и проясняет, почему «современная» форма отдельно взятого государства сложилась на основе особенностей некоторого народа-нации и экономики. Причем вне зоны внимания оставлены сотни государств,

некогда процветавших, а затем исчезнувших — Моравия, Богемия, Бургундия, Арагон, Милан, Саввой и многие другие. Чтобы найти системное объяснение, мы должны выйти из круга этатистской литературы.

Геополитический подход

Большинство исследователей формирования государства придерживались этатистской перспективы и возводили преобразования определенного государства к неэкономическим событиям на его территории. Однако влиятельными оказались и три других исследовательских направления. Так, *геополитический* анализ формирования государства придает большое значение международной системе как фактору оформления внутри нее того или иного государства. Геополитическая аргументация обыкновенно исходит из того, что межгосударственные отношения имеют свою логику и государства при этом оказывают друг на друга влияние, так что формирование государства в значительной степени определяется межгосударственными отношениями. В рамках такого подхода Джеймс Розенау выделяет четыре типа политической адаптации: уступчивая (*asquiescent*) адаптация; неуступчивая (*intransigent*) адаптация; содействующая (*promotive*) и консервирующая (*preservative*) адаптации. Уступчивое государство, например, может стремиться к тому, чтобы его «международное окружение не противоречило его сложившемуся состоянию». В то же время приспособляющееся (*promotive*) государство «стремится привести в соответствие запросы своей существующей структуры и имеющегося окружения» (Rosenau, 1970: 4). По Розенау, каждая модель предопределяет своим действием определенный характер исполнительной власти, партийной системы, роль законодательной власти, вооруженных сил и многое другое (Rosenau 1970: 6–8). Также в рамках того, что Уильям Томпсон называет взглядом на войну и международные отношения в перспективе «глобального общества», — политика считается в значительной степени автономной, а отдельные государства рассматриваются как сильно зависящие от структуры отношений между государствами. Такой подход можно считать вариантом геополитического. Неудивительно, что очень близки между собой геополитические модели формирования государства, войны и международных отношений (Thompson, 1988: 22–27; см. также Waltz, 1979). Этот круг работ, как мне представляется, вносит важные коррективы в интернализм этатистского анализа, но указывает неверное на-

правление для поиска механизмов связи определенных форм государств с особенностями их положения в международной системе.

Исследования по способу производства

Исследования, в основание которых положено описание способа производства, подробно рассматривают логику феодализма, капитализма или иных форм производства и выводят создание государства и его развитие практически исключительно из этой логики, как она действует на территории рассматриваемого государства (Brenner, 1976; Corrigan, 1980). «Нам представляется что происхождение государства, — заявляют в своем программном утверждении Гордон Кларк и Майкл Диэр, — обусловлено как экономическими, так и политическими императивами капиталистического товарного производства. Государство, в конечном счете, занимается созданием и распределением прибавочной стоимости, стремясь удерживать свою собственную власть и принадлежащие ему материальные ценности». (Clark, Dear, 1984: 4).

При таком подходе исследователь считает, что структура государства определяется главным образом интересами капиталистов, действующих в рамках государственных структур этого же государства. Так же и марксисты, и марксистствующие (*marxisant*) рассматривают войну и международные отношения в свете той или иной теории империализма как проекцию национальных экономических интересов в сферу международных отношений, и этого рода исследования должны быть представлены на нашей схеме как исследования по способу производства.

Вот какую формулу предлагает Перри Андерсон в одном из самых полных и убедительных марксистских исследований: «В начале Нового времени для Запада характерен аристократический абсолютизм, возведенный на социальной основе незакрепощенного крестьянства и растущих городов, для Востока — аристократический абсолютизм на основе закрепощенного крестьянства и подчиненных городов. Шведский же абсолютизм, напротив, был построен на уникальном основании, поскольку... здесь соединились свободное крестьянство и не имевшие особого значения (*nugatory*) города; другими словами здесь соединились «противоположные» переменные, по признаку наличия каковых делился Континент в целом» (Anderson, 1974: 179–180).

Также *отсутствие* развитого абсолютизма в Италии Перри Андерсон приписывает особенностям отношений городской ари-

стократии к окружающим вассальным территориям, где они были одновременно и правителями и хищными эксплуататорами-землевладельцами. Картина еще больше усложняется заявлением автора о том, что именно «международное давление западного абсолютизма, политического аппарата более сильной феодальной аристократии, стоявшей во главе более продвинутых обществ, заставило аристократию на Востоке принять ради выживания столь же централизованное государственное устройство» (Anderson, 1974: 198). Таким образом, по обе стороны Эльбы полномасштабное абсолютистское государство использовало государственную власть для укрепления положения крупных феодалов-землевладельцев, но военная угроза по-разному воздействовала на это положение землевладельцев на Востоке и на Западе. Андерсон рассматривает преимущественно сильнейшие наиболее централизованные государства XVI – XVIII вв. Однако его общий подход к исследуемым проблемам можно распространить и на всю Европу в рассматриваемые тысячу лет. Впрочем, работам Андерсона сильно недостает связного описания процесса формирования европейских государств. Так что, хотя исследования по способу производства в целом много дают для понимания борьбы за контроль в государстве, но они лишь слегка затрагивают вопрос о различии форм и видов деятельности различных государств, имеющих сходный способ производства.

Миросистемные исследования

Миросистемные исследования формирования государств объясняют различные пути формирования государств особенностями мировой экономики. Такие теоретики-неомарксисты, как Иммануил Валлерстайн и Андре Гюндер Франк, распространяют классическое марксистское противопоставление труда и капитала на мир в целом. По этому признаку их исследования надо поместить на схеме среди миросистемных — поскольку они объясняют отношения между государствами экономической структурой, но структуру отдельных государств выводят из их положения в мировой экономике (см. Taylor, 1981). Грандиозное описание европейской истории Валлерстайном с 1500 г. (Wallerstein, 1974–88) в целом сориентировано относительно движения исторической спирали к формированию государств: способ производства в определенном регионе приводит к формированию некоторой классовой структуры, эманацией которой становится определенный тип государства. Характер этого государства, а также отношения производителей и торговцев данного

региона к мировой экономике в целом определяют положение данного региона в мировой экономике: центральное, периферийное или полупериферийное. Это положение в свою очередь оказывает значительное влияние на устройство государства. В рамках такого перспективного анализа государство предстает в основном как инструмент национального правящего класса, инструмент, который служит интересам этого класса и в мировой экономике. Впрочем, миросистемные исследования так и не смогли разработать сколько-нибудь стройную теорию относительно того, как именно реальные организационные структуры государств связаны с положением этих государств в мировой системе. Валлерстайн, например, описывая голландскую гегемонию (том II, глава 2) в XVII в. не дает никакого объяснения структуры голландского государства — тем более того, почему голландцы процветали в своем отнюдь не мощном, легчайшем государстве, в то время как их соседи создавали внушительные гражданские структуры и регулярные армии.

Ни одно из четырех рассмотренных нами направлений исследований, ни тем более их комбинации не дают удовлетворительных ответов на неразрешенные вопросы формирования европейских государств. Большинство предлагаемых ответов несостоятельны потому, что игнорируют тот факт, что на разных этапах европейской истории жизнеспособными оказывались самые разные типы государств, потому что они ищут решения вариативности форм государств в индивидуальных характеристиках этих государств, а не в их отношениях друг с другом, а также потому, что они имплицитно полагают, что все государства стремились превратиться в те громадные централизованные государства, которые в основном преобладали в Европе в XIX—XX вв. из рассмотренных здесь подходов более перспективными представляются геополитические и миросистемные исследования, но и они не сумели до сих пор дать убедительное описание тех реальных механизмов, которые связывают мировую систему с устройством и практикой конкретных государств. Тем более они не смогли объяснить, как война и приготовления к войне влияют на весь процесс формирования государства, более внятно это демонстрирует этатистский анализ.

В книге *Формирование национальных государств в Западной Европе*, опубликованной в 1975 г., мои коллеги и я попытались исправить эти недостатки существующей научной литературы. В серии статей, делая упор на экстрактивный и репрессивный аспекты формирования государств, мы затронули вопросы войны, поддержания порядка (внутри государства), налогообложения, контроля над постав-

ками продовольствия и некоторые другие родственные процессы, но не занимались анализом типов политического развития рассматриваемого времени. Правильнее поступили наши критики, продемонстрировав (ретроспективно) недостатки построения однолинейных моделей политического развития вместо того, чтобы предложить некое альтернативное описание процесса формирования европейских государств. На деле мы в своих работах вместо старой однолинейной модели предложили новую: от войны к изъятию), репрессиям и формированию государства. Мы продолжали более или менее неосознанно полагать, что европейские государства шли одним главным путем, который был обозначен Британией, Францией и Бранденбург-Пруссией, и что другие пути развития были всего лишь ослабленными или провальными вариантами того же процесса. Это было неправильно. Теперь в нашей новой книге мы постараемся исправить прошлые ошибки.

К счастью, у нас перед глазами удачные примеры. Три крупных исследователя — Баррингтон Мур, Штейн Роккан и Льюис Мамфорд — избежали присущих большинству теоретических работ ошибок, хотя эти авторы не сумели последовательно описать варианты формирования европейских государств. В своей книге *Социальные истоки диктатуры и демократии* Баррингтон Мур стремился разъяснить (как это видно и по названию книги), почему в XX в. некоторые государства сохраняют более или менее жизнеспособную представительную систему, в то время как другие выбирают ту или иную форму авторитарного правления. Автор масштабно и детально описал отдельные страны, но когда дело дошло до различий в национальном развитии, Мур выбрал за точку отсчета правительственные формы 1940-х гг., а «социальными истоками» посчитал классовые союзы, преобладавшие на момент, когда началась широкая коммерциализация сельского хозяйства рассматриваемых стран. Следовательно, по Муру, если землевладельцы, эксплуатирующие чужой труд, выживали при переходе к интенсивному товарному фермерству, то выживало и авторитарное правительство, иногда оно могло продержаться даже до наших дней. Если же преобладал класс буржуазии, то правление было демократическим.

При несомненных достоинствах исследование Мура оставляло некоторые проблемы нерешенными. Автор занят в основном формами правления в определенный исторический момент и не анализирует разные формы правления у одних и тех же народов до и после этого отмеченного момента. Исследование намеренно не останавливается на малых, зависимых и исчезнувших государствах.

Также не описаны действительные механизмы, при помощи которых некая форма классового господства становилась специфической формой правления. Впрочем, у Мура заострены те проблемы, которые будут занимать и нас в настоящей книге. Мур указал, что решение можно найти, если принять во внимание развитие и вариативность тех классовых союзов, которые занимали господствующее положение в различных регионах Европы.

Еще в начале своей карьеры Штейн Роккан занялся вариативностью политических систем Европы, а также предрасположенностью сопредельных государств к созданию сходных политических устройств. Со временем он разработал карту-схему вариантов европейских государств, на которой по оси север—юг отражалось разного рода влияние католической и православной церквей, а по оси восток—запад проходило деление на приморские периферии, морские нации-империи, пояс городов-государств, континентальные нации-империи и континентальные буферные зоны. Кроме того, Роккан выделяет и более тонкие варианты по этим двум измерениям.

Роккан умер, так и не закончив работы над своей концептуальной картой. Но и в том виде, в каком она осталась, эта схема привлекала внимание к факту вариативности форм европейских государств по географическому признаку; выделяла особенности формирования государств в урбанизированной центральной Европе и намекала, как велико было значение долгосрочных изменений в отношениях правителей, соседствующих держав, господствующих классов и религиозных институтов. Однако оставалось неясным представление о действительных социальных процессах, соединяющих эти изменения с различиями в государственном развитии. И нам трудно представить себе, как бы мог продвинуться Роккан дальше, если бы он не отложил свои карты и не сосредоточился на анализе механизмов формирования государств.

Менее очевиден вклад Льюиса Мамфорда. Неявно он создал теорию урбанизма «порога-и-равновесия» (*threshold-and-balance theory of urbanism*). По Мамфорду, две великие силы вызывали рост городов: концентрация политической власти и расширение средств производства. Ниже порогового уровня власти и производства находились только деревни и банды. Характер городов, находившихся выше этого порога, зависел от уровня власти и производства (как относительного, так и абсолютного). Сравнительно невысокий и сбалансированный уровень власти и производства делал когерентными классический полис и средневековый город. От

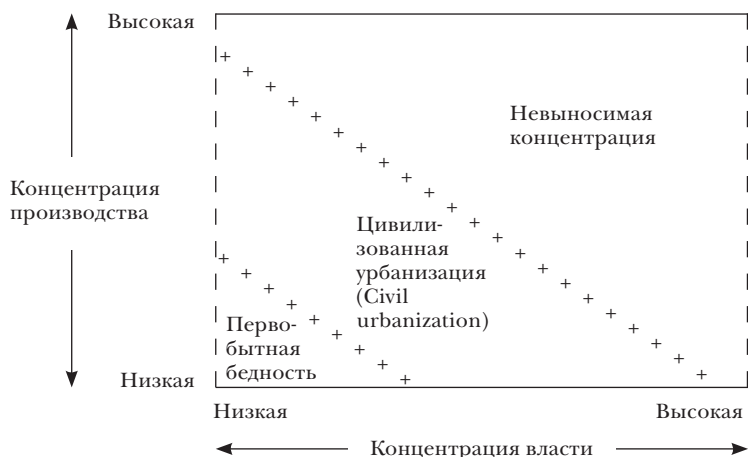

Рис. 1.2. Урбанизация по Льюису Мамфорду

чрезмерного роста политической власти происходил барочный город. Гипертрофированность производства породила индустриальные коктауны XIX в., а громадная концентрация по обоим параметрам — непомерных размеров города сегодняшнего дня. На рис. 1.2 этот процесс представлен в виде диаграмм.

Мамфорд указывает на сходные результаты в национальном масштабе. «Не приходится сомневаться, — пишет он, — что, по крайней мере, в наиболее промышленно развитых странах сейчас комплекс крупномасштабного механизированного производства (мегатехнический комплекс) находится на вершине своей власти и авторитета или быстро к нему приближается. В измеримых физических величинах — единицах энергии, количестве произведенных товаров, нанесенном ущербе, способности к массовому принуждению и массовому разрушению — данная система практически исчерпала свои (теоретически допустимые) размеры и возможности; так что, если не подходить к этой ситуации с иными, более гуманными мерками, то ее надо признать безусловным и окончательным успехом» (Mumford, 1970: 346). Рекомендации Мамфорда непосредственно вытекают из его анализа; сократите и производство, и объем политической власти, и явится более гуманный город.

Поскольку Мамфорд никогда так и не изложил все свои аргументы целиком, то мы и не находим у него выводов, объясняющих процесс формирования государств. По большей части он рассматривает формы правления как результат определенной стадии развития

техники и технологий, в особенности военных. Между тем, следуя логике его анализа, различные траектории формирования государства надо выводить из преобладающей формы комбинации производства и власти.

В этой книге мы постараемся продолжить рассмотрение поставленной проблемы, начиная с того места, где Мур, Роккан и Мамфорд свой анализ останавливают. Это момент признания решительно различающихся путей развития, избранных государствами в разных частях Европы в сменявшие друг друга эпохи, а также осознания того факта, что классовые союзы отдельного региона в определенный исторический момент сильно ограничивали возможности действий будущего или настоящего правителя. Специальное внимание будет уделено гипотезе, что регионы раннего господства городов при активной деятельности капиталистов порождали совершенно иные государства, чем те регионы, где господствующее положение занимали крупные землевладельцы и их поместья. Мы расширим наш анализ (сравнительно с Муром, Рокканом и Мамфордом) в двух направлениях: во-первых, для нашего подхода важнейшим является вопрос об организации принуждения (coercion) и подготовки к войне. Причем в крайних случаях мы даже рассматриваем государственную структуру, главным образом, как побочный продукт деятельности правителя по приобретению средств ведения войны. Во-вторых, мы настаиваем, что отношения между государствами, в особенности во время военных действий или подготовки к ним оказывали сильнейшее влияние на весь процесс формирования государства. Таким образом, я предлагаю в этой книге истории формирования государств, отличные от бесконечно варьирующихся комбинаций концентрации капитала, концентрации принуждения, подготовки к войне и положения в системе государств.

Центральное для настоящей работы положение не столько синтезирует, сколько повторяет анализы Мура, Роккана и Мамфорда. Это положение даже в его простейшем виде довольно сложно; мы утверждаем, что, исходя из опыта Европы, люди, которые контролировали средства принуждения (армию, флот, полицию, оружие и их эквиваленты), обычно стремились использовать эти средства для увеличения массы населения и ресурсов, находившихся в их власти. Когда у них не было соперника с таким же уровнем контроля над средствами принуждения, они просто производили захваты; когда они наталкивались на сопротивление — вели войну.

Некоторым захватчикам удавалось осуществлять стабильный контроль над населением на значительных территориях и иметь

постоянный доступ к части товаров и услуг, производимых там, тогда они становились правителями.

Эффективность всякой формы правления ограничивалась ее окружением (*environment*). Попытки освободиться от таких ограничений приводили к поражению или частичной потере контроля, так что по большей части правители соглашались на некую комбинацию из захвата, защиты от могущественных соперников и сосуществования и кооперации с соседями.

В конкретном районе сильные правители для всех устанавливают условия войны; перед слабыми правителями открываются две возможности: или приспособливаться к требованиям могущественных соседей, или прилагать невероятные усилия, готовясь к войне.

Ведение войны и подготовка к ней вынуждают правителей заняться изъятием средств для войны у тех, кто владел основными ресурсами — людьми, оружием, запасами продовольствия *supplies* или деньгами, чтобы все это купить — у тех, кто вовсе не склонен был отдавать эти средства без сильного на них давления или компенсации.

В пределах выгод и трудностей, которые возникали на поле межгосударственного соперничества, именно процессы изъятия ресурсов и борьбы по поводу средств ведения войн сформировали основные структуры государственности.

На территории определенного государства сильнейшее влияние на стратегию правителей в деле добывания ресурсов оказывали организации основных общественных классов и их отношения с государством. Это влияние принимало формы сопротивления, борьбы, разного рода устойчивых организаций, учреждаемых для эффективного изъятия и борьбы, что в конечном счете определяло эффективность изъятия ресурсов.

Организация основных общественных классов и их отношения с государством в Европе сильно варьировались. Варианты располагаются в спектре от регионов с интенсивным принуждением (ареалы с небольшим количеством городов и преобладанием сельского хозяйства, где значительную роль в производстве играло прямое принуждение) до регионов с интенсивным капиталом (*capital-intensive*) (ареалы со множеством городов и ведущей ролью коммерции, где основную роль играли рынки, обмен и ориентированное на рынок производство). Соответственно варьировались и требования основных классов к государству, а также их влияние на государство.

Вот почему значительно варьировались по регионам (от регионов с интенсивным принуждением до регионов с интенсивным капиталом) и относительный успех различных стратегий изъятия, и реально употребляемые при этом правителями приемы.

В результате организационные формы государств развивались по совершенно различным траекториям в разных частях Европы.

Так что определенное время в Европе цариле большое разнообразие государственно-подобных образований. И только к концу первого тысячелетия национальные государства начали определенно побеждать города-государства, империи и другие общие для Европы формы государств.

Тем не менее разрастание войн и собирание европейских государств в систему посредством коммерческого, военного и дипломатического взаимодействия постепенно обеспечили военные преимущества тем государствам, которые могли выставить регулярные армии; победили государства, где (в каком-то виде) сочетались следующие факторы: значительное сельское население, капиталисты и сравнительно прибыльная экономика. Эти государства определяли условия войны, и их форма стала преобладающей в Европе. Постепенно европейские государства стали трансформироваться в одном направлении: в направлении национального государства.

Некоторые из упомянутых обобщений (например, тенденция к созданию государственных структур под влиянием войны) можно распространить на мировую историю в целом. Другие (как резкое отличие регионов с интенсивным принуждением от регионов с интенсивным капиталом) выделяют Европу среди других регионов мира. В изложении истории мы будем в дальнейшем стараться, не упуская особенностей, стремиться к возможно большему обобщению. Я постараюсь приводить достаточно конкретных примеров, чтобы предлагаемые принципы были не только понятны, но и достоверны, впрочем, постараюсь также не утопить их в деталях.

Однако если мы разъясним различность путей формирования европейских государств, мы лучше будем понимать и современные неевропейские государства. Не то чтобы государства Африки и Латинской Америки воспроизводили теперь опыт Европы. Напротив, тот факт, что европейские государства, определенным образом сформировавшиеся, затем навязали свою власть остальному миру, гарантирует, что опыт неевропейских государств будет иным. Но если мы выделим устойчивые характеристики системы, ранее построенной европейцами, а также определим принципы вари-

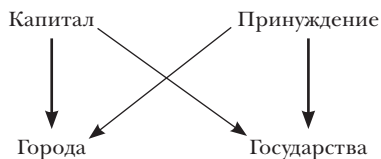
тивности внутри этой европейской системы, то нам будет легче выявить специфику современных государств, мы сможем определить исторически обусловленные ограничения, при которых они сейчас функционируют, а также установить, какие из характерных черт государств сохраняются до настоящего времени. Именно ради этой цели, последняя глава настоящей книги посвящена не анализу европейского опыта, а исследованию военной силы в современном третьем мире.

Так что же случилось в истории? В течение нескольких первых столетий европейские государства множились на том пространстве, которое им оставляли окружавшие Средиземное море мусульманские страны и захватчики-кочевники, штурмовавшие Запад, налетая из евразийских степей. Захватывая территории, мусульмане, монголы и другие пришлые народы обыкновенно устанавливали военный режим и данническую систему, приносящую значительные доходы. При этом они, однако, не вмешивались сколько-нибудь решительно в местное социальное устройство. На занимаемом ими пространстве европейцы вели сельское хозяйство, производили мануфактуру и торговали, но больше всего воевали друг с другом. Почти что невольно они таким образом создавали национальные государства. В этой книге мы расскажем, как и почему.

ЛОГИКА КАПИТАЛА И ПРИНУЖДЕНИЯ

Теперь поведем разговор о капитале и принуждении. Рассмотрим как те, кто может употребить принуждение, игравшее важную роль в создании национальных государств, привлекали, преследуя собственные цели, обладателей капитала, деятельность которых создавала города. Конечно, капитал и принуждение взаимодействовали; и *рис. 1.3* представляет данное положение в общем виде

Хотя государства являются в значительной степени отражением того, как организовано принуждение, но они также обнаруживают и действие капитала; мы постараемся показать в дальнейшем, как принуждение и капитал в разных комбинациях производили раз-

Рис. 1.3. Как капитал и принуждение создавали города и государства

ные типы государств. И снова подчеркнем, что для городов было особенно важным развитие капитала, хотя и организация принуждения также оказывала влияние на характер городов; барочный город Льюиса Мамфорда жил, как и его собратья, на капитал, но здесь ярче проявлялась княжеская власть — во дворцах, на площадках для парадов и в казармах. Со временем капитал стал все сильнее определять форму государства, одновременно с ростом значения также и принуждения (в форме поддержания внутреннего порядка и государственной интервенции).

Капитал—города—эксплуатация

Прежде чем перейти к анализу этих сложных отношений, рассмотрим отдельно взаимоотношения капитал—города и принуждение—государства. Мы здесь рассматриваем капитал в самом общем виде, включая в это понятие любые материальные движимые средства или подкрепленные возможностями притязания на эти средства. В таком случае капиталистами следует считать тех, кто специализируется на накоплении, покупке и продаже капитала. Они принадлежат сфере эксплуатации, где отношения производства и обмена приносят доход, в дальнейшем присваиваемый капиталистами. Часто капиталисты существуют даже в отсутствие капитализма, то есть системы, где наемные рабочие производят товары, используя средства, которыми владеют капиталисты. На протяжении большей части истории капиталистами были скорее купцы, предприниматели и финансисты, а не собственно организаторы производства. Капитализм как система появился на поздних этапах развития капитала. Он вырос в Европе после 1500 г., когда контролировать производство стали капиталисты. Развитие капитализма достигает высшей точки — или, в зависимости от позиции исследователя, низшей — после 1750 г., поскольку в это время производство на основе концентрации капитала становится основой процветания во многих странах. До этого капиталисты тысячами процветали без прямого вмешательства в производство.

Города возникали также в результате процессов накопления и концентрации капитала. В настоящей книге городам уделяется много внимания: города — это не только место обитания капиталистов, они сами по себе являются организационной силой. Поскольку выживание домохозяйств зависит от присутствия капитала (в виде трудовой занятости, инвестиций и перераспределения, а также других крепких связей), то и распределение населения следует за

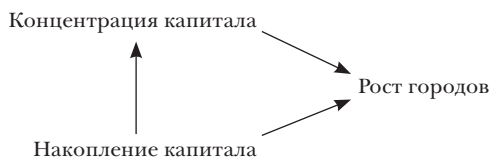

Рис. 1.4. Как капитал порождает города

капиталом. (Капитал, впрочем, иногда следует за дешевой рабочей силой, так что здесь наблюдается взаимозависимость.) Торговля, складирование, банковское дело и производство, тесно связанное с одним из этих видов деятельности, — все они получают прибыль от соседства друг с другом. В границах, определяемых продуктивностью сельского хозяйства, это соседство способствует появлению плотного, дифференцированного населения, имеющего многочисленные внешние связи, — города. Когда капитал накапливается и концентрируется на некоторой территории, по всей этой территории отмечается тенденция к развитию городов: особенно интенсивно в местах наибольшей концентрации и менее интенсивно во всех остальных местах (рис. 1.4). Форма развития городов зависит от соотношения концентрации и накопления. Там, где обычным явлением становится накопление, а концентрация остается относительно низкой появляется множество малых центров. Там, где имеется только концентрация капитала, городское население сосредотачивается вокруг центра.

По существу, города отражают региональную экономику: вокруг каждого города или пучков городов находится сельскохозяйственная или торговая зона (а иногда и промышленная), причем эти зоны тесно взаимодействуют с городами. Там, где одно за другим происходят накопление и концентрация, отмечается тенденция к складыванию иерархии от небольших центров к крупным (рис. 1.5). Эти тенденции всегда были строго ограничены. Городское население обычно зависит от других в том, что касается производства продовольствия и горючего; для транспортировки и хранения продовольствия и горючего необходимы громадные количества энергии. До самого недавнего времени большинство сельскохозяйственных районов мира, в том числе европейские, имели столь низкую производительность, что от земли могло питаться не более десятой части живущего вокруг населения. В городах, которые не соединялись с сельскохозяйственными районами посредством дешевого водного транспорта, устанавливались непомерно высокие цены на продо-

Рис. 1.5. Альтернативные формы развития городов как функции накопления и концентрации капитала

вольствие. Примерами этого могут служить Берлин и Мадрид: и если местные правители целенаправленно **не снабжали эти** города, то они и не росли.

Состояние здоровья населения также имело большое значение. На протяжении почти всего последнего тысячелетия, несмотря на громадный приток здоровых мигрантов трудоспособного возраста, в городах уровень смертности был выше, чем в глубинных районах страны. И только после 1850 г. при совершенствовании городской санитарии и питания населения это соотношение изменилось в пользу обитателей городов. Так что города росли быстро только в условиях, когда сельское хозяйство и транспорт становились сравнительно эффективными или когда под действием какого-нибудь сильного давления людям приходилось уходить с земли (из деревни).

Даже простой рост городов вызывал развитие по спирали всех выявленных факторов. Вокруг городов с их деловой активностью более интенсивно велось сельское хозяйство, и большая часть произведенного представляла собой товарные культуры. Например, в Европе XVI в. высокопродуктивное сельское хозяйство концентрировалось в двух самых урбанизированных регионах: Северной Италии и Фландрии. Рост городов также способствовал организации и совершенствованию водного и наземного транспорта; превосходная система каналов и других, пригодных к навигации водных путей Нидерландов снизила стоимость и повысила скорость

коммуникации между многочисленными городами. Так что сложившаяся система коммуникации была и причиной и результатом урбанизации одновременно (de Vries, 1978). Также и вытеснение населения с земли часто было результатом урбанизации, например, когда жившие в городе землевладельцы вытесняли мелких сельских землевладельцев во внутренних районах или когда запросы города способствовали капитализации сельского хозяйства на прилегающих к городам территориях. Накопление и концентрация капитала способствовали росту городов и одновременно преобразовали регионы вокруг новых групп городов.

Принуждение–государства–господство

Теперь о принуждении. Принуждение – это осознанное обращение (действительное или угроза такового) к действиям, которые обычно причиняют вред или вызывают потери в людях или их имуществе (по отдельности и группами), причем потерпевшие осознают как само направленное против них действие, так и потенциальный ущерб. (Наше громоздкое определение не включает нанесение ущерба по неосторожности, опосредованно или тайно.) И, если капитал определяет сферу эксплуатации и ее границы, то принуждение определяет сферу и границы господства. Средства принуждения состоят в основном из вооруженных сил, но включают также средства заключения в тюрьму, экспроприации, унижения или средства обнародования угроз. В Европе появились две главные группы специалистов по принуждению (отчасти перекрывавшие друг друга): солдаты и лендлорды (крупные землевладельцы). Там, где они сливались и получали от государства поддержку в форме титулов и привилегий, они превращались в аристократию, знать, откуда веками Европа получала, в основном, правителей. Средства принуждения, как капитал, могут накапливаться и концентрироваться: некоторые группы (например, монашеские ордена) имеют незначительные средства принуждения, но эти незначительные средства находятся в руках очень небольшого числа людей. Другие (как, например, вооруженные жители пограничной полосы) имеют много средств принуждения, и многие ими владеют. Средства принуждения и капитал соединяются, когда одни и те же объекты (например, исправительно-трудовые учреждения) служат целям эксплуатации и господства. По большей части, однако, они остаются существенно различными и позволяют нам рассматривать их раздельно.

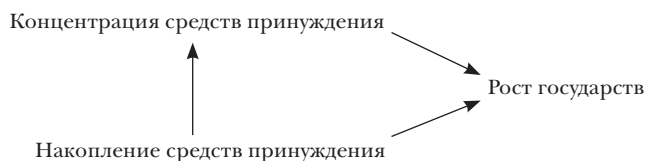

Рис. 1.6. Как принуждение приводит к росту государств

Когда накопление и концентрация средств принуждения происходят одновременно, появляются государства; государства создают разные организации для контроля основных (концентрированных) средств принуждения на территориях с четко обозначенными границами и действуют как имеющие преимущество (в некоторых отношениях) над всеми другими организациями, действующими на тех же территориях (рис. 1.6). Для того чтобы подчинить себе соседей и отразить нападки дальних соперников, создаются не только армии, но и гражданские государственные структуры, в задачу которых входит собирать средства обеспечения армий, а также осуществлять регулярный контроль над остальным гражданским населением

ВОЙНА СПОСОБСТВУЕТ ФОРМИРОВАНИЮ И ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВ

Применение средств принуждения для ведения войны и осуществления контроля внутри государства ставит тех, кто решался обратиться к войне, перед новыми трудностями. Во-первых, в случае успешного подчинения себе соперников на своей территории и за ее границами, употребляющие принуждение оказываются в положении, когда они сами должны управлять вновь приобретенными землями, имуществом и населением. Теперь они оказываются втянутыми в процессы изъятия ресурсов, распределения имущества, услуг и доходов и разрешения споров. Но управление отвлекает от боевых действий, и иногда возникают такие интересы, которые вообще настраивают против войны. Такое положение сложилось в V в., когда мусульманская Испания была завоевана христианами. Начиная с захвата Коимбры в 1064 г., устанавливается следующая практика осады: «Жители осажденного города, если они быстро сдавались, сохраняли и после падения города полную свободу. Если мусульмане сдавались после сколько-нибудь длительной оса-

ды, то они могли покинуть город лишь с тем, что можно унести. Если они сопротивлялись до конца, то их ждали смерть или рабство» (Powers, 1988: 18).

Однако при любом из трех возможных исходов у победителей возникали новые трудности. В первом случае необходимо было, хотя бы временно, установить систему параллельного правления. Во втором случае необходимо было перераспределить собственность, а также организовать управление обезлюдевшим городом. В третьем случае на руках у победителей оставались рабы, так что еще острее стоял вопрос о возрождении производства и восстановлении населения. Во всяком случае, за завоеванием шло управление. В огромных масштабах эти проблемы обременяли Реконкисту на Иберийском полуострове. В различных формах они встречаются во всей истории завоеваний в Европе.

Вторая проблема параллельна первой. Подготовка к войне, тем более в больших масштабах, неизбежно вынуждает правителей прибегать к изъятию. Приходится строить инфраструктуру обложения налогами, поставок и управления, которую надо поддерживать саму по себе и которая часто растет быстрее, чем обслуживаемые ею армия и флот. Те, кто управляет этой инфраструктурой, обретают власть, у них складываются собственные интересы, причем эти власть и интересы существенно ограничивают характер и интенсивность военных действий, каковые могла бы вести та или иная страна. Монгольские и татарские государства Европы разрешали эти трудности набегами и грабежом, не утруждая себя созданием устойчивых администраций. Впрочем, эта стратегия была действительной только ограниченно, и со временем данные государства не устояли перед хорошо финансируемыми громадными армиями. В противоположность монголам и татарам в высшей степени коммерциализированные государства, как Генуя, разрешали эти проблемы, занимая или нанимая структуры, необходимые для извлечения средств ведения войны. Помимо данных двух крайностей европейские государства доставляют нам многочисленные примеры других способов примирения требований ведения войны, извлечения средств на нее и других важных видов деятельности.

Европейские государства сильно различались по их характерной деятельности и организации. Три типа государств преобладали в разных частях Европы после 990 г.: империи, построенные на сборе дани (tribute-taking empires), фрагментарные (парцеллярные) суверенитеты (fragmented sovereignty) как города-государства и федерации городов и национальные государства. Первые созда-

вали громадный военный аппарат и аппарат отчуждения, но местное управление предоставляли по большей части региональным правителям, пользовавшимся значительной автономией. В системах фрагментарных суверенитетов в том, что касалось войны и извлечения средств на ее ведение, важную роль играли временные коалиции и консультативные институты, при этом на национальном уровне редко возникали устойчивые государственные аппараты. Национальные государства объединяли значительные военные, экстрактивные, административные и иногда даже распределительные и производственные организации в относительно скоординированные централизованные структуры. Поскольку все три типа государств сосуществовали долгое время, мы не можем рассматривать процесс формирования европейских государств как единый и (однолинейный) прямолинейный, как не можем считать национальное государство — которое в конце концов возобладало — по сути превосходящей другие формой правления.

Столетиями построенные на сборе дани империи доминировали в истории государств мира. Империи появились, когда аккумулировались сравнительно небольшие, но достаточно доступные средства принуждения. Когда же кто-нибудь, кроме императора, сосредотачивал у себя значительные средства принуждения или сам император утрачивал способность к их применению в значительных масштабах, империи часто распадались. Китайская империя, например, при всей ее кажущейся долговечности переживала постоянные восстания, вторжения, борьбу за автономию отдельных регионов и долгое время тратила большую часть своего бюджета на уплату дани монголам и другим воинственным кочевникам. Не больше стабильности было и у европейских империй. Так, вторжение Наполеона на Пиренейский полуостров в 1808 г. разрушило (преимущественно) заморскую империю Испании. Уже в течение нескольких месяцев большую часть испанской Латинской Америки охватило движение за независимость, и через 10 лет практически весь этот регион раскололся на независимые государства.

Практически во всех отношениях от империй отличаются федерации, города-государства и другие виды фрагментарного суверенитета. Эти образования опираются на сравнительно высокую аккумуляцию и сравнительно низкую концентрацию принуждения. Типичным проявлением такой комбинации были широко распространенные в Западной Европе городские милиции XIV в. В государствах фрагментарного суверенитета даже небольшая коалиция не особенно могущественных (номинальных) подданных мог-

ла противостоять силам правителя, и это при том что отдельные лица, группы и все население в целом имели неограниченные возможности предать существующую власть и перейти на сторону конкурирующей юрисдикции.

Так, разительный контраст мы обнаруживаем между Пруссией и Померанией XIV в.: в Пруссии, где в то время правили тевтонские рыцари, никто из принцев не мог соперничать с великим магистром, а у городов было мало власти. Здесь поставленные рыцарями помещики пользовались в своих громадных владениях широкой свободой до тех пор, пока рыцари получали с них доходы. В соседней Померании, герцогстве, которое возникло в результате небольших германских завоеваний и недолгих союзов, у герцога было множество вооруженных соперников, а бароны поменьше занимались прямо бандитизмом. Что же до городов, то они занимали господствующее положение сравнительно с землями герцогства и были главными поставщиками войск в военное время.

Во время войны 1326–1328 гг. между герцогами Померании и Мекленбурга города Померании выступали по преимуществу на стороне своего герцога, а дворянство — на стороне Мекленбурга. С победой правящего дома Померании землям, где велик был авторитет городов, «были дарованы большие привилегии: попечение над младшими герцогами (*minor dukes*), право решать, строить ли новые герцогские замки или сносить, право избрать нового магистра (*master*), если герцог нарушит свои обещания или обманет своих подданных» (Carsten, 1954: 90). Поскольку города могли оказывать поддержку или отказывать в ней, они пользовались немалой властью, отстаивая свои интересы.

Промежуточное положение между империями, основанными на взимании дани, и городами-государствами занимают национальные государства. Как и другие государства, они росли в связи с войнами, процессами государственного строительства и изымания ресурсов, но ограничивались договорами по передаче средств принуждения подчиненного населения для вложения их в защиту, разрешение споров (*adjudication*), а иногда даже в производство и распределение. Дальнейшая история Пруссии демонстрирует процесс, в ходе которого формировались национальные государства. Мы уже упоминали, что в XIV в. тевтонские рыцари установили здесь централизованную империю. В XV в. союз рыцарей, ослабленных чумой, исходом крестьян и военным поражением начинает распадаться, и местные магнаты, которых они раньше контролировали, становятся в Пруссии независимой политической силой.

Пользуясь окрепшей властью, они все больше и больше ограничивают права крестьян, населявших их земли; употребляя подневольный труд, эти имевшие власть помещики постепенно переходят к фермерству (на основе частного землевладения) — фольваркам и могут уже экспортировать зерно в Западную Европу.

В то же самое время правители Бранденбурга и Померании, до того ослабленные союзом своих герцогов с богатыми бюргерами, начинают побеждать в непрестанной борьбе с городами, поскольку города утрачивают свое влияние в международной торговле и ослабевают способность Ганзейского союза выступать от их имени. Тогда правителям приходится вести переговоры с отдельными землями, где господствующее положение занимало дворянство, приобретшее основную власть предоставлять (или отказывать) королям в средствах для ведения войн и укрепления династии. В следующие столетия бранденбургские маркграфы Гогенцоллерны прокладывают себе путь к главенствующему положению в том, что стало Бранденбург-Пруссией, попутно поглощая большую часть прежней Померании. При помощи браков и дипломатических союзов они постепенно расширяют свои владения на прилегающие области и богатые капиталом районы нижнего Рейна. Затем заключают договоры со своей знатью, оставляя привилегии и сравнительно большую власть лордам в их собственных владениях, но предоставляя монарху доступ к регулярным доходам.

Так из битв, переговоров, договоров и наследственного имущества появляется национальное государство, где крупные землевладельцы Пруссии, Бранденбурга и Померании получают большую власть внутри тех доменов, которые корона никогда не могла у них отнять. В XVIII в. такие монархи, как Фридрих Великий, последними штрихами завершают построение всей структуры: они включают в состав армии и крестьян и их помещиков, одних под командой других. Прусская армия таким образом начинает воспроизводить сельскую структуру: дворяне — офицеры, свободные крестьяне — сержанты, а серфы — солдаты. Эти структурные преобразования ухудшили положение крестьян и серфов: многие крестьяне были закрепощены, и «на войне, и в мирное время военные обязательства старой Пруссии ухудшали социальное положение, законные права и имущественное положение серфов относительно дворянского сословия» (Busch, 1962: 68). В этом отношении исторический путь Пруссии отличался от путей, по которым пошли Великобритания (где крестьяне стали сельскими рабочими) и Франция (где крестьянство сохранялось до XIX в. и владело значительным иму-

Рис. 1.7. Различные условия развития государства как функции от аккумуляции и концентрации принуждения

ществом). Но Пруссия, Великобритания и Франция — все они сотрясались борьбой монархов с имущими классами за средства ведения войны и перешли в дальнейшем к созданию устойчивой государственной структуры.

Пруссия, Великобритания и Франция определяли судьбу друг друга также в качестве военных союзников или соперников. Национальные государства всегда и неизбежно вступали в соперничество и обретали свою идентичность в противостоянии другим государствам; они входили в *систему* государств. Широкие различия главных типов государственных структур схематически представлены на рис. 1.7. После 990 г. н.э. в разных частях Европы существовали развитые формы всех четырех типов государств. Настоящие империи процветали до XVII в., а последние большие зоны фрагментарного суверенитета превратились в национальные государства только в XIX в.

Перед правителями трех типов вставали общие проблемы, но по-разному. По необходимости для обеспечения контроля они распределяли средства принуждения на своих территориях неравномерно. Чаще всего эти средства концентрировались в центре и на границах, а между (границами и центром) — власть пытались поддерживать посредством вторичных групп принуждения, преданных проводников принуждения на местах, подвижных дозоров и широко раскинувшейся разведки. Например, Оттоманская империя создавала две системы с отчасти одинаковыми задачами: одна,

состоящая из *kazas* и других подразделений гражданской администрации, которыми руководили. Вторая система состояла из санджаков и других округов феодальной кавалерии под руководством военачальника; во время завоевания военная система имела тенденцию поглощать гражданскую, но при этом сокращались доходы (Pitcher, 1972: 124).

Чем крупнее было государство и чем больше была разница в распределении принуждения и капитала, тем сильнее были стимулы для сопротивления контролю из центра, для соединения в союзы врагов государства как внутри него, так и за его границами. В белградском санджаке, бывшем частью оттоманской Сербии XIX в., знатная на службе империи (*avan*) рассудила, что ей будет легче обогащаться, если создать собственную систему перераспределения, чем просто исполнять служебную функцию в общем перераспределении. Они начали захватывать часть продукции крестьян, взымали незаконные поборы за проход скота и удерживали часть сборов на таможенных заставах перевалочных пунктов на Саве и Дунае (особенно в Белграде), через которые шел экспорт хлопка в Серрес и Салоники, предназначенного для Вены и Германии. Особенно они настаивали на своем праве на *deveto*, на этом незаконном взимании девятой части урожая крестьян, после того, как *тимарутом* у них уже была взята десятая часть (*deseto*) (взамен службы в государственной кавалерии). «Этими действиями и другими актами принуждения (направленными против личности и собственности) поборы с сербских крестьян удваивались, а иногда утраивались» (Stoianovitch, 1989: 262–263).

Такого рода дробление, девальвация центральной власти отмечалась по всей распадавшейся Оттоманской империи XIX в. Впрочем, и повсюду в Европе, искушение тем или иным способом превзойти своих сербских сородичей охватывало агентов непрямого правления. При том, что коммуникации были дорогими, а доходы, получаемые агентами короны невыполнением требований центра или употреблением делегированных им национальных средств для своих местных или индивидуальных целей, велики — все правители сталкивались с постоянными покушениями на их власть.

Правители империй обычно кооптировали местных и региональных владык, не изменяя основ своей власти; они создавали отдельные корпуса монарших слуг — часто из их настоящих или бывших товарищей по военной службе — судьба которых напрямую зависела от судьбы короны. Султаны мамелюки (крайний случай) имели у себя на службе целую касту порабощенных иностранцев,

становившихся воинами или администраторами, за исключением тех феодалов, которые прямо содержали государственных должностных лиц, однако мамелюки не трогали местных магнатов в их владениях. Так же рабы управляли Египтом и соседними с ним территориями Ближнего Востока в 1260–1517 гг. (Garcin, 1988). Что же до правителей национальных государств, то они обычно старались изо всех сил полностью построить административную иерархию и уничтожить автономные базы власти. Курфюрсты и короли Бранденбург-Пруссии, например, предоставляли большую власть владеющим землей юнкерам, но крепко связывали их с короной, предоставляя должности, налоговые изъятия или приглашая на военную службу.

Те, кто правил городами-государствами (или кто объявлял себя там правителями), федерациями и другими государствами из числа отдельных суверенных образований, часто были в состоянии осуществлять строгий контроль над отдельными городами и непосредственно прилегающими к ним землями, представлявшими собой их экономическую зону. Однако, в остальном им не оставалось ничего иного, как вести переговоры с конкурировавшими центрами. Местный контроль обычно опирался не только на силы принуждения данного города, но также и на широкое землевладение в сельских районах городского правящего класса. С началом агрессивной экспансии Флоренции, вышедшей за муниципальные границы, в XIV в. флорентийские тираны стали, насколько это было возможно, заменять правителей покоренных городов собственными людьми, однако для замены выбирались местные патриции.

Во всех приведенных случаях у местных владык оставалась значительная власть и свобода действий до тех пор, пока они могли сдерживать натиск врагов монарха и обеспечивали непрерывность поступлений в национальный капитал. И в действительности ни одно европейское государство (кроме, может быть, Швеции) не делало серьезных попыток ввести в национальном масштабе прямое правление сверху донизу до начала Французской революции. До этого времени все, кроме самых маленьких государств, полагались на тот или иной вариант непрямого правления, так что все они подвергались риску нелояльности, обмана, коррупции и бунта. Впрочем при этом не прямое правление позволяло обходиться без введения, финансирования и поддержания громоздкого административного аппарата.

Переход к прямому правлению обеспечивал правителям более прямой доступ к гражданам и контролируемым ресурсам через об-

ложение домохозяйств налогами, массовую воинскую повинность, перепись населения, полицейскую систему и множество других видов вторжения в общественную жизнь на ее нижнем уровне. За все это приходилось платить широким сопротивлением снизу, многообразными согласованиями и установлением прав и привилегий граждан. И вторжение (государства), и согласования закладывали основы новых государственных структур, одновременно раздувая правительственный бюджет, численность чиновников и усложняя организационные схемы. Оформлялось всепожирающее государство нашего нового времени.

Легко представить формирование государства как результат своеобразной инженерии, а королей и министров – его конструкторами. Но можно привести четыре факта, которые не укладываются в это представление рассчитанного планирования.

1. Европейские князья редко держали в голове точную модель государства, которое они строили, и еще реже действовали в направлении успешного воплощения такого совершенного государства. Например, когда норманн Рожер II Сицилийский (Роджер де Готвиль) в 1060 и 1075 гг. вырвал у арабов Сицилию он, импровизируя, создал правительство, инкорпорировавшее сегменты мусульманской администрации, привлек в свою армию мусульман-солдат, поддержал мусульманскую, еврейскую и греко-христианскую церкви, но сделал своим доменом громадные участки земли и раздавал земли своим сторонникам. Калабрия, принадлежавшая Сицилии, оставалась в культурном и политическом отношении греческой, сохранила византийские учреждения и ритуалы, которые целиком перешли к норманнскому правительству. Но и арабские институты обрели свое место: первый министр Рожера носил великолепный титул эмира эмиров и архонта архонтов. Получилось, конечно, ни на что не похожее новое государство, но оно строилось непоследовательно. Рожер II Сицилийский со своими присными создали мозаику из адаптированных элементов и импровизаций (Mack Smith, 1968a: 15–25).

2. Никто не проектировал основные составляющие национальных государств – казначейства, суды, центральную администрацию и т.д. Обычно они появлялись как более или менее незапланированный побочный продукт при решении непосредственных задач, особенно задач создания и содержания вооруженных сил. Когда французская корона, чрезвычайно расширившая в 1630-е гг. свое участие в европейских войнах, настолько завязла в кредитах, что оказалась на грани банкротства, местные власти и чиновни-

ки, на которых обычно опирались королевские министры в деле сбора доходов, перестали сотрудничать с двором. Тогда первый министр Ришелье в отчаянии начинает рассылать собственных агентов, ставя перед ними задачу: или принудить местные власти к сотрудничеству или найти способ их обойти (Collins, 1988). Эти эмиссары были королевскими интендантами и впоследствии стали главной опорой государственной власти во французских регионах вплоть до Кольбера и Людовика XIV. И лишь искаженное видение данных фактов в обратной перспективе может представить нам этих интендантов сознательно поставленными инструментами абсолютизма.

3. Другие государства, а со временем вся система государств, оказывали мощное влияние на выбор каждым отдельным государством собственного пути развития. С 1066 по 1815 гг. английское государство формировалось в ходе великих войн с французскими монархами: вторжение французов осложнило Англии задачу покорения Шотландии и Ирландии, а соперничество с Францией стимулировало принятие Англией голландских нововведений в фискальной системе. Начиная с XVI в. мирные договоры после всех крупных войн вносили изменения в очертания границ и состав правителей европейских государств вплоть до Второй мировой войны; разделение Германии, включение Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР и распад большинства европейских империй – все это в той или иной степени стало результатом урегулирования после Второй мировой войны. И ни в одном из приведенных случаев государство не действовало по своему выбору и самостоятельно.

4. Борьба и согласования с разными классами зависимого населения оказывали значительное влияние на формирование возникших в Европе государств. Так, например, народные восстания обычно были неудачными, но каждое оставляло заметный след в организации государства в виде ли обращения к репрессивной политике, перегруппировки классов в поддержку государства или против него или в виде конкретных соглашений, определяющих права затронутых сторон. Во время бурного восстания флорентийских рабочих (*чолпи*²) в 1378 г., две или три новые гильдии этих рабочих, возникшие в ходе восстания, перешли на сторону правительства и таким образом разрушили единый фронт восставших, которые уже сумели захватить власть в городе. По условиям заключенного затем соглашения сохранявшая бунтарский настрой (и более

² Чесальщиков шерсти – *Прим. перев.*

пролетарская) гильдия потеряла право на дальнейшее существование, а две коллаборационистские гильдии стали частью официального муниципального правительства и в дальнейшем принимали участие в решении вопросов управления (Schevill, 1963: 279; Cohn, 1980: 129–154).

В меньшем масштабе государственные структуры создавались и перестраивались (с течением времени) действиями множества иных акторов: рыцарей, финансистов, муниципальных служащих, землевладельцев, крестьян, ремесленников и т.д. Таким образом, классовая структура населения, находившегося в юрисдикции того или иного государства, существенно влияла на формирование этого государства, а вариации классовых структур по регионам Европы вылились в систематическое географическое разнообразие, характеризующее возникшие государства. На европейские государства повлияли не только правящие, но все классы, деятельность или ресурсы которых имели значение при подготовке к войне. Так, на особенности формирования шведского государства сильно повлияли два факта: во-первых, преобладание крестьянства, владевшего большей частью земли в XVIII в., и, во-вторых, относительная неспособность землевладельцев создать большие поместья или принудить крестьян работать на их землях. Эта исключительная особенность классовой структуры шведской деревни не позволила королевской власти прибегнуть к стратегии дарования дворянству фискальных и судебных привилегий и оказания ему помощи в подчинении крестьянства в обмен на сотрудничество в получении от крестьян доходов и привлечении их на военную службу, причем именно такая стратегия преобладала на соседних территориях, таких как Пруссия и Россия. Этим же объясняется сохранение здесь отдельного крестьянского сословия, влиявшего на деятельность правительства, и тот факт, что во время имперской экспансии Швеция быстро перешла от найма солдат на европейском рынке к созданию народных ополчений (служившие в этих ополчениях получали затем землю или доход с земли). В Швеции, как и повсюду, классовая структура общества сдерживала попытки правителей создать вооруженные силы, оставляя отпечаток на самой организации государства.

Обобщенное схематическое изображение основных взаимоотношений представлено на *рис. 1.8*. Вид нашей диаграммы обусловлен причинами, которые были изложены выше: для войны и в ходе подготовки к войне правители занимались извлечением средств ведения войны у тех, кто владел основными ресурсами — людьми, ору-

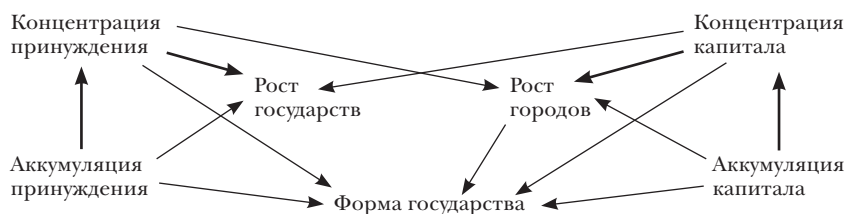

Рис. 1.8. Отношения между принуждением, капиталом, государствами и городами

жем, запасами или деньгами для их приобретения — и кто не торопился с ними расстаться без сильного их к тому принуждения или компенсации. Структура основных классов общества на территории государства, а также их отношение к этому государству оказывали сильное влияние на стратегии, которые употребляли правители для изъятия требуемых ресурсов, на подавление сопротивления, с которым они сталкивались, на происходившую в результате борьбу и устанавливаемые затем виды долговременной организации изъятия и борьбы, а следовательно, и эффективности изъятия ресурсов. В пределах выгод и трудностей, которые возникали на поле межгосударственного соперничества, именно процессы изъятия ресурсов и борьбы по поводу средств ведения войн сформировали основные структуры государственности.

Структура основных классов общества на территории государства, а также их отношение к этому государству сильно варьировались в Европе: от регионов с интенсивным принуждением (тех районов, где было мало городов и преобладало сельское хозяйство, где в производстве главную роль играло прямое принуждение) до регионов с интенсивным капиталом (районов, где было много городов, где преобладала коммерция, где превалировали рынок, обмен и ориентированное на рынок производство). Соответственно изменялись и требования этих классов к государству и их влияние на государство. Относительный успех различных стратегий изъятия и сами применяемые правителями стратегии поэтому сильно различались в регионах с интенсивным принуждением и регионах с интенсивным капиталом. Вот почему организационные формы государств по-разному развивались в этих частях Европы, и следовательно невозможно принять идею, будто европейские монархии избирали некую определенную модель формирования государства и сколько возможно ей следовали.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Следует развеять еще одну иллюзию. До сих пор мы представляли дело так, будто капитал и принуждение всегда развиваются в направлении все большей аккумуляции и концентрации. В течение тех тысячи лет, которые нас здесь занимают, таковы были основные тенденции. Однако даже в европейском опыте многие государства пережили движение назад в обоих отношениях; много раз двигалась в обратном направлении Польша, как в отношении капитала, так и в отношении принуждения, одна за другой разрушились бургундская империя и империя Габсбургов, а религиозные войны XVI в. сильно истощили европейские капиталы и средства принуждения. История европейских государств обычно развивается по восходящей линии ко все большей аккумуляции и концентрации, но при этом она не только берет трудные вершины, но и совершает глубокие падения.

Аккумуляция — это, возможно, самая яркая и устойчивая черта европейской экономики. Но концентрация, деконцентрация (дробление) и переконцентрация принуждения были приметами основных глав истории формирования государств; со временем концентрация стала зависеть в значительной степени от доступности концентрированного капитала. Рассмотрение того, как это происходило и почему, будет занимать нас в дальнейших главах настоящей книги и подведет к рассмотрению запутанных вопросов фискальной политики. Однако главная связь проста: в долгосрочной перспективе главные составляющие европейских государств сложились под влиянием войн или подготовки к ним, а не вследствие иных видов деятельности. Государства, проигравшие войну, обыкновенно уменьшались в размерах, а часто и переставали существовать вовсе. Независимо от своих размеров государства, имевшие самые большие средства принуждения, обычно выигрывали войны; произведенный эффект (*efficiency*) (отношение результата к вложенным средствам) был вторичен относительно эффективности (*effectiveness*) (общей мощности).

В результате сложно взаимодействовавших конкуренции, развития техники и технологий и просто в результате все возрастающего количества воюющих государств войны и создание средств принуждения со временем невероятно подорожали. Соответственно все меньше и меньше правителей могли создавать средства ведения войны собственными силами и из собственных источников, все чаще они прибегали к краткосрочному заимствованию и долгосрочному

налогообложению. И то и другое легче было сделать там, где уже произошла концентрация капитала. Но повсюду эти мероприятия приводили к изменению правительственной организации.

Как соотносились изменения в военном деле и государственная организация? В первом приближении разделим эпоху после 990 г. н.э. на четыре временных отрезка, причем продолжительность их различна в разных частях Европы:

- 1) *патримониализм* — время (вплоть до XV в. на большей территории Европы), когда главную роль в ведении войны играли такие основанные на обычае силы, как племена, феодальные сборы, городские ополчения и подобные. Когда монархи добывали необходимый капитал как дань или ренту с тех земель и населения, которые находились под их непосредственным контролем;
- 2) *брокераж* — эпоха (приблизительно 1400–1700 гг. в основных районах Европы), когда военной деятельностью занимались главным образом наемники, набранные котракторами, а правители сильно зависели от формально независимых капиталистов, у которых они брали в долг, которые управляли приносившими доходы предприятиями, а также устанавливали и собирали налоги;
- 3) *формирование современных армий национальных государств* — период (на большей части Европы особенно в 1700–1850 гг. или около того), когда государства создают массовые армии и флоты, набирая главным образом собственное национальное население, а суверенные правители включают вооруженные силы непосредственно в государственные административные структуры и переходят к прямому управлению фискальным аппаратом, решительно ограничивая деятельность независимых контракторов;
- 4) *специализация* — эпоха (примерно с середины XIX в. до настоящего времени), когда военные силы становятся мощной специализированной властью, фискальная деятельность организационно все больше отделяется от военной, усиливается «разделение труда» между армией и полицией, представительные институты все больше влияют на определение расходов на военные цели, а государства все больше занимаются распределительной, регулирующей, определяющей компенсации и судебной деятельностью.

Ясно, что от одного периода к другому существенно менялось отношение капитала к принуждению.

Изменявшиеся под воздействием войн государства, в свою очередь, изменяли и свои ставки на войну. В период патримониализма победители больше стремились к получению дани, чем к установлению постоянного контроля над ресурсами и населением тех территорий, которые они захватывали; на основе получения ренты и даров от правителей множества регионов вырастали целые империи, без того, чтобы глубоко внедряться в местную систему правления. По мере продвижения к брокеражу, а затем к созданию армий национальных государств завоевателей больше привлекает присоединение посредством захвата новых территорий с последующим их администрированием, что доставляло возможность извлекать доходы, необходимые для содержания вооруженных сил. Но в век специализации государства так быстро обретают претендентов на свои услуги, что война становится (даже больше, чем раньше) средством удовлетворения экономических запросов правящей коалиции, поскольку является средством обеспечить доступ к ресурсам других стран. Со времени Второй мировой войны распространение европейской государственной системы на весь мир и одновременный процесс закрепления национальных границ сделали возможным оказывать влияние на другие государства, не включая реально их территории в состав другого, более сильного государства.

Таковы были основные тенденции. Однако на каждом этапе развития европейских государств мы встречаем самые разные комбинации капитала и принуждения. Мы можем выделить три пути формирования государства: с интенсивным принуждением, с интенсивным капиталом и смешанный путь одновременного употребления капитала и принуждения (*capitalized coercion*). Это, впрочем, не альтернативные «стратегии», а различия в условиях жизни. Правители, осуществляя сходные задачи, — специально это касается эффективной подготовки к войне — в разных условиях, под воздействием этих условий по разному моделировали свои отношения с основными социальными классами. Отношения правителей с подданными могли изменяться, производя новые, часто противоположные формы правления, более или менее социально адаптированные.

Согласно стратегии *интенсивного принуждения* правители выжимали средства на ведение войны из своего населения и покоренных территорий, попутно создавая грандиозные структуры по извлечению средств. Такой способ действий по модели интенсивного принуждения представляли Бранденбург и Россия — в особенности в то историческое время, когда они были построенными на взима-

нии дани империями. В своем крайнем проявлении этот способ действий привел к тому, что вооруженные землевладельцы сосредотачивали огромную власть, которая не позволяла никому из них установить продолжительный контроль над другими; в течение столетий польские и венгерские дворяне сами выбирали себе королей и низводили тех, кто слишком стремился к верховной власти.

Согласно стратегии *интенсивного использования капитала* правители опирались на соглашения с капиталистами — чьим интересам они служили — в том, что касалось найма или создания вооруженных сил. При этом им не надо было для ведения войны создавать громадные устойчивые государственные структуры. Города-государства, города-империи, союзы городов и другие формы фрагментарного суверенитета обычно шли этим путем. Такой образ действий с интенсивным использованием капитала представляли Генуя, Дубровник, Голландская республика и (в течение определенного времени) Каталония. История Голландской республики показывает, что данный образ действий (в своем крайнем проявлении) привел к созданию союзов обладавших большой самостоятельностью городов-государств и к постоянным их переговорам относительно государственной политики.

Согласно средней (между указанными двумя) стратегии *использования принуждения и капитала* правители отчасти проводили политику каждого, но в гораздо большей степени, чем их соседи с интенсивным капиталом, тратили усилий на прямое включение в структуру своих государств капиталистов и источников капитала. Держатели капитала и принуждения взаимодействовали на условиях относительного равенства. По пути капитал + принуждение пошли в конце концов Франция и Англия, в результате появились развитые национальные государства раньше, чем там, где шли по пути интенсивного принуждения или интенсивного капитала.

Под давлением международной конкуренции (особенно под давлением войн и подготовки к войнам) три этих пути, постепенно сближаясь, развивались до такой концентрации и капитала и принуждения, которая сверх всякой меры превосходила положение на 990 г. После XVII в. наиболее эффективным в военном отношении стал путь капитал + принуждение, он и стал преобладающей формой даже для тех государств, которые в начале развивались по иным моделям. С XIX в. до наших дней все европейские государства занимаются гораздо больше, чем раньше, построением социальных инфраструктур, предоставлением услуг, регулированием экономической деятельности, контролем за перемещением населения

и обеспечением благосостояния граждан. Все эти виды деятельности поначалу были побочным продуктом деятельности правителей по получению доходов и поддержки от подвластного им населения, но затем уже они существуют и совершенствуются независимо. Современные социалистические государства отличаются от капиталистических более прямым, осознанным контролем производства и распределения. Но сравнительно с формами государств, которые существовали в Европе в последнее тысячелетие, тем не менее они, конечно, относятся к тому же типу, что и соседние с ними капиталистические государства. Они тоже представляют собой национальные государства.

До того как три вышеуказанных типа развития государств (с интенсивным принуждением, с интенсивным капиталом и капитал + принуждение) конвергировали, они порождали очень разные типы государств. И даже конвергировав (в национальные), государства сохраняют некоторые отличительные черты — например, характер их представительных институтов, — ясно указывающие на своеобразие пройденного ими исторического пути. Все три типа государств были вполне жизнеспособны применительно к тем условиям, в которых они складывались в Европе в определенное время в прошлом. И в самом деле, при отречении Карла V в 1557 г. на большей части Европы царили империи, а не национальные государства, как мы понимаем этот термин.

В это время Оттоманская империя Сулеймана Великолепного (подчинившая себе Анатолию и большую часть Ближнего Востока) заняла почти весь Балканский полуостров и держала в вассальной зависимости государства от Волги до Адриатики. Карл V, будучи императором Священной Римской империи, императором Испании и старейшиной Габсбургов, претендовал на власть в Испании, Нидерландах, Милане, Неаполе, Сицилии, Сардинии, Австрии, Богемии, Бургундии, Франш-Конте и (спорно) на множество государств на той территории, которую мы теперь называем Германией. Восточнее Польша, Литва, Московия и донские казаки также представляли собой нечто вроде империй. В 1555 г. Северная Италия, Швейцария и значительная часть Священной Римской империи оставались регионами фрагментарных суверенитетов, и только Франция и Англия напоминали то, что мы привыкли считать национальными государствами. К тому времени города-государства и другие небольшие организационные формы начинают проигрывать сравнительно с другими формами государств. Однако уже вскоре Голландская республика докажет, что союзы городов с прилегающими

территориями все еще представляют собой немалую силу как мировые державы. Между тем наступали империи, и в то время ничто не предвещало конечную победу национального государства.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: если мы начнем пользоваться понятием силы (как его употребляют в XX в.) в качестве главного критерия эффективности государственного образования (что делают многие ученые), мы поддадимся искушению телеологией, неверно толкуя в прошлом Европы отношения между городами, государствами, капиталом и принуждением. Этой ошибки можно избежать, проследив, какой выбор делали создатели государств и каковы были последствия сделанного выбора, начиная с довольно ранней (но произвольно установленной) даты: 990 г. н.э. и до настоящего времени.

Выбранная стратегия устремленности в будущее позволяет предложить несколько предварительных решений главного вопроса настоящей книги: *чем объясняется большая вариативность (во времени и пространстве) тех типов государств, которые появлялись в Европе после 990 г. и почему в конце концов европейские государства стали национальными государствами в том или ином виде?* Этот очень емкий вопрос может быть разбит на несколько меньших проблем, которые будет удобнее рассматривать.

1. *Чем объясняется в общем-то концентрическая схема формирования государств в Европе в целом, где такие громадные, но слабо контролируемые государства, как Османская империя и Московия образовывались на периферии; меньшего размера, но лучше управляемые государства, как Франция и Бранденбург, группировались примерно в переходной зоне, а центральная группа состояла из городов-государств, княжеств, федераций и других видов весьма раздробленных суверенных образований, которые только после 1790 г. превратились в более крупные государства?*
2. *Почему (несмотря на очевидное противоречие их интересам) правители часто принимали ту организацию институтов, которая обеспечивала представительство главных классов населения, подпадавшего под юрисдикцию этого государства?*
3. *Почему так сильно варьировались европейские государства в том, что касалось включения городских олигархий и институтов в структуру национального государства, так что Голландская республика как государство практически не отличалась от группы ее муниципальных правительств, польское государство практически не обращало внимания на городские институты и существовало с дюжину других переходных форм между этими двумя крайностями?*

4. *Почему политическая и торговая власть выскользнула из рук городов-государств и городов – империй Средиземноморья и перешла к большим государствам и сравнительно зависимым городам Атлантики?*
5. *Прочему утратили свое значение города-государства, города-империи, федерации и религиозные организации, ранее преобладавшие в Европе?*
6. *Почему войны перестали быть завоеваниями ради получения дани и борьбой вооруженных получателей дани и превратились в продолжительные сражения громадных армий и флотов?*

И, хотя это все непростые вопросы, но еще труднее дать общее объяснение разных путей, по каким пошли европейские государства. Попробуем справиться с этой гигантской проблемой и ее более доступными составляющими, внимательно проанализировав различные пути, какими в действительности шли государства в разных частях Европы после 990 г. Для этого нам придется выделить основные процессы преобразования государств и разделить их на варианты: связанные с интенсивным принуждением, интенсивным капиталом и с капиталом + принуждением.

Автору, который ставит подобные задачи, придется пробираться узкой тропкой между тем, чтобы приписывать события случайности или предопределенности. С одной стороны, глухая стена случайностей, где все в истории представляется *suï generis*: сменяющие друг друга короли и битвы. С другой — ущелье телеологии, в котором конечный результат формирования государства, кажется, объясняет и весь пройденный им путь. Я постараюсь не наткнуться на глухую стену и не упасть в ущелье, заявляя, что пути формирования государств были многочисленными, но не бесконечно разнообразными. Я постараюсь показать, что на каждом перекрестке истории был выбор между несколькими вариантами будущего, что государства, правители и граждане оказывали друг на друга сильнейшее влияние, что европейские государства исторически объединялись общими проблемами и процессами. Если смогу, я расскажу о разнообразии в единстве и о единстве в разнообразии, о борьбе и последствиях.

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Позвольте мне сразу признаться: у меня своеобразные познания в истории Европы, им недостает фактов, и они не лишены пробелов. Вообще-то те, кто изучал европейские государства, до сих пор

благоразумно избегали обобщений в масштабах тысячи лет. А те, кто отважился на такое, обычно стремились выявить отличительные черты Запада в целом или предлагали единственный стандартный путь формирования государств или то и другое. Обычно такие исследователи ведут рассказ ретроспективно, ища истоки государств, которые нам сейчас известны как Германия или Испания и пренебрегая теми, которые по пути исчезали, вместо того чтобы постараться представить полную картину разных путей формирования государств.

Заявляя, что существовало множество путей, зависевших от того, насколько легко концентрировались капитал и принуждение, провозглашая существенную независимость формы государства от доступа (в прошлом) к капиталу, предлагая вместо ретроспективного — анализ преобразований структуры государства, устремленный в будущее, — я оставляю проторенную дорогу академической науки и пускаюсь в авантюру, переосмысляя прошлое. Поскольку же я намерен рассмотреть события за тысячу лет на двухстах с небольшим страницах, могу надеяться только установить некоторые важные соотношения и показать, как они проявляли себя.

Чтобы основательно представить динамику развития европейской экономики, нужен гораздо более внушительный труд. Прежде всего я слишком мало уделил внимания колебаниям цен, производительности, торговле и росту населения, упустив (среди прочего) влияние таких важных периодов роста цен, как в XIII, XVI и XVIII вв. (и депрессий в промежутках) на жизнеспособность различных видов государств и соответственно на власть, на торговцев, крестьян, землевладельцев, должностных лиц и другие общественные классы (Abel, 1966; Frank, 1978; Kriedte, 1983; Wallerstein, 1974–1988).

К тому же я лишь бегло рассматриваю изменения в организации производства и складывавшиеся в результате структуры классов. И не потому, что я этим пренебрегаю. Напротив, отношения землевладельцев с теми, кто землю обрабатывал, оказывали громадное влияние на создание государства, защиту и изъятия, что хорошо видно по тому, как сильно различались Венгрия, Флоренция и Англия. Прусское государство XVII в., например, несло на себе приметы предшествующей истории Пруссии: в XIII–XIV вв. Тевтонский орден распространил военный контроль на этот малонаселенный район, покорил славян, живших здесь раньше, привлек сюда немецких рыцарей и организовал большие поместья, а также поощрял этих рыцарей, чтобы они привлекали крестьян на рас-

чистку и обработку пахотной земли, которую затем отдавали рыцарям в оплату за собираемые ими налоги и службу. Такая организация на уровне домохозяйства, деревни или региона, без сомнения, влияла на жизнеспособность разного рода налогообложений, воинскую повинность и надзор. Но мои задачи и без того сложны. Чтобы сконцентрироваться на механизмах формирования государства, я буду часто стандартизировать или считать само собой разумеющимися отношения между землевладельцами, крестьянами, сельскохозяйственными рабочими и другими главными акторами сельских районов.

Сосредоточившись на ключевых отношениях, я не буду рассматривать иные теории образования государства, предложенные прежде или сейчас. Я не стану прояснять происхождение главных идей нашей книги. Будем считать само собой разумеющимся, что теории Карла Маркса, Макса Вебера, Йозефа Шумпетера, Штейна Роккана, Баррингтона Мура, Габриеля Арданта и других, без сомнения, повлияли на изучение занимающего нас здесь вопроса; *cognoscenti*, конечно, почти на каждой странице обнаружат влияние этих теорий, а критики потратят немало слов, чтобы втиснуть эту книгу в рамки той или иной школы. Если бы мы занялись всеми этими вопросами, рассмотрели подробно все теории и исторические факты процесса формирования государства, наше исследование не только утратило бы четкость, но и выросло вдвое без того чтобы сильно продвинуться вперед. Мы предлагаем вместо этого сфокусировать внимание на действительных процессах формирования государства.

Ради компактности изложения я буду пользоваться приемами метонимии и опредмечивания. Так, метонимически я буду говорить о правителях, королях или суверенах, как если бы они представляли собой весь аппарат принятия решений в государстве, сводя в одну точку весь сложный, определяемый конкретными условиями комплекс социальных отношений. Метонимически я буду говорить о городах, имея в виду региональную сеть производства и торговли, центром которых были крупные поселения. Опредмечивая понятия, я буду приписывать отдельный интерес, причину, способность и действие государству, правящему классу или их подданным. Без подобного упрощения. Не прибегая к указанным приемам, мы не смогли бы установить основные связи в сложном процессе формирования европейских государств.

Таким образом, мы по большей части исходим в нашем исследовании из модели, включающей следующие элементы: *правитель*, представляющий суммарно общее принятие решений самых

властных фигур в государстве; *правлящий класс*, выступающий в союзе с правителем и контролирующий основные средства производства на территории, находящейся под юрисдикцией этого государства, другие *клиенты*, получающие определенные выгоды от своей связи с государством, *противники*, *враги* и *соперники* государства, его правителя, его правящего класса как внутри, так и вне территории государства, остальное *население*, находящееся в юрисдикции государства, аппарат принуждения, включая армию, флот и другие организованные и концентрированные средства применения силы, действующие под контролем государства, и *гражданский аппарат* государства, состоящий в первую очередь из фискальных, административных и судебных органов, действующих под его контролем.

Наши выкладки будут сводиться, по большей части, к описаниям и объяснениям различных путей, какими правители, правящие классы, клиенты, противники население, организации принуждения и гражданские аппараты проявляли себя в европейской истории, начиная с 990 г. Время от времени мы будем «распаковывать» одну-две опредмеченные категории — чаще всего специально указывая, когда, почему и с каким результатом капиталисты (конечно, также обобщенное представление) попадают в ту или иную категорию. Но в целом наша аргументация строится, без сомнения, на том, что каждая категория реальна, едина и несомненна. Нам приходится идти на это в попытке описать события на целом континенте за тысячу лет.

И наконец, последнее. Мне пришлось иметь дело с огромным количеством исторических фактов — казалось, я плыву по бурной реке через пороги, и лодка то и дело взлетает, опускаясь лишь на мгновение. У меня нет достаточных знаний по истории, необходимых для исчерпывающего описания всего материала данной книги, и привести все факты в подтверждение того, что я думаю, означало бы безмерно утяжелить текст. Так, всякий ответственный автор, например, захотел бы сослаться на труды Рейнхарда Бендикса, Уолтера Корпи, Фида Скокпол, Горана Терборна и многих других, описывая современный этап государственного строительства. Ничего подобного я не делаю, обращаясь к работам других авторов только для прямого их цитирования или ради содержащейся в них скрытой или спорной информации. Конечно, специалистам придется подвергнуть критическому рассмотрению мои ссылки на историю Европы и решить, искажают ли фактические ошибки последовательность моих построений.

Так что аргументы нашей книги не подлежат немедленной верификации или опровержению, поскольку это широкие, обобщающие и умозрительные аргументы. Тем не менее мы можем отвергнуть их как неверные, если обнаружим, что:

- 1) правители, находясь в различных отношениях с капиталом и принуждением, придерживаются, тем не менее, сходных стратегий, приводящих к сходным результатам, в своих усилиях создать вооруженные силы и государственную власть;
- 2) важнейшие моменты развития и преобразования определенного государства и системы европейских государств в целом не соотносятся с войной или подготовлением к войне;
- 3) в результате усилий по собиранию вооруженных сил не появляются устойчивые и характерные черты государственной структуры;
- 4) правители сознательно принимают строить государства по заранее разработанному плану и преуспевают в том, чтобы точно следовать таким планам;
- 5) некоторые или все установленные опытным путем закономерности, выделенные мной, — а именно: а) география формирования государств, б) характерное включение городских олигархий и институтов в структуру национального государства, в) развитие представительных институтов, несмотря на то что они противоречат интересам правителя, г) движение политических и коммерческих сил в направлении от Средиземноморья к Атлантике, е) упадок городов-государств, городов-империй, федераций и религиозных организаций и ф) переход от войн к громадным сражениям массовых армий и флотов — на деле не соответствуют историческим фактам;
- 6) другие объяснения этих установленных опытным путем закономерностей более экономичны и/или более убедительны и состоятельны.

Если хоть что-то из перечисленного окажется верным, в моих аргументах надо будет усомниться. Если все верно, то я совершенно не прав.

Под угрозой оказываются важные теоретические положения. Так можно ожидать, например, что сторонник представления Джозефа Страйера о том, что миротворческая деятельность монархов внутри страны началась гораздо раньше и была гораздо важнее в принятии людьми государства, чем это следует из моей работы, поддержит тогда и большинство других обвинений против

предлагаемого здесь анализа. Можно ожидать, что сторонник Дугласа Норта будет утверждать, что в основе множества перемен, которые, я считаю, были вызваны подготовкой к войне, по его мнению, лежит создание государства и защита прав собственности. От сторонника Иммануэля Валлерстайна можно ждать, что он будет приписывать гораздо большее значение, чем я, государственной деятельности в продвижении и поддержании интересов капиталистов. А сторонник Пери Андерсона возразит (по крайней мере в том, что относится к середине рассматриваемого мной периода), что я сильно недооценил вклад европейской знати в создание громоздких «абсолютистских» государств. Так что признание моих построений правильными или неверными зависит от широко обсуждаемых разногласий по поводу формирования европейских государств.

Построенный нами список можно считать списком правомерных, полуправомерных и неправомерных критических замечаний (о нашей книге). Было бы правомерно и уместно установить, что одно из перечисленных обстоятельств или похожее обстоятельство, вытекающее из моей аргументации, применимо к некоторому достаточно большому отрезку европейского прошлого. Было бы полуправомерно продемонстрировать, что некоторая аргументация не распространяется на достаточно крупные, долгосрочные характеристики некоторых государств. (Этот критерий был бы лишь полуправомерным, потому что показывал бы, что мы привели неполный аргумент — что я с готовностью признаю, — а не ошибочный.)

Неправомерно было бы жаловаться, что я не принимаю во внимание некоторые переменные величины, которые критикам кажутся важными: физическую среду, идеологию, военные технологии или что-то еще. Критика отсутствия некоторых переменных может быть оправдана только тогда, когда критик докажет, что пренебрежение именно данной переменной величиной искажает оценку соотношения между другими переменными, которые *учтены* при нашей аргументации. Вопрос не в том, чтобы учесть все (что бы это ни было), но в том, чтобы правильно определить главные соотношения.

Имея в виду именно эту цель, мы сосредоточимся в следующей главе на изменении географии городов и государств в Европе за рассматриваемые тысячу лет. В главе 3 остановимся на механизмах, посредством которых правители государств приобретали средства для осуществления своей основной деятельности — специально для создания вооруженных сил — и употреблении этих механизмов

в структуре государства. Глава 4 посвящена отношениям между государствами и гражданами, в ней прослеживается процесс формирования больших, многофункциональных государств путем переговоров. В главе 5 мы рассмотрим альтернативные пути формирования государства, выявляя результаты различных типов отношений с капиталом и принуждением. В главе 6 европейские государства рассматриваются как взаимодействующие стороны, как система, которая своим действием ограничивает действия составляющих ее членов. В главе 7 мы подходим к нашему времени и размышляем о современных отношениях между капиталом и принуждением, пытаемся понять, почему военные захватили власть во многих государствах после Второй мировой войны; мы также попытаемся определить, каким образом европейский опыт помогает нам понять бурную жизнь государств наших дней.

ГОРОДА И ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ

КОГДА ЕВРОПЫ ЕЩЕ НЕ БЫЛО

Тысячу лет назад Европы не было. За десять лет до 1000 г. примерно 30 млн человек, живших в западной части евразийского материка, не имели достаточных причин считать себя единым народонаселением с общей историей и общей судьбой. Они и не считали. В результате распада Римской империи, правда, большая часть того, что мы сегодня считаем Европой, оказалась единым организмом, связанным дорогами, торговлей, религией и коллективной памятью. Но этот некогда римский мир не включал большую часть территории к востоку от Рейна и к северу от Черного моря. К тому же бывшая империя была не только европейской: она простиралась от Средиземноморья в Азию и Африку.

С точки зрения торговых и культурных связей тысячелетняя «Европа» распадалась на три-четыре слабо связанные между собой группы стран. Восточная группа примерно соответствовала теперешней европейской России, здесь поддерживались тесные связи с Византией и главными торговыми путями через Азию. Средиземноморская группа объединяла мусульман, христиан и евреев и имела еще более тесные связи с великими метрополиями Среднего и Ближнего Востока и Азии. Построманская система больших и малых городов, дорог и рек, особенно густых на пространстве от центральной Италии до Фландрии, имела ответвления в сторону Германии и Франции. Можно выделить также отчетливую северную группу, включавшую Скандинавию и Британские острова. (Многие из наших ярлыков недостаточны в том смысле, что они вневременные. Не желая вводить тяжеловесные географические обозначения, мы вынуждены пользоваться такими обозначениями, как *Германия* и *Британские острова*, с оговоркой, что их употребление не предполагает точного политического или культурного соответствия с современным Германией или Британским островам.)

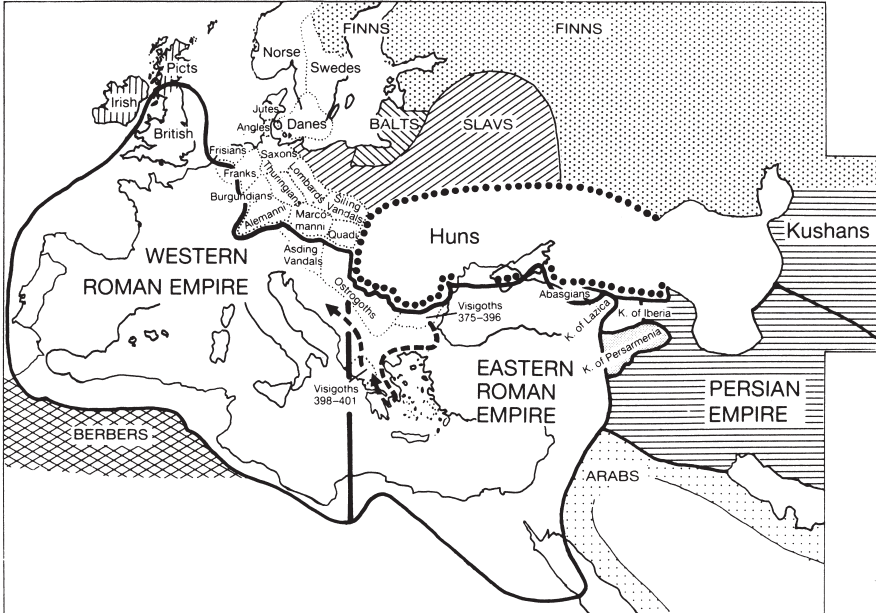

Рис. 2.1. Европа в 406 г. н.э. (по Colin McEvedy, The Penguin Atlas of Medieval History, Penguin Books, 1961. Copyright © 1961 Colin McEvedy)

В 990 г. большая часть бывшей Римской империи находилась под контролем мусульман: это были южные берега Средиземного моря и большая часть Пиренейского полуострова, не говоря уж о бесчисленных средиземноморских островах и нескольких пунктах по северному побережью. Довольно слабо сочлененная Византийская империя протянулась от восточной Италии до восточной оконечности Черного моря, а на севере еще более неопределенное российское государство достигало Балтики. Датскому королевству принадлежала власть на территории от западной Балтики до Британских островов, в то время как поднимавшиеся Польское, Богемское и Венгерское княжества контролировали территорию южной Балтики. На западе от них лежала Саксонская империя, претендовавшая на то, чтобы быть наследницей Карла Великого, а еще дальше на запад королевством Франция правил Гуго Капет.

Ни одно из этих смутно знакомых нам названий не должно заслонять от нас того факта, что все они были раздробленными суверенитетами, каковая организация в то время господствовала на всей той территории, которая позднее стала Европой. Императоры, короли, князья, герцоги, халифы, султаны и другие власти в 990 г. были, главным образом, завоевателями, взимателями

Рис. 2. 2. Европа в 998 г. (Там же)

дани и рантье, а не теми главами государств, которые бы в течение продолжительного времени и на всей территории контролировали жизнь в своем царстве. Внутри их юрисдикций к тому же соперники и непокорные подданные часто прибегали к использованию в своих интересах вооруженных сил, нисколько не заботясь об интересах номинальных суверенов. На всем Континенте изобиловали наемные армии, и нигде в Европе не было чего-нибудь похожего на национальное государство.

Фрагментарный суверенитет был особенно характерен для этих распавшихся, эфемерных государств, где сотни княжеств, епископий, городов-государств и других форм власти, перекрывая общие территории, осуществляли также контроль во внутренних районах страны (hinterlands). В 1000 г. папа, византийский император и император Священной Римской империи претендовали на власть на большей части Апеннинского полуострова, но на самом деле почти все важные города со своими экономическими зонами действовали как независимые политические агенты. (В 1200 г. на одном Апеннинском полуострове было 200–300 отдельных городов-государств (Waley, 1969: 11).) За вычетом относительно урбанизированных мусульманских территорий, обычно соотношение величины государства и густоты городов в нем было обратным: где

Рис. 2.3. Европа в 1478 г. (Там же)

было много городов, там было мало раздробленных суверенных государств.

Позднее я думаю, смогу уточнить пока грубую хронологию изменений городов и государств за последние 1000 лет. Для начала же произведем произвольное сравнение положений с пятисотлетним интервалом, просто чтобы понять, как велики были перемены. К 1490 г. сильно изменились и карта, и стоящая за ней реальность. Христиане с помощью оружия вытесняли правителей-мусульман с их последней большой территории на западе Континента — из Гранады. Исламская Оттоманская империя заступила место христианской Византии на всем протяжении от Адриатики до Персии. Турки-оттоманы усиленно старались подорвать власть Венеции в восточном Средиземноморье и вгрызались в Балканы. (В союзе с испуганной Гранадой они начинают продвигаться и в западном Средиземноморье.) После того как столетиями европейские войны оставались региональными, и только во время крестовых походов трансальпийские государственные войска действовали в Средиземном море, теперь короли Франции и Испании начинают бороться за гегемонию в Италии.

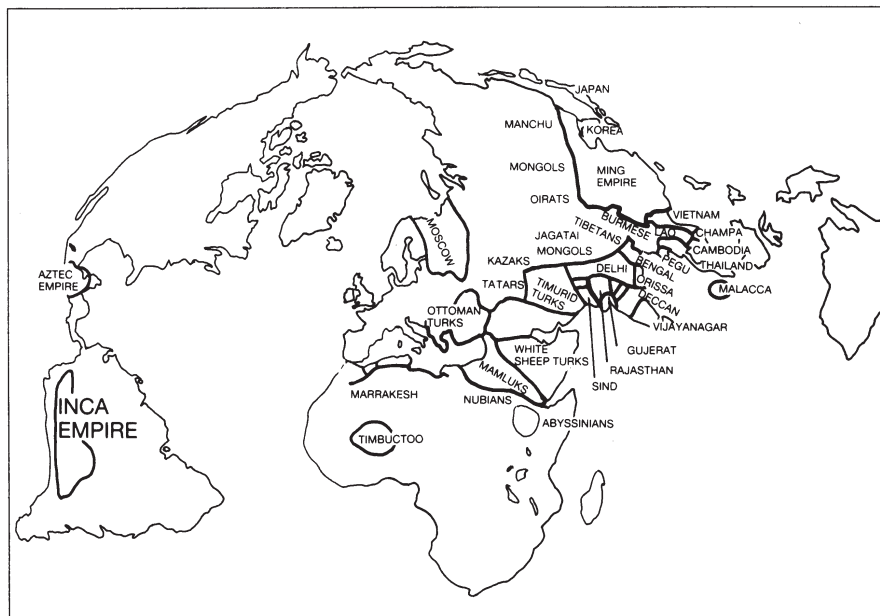

Рис. 2.4. Мир в 1490 г. (Там же)

На периферии Европы в 1490 г. расположились довольно большие территории: не только Османская империя, но и Венгрия, Польша, Литва, Московия, земли Тевтонского ордена, Скандинавский Союз, Англия, Франция, Испания, Португалия, Неаполь. Эти страны жили главным образом на ренту и дань, здесь правление осуществлялось через местных магнатов, пользовавшихся на своих землях большой автономией. Эти магнаты часто оказывали сопротивление королевской власти и даже совсем не признавали ее. Тем не менее в целом герцоги и великие князья в 1490 г. собирали и расширяли свои владения.

Внутри этого несплошного пояса более крупных государств Европа оставалась областью фрагментарных суверенитетов. Правда, разбросанная империя Габсбургов уже начинала протягиваться через весь континент, и Венеция царилла на той территории, которая аркой охватывала Адриатику. Но зона от Северной Италии до Фландрии и к востоку от неопределенных границ Венгрии и Польши была разбита на сотни формально независимых княжеств, герцогств, епископий, городов-государств и других политических образований, которые могли применять силу только непосредственно в прилегающих к ним зонах; одна Южная Германия включала 69

Рис. 2.5. Европа в 1990 г.

свободных городов, кроме многочисленных епископств, герцогств и княжеств (Brady, 1985: 10). «Несмотря на наличие границы, которую картограф мог провести вокруг территории, считавшейся в середине XV в. принадлежащей Священной Римской империи, то есть главным образом германской зоны между Францией и Венгрией и Данией и Северной Италией, — размышляет Дж.Р. Хейл, — он не может отметить (на карте) множество городов, княжеских анклавов и воинственных церковных земель, считавших себя в реальности или потенциально независимыми, без того, чтобы у читателя не возникло впечатление, будто у него помутилось в глазах» (Hale, 1985: 14). 80 млн человек, живших в то время в Европе, образовывали около 200 государств, потенциальных государств, небольших государств и государственно-подобных образований.

К 1990 г., еще 500 лет спустя, европейцы сильно продвинули дело консолидации. Теперь в границах европейского континента жило 600 млн человек. Здесь не осталось ни одного мусульманского государства, хотя мощный исламский мир процветал к югу и юго-востоку от Европы, а в Испании, на Балканах и в Турции сохраня-

лось значительное мусульманское наследие. На востоке оформилось и протянулось дальше вплоть до Арктики и Тихого океана гигантское российское государство, в то время как громадная Турция вышла за границы Азии на юго-востоке. На большей части континента уже образовались государства, которые занимали площадь примерно в 40 000 квадратных миль, и это без учета колоний и зависимых территорий: Болгария, Чехословакия, Финляндия, Франция, две Германии, Греция, Италия, Норвегия, Польша, Румыния, Испания, Швеция, Турция, Великобритания и еще не распавшийся СССР. Диковинками стали микрогосударства вроде Люксембурга и Андорры, хотя они и превышали размерами многие политические образования 1490 г. В зависимости от того, как считать, Европа делилась на 25–28 государств.

Национальным государствам (этим относительно централизованным, раздробленным и автономным организациям, преуспевшим в том, чтобы действовать силой на больших, непрерывных и четко ограниченных территориях) потребовалось много времени, чтобы стать доминирующими в Европе. В 990 г. ничто в мире поместий и землевладельцев, военных набегов, укрепленных селений, торговых городов, городов-государств и монастырей не предвещало превращения в национальные государства. В 1490 г. будущее оставалось неясным, несмотря на то, что часто звучало слово «королевство», в ландшафте Европы преобладали империи того или иного сорта (44), в некоторых частях Европы жизнеспособными были также федерации. Где-то после 1490 г. европейцы отказались от этих альтернативных возможностей и решительно устремились к созданию системы, состоящей почти исключительно их относительно самостоятельных национальных государств.

Государств теперь становилось меньше, но они были крупнее. Чтобы нарисовать эту меняющуюся карту, мы должны воспользоваться понятием «государство», которое мы здесь применяем в общем смысле, подразумевая всякое образование, у которого имеются значительные средства принуждения и которое успешно в течение долгого времени господствует над всеми другими применяющими принуждение агентами в рамках по крайней мере одной определенно очерченной территории. В 990 г. относительно крупные мусульманские государства доминировали на большей части западного Средиземноморья, включая Южную Испанию и побережье Северной Африки. Среди других крупных государств следует упомянуть Францию, Саксонскую империю, Датское королевство, Киевскую Русь, Польшу, Венгрию, Богемию и Византийскую им-

перую. Как правило, правители этих политических образований взимали дань с территорий, номинально находившихся под их властью. Но за пределами регионов, где они реально пребывали, они едва ли осуществляли правление на своих якобы территориях, так что их власть постоянно оспаривали другие претенденты, включая их собственных вассалов и мнимых агентов.

Рассмотрим, например, Венгрию — государство, возникшее в результате завоевания мадьяров, одного из многочисленных кочевых народов, вторгшихся в Европу из евразийских степей. В течение X в. огромные массы мадьяров мигрировали с Волги и наконец превзошли числом занимавшихся пахотных земледелием и живших в лесах славян Карпатского бассейна, сложившееся государствоподобное образование мы теперь называем Венгрией (Pamleпуі, 1975: 21–25). К западу от Карпат недостаток природных пастбищ принудил кочевников-грабителей отступить, их число сокращалось, или они, оставив образ жизни всадников, оседали на земле (Lindner, 1981). После векового разбоя принявшие христианство венгры все больше переходили к занятию сельским хозяйством на той территории, где почти не было городов.

Занятие сельским хозяйством не мешало венгерской знати воевать со своими соседями за порядок наследования или в рамках общеевропейской игры в браки и союзы. Контролируя достаточные вооруженные силы, они сумели обратить рабов и свободных крестьян в крепостных. По мере развития сельского хозяйства росли города, с рудников транспортировался металл в разные концы Европы, а торговые пути этого региона завязались в общую цепь с путями центральной и западной Европы. В венгерской торговле и производстве преобладал германский капитал. Однако венгерские города оставались под контролем исключительно местной знати, пока в XV в. на них не начала претендовать корона.

В конце XV в. король Янош Хуньяди и его сын Матиуш Корвин создали сравнительно централизованную и эффективную военную машину, сражаясь одновременно с воинственными турками на юго-востоке и голодными, алчными Габсбургами на западе. Впрочем, после смерти Матиуша дворяне взяли реванш и лишили наследника Ладислава средств на содержание армии. Предпринятая в 1514 г. новая попытка крестового похода против турок вызвала крестьянское восстание, а его подавление, в свою очередь, привело к закабалению крестьян и утрату ими права менять хозяина. В борьбе между магнатами в ходе урегулирования после крестьянской войны, правовед Иштван Вербеци изложил взгляды дворянства на венгерские

обычай, включая карательные законы против крестьянства и положения, согласно которым «дворяне не могли подвергнуться аресту без предварительного судебного постановления, подчинялись только законно коронованному королю, не платили никаких налогов и могли быть призваны на военную службу только для защиты королевства. Наконец, было гарантировано право на восстание против любого короля, который бы как-то задел права дворянства» (McNeill, 1975 [1964]: 17).

Трактат Вербеци стал основой венгерского права и «библией» дворянства (Ramlenyi, 1975: 117). И к 1526 г. Венгрия имела не одного, но двух избранных королей, причем эти двое друг с другом воевали. Не удивительно, что затем уже в течение 50 лет турки смогли завоевать половину территории Венгрии! Очевидно, что в те времена большие государства не всегда были сильными государствами.

ГОСУДАРСТВА И ПРИНУЖДЕНИЕ

К 1490 г. мусульмане оставили свой последний оплот на Иберийском (Пиренейском) полуострове — Гранаду, продолжая однако, строить большую империю по восточному Средиземноморью и проникая дальше вглубь Балкан. По границам Европы начали появляться государства, которые могли выставить довольно большие армии и распространявшие юридический и фискальный контроль на значительные территории, а города-государства как никогда активно вооружались для ведения войн на суше. Судя по карте Европы 1490 г., большие территории имели Англия, Швеция, Польша, Россия и Оттоманская империя, но были также десятки герцогств, княжеств, архиепископств, городов-государств и других миниатюрных государств.

Сколько различать европейских государств, зависит от того, как именно мы представляем себе государство этого времени: считать ли 13 швейцарских кантонов (существовавших в 1513 г.) и 84 свободных города Оттоманской империи (в 1521 г.) отдельными образованиями? Заслуживают ли признания такие практически независимые, но подчиненные (Арагону и Кастилье) образования, как Каталония и Гранада? И является ли вся мозаика Нидерландов единым государством (или только частью государства) под властью Габсбургов? Принадлежат ли системе европейских государств государства, находившиеся в вассальной зависимости от Оттоманской империи? В зависимости от принятого определения мы получим не меньше 80 отдельных образований, но и не больше 500.

Мы можем принять за среднее число 200. Примерно 200 формально автономных европейских политических образований того времени контролировали примерно 9500 квадратных миль каждое, то есть территорию, сопоставимую с территорией современных Сальвадора, Лесото и Катара.

Исходя из общей численности населения Европы (62 млн на 1490 г.), мы можем заключить, что в каждом государстве жило примерно 310 000 человек. Конечно, усредненные данные не дают представления о возможных вариантах: множество небольших государств Европы имели такое же население, как и громадная Россия. Тем не менее Европа начинала уже превращаться в территориально отдельные государства, организовывавшиеся вокруг получавших статус постоянных вооруженных сил страны, и военное превосходство доставляло крупным государствам больше возможностей для выживания.

Но все это только начиналось. В 1490 г. армии состояли главным образом из наемников, нанятых для определенной кампании, из клиентов богатых господ и гражданских ополчений. Регулярная армия заменила городские ополчения во Франции и Бургундии, но не в других странах. И в королевских доходах все еще большое место занимали подати и подушные подати. Внутри государств общины, гильдии, церкви и местные магнаты продолжали удерживать значительные самоуправляемые территории, пользовавшиеся неприкосновенностью. Центральное управление занималось, в основном, военными, судебными и фискальными делами. По-прежнему в центре Европы было несметное количество крошечных юрисдикций. Поскольку города-государства, союзы городов, династические империи и княжества были только номинально связаны с крупными монархиями и империями, а церковные организации, такие как Тевтонский орден, на европейском континенте сосуществовали (как бы они ни враждовали), то пока и не было ясно, что национальное государство, как мы его знаем, станет преобладающей формой организации в Европе. И только в XIX в., после наполеоновских завоеваний и последующего объединения Германии и Италии, почти вся Европа превратится в отдельные государства (территории которых не совпадали ни в какой мере), имеющие регулярные профессиональные вооруженные силы, осуществляющие контроль над населением, живущим на 40 000 квадратных миль или даже больше.

В последующие 400 лет в результате множества послевоенных урегулирований и создания нескольких федераций сильно

сократилось число европейских государств. В XIX в. их количество стабилизировалось. В начале 1848 г., например, в Европе было от 20 до 100 государств, в зависимости от того, как рассматривать 35 входивших в Германскую конфедерацию членов, 17 папских государств, 22 технически автономных частей Швейцарии и несколько зависимых, но формально отдельных образований, как Люксембург и Норвегия. В Готском альманахе, этом указателе представителей знати и государственных деятелей, алфавитный список начинается с крошечных Анхальт-Бернбург, Анхальт-Дессау, и Анхальт-Котан, а потом идут более крупные Австрия, Баден и Бавария.

Еще более крупными образованиями стали Германская империя и королевство Италии. К началу 1890 г. количество отдельных государств сократилось примерно до 30, причем девять из них входили в Германскую империю. На конец 1918 г. их численность уменьшилась приблизительно до 25 отдельных государств. Затем в XX в. количество и размер европейских государств не сильно изменились, несмотря на то, что решительно менялись границы по мирным договорам после Первой и Второй мировых войн. Если (следуя критерию Смолла и Зингера) мы будем принимать во внимание только те государства, размер которых обеспечивает их военную самостоятельность, мы на самом деле можем отметить даже остановку и поворот вспять продолжительной тенденции: при окончании наполеоновских войн было 21, в 1848 г. — 26, в 1980 г. — 29 (включая Мальту, Кипр и Исландию) (Small, Singer 1982: 47–50).

Теперь уже не 9 500 квадратных миль (как в 1490 г.), в 1890 г. 30 государств контролировали примерно 63 000 квадратных миль, что сравнимо с территорией современных Никарагуа, Сирии и Туниса. Вместо населения в 310 000 чел (как в 1490 г.), среднее государство в 1890 г. имело население примерно 7,7 млн. Если мы представим государства в виде кругов, то средний их радиус вырос с 55 до 142 миль. При радиусе в 55 миль правитель всего лишь одного города мог осуществлять прямое правление всей прилегавшей к нему территории; при радиусе в 142 мили правление нельзя было осуществлять без специального аппарата надзора и государственного вмешательства. И хотя великую консолидацию пережили такие микространства, как Андорра (175 квадратных миль), Лихтенштейн (61), Сан-Марино (24) и даже Монако (0,7), вообще со временем большие различия в размерах стали редки.

В целом, последней частью Европы, прошедшей процесс объединения в большие национальные государства, был пояс городов-

государств от Северной Италии вокруг Альп и вниз по Рейну до Нидерландов. В результате появления сначала Германии, а затем Италии эти цветущие, но вздорные по характеру маленькие княжества с их прилежавшими землями подпали под национальный контроль. Казалось, что после 1790 г. европейцы поняли: для того чтобы быть жизнеспособным, государство должно иметь территорию радиусом не менее 100 миль и контролировать площадь радиусом не более 250 миль.

ГОРОДА И КАПИТАЛ

Чтобы лучше разобраться в сложившейся географической картине, следует провести различия между системами городов и системами государств. Европейская система городов являла собой изменяющиеся отношения между концентрациями капитала; европейская система государств — изменяющиеся отношения между концентрациями принуждения. Европейские города складывались в слабо выраженную иерархию коммерческого и промышленного превосходства, внутри которой в каждый отдельный момент времени несколько сгруппировавшихся городов (обычно группировавшихся вокруг единого господствующего центра) определенно доминировали среди других. (Европейская иерархия, конечно, была только частью громадной сети городов, распространившейся еще в начале описываемого периода далеко в Азию, а со временем и в Африку, и в обе Америки.) Используя полезное упрощение Фернана Броделя, мы можем сказать, что Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам, Лондон и Нью-Йорк с успехом возглавляли европейскую систему городов с XIV до XX в.

Для занятия господствующего положения город нуждался не столько в больших размерах, сколько в том, чтобы занимать центральное положение в европейской сети торговли, производства и аккумуляции капитала. Тем не менее наибольшая концентрация капитала и городского населения обычно и встречалась в крупных городах (или группах городов). Используя классификацию по размерам и пренебрегая некоторыми границами, Дж.-Л. Рассел выделяет средневековые регионы с центрами: Флоренция, Палермо, Венеция, Милан, Аугсбург, Дижон, Кельн, Прага, Магдебург, Любек, Гент, Лондон, Дублин, Париж, Тулуза, Монпелье, Барселона, Кордова, Толедо, Лиссабон. От Флоренции до Гента города были более густонаселенными, а земли к ним прилегало меньше, особенно на итальянском конце. Судя по общему количеству населе-

ния в десяти крупнейших городах, список возглавляли регионы Венеции (357 000), Милана (337 000) и Флоренции (296 000) (Russell, 1972: 235). В 1490 г., согласно более точным подсчетам «городского потенциала» Жана де Ври, европейскую систему городов возглавляют регионы с центрами в Антверпене, Милане и Неаполе, а в 1790 г. наибольшей, доминирующей была, без сомнения, зона Лондона (включая территории за Английским каналом (Ла-Маншем) (de Vries, 1984: 160–164).

Система городов и система государств распределялись по карте Европы очень неравномерно, причем в противофазе. В 990 г. города были маленькими и разбросанными почти повсюду к северу от Альп. Тем не менее они были густонаселенными, а связи между ними более интенсивными по линии к северу от Болоньи и Пизы через Альпы к Генту, Брюгге и Лондону. Вторичные зоны концентрации городов находились в Южной Испании и Южной Италии. На землях Средиземноморья городов было существенно больше, чем на Атлантике или Балтике. В то крупнейшие города Европы Константинополь и Кордова были не только крупными центрами торговли, но и центрами Византийской империи, а соответственно и халифата; каждый имел население почти в полмиллиона человек (Chandler, Fox, 1974: 11). В течение следующего тысячелетия центральный пояс оставался самой развитой урбанистической зоной, но он расширился, и центр тяжести переместился севернее в направлении великих портов Атлантики. Начиная с 1300 г. пояс соединенных между собой городов к северу от Альп все больше разрастался. Наличие (или отсутствие) скоплений городов оказывало глубокое влияние на общественную жизнь региона и предопределяло возможность формирования государства. В тех условиях производства и транспортировки, которые были характерны для Европы XIX в., крупные города стимулировали развитие товарного сельского хозяйства на подчиненных землях, простиравшихся на много миль вглубь страны. Коммерческое сельское хозяйство, в свою очередь, обеспечивало процветание купцов-торговцев, зажиточных крестьян и мелких землевладельцев, одновременно ограничивая господствующее положение крупных землевладельцев относительно населения прилегающих сельских районов. (Исключение составляли те представители городского правящего класса, которые имели большие владения в прилегающих к городам районах, как это часто отмечалось в итальянских городах-государствах; здесь крестьянство в полном объеме ощущало на себе власть землевладельцев.)

Кроме того, города оказывали сильнейшее влияние на демографию окружающих регионов. До недавнего времени большинство европейских городов переживало естественную убыль населения: смертность здесь была выше рождаемости. Вследствие чего даже застойные города притягивали значительное количество мигрантов из близлежащих городов и деревень, а в растущие города устремлялись большие потоки мигрантов. Эти потоки численностью перекрывали не только дефицит рождений в городах, но и уровень роста городов, так как все миграционные системы включают не только движение в город, но и движение из него; торговцы-разносчики, купцы, слуги и мастеровые часто ходили из города в город, из одной страны в другую то из года в год, то от сезона к сезону. В потоке людей из деревни в город обычно было больше женщин, чем мужчин, так что численное соотношение полов (количество мужчин на 100 женщин) в деревне было выше, а в городе — ниже. Соответственно пришедшие из деревни могли заключить в городе брак.

Со стороны коммерции и демографии города сильно влияли на формирование государств. Оставим на время влияние городских правящих классов и городских капиталистов как сторонников или противников расширения власти государства, займемся этим позднее. Интенсивная торговля города с деревней давала правителям возможность получать доходы в виде таможенных сборов и акцизов, а сравнительно прибыльная экономика облегчала им задачу нейтрализации крупных землевладельцев при распространении королевской власти на города и деревни.

Отношения между городом и деревней также отражались на поставке солдат: откуда они возьмутся — из серфов и арендаторов сельских магнатов, будут ли они наемниками из регионов с высокой мобильностью и низким числом браков, городским ополчением или безземельными рабочими, набранными принудительно? Налогообложение, власть крупных землевладельцев и поставка в войска людей — все это было важно для формирования государств. Через поставку продуктов питания, миграцию, торговлю, коммуникации и возможности занятости большая концентрация городов накладывала отпечаток на общественную жизнь окружающих территорий и таким образом воздействовала на стратегию правителя, пытавшегося распространить власть государства на эти территории. В периоды роста городов это влияние только возрастало.

Несколько рискованно и не принимая во внимание региональные варианты, мы можем представить рост городов в Европе после 1000 г. в виде пяти этапов: период значительной экспансии, рас-

ширения примерно до 1350 г., время депрессии, а затем ненаправленных колебаний в 1350–1500 гг., ускорения в XVI в., замедления в XVII в. и, наконец, чрезвычайного ускорения после 1750 г. (Hohenberg, Lees, 1985: 7–9). Переход от первого этапа ко второму отмечен губительным распространением чумы в XIV в., начало третьего этапа — морскими экспедициями с Иберийского полуострова в Америку, в начале четвертого периода после 1600 г. отмечается всплеск надомного производства; перемещение капитала, промышленного производства, услуг и торговли в города — характерны для перехода от четвертого этапа к пятому.

В XVI–XVIII вв. многие европейские регионы, включая экономические зоны Милана, Лиона и Манчестера пережили protoиндустриализацию: здесь умножались небольшие мануфактуры, в том числе домохозяйства и во множестве появлялись купцы, обеспечивавшие связь с отдаленными рынками. Во время этой великой промышленной экспансии капитал шел к труду (а не наоборот), пролетаризировалось сельское население в том смысле, что оно определенно тяготело к работе и заработной плате с использованием тех средств, которыми владели капиталисты, оставаясь при этом в домохозяйствах и небольших мастерских. В это время в больших масштабах происходит накопление капитала, но не его концентрация. В течение XIX и XX вв. происходит движение в обратном направлении: происходит взрывной рост капитала, производство и рабочие тянутся в города, а громадные территории в деревнях деиндустриализируются. Все больше промышленники располагают свое производство там, где можно сократить расходы на сырье и доставку на рынок, не без оснований полагая, что рабочие доберутся до них за чей-нибудь еще счет. Последний всплеск концентрации весьма ускорил европейскую урбанизацию, и оформился тот покрытый городами континент, который нам сегодня известен как Европа.

Города росли вместе с населением Европы в целом, и количество городов умножалось даже тогда, когда доля городского населения оставалась неизменной; из имеющихся у нас сегодня фактов мы просто не знаем, насколько урбанизировалось население Европы более до 1350 г. Во всяком случае, пропорционально население городов до XIX в. росло не слишком быстро. Согласно наиболее достоверным подсчетам населенных пунктов с населением 10 000 или больше было 5% в 990 г., 6% — в 1490 г., 10% в — 1790 г. и 30% в 1890 г. Для сравнения: сегодня этот показатель равен 60%. (Baigosa, 1985: 182, 282; de Vries, 1984: 29–48).

Графическое представление процесса урбанизации отражает историю европейского капитала. Веками основная масса европейского ликвидного капитала находилась в руках мелких торговцев, которые были рассеяны по всему континенту, продавая товары, произведенные в других местах, или руководя производством формально независимых производителей в деревнях, городах и маленьких городках. Такие крупные центры капитала, как Генуя, Аугсбург и Антверпен, сыграли решающую роль в объединении Европы и связи ее с остальным миром, но им принадлежала лишь небольшая часть всего находившегося в движении капитала.

Разрозненность сведений не позволяет нам более определенно описать положение до 1490 г. Подсчеты Поля Бероша и подсчеты, недавно проделанные Жаном де Ври, относительно европейской урбанизации после 1500 г., тем не менее позволяют предложить некоторые простые, но показательные цифры. В *таблице 2.1* отражены самые общие долгосрочные показатели роста городов до 1490 г., ускорение в XVI в., замедление в XVII в. и невероятную урбанизацию после 1790 г. К 1980 г. ограничение в 10 000 человек потеряло значение (отсюда предположительные цифры в таблице), 390 городов имели население в 100 000 человек и более. По статистике 1980 г. примерно 34,6% человек жили в крупных городах с населением, по крайней мере, 100 000. Быстрый рост городов после 1790 г. связан с концентрацией капитала в XIX в., ростом числа рабочих мест и появлением общественного транспорта. Но в течение всего периода после 1490 г. прилегающие к большинству городов зависимые от них экономические районы уменьшались в размерах.

Таблица 2.1. Урбанизация в Европе с 990 по 1980 г. на запад от России

	990	1490	1590	1690	1790	1890	1980
<i>Количество городов с населением 10 000 и более</i>	111	154	220	224	364	1709	5000?
<i>Население в городах по 10 000 и более (в млн)</i>	2.6	3.4	5.9	7.5	12.2	66.9	250?
<i>Прирост в % за год после предыдущей даты</i>		0.1	0.6	0.2	0.5	1.7	1.5?
<i>% от общей численности населения, проживающего в городах по 10 000 и более</i>	4.9	5.6	7.6	9.2	10.0	29.0	55?
<i>Площадь городов в тысячах квадратных миль</i>	17.1	12.3	8.6	8.5	5.2	1.1	0.4?

Источник: de Vries, 1984: 29-48; Bairoch 1985: 182.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОД—ГОСУДАРСТВО

Различия в путях развития городов и государств изменили и некоторые другие важнейшие соотношения. В 990 г., когда существовали тысячи государствовподобных образований, в Европе на 20–30 таких «государств» приходился, может быть, один город с населением 10 000. В 1490 г. один такой город приходился уже на одно-два государства. В 1890 г. некое (вымышленное) среднее государство имело около 60 городов с населением 10 000 человек и более. Одно это изменение предполагает фундаментальные перемены во взаимоотношениях правители—подданные: изменилась техника осуществления контроля, изменились фискальные стратегии, изменился спрос на услуги, изменилась политика.

Судьба государств определялась городами в том смысле, что города служили местами накопления и распределения капитала. При помощи капитала городские правящие классы распространяли свое влияние на прилегающие к городам районы, составлявшие их экономические зоны (urban hinterland), а также по широко раскинувшимся торговым сетям. Но в разных городах городские олигархии владели различными (в количественном отношении) капиталами; по сравнению с Амстердамом XVII в. некогда великолепный Брюгге выглядел ничтожным. Тот факт, что города суть места (loci) накопления капитала доставляет политическим властям (городов) доступ к капиталу, кредиту и контроль над прилегающими территориями, которые (будучи захваченными или присоединенными) могут послужить и монарху. Этот факт определенно заявлен Адамом Смитом: «В стране, где множество купцов и промышленников... конечно, множество групп людей, которые могут во всякое время, если пожелают, направить очень большие суммы денег правительству» (Smith, 1910 [1778]: II, 392).

Если они этого пожелают: за этим условным предложением стоят века борьбы капиталистов с королями. И все же Адам Смит совершенно верно подчеркивает, что государство имеет большие преимущества в регионах развитого капитала.

Сами государства действовали главным образом как держатели (и потребители) средств принуждения, в особенности вооруженных сил. В наши дни государств всеобщего благосостояния, государств-регуляторов, государств, которые активно вмешиваются в экономику, центральная функция принуждения сократилась и стерлась. Но на протяжении тех тысячи лет европейской истории, которые нас занимают, военные расходы обычно пожи-

рали большую часть государственных бюджетов, а вооруженные силы, как правило, представляли собой самую большую и единую власть.

Особенности географии формирования европейского государства и создания городов представляли собой серьезную проблему для всякого будущего правителя. Основываясь на работах Поля Хохенберга и Линн Лиз, можно провести грубое различие между городами как *центрами* власти и городами как точками в *сетях городов*. Все города принадлежат обеим системам, но относительное значение этих двух характеристик сильно меняется от одного города к другому (Hohenberg, Lees 1985: Ch. 2). Центр иерархической системы распределяет поток товаров повседневного потребления, таких как предметы питания и одежды, среди населенных пунктов прилегающего региона; сырье и простые товары (товары первой необходимости) обычно перемещаются вверх по иерархии основных (городов) к самым крупным поселениям, предоставляющим наибольшие рынки. В то же время изысканные и специальные товары, особенно произведенные за пределами региональной системы, обычно перемещаются вниз: из более крупных центров — в меньшие. На большом отрезке истории, который мы исследуем, основную часть товаров потребителям доставляют производители сырья, местные торговцы, разносчики и сезонные общественные рынки.

В то же время сети городов связывали между собой отдельные региональные центры с более высоким уровнем развития, отдаленные друг от друга иногда на тысячи километров. И если лес, зерно, соль и вино в Европе перевозили на дальние расстояния задолго до 1500 г., то сети городов специализировались на обмене легких, но дорогих товаров, таких как пряности и шелка. В Европе в этих сетях важную роль играли торговцы и финансисты, располагавшие значительными капиталами. Веками важнейшую роль играла торговая диаспора (как назвал ее Филипп Куртен). Это были разбросанные по миру группы занимающихся торговлей: евреи, армяне или гемуэзцы, объединенные общностью языка, религии или родством, а иногда и местом происхождения, — они помогали друг другу преодолеть неопределенность международной торговли, а также кредитом, информацией о рынках и предоставлением преференций (Curtin, 1984). Даже там, где роль торговых диаспор в установлении связей между отдаленными центрами была невелика, разделенные большими расстояниями торговцы обычно поддерживали отношения с такими же, как они, посредством путешествий, личной кор-

респонденции, оказанием поддержки на месте и контактами через общих знакомых.

Имеющие в своем распоряжении средства принуждения правители могут (при некотором усилии) захватить всю территорию, принадлежащую одной или нескольким центральным иерархиям. Они могут даже перестроить эти иерархии для большего соответствия своему государству. К XVI в. сложилось некоторое соответствие между Англией и системой власти Лондона, между Францией и системой власти Парижа. Но редко и с большим трудом государство соответствует контурам далекой системы городов. Такие союзы, как Ганзейская лига, и такие морские империи, как Венеция и Португалия, на время становились близкими, но всегда пребывали в состоянии соперничества или переговоров с территориальными правителями, предъявлявшими права на тот или иной их торговый форпост. Консолидировавшись, Оттоманская империя, несмотря на доходность большинства торговых путей Венеции, обрела на гибель необыкновенную торговую империю, которую венецианцы создали в XII–XIII вв. С другой стороны территориальные государства, где торговцы занимались международной торговлей, всегда сталкивались с властными экономическими акторами, чьи широкие связи они не могли полностью контролировать. Эти последние легко могли бежать со своим капиталом в другое место для ведения своего дела, если притязания правителей становились невыносимыми. Постоянное расхождение между географией принуждения и географией капитала было залогом того, что складывавшиеся вокруг них социальные связи будут также развиваться по-разному.

В Европе в целом изменения государственного контроля над капиталом и принуждением в период с 900 г. до наших дней можно представить в виде двух параллельных кривых. Сначала в период *патримониализма* европейские монархи извлекали необходимый им капитал как дань или ренту с земель и населения, находившихся под их непосредственным контролем, — часто в точно обговоренных пределах. Во время *брокеража* (особенно в 1400–1700 гг. или около того) они полагались в первую очередь на то, что брали у формально независимых капиталистов как долг, как плату за управление доставлявшими доход предприятиями и за право собирать налоги. К XVIII в., однако, наступило время формирования армий *национальных государств*. Теперь многие суверенные правители включали фискальный аппарат в структуру государства и решительно сокращали участие независимых вербовщиков. В последнее столетие,

в эпоху *специализации*, происходит окончательное отделение фискальных организаций от военных, и государства все меньше контролируют основной капитал.

Похожая эволюция имела место и в том, что касалось принуждения. В период патримониализма монархам поставляли вооруженные силы вассалы и народные ополчения, обязанные им лично служить — но и здесь в установленных договором пределах. В период брокеража (и, особенно, между 1400 и 1700 гг.) они все больше переходят к наемникам, которых им поставляли вербовщики, пользовавшиеся значительной свободой действий. Затем в эпоху формирования армий национальных государств суверенные правители включали армии и флот в административную структуру государства, постепенно переходя от использования иностранных наемников к найму и призыву в свои войска главным образом собственных граждан. С середины XIX в., в период специализации, европейские государства создали систему гражданских вооруженных сил из собственных граждан, систему, которая опиралась на широкую гражданскую бюрократию, и отделили полицию, специализировавшуюся на употреблении принуждения в мирное время.

К XIX в. большинство европейских государств уже (интернационализировали) имели и вооруженные силы, и механизмы осуществления фискальной деятельностью; таким образом они сократили участие в управлении сборщиков налогов, военных вербовщиков и других независимых посредников. При этом правители продолжали переговоры с капиталистами и другими классами по вопросам кредитов, доходов, людских ресурсов и других потребностей для ведения войны. В ходе этих переговоров выдвигались новые требования к государству: пенсии, выплаты бедным, государственное образование, планирование городов и многое другое. В результате государства превращались из громадных машин для ведения войны в многофункциональные организации. Государства, однако, не ослабляли своих усилий по осуществлению контроля над принуждением и капиталом, но занимались этим наряду с деятельностью по регулированию, возмещению, распределению и защите.

До XIX в. мы отмечаем значительные различия в том, когда государства проходили эти два главных процесса развития и с какой интенсивностью. Датское государство в течение столетия или больше нанимало большие армии и флоты; здесь государство рано стало управлять финансами, однако долгое время находилось в зависимости от капиталистов Амстердама и других торговых городов. По временам Датское государство просто распалось на несколь-

ко правительств своих главных муниципалитетов. В Кастилье, напротив, преобладали сухопутные войска — часто нанятые в Испании; здесь монархия получала у торговцев кредит, превращая их в рантье, а средства на компенсацию затрат получали из колоний. В истории Португалии, Польши, итальянских городов-государств и Священной Римской империи мы видим другие комбинации этих двух путей развития, и там сложились совершенно иные структуры государства.

ФИЗИОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА

Почему европейские государства пошли столь разными путями, но в одном направлении — все большей концентрации капитала и принуждения? Для решения этой проблемы нужно обратиться к двум причинам. Первая заключается в продолжительной и агрессивной конкуренции за территорию и возможность торговли сменявших друг друга государств неравного размера, что сделало войну движущей силой европейской истории. Вторая заключается в том, что Габриэль Арендт называл «физиологией» государства: процессы, посредством которых государства получают и распределяют средства осуществления основных видов их деятельности. Для того отрезка истории, которым мы в основном занимаемся, важнейшими были средства принуждения, средства ведения войны. Средства принуждения были необходимы для ведения войны (нападения на внешних соперников-врагов), создания государства (нападения на внутренних соперников) и защиты (нападения на врагов клиентов государства). К средствам принуждения также прибегали при осуществлении государством изъятия (отъема у подданных средств для осуществления деятельности государства) и разрешения споров между отдельными представителями этого населения. И только в отношении производства и распределения средства принуждения были не очень-то нужны государству — но даже и здесь степень принуждения варьировалась от государства к государству. Там, где государства устанавливали монополию на производство соли, оружия или табачных изделий, например, они как правило при этом прибегали к оружию; контрабанда обычно становится контрабандой там, где правители решаются монополизировать распределение этих товаров или других предметов потребления.

Средства принуждения — это оружие плюс люди (мужчины), которые умеют им пользоваться. (Я имею в виду именно мужчин, как это принято на Западе, женщины играли исключительно неболь-

шую роль в создании и использовании органов принуждения, чем, возможно, и объясняется их подчиненное положение в государстве.) Деятельность агентов государства облегчалась концентрированием принуждения и препятствием другим в том, чтобы воспользоваться принуждением, и это вплоть до того, что: а) производством оружия занимались только посвященные, применялись редкие материалы и значительный капитал, б) лишь ограниченное число групп имело возможность независимо мобилизовать большое количество людей и с) мало кто знал секреты превращения групп людей с оружием в вооруженную силу. С течением времени правители европейских государств, воспользовавшись всеми этими условиями, перешли к монопольному использованию все большей концентрации средств принуждения на своих территориях: армий, сил полиции, оружия, тюрем и судов.

Государства употребляли концентрированное принуждение для нескольких целей. В течение первых столетий после 990 г. у королей редко было больше вооруженных сил, чем у их главных васалов. Логистика обеспечения питания и содержания вооруженных людей требовала непозволительно больших средств для организации регулярной армии. Армия короля обычно состояла из небольшого регулярного отряда и войска, которые только на время отрывались от гражданской жизни и поступали под начало тех, кто выступал на стороне короля. Присутствие монарха укрепляло личные связи воюющих: «Было правилом, чтобы король лично командовал всякой сколько-нибудь важной кампанией. Его возраст не имел значения; Отгону III было 11 лет, когда он возглавил армию в борьбе с саксонцами (991), а Генриху IV — 13, когда он в 1063 г. пошел на войну с венграми» (Contamine, 1984: 39). В походе королевские армии кормились в основном за счет реквизиций (что теоретически должно было возмещаться из королевской казны) и грабежа (без возмещения); столетиями нельзя было отличить первое от второго.

В городах обычно создавали народные ополчения для защиты городских стен, патрулирования улиц, прекращения общественных конфликтов, а также для участия то и дело в битвах с врагами города и королевства. Особые муниципальные ополчения были в Испании; им отводилась главная роль в завоевании христианскими королями мусульманской Иберии. Этим объясняется та большая власть, какую имели муниципалитеты (где преобладали дворяне) после Реконквисты, а отличие *caballero* (всадника) от *peona* (пешего солдата) затем трансформировалось в устойчивое общее социаль-

ное деление (Powers, 1988). В других частях Европы короли старались ограничить независимые вооруженные силы, находившиеся в распоряжении горожан, по той основательной причине, что горожане всегда были готовы использовать эти силы в своих интересах, в том числе и сопротивляясь требованиям короля.

Разного рода вооруженным силам противостояли многочисленные группы вооруженных людей, действовавших вне королевского контроля: в том числе вассалы тех лордов, которые в данное время не были призваны на службу королю, бандиты (часто бывшие демобилизованными солдатами, продолжавшими дальше грабить уже без одобрения короля) и пираты (которые часто действовали под гражданской или королевской защитой). Аккумуляция средств принуждения была незначительной, но повсеместной, незначительной была и концентрация, — причем больше всего концентрировали принуждение правители.

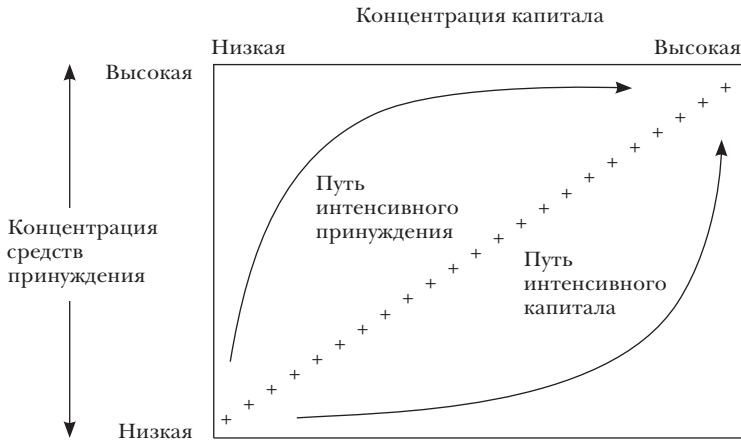
Постепенно в распоряжении государства оказываются разнообразные вооруженные силы, которые управляются бюрократически и более или менее интегрированы в центральную администрацию. Даже Испания, печально знаменитая тем, что государство неоднократно теряло власть в пользу своих подданных и грандов, теперь предпринимает неоднократные попытки отделить вооруженные силы от их гражданского окружения. Так Филипп II сознательно отдает вооруженные силы под прямой правительственный контроль, притом что в правление его отца Карла V командование ими было едва ли не в частном владении грандов. К 1580 г. «уже весь военный истеблишмент целиком был под короной и управлялся министрами, а испанские, неаполитанские и сицилийские галеры (после краткого и неудачного перехода на контракты в 1574–1576 гг.) вернулись назад под контроль администрации. Теперь подготовка средиземноморских флотов и гарнизонов Северной Африки была под контролем королевского комиссариата в Севилье, производство оружия и селитры находилось под строгим наблюдением королевских чиновников, а производство пороха вообще было королевской монополией» (Thompson, 1976: 6–7).

В течение следующих 50 лет из-за трудностей финансирования и администрирования Испания возвращается к широкой системе контрактов и местному контролю, и тем не менее отныне вооруженные силы действуют как отдельные, оформленные ветви власти в национальном государстве. Так что к XIX в. испанская армия становится настолько самостоятельной, что неоднократно вмешивается в национальную политику (Ballbe, 1983).

В Испании и других странах довольно рано (и навсегда) произошло резкое отделение армии от флота. Отделение же армии (обычно специализирующейся на ведении военных действий с другими вооруженными силами) от полиции (обычно специализирующейся на контроле над невооруженными или слабо вооруженными лицами и группами лиц) в национальном масштабе происходит довольно поздно – в большинстве стран в течение XIX в. К этому времени происходит широкая, концентрированная и потому неравномерная аккумуляция сил принуждения. К XIX в. государства сумели неплохо вооружиться и практически разоружили свое гражданское население.

На *рис. 2.6* схематически представлены отношения между городами и государствами как взаимодействие капитала и принуждения. Выше пересекающей схему диагонали находятся государства, где принуждение превосходило капитал, ниже – капитал был сильнее принуждения. Указанное разделение распространяется и на отдельные города: так, в больших европейских портах, как Амстердам или Барселона, капитал обычно был в избытке, притом что аппарат принуждения был сравнительно невелик, в городах, бывших местопребыванием монархов, – Берлин и Мадрид, – напротив, принуждение было гораздо сильнее капитала.

Это различие проявляло себя также и в окружении государств. Общее направление развития в Европе в течение тысячелетия шло по диагонали вверх ко все большей и большей концентрации как капитала, так и принуждения. Но разные государства, двигаясь

Рис. 2.6. Два пути развития концентрированного капитала и концентрированной способности к принуждению в Европе, 1000–1800 гг.

в одном направлении, шли различными путями. Так, Бранденбург-Пруссия сложилась в обстановке сильного принуждения и недостаточного капитала, эти приметы ее раннего развития она сохраняла даже тогда, когда подчинила своему контролю капиталистические города Рейнской области. Дания располагала большей концентрацией капитала, чем остальная Скандинавия, и прикладывала меньше усилий (как государство) к созданию своей военной мощи.

Тевтонские рыцари (орден госпиталя св. Марии в Иерусалиме) пошли необычным путем: сначала грабители-крестоносцы в Святой Земле (откуда их тесная связь с миром пиратов в деле морской торговли) в конце XII в., затем правители большей части Трансильвании в XIII в., затем завоеватели и колонизаторы языческой Пруссии, где они правили как крупные землевладельцы с 1300 г. по XVI в. Эти рыцари всего лишь за 30 лет перешли от формирования государства по модели интенсивного капитала к формированию по модели интенсивного принуждения. Тем же путем устремились мальтийские рыцари (известные также как госпитальеры — рыцари ордена Госпиталя святого Иоанна Иерусалимского, а затем как рыцари Родоса), но в конце концов оказались в совершенно ином месте: «...Религиозный орден, сложившийся к 1100 г. на Святой Земле и почти немедленно превратившийся в военный орден для защиты восточно-латинских государств, а после отступления на Кипр перешедший к морским операциям (1291). Затем орден перемещается на Родос (1309) и наконец (по водворении на Мальте в качестве суверенного государства под сюзеренитетом короля Сицилии в 1530 г.) был принужден посвятить все свои силы этому своему призванию» (Fontenay, 1988a: 362).

Занявшись легализованным пиратством со своей базы на Мальте, рыцари пошли более капиталоминтенсивным курсом, чем их бывшие соседи по Святой Земле. То есть мы можем представлять себе нашу диаграмму как карту многообразных путей, какими шли европейские государства при разнообразии их отношений с городами на своей территории.

Настоящая диаграмма отражает тот посыл, эскиз которого я набросал в первой главе: сильные правители в определенном районе определяют условия войны для всех, перед слабыми правителями открываются две возможности: или приспособливаться к требованиям могущественных соседей, или прилагать невероятные усилия, готовясь к войне. Ведение войны и подготовка к ней вынуждают правителей заняться изъятием средств для войны у тех, кто владел основными ресурсами — людьми, оружием, запасами про-

довольствия или деньгами, чтобы все это купить — и кто вовсе не склонен был их отдавать без сильного на них давления или компенсации. В пределах выгод и трудностей, которые возникали на поле межгосударственного соперничества, именно процессы изъятия ресурсов и борьбы по поводу средств ведения войн сформировали основные структуры государственности. На территории определенного государства сильнейшее влияние на стратегию правителей в деле добывания ресурсов оказывали организации основных общественных классов и их отношение к государству, оказываемое правителям сопротивление, возникающая в результате борьба, те долговременные организации, которые возникали в результате изъятия и борьбы и, следовательно, эффективность добывания ресурсов.

Организация основных общественных классов и их отношения с государством в Европе были самыми разными. Варианты изменяются от регионов с интенсивным принуждением (ареалы с небольшим количеством городов и преобладанием сельского хозяйства, где значительную роль в производстве играло прямое принуждение) до регионов с интенсивным капиталом (ареалы со множеством городов и ведущей ролью коммерции, где основную роль играли рынки, обмен и ориентированное на рынок производство). Соответственно варьировались и требования основных классов к государству, а также их влияние на государство. Кроме того, значительно варьировалась по регионам (от регионов с интенсивным принуждением до регионов с интенсивным капиталом) относительность успеха различных стратегий изъятия.

В результате организационные формы государств развивались по решительно различным траекториям в разных частях Европы. Самые разнообразные варианты государств становилось преобладающим в данную эпоху и в данной части Европы. И только к концу первого тысячелетия национальные государства начали определенно побеждать города-государства, империи и другие общие для Европы формы государств. Тем не менее разрастание войн и собиранье европейских государств в систему посредством коммерческого, военного и дипломатического взаимодействия постепенно обеспечили военные преимущества тем государствам, которые могли выставить регулярные армии. Победили государства, где (в каком-либо виде) отмечается наличие следующих факторов: большое сельское население, капиталисты и сравнительно прибыльная экономика. Эти государства определяли условия войны, и их форма стала преобладающей в Европе. Постепенно европейские государ-

ства стали трансформироваться в одном направлении — в направлении национального государства.

На каждом пути, отмеченном на *рис. 2.6*, более ранние шаги сдерживали последующие. Если правящие классы города играли важную роль на начальных этапах складывания некоторого государства (как это было в Голландии), такое государство и долгое время спустя несло отпечаток этого в форме буржуазных институтов. Если государство сложилось в результате покорения масс сельского населения (как это происходило в сменявших друг друга российских империях), здесь и в дальнейшем рост городов ограничивался. В таких регионах разрасталось дворянство, поскольку монархи предоставляли фискальные привилегии и немалые полномочия на местах тем носившим оружие землевладельцам, которые периодически несли военную службу.

LIAISONS DANGEREUSES (ОПАСНЫЕ СВЯЗИ)

Почти постоянно в течение последнего тысячелетия европейские города и государства имели *liaisons dangereuses*, устанавливая такие амбивалентные отношения, когда союзники неразрывно связаны друг с другом и при этом друг друга не выносят. Города и жившие там капиталисты заручались обязательной защитой со стороны специалистов по принуждению, стоявших во главе государств, но имели все основания бояться, что защитники станут вмешиваться в их дела и направлять принадлежащие им ресурсы на ведение войны, подготовку к ней или плату за прошлые войны. Государства и сами военные зависели от (живших в городах) капиталистов в отношении финансовых средств для рекрутирования и содержания войска, но они и в самом деле беспокоились о том сопротивлении государственной власти, которое провоцировалось городами, их коммерческими интересами и рабочим классом. Города и государства находили основания для нелегких соглашений о получении защиты в обмен на доступ к капиталу, но до XIX в. такие соглашения были непрочными.

Сегодня трудно даже представить себе, на какие махинации шла в XVII в. Мессина — главный торговый город Сицилии. Сицилия с тех пор стала столь ярким воплощением отсталости, что мы забываем о многих столетиях сицилийского величия, этого моря блистательных царств, житницы Средиземноморья и предмета борьбы великих держав. Сицилия — некогда мусульманская, затем норманнская — подпала под правление Арагона в 1282 г., а в XVI в.

с образованием объединенной монархии (Арагона и Кастильи) стала собственностью Испании. В тисках испанского правления исходили злобой купцы-олигархи Мессины, поскольку в интересах династии им закрыли доступ на иностранные рынки и отстранили от контроля над экспортом сицилийского шелка. В 1674 г. Испания (в довольно свободном союзе с Голландией) воевала с Францией (в то время бывшей в довольно свободном союзе с Англией). Власти в Мессине закрыли ворота своего города для испанских войск, обратились за помощью к Франции, Англии и Османской империи, попросив, чтобы независимая Сицилия управлялась из Мессины иностранным королем, а их порты были освобождены от таможенных сборов, приветствовали французского губернатора Сицилии с его войсками.

Однако уже через три года мессинцы устали от французской оккупации, а французы утратили желание содержать военный истеблишмент вероломных местных жителей. Когда французы оставили город, а следом за ними оттуда бежали знатные семейства, оставшиеся купцы создали гражданскую гвардию и приветствовали возвращение испанцев (Mack Smith, 1968a: 225–230). На Сицилии, как и повсюду вообще, соглашения государства с городом не были достаточно надежны, если под воздействием внешних обстоятельств менялось военное положение государства или коммерческое положение города, или когда та или другая сторона злоупотребляла своим преимуществом. Правители и держатели капиталов постоянно перезаключали соглашения соответственно изменившемуся положению.

Впрочем, и отношения таких пар (государство—город) были разными. Существовали самые разнообразные географические и временные варианты этих отношений. Так, Венеция создала собственную торговую империю и довольно поздно перешла к покорению территории дальше на континенте. Польские вельможи препятствовали росту городов, а Париж (несмотря на все бунты) преданно служил французской монархии.

Возвращаясь к нашей диаграмме капитал—принуждение, опишем в общих чертах несколько разных европейских ареалов (*рис. 2.7*). По принятым для данной диаграммы параметрам польское государство нужно расположить в области избыточного принуждения и недостатка капитала, в действительности же оно находилось накануне снижения концентрации и того, и другого, поскольку вельможи присвоили себе значительную часть и капитала, и принуждения. В начале своего существования скандинавские государства

находились в области значительной концентрации принуждения, но со временем продвигались к более высоким уровням контроля над концентрированным капиталом. Небольшие немецкие государства, итальянские города-государства и Голландская республика, напротив, начали рассматриваемое движения в условиях значительной концентрации капитала, но при слабых, нерегулярных вооруженных силах и только постепенно перешли к регулярному, концентрированному военному истеблишменту.

Положение городов относительно разных по значению рынков (международных, региональных, местных и т.д.) примерно соотносилось с их размерами и демографическим влиянием на прилегающие (пригородные) территории, зависящие от них экономически, уровнем накопления капитала и их способностью создавать и контролировать сферу влияния. Эти факторы, в свою очередь, оказывали значительное влияние на сравнительную привлекательность разных городов как источников капитала, необходимого для создания армии и формирования государства, на самостоятельность их правящих классов относительно будущих или имеющих создателей государства и на развитие их представительных институтов. Чем выше было рыночное положение города (в среднем), тем больше возможность, что городская олигархия в отношении национальных правителей выступала как безусловно равноправный партнер с широким представительством.

Соответственно большие торговые города и города-государства могли оказать более действенное сопротивление вмешательству

Рис. 2.7. Предположительные траектории развития различных государств

национального государства, чем города в преимущественно аграрных районах. Чаще всего национальные государства приобретали действительный контроль над большими торговыми городами тогда, когда они начинали терять свое господствующее положение на международных рынках. Но и тогда важные торговые города могли встроить в государственный аппарат больше структур муниципальной власти, чем местные или региональные центры, и избитие такие городов обычно замедляло формирование национального государства. С другой стороны, в отсутствие наличного капитала правители создавали громоздкие аппараты для выдавливания необходимых ресурсов у сопротивлявшихся граждан.

Так (при некоторых важных исключениях), протестантская Реформация сосредоточилась в поясе европейских городов-государств и поначалу стала базой сопротивления власти централизовавшихся государств. Исключение составляли католическая Северная Италия, где Римская церковь всегда оставалась самой влиятельной, а также протестантская Богемия и Венгрия, — безусловно, сельскохозяйственные ареалы, где однако задолго до Реформации сложились популистские разновидности христианства. Во многих странах, особенно в Англии и северных странах, правители сами продвигали и принимали некоторые собственные разновидности Реформации, обеспечивая широкий государственный контроль над религиозными учреждениями и тесное сотрудничество клира и светских чиновников в местной администрации. В других местах (Нидерланды) протестантство стало привлекательной доктринальной базой сопротивления имперской власти, прежде всего власти, провозглашавшей божественное происхождение королевских привилегий. Правители перед лицом протестантизма имели три возможности: принять его, поглотить или бороться с ним.

Внутри Священной Римской империи разделение на официально протестантские и католические княжества и опасность того, что (преследуя династические цели по религиозным соображениям или в поисках основы сопротивления) правитель переменит веру были постоянным источником разногласий в XVI в. Вестфальский мир, положивший конец Тридцатилетней войне в 1648 г., предусматривал, что всякий правитель, перебивший веру, лишается прав на корону. Так что религиозные противоречия сохраняли свое значение для внутренней политики европейских стран, но перестали быть поводом к войне.

В целом, большие государственные церкви (протестантские, католические или православные) появились там, где само государ-

ство в процессе создания крупных вооруженных сил создавало большие гражданские или военные бюрократии. Население в ареалах концентрированного капитала обычно сопротивлялось насаждению предписываемого государством свыше культа так же успешно, как раньше успешно сопротивлялось развитию национального государства.

Лондон и Англия — представляют собой пример противодействия теоретически постулируемому противостоянию деятельности капиталистов и власти государства. В Англии, несмотря на наличие громадных торговых городов, сравнительно рано сформировалось значительное государство, и оно поддерживало господствующую государственную церковь даже до XIX в. Отметим, однако, существенные отличия английского опыта. Монархия здесь получила широкую власть еще до того, как Лондон стал большим интернациональным центром, в этом отношении Англия больше напоминала Скандинавию, чем Нидерланды. Благодаря, впрочем, родственным, торговым и финансовым отношениям лондонские торговцы имели тесные связи с аристократией и джентри; Лондонский Сити имел прямое представительство в парламенте и через Гильдию (Livery) полунезависимый голос в делах короны. Этим Англия напоминала скорее Нидерланды, чем Скандинавию. Начиная с XVII в. королевская власть все больше ограничивалась представительным учреждением лендлордов и буржуазии — парламентом. Таким образом, Англия прошла некоторый исторический путь по обоим главным путям формирования государства.

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА

Из опыта других ареалов известно, что переговоры по поводу предоставления необходимых для ведения войны средств оказывают большое воздействие на складывающиеся формы представительства. В Португалии, где королевские доходы очень зависели от торговли с другими странами, мы находим самые разные представительные институты, кроме широкого участия в переговорах лиссабонского городского самоуправления. В королевстве Арагон XVI в. в таком же положении по отношению к короне находилась Барселона: влиятельный здесь *Consell de Cent* мог в обход наместника короля обратиться напрямую к королю в Мадриде, но этот орган не имел достаточно власти, чтобы управлять всем Арагоном, ни тем более всей Испанией. В Кастилье большую власть имели Кортесы, будучи инструментом крупных землевладельцев и восемнадцати го-

родских олигархов. В целом же сами институты городской власти становились частью государственных структур чаще там, где сильнее была власть капиталистов.

Государства, где командные посты были в руках капиталистических и буржуазных институтов, имели больше преимуществ, в случае если надо было быстро мобилизовать капитал для дорогостоящей войны. Но они оказывались в уязвимом положении перед отзывом капитала или в связи с требованиями коммерческой защиты. Все издержки и преимущества господства капиталистов можно проиллюстрировать на примере Голландской республики (Dutch Republic). С одной стороны, голландцам было легко собрать средства для ведения войны: самый быстрый способ — занять у своих богатых граждан. Больше времени требовалось, чтобы собрать эти средства через налоги на продажи (всего — от слоновой кости до спиртного) и таможенные пошлины (Hart, 1986, 1989a, 1989b; Schama, 1975). Голландцы справлялись с этими задачами, не создавая большой постоянной государственной структуры. Громадный голландский флот, включая собственные флоты Ост-Индской и Вест-Индской компаний, можно было быстро превратить в грозную силу. Но республика могла вести войну (или предпринимать другие решительные действия) только если большие провинции (в особенности Голландия) соглашались платить, а они часто отказывались. Военные преимущества таких государств проявлялись в зависимости от типа военных действий: оказалось, что эти преимущества были велики в случае морской войны, они были меньше в случае применения артиллерии и кавалерии и оказывались постоянной помехой для тактики ведения войны большими армиями.

С появлением регулярных вооруженных сил давление с требованием средств на ведение войны сокращалось (хотя, конечно, полностью не прекратилось), соответственно возрастало преимущество тех государств, у которых был долгосрочный кредит или широкая налоговая база. Такие государства, как Пруссия, Франция и Британия — часто считающиеся примерами эффективного формирования государства, — привлекали крупных землевладельцев и торговцев, создали постоянные армии (и флоты) во время перехода к тактике использования больших армий в период от Тридцатилетней войны до наполеоновских войн и в результате создали значительный централизованный бюрократический аппарат управления. Различия, устанавливаемые между этими хрестоматийными примерами, составляли лишь небольшую часть среди всех путей формирования европейских государств.

Во время мобилизации сил для войн Французской революции и наполеоновских войн большинство европейских государств выросло и централизовалось. С окончанием этих войн они все несколько уменьшились — внушительным было уменьшение даже за счет демобилизации миллионов военных, бывших под ружьем к 1815 г., — однако их бюджеты, бюрократический персонал и уровень активности остались на более высоком уровне, чем были в 1790 г. Война в Европе и за границей по-прежнему была первой причиной увеличения государственных расходов. Тем не менее в XIX в. происходят важные изменения в процессе формирования государства. Громадный вброс труда и капитала в большие и маленькие города поставил перед правителями такие угрозы и возможности, каких они раньше не знали: возникла угроза коллективных и концентрированных действий рабочего класса, появились совершенно новые возможности **изъятия** и контроля. По всей Европе в огромных масштабах увеличился объем деятельности государства; совершенствование навигации, строительство дорог и железнодорожной сети, охрана порядка силами полиции, открытие школ, почт, регулирование отношений труда с капиталом — все это теперь составляло регулярную деятельность государства и все давало возможность привлечь на службу государству специалистов. Формировались и множились разные виды профессиональных служб.

Правители идут на прямые переговоры с подчиненным им населением по поводу больших налогов, военной службы и сотрудничества в государственных программах. Причем, одновременно большинство государств сделали следующие два важнейших шага: они начали движение за переход к прямому правлению, которое бы уменьшило роль местных и региональных патронов, и обеспечили наличие представителей национального государства в каждой общине (группе населения), а также расширение консультаций с народом в форме выборов, плебисцитов и законодательных органов. Таким образом, продвигалась идея национальности как в смысле идентификации населения с целями государства (для большинства), так (для меньшинства) т национализма в смысле сопротивления единообразию и интеграции, сопротивления от имени отдельных языковых и культурных групп. Только в XIX в. в ходе поглощения населения государством появились такие его (государства) свойства, которые мы теперь считаем само собой разумеющимися: проникновение государства во все сферы жизни, борьбу за власть в государстве и в связи с его политикой, появление серьезных соперни-

ков у вооруженных сил в борьбе за долю в бюджете и многое другое. Европейские государства, как бы они ни различались между собой системой отношений государства с экономикой, постепенно приходят к единой модели бюрократии, вмешательства и контроля.

Исследование, получившее свое выражение в диаграмме капитал—принуждение, обнаружило множество путей формирования государства при последующем развитии всех государств по пути высокой концентрации и капитала, и принуждения. Проведенный анализ позволяет переформулировать исходный вопрос (и ответить на него): *чем объясняется большая вариативность (по времени и географии) тех типов государств, которые стали преобладать в Европе после 990 г., и почему в конце концов разные типы европейских государств слились в один тип – национальное государство?* Здесь можно предложить три ответа: относительная доступность концентрированного капитала и концентрированных средств принуждения в разное время и в разных регионах сильно влияла на организационные последствия войн; до недавнего времени выживали только те государства, которые ничего не потеряли в войне с другими государствами, и, наконец, в долговременной перспективе изменения в характере войны дали военные преимущества тем государствам, которые за долгое время сумели создать массовые регулярные вооруженные силы на базе собственного населения, все больше превращавшегося в национальное государство.

Рассуждения в рамках капитал—принуждение дают некоторые возможные решения тех исторических проблем, которые происходят из следующего общего вопроса. *Чем объясняется в общем-то концентрическая схема образования европейских государств?* Она отражает неравномерное распределение капитала в пространстве, выделяя сравнительно большие, но бедные капиталом государства, окружающие по краям множество государствоподобных образований, меньшего размера, но богатых капиталом, каких в избытке было в центре Континента. По этим признакам мы выделяем расположенные «по краям» государства: Швеция и Россия прошли период формирования государства при сравнительно высокой концентрации принуждения и сравнительно низкой концентрации капитала; внутренние государства, как Генуя и Голландия, прошли тот же период при прямо противоположных обстоятельствах; в государствах же промежуточных по форме, как Англия и Франция, параллельно возрастала концентрация капитала и концентрация принуждения.

Почему, несмотря на свою заинтересованность в прямо противоположном, правители часто соглашались на установление тех институ-

тов, которые представляют ведущие классы в рамках их юрисдикции? На самом деле правители пытались избежать установления институтов, представляющих группы, не принадлежащие к их собственному классу, и иногда им это удавалось, причем довольно надолго. Однако в длительной исторической перспективе эти институты были платой или результатом переговоров с различными представителями подчиненного населения о необходимых средствах для деятельности государства, в особенности о средствах ведения войны. Короли Англии вовсе не желали, чтобы парламент получил и все дальше расширял свою власть — они просто уступали требованиям баронов, а затем духовенства, джентри и буржуазии по мере того, как убеждали их давать им денег на войну.

Почему так по-разному европейские государства инкорпорируют городские олигархии и институты? Государства, которым приходилось с самого начала соперничать с городскими олигархиями и институтами, обычно инкорпорировали их в национальную структуру власти. Представительные институты, как правило, появлялись в Европе там, где местные, региональные или национальные правительства вели переговоры с группами подданных, имевшими достаточно власти, чтобы мешать действиям правительства, но недостаточно, чтобы взять управление в свои руки (Blockmans, 1978). Там, где такие правительства были более или менее автономными государствами, а группы подданных (о которых идет речь) — городскими олигархиями, там муниципальные советы или подобные институты обычно становились составной частью структуры государства. Там, где доминирующее положение занимал один город, возникала очень эффективная форма — город-государство или город-империя, которые, однако, утратили свое значение, как только массовые армии, рекрутированные среди собственного населения государства, стали важнейшим условием военного успеха.

Почему политическая и коммерческая власть выскользнула у городов-государств и городов-империй Средиземноморья и перешла к крупным и относительно зависимым городам Атлантики? Эти города проиграли не только потому, что торговля по Атлантике и Балтике стала интенсивнее, чем торговля по Средиземному морю, но потому что для успеха государства становилось все важнее иметь в своем распоряжении большие регулярные вооруженные силы и эффективную экономику. Когда в конце XVI в. Испания, Англия и Голландия начали посылать на Средиземное море большие вооруженные суда для торговли и пиратства (причем одно было трудно отличить от другого), такие города-государства как Рагуза, Генуя и Венеция, об-

наружили, что для того, чтобы избежать коммерческих потерь уже недостаточно было только скорости, связей и уловок. Теперь выигрывали и в коммерческом, и в военном отношении владельцы больших кораблей, приспособленных для долгих плаваний по океану, (Guillerm, 1985; Modelski, Thompson, 1988).

Почему города-государства, города-империи, союзы и религиозные организации перестали быть преобладающими типами государств в Европе? Здесь важны два события. Во-первых, в результате коммерциализации и накопления капитала в крупных государствах сократились преимущества небольших торговых государств, которые раньше могли делать большие долги, проводить успешное налогообложение и в защите от крупных неморских государств полагались на свой собственный флот. Во-вторых, постепенно военное дело изменилось таким образом, что небольшие, отдельные суверенные государства оказались в невыгодном положении и проигрывали большим государствам. Флорентийскую и Миланскую республики разрушила тяжесть военных требований XV и XVI вв. И действительно, профессиональный создатель армий наемников Франциско Сфорца в 1450 г. стал герцогом Милана, а затем его наследники утратили свое герцогство в пользу Франции (1499 г.) и позднее Испании (1535 г.).

Во Флоренции возрожденная республика просуществовала до 1530 г., когда папа вместе с императором Карлом V оккупировали ее (сельские земли) *contado*, вынудили город сдаться (несмотря на сильные фортификационные сооружения, предложенные комиссией во главе с Николо Макиавелли и построенные под руководством Микеланджелло Буанаротти) и поставили здесь герцогами Медичи. Эта эпоха больших армий, тяжелой артиллерии и развернутых фортификаций покончила с итальянскими городами-государствами (За исключением частично Венеции и Генуи и еще нескольких морских держав), подчинила их или поставила в условия трудного выживания в тех узких рамках, которые им оставляли великие державы.

Почему войны перестали быть борьбой за дань или борьбой между вооруженными взимающими дань государствами и приняли форму продолжительных битв между массовыми армиями и флотами? Примерно по тем же причинам: по мере того как военное дело претерпевало организационные и технологические изменения в XV и XVI вв., несомненные преимущества получали государства, имевшие в своем распоряжении большие массы людей и капитала. Такие государства или отбрасывали взимателей дани, или заставляли их включаться в ту

схему изъятия, которую выстраивали более долговременные государственные структуры. В XV—XVI вв. отмечается новый этап развития российского государства, когда Иван III, а затем Иван IV при помощи вознаграждений землей привлекают чиновников и солдат на постоянную службу государству. Затем в XVIII в. способность таких густонаселенных государств, как Великобритания и Франция, набирать большие армии из собственных граждан обеспечивала им превосходство над более мелкими государствами.

Но даже если наш подход корректен, остаются загадки: почему, например, так долго существовала раздробленная Священная Римская империя посреди увеличивавшихся и крепнувших воинственных монархий? Почему она не исчезла в утробе больших и сильных государств? И еще, согласно какой логике коммерческий, торговый город Новгород, аристократия которого контролировала громадные земельные владения, уступил княжеской Москве? Геополитическое положение и противовесы, существовавшие между крупными державами, конечно же, играли более важную роль, чем предполагают мои простые формулировки. Ими мы подробнее займемся позже. И все же цепь наших рассуждений, суммированных в диаграмме капитал—принуждение, принуждает нас пересмотреть процесс формирования европейского государства в терминах взаимодействия городов и государств, и мы обнаружим немалую регулярность в формировании государств. Без сомнения, предлагаемый подход заставляет нас считать процесс формирования таких государств, как английское, французское и прусское (и обобщение опыта всех трех), основным. В таком аспекте процессы формирования остальных государств предстают как более слабые или неудавшиеся попытки идти тем же путем.

Столетия до XIX в. государства развивались разными (расходящимися) путями в том, что касалось создания вооруженных сил в обстановке самых разных отношений между капиталом и принуждением. Различие путей формирования государств, в свою очередь, приводило к различию форм сопротивления и бунта, к различию государственных структур и фискальных систем. Обычные рассуждения о переходе от феодализма к капитализму и появлению национальных государств были слишком заняты опытом Франции, Англии и нескольких других больших государств, и не принималась во внимание главная характеристика действительного характера государств. В Польше крупные землевладельцы были сильнее и капиталистов, и королей, но их практически не было в Голландии. «Феодализм» Флоренции и ее сельских районов *contado* так сильно

отличался от венгерского феодализма, что не стоит даже употреблять один термин.

Больше всего остального на тип складывавшегося государства оказывало влияние относительное значение городов, держателей денег (*financiers*) и капитала в зоне формирования государства. Военная мобилизация приводила к существенно разным результатам в зависимости от наличия или отсутствия значительного капитала и капиталистов. Более подробное рассмотрение действительно функционирования европейских государств — чем мы займемся в следующей главе — покажет нам, как доступность и форма капитала влияли на приготовления к войне и как, в свою очередь, война формировала устойчивые организационные структуры государств.

В главах 3 и 4 мы, пренебрегая географической вариативностью в Европе, сосредоточимся на соотнесении главных изменений в ведении войны, политической структуре и внутренней борьбе. В главах 5 и 6 (о взаимоисключающих альтернативных путях формирования государства и эволюции международной системы государств), напротив, уделим много внимания вариантам разных типов государств, а в главе 7 перейдем к сопоставлению европейского исторического опыта с характером формирования государств в современном мире.

КАК ВОЙНА СОЗДАВАЛА ГОСУДАРСТВА И НАОБОРОТ

БИФУРКАЦИЯ НАСИЛИЯ

Несмотря на то что теперь уже 40 лет между великими державами нет открытой войны, в целом XX в. оказался самым воинственным в мировой истории. Согласно одному дотошному подсчету с 1900 г. в мире произошло 237 новых войн — гражданских и с внешним врагом — и в битвах убивали, по меньшей мере, **1000 человек в год**; к 2000 г. эти цифры возросли до 275 войн и 115 млн смертей в бою. Потери гражданского населения были почти столь же велики. Кровавый XIX в. знал только 205 войн и 8 млн убитых, а в богатом войнами XVIII в. в 68 войнах погибло 4 млн чел. (Sivard, 1986: 26; Urlanis, 1960). Соответственно количество погибших на тысячу населения составляло примерно 5 в XVIII в., 6 в XIX в. и 46 — в восемь-девять раз больше — в XX в. С 1480 по 1800 г. более или менее значимый международный конфликт возникал примерно раз в два-три года, с 1800 по 1944 г. — каждый год или через год, после Второй мировой войны — раз в 14 месяцев или около того (Beer, 1974: 12–15; Small, Singer, 1982: 59–60; Cusack, Eberwein 1982). Наступление ядерного века нисколько не изменило эту давнюю традицию постоянного учащения все более смертоносных войн.

Живущие в Западном мире думают иначе, возможно, потому что великие державы воюют реже: Франция, Англия, Австрия, Испания и Османская империя в 1500 г.; Франция, Великобритания, Советский Союз, Западная Германия, Соединенные Штаты и Китай в недалеком прошлом; другие комбинации воюющих сторон — между двумя отмеченными вехами. С XVI в. войны с участием великих держав становятся в среднем реже, короче и число участвующих государств сокращается. Кроме того, они становятся намного тяжелее (в смысле расплаты), особенно если посчитать количество погибших в месяц или за год (Levy, 1983: 116–149). Общее направле-

ние таково: все больше и больше относительно небольших войн между меньшими государствами, и все меньше и меньше все более смертоносных войн между великими державами.

Это различие между участием в войнах великих держав и таким же других государств можно толковать оптимистически и пессимистически. Оптимистически мы предполагаем, что великие державы со временем нашли не столь дорогостоящий способ урегулирования проблем, как постоянные войны, и можем надеяться, что то же со временем произойдет и с другими государствами. Пессимистически напрашивается вывод, что великие державы экспортировали войну в другие страны мира, а собственную энергию приберегают для разрушения друг друга посредством более направленных действий. Но при любом подходе перед нами открывается картина возрастания агрессивности в мире, где великие державы по большей части не ведут войны на собственной территории и потому становятся все менее чувствительными к ужасам войны.

И дело вовсе не в том, что люди вообще стали менее агрессивны. По мере того как мир все больше склоняется к войне, насилие между отдельными людьми (за пределами государственной сферы) в целом сокращается (Chesnais, 1981; Gurr, 1981; Hair, 1971; Stone, 1983). Во всяком случае, оно сокращается в странах Запада, о которых единственно мы накопили до сих пор достаточно сведений причем за достаточно длинный срок. И хотя в газетах мы ежедневно читаем об убийствах, изнасилованиях и терактах, в общем возможность погибнуть насильственной смертью от рук другого гражданина чрезвычайно сократилась.

Так, например, количество убийств в Англии XIII в. было примерно в 10 раз больше, чем сегодня, и примерно в два раза больше, чем в XVI и XVII вв. Особенно быстро количество убийств сокращалось в XVII—XIX вв. (Так как Соединенные Штаты отличаются самыми высокими показателями количества убийств в западном мире, американцам, возможно, труднее, чем другим, заметить, как сократилось повсюду проявление насилия между людьми. В большинстве западных стран количество самоубийств в 10 и даже 20 раз превышает количество убийств, а среди американского населения количество убийств сопоставимо с количеством самоубийств.) И если бы не войны, государственные репрессии, самоубийства и автомобильные аварии, то количество насильственных смертей было бы несравнимо меньше в современном западном мире, чем 200–300 лет назад. Возможно, правы такие мыслители, как Мишель Фуко и Марвин Беккер, приписывающие это сокращение массовому из-

менению менталитета. Но, несомненно, велико значение развития государственного мониторинга, контроля и монополизации эффективных средств насилия. В целом в мире в результате деятельности государств сложилось положение, когда насилие государственной сферы несопоставимо с относительным ненасилием частной жизни.

КАК ГОСУДАРСТВА КОНТРОЛИРОВАЛИ ПРИНУЖДЕНИЕ

Указанное противопоставление было особенно характерно для европейских государств, достигавших этого созданием грозных средств принуждения государства, одновременно ограничивая доступ к таким средствам гражданского населения. По большей части в реорганизации принуждения государства опирались на капитал и капиталистов. И все-таки разные государства осуществляли эти задачи существенно разными путями.

Нельзя переоценить ни трудность, ни важность этой перемены. На протяжении большей части европейской истории простые люди (здесь также важно подчеркнуть, что это были мужчины) обычно имели в своем распоряжении смертельное оружие. Больше того, внутри государства местные и региональные держатели власти обычно также контролировали концентрированные средства силы, которые, если их соединить воедино, могли противостоять или даже превосходить силы государства. Долгое время дворянство в Европе имело законное право развязать частную войну; в XII в. *Usatges* (или таможня) Каталонии специально зафиксировала это право (*Torges i Sans*, 1988: 13). Почти по всей Европе в XVII в. процветали бандитские шайки, часто представлявшие собой остатки распущенных личных или государственных армий. На Сицилии эти управляемые и находящиеся под защитой мастера насилия, которых называют *Mafiosi*, терроризируют сельское население еще и в наше время (*Blok*, 1974; *Romano*, 1963). Люди и помимо государства часто с прибылью употребляли принадлежащие им средства насилия.

Начиная с XVII в., однако, правители решительно склоняют баланс сил в свою сторону, противостоя внутри государства и отдельным гражданам, и своим соперникам, претендующим на власть. Благодаря их действиям для большинства граждан становится не только непопулярно и непрактично, но и преступно носить оружие, собственные армии оказываются вне закона; и кажется уже нормальным, что невооруженным гражданам противопоставят вооруженные агенты государства. Так что теперь Соединенные Штаты,

сохраняющие право граждан на ношение оружия, в этом смысле отличаются от всех стран Запада, за что и платят высоким числом погибших от огнестрельного оружия, в сотни раз превышающим соответствующие показатели в европейских странах. Огромным количеством оружия на руках у граждан Соединенные Штаты напоминают скорее Ливан или Афганистан, а не Великобританию или Нидерланды.

Изъятие оружия у гражданского населения осуществлялось очень постепенно: общее изъятие оружия по окончании мятежей, запрет дуэлей, контроль над производством оружия, введение лицензирования личного оружия, ограничения на демонстрацию вооружения. В Англии Тюдоры покончили с собственными армиями дворян, ограничили власть владетельных князей над крупными помещиками-лордами вдоль шотландской границы; они сдерживали насильственные действия аристократии и разрушили замки-крепости, некогда провозгласивших независимость крупных английских магнатов (Stone, 1965:199–272). Людовик XIII, монарх XVII в., перестроил вооруженные силы Франции с помощью Ришелье и Мазарини и снес, возможно, больше крепостей, чем построил. Он строил по границам, а разрушал — внутри страны. Борясь с магнатами и городами, сопротивлявшимися его власти, он сносил их фортификационные сооружения, ограничивал право на ношение оружия и таким образом сокращал возможность сколь угодно серьезных мятежей в будущем.

В то же время укрепление государством собственных вооруженных сил постепенно превосходило доступ к оружию внутренних соперников этого государства. Становится резким и решающим различие «внутренней» и «внешней» политики, различие, некогда бывшее неясным. Усиливается связь между ведением войны и структурой государства. Наконец можно распространить на европейские государства исторически спорное определение государства Макса Вебера: «Государство — это сообщество людей, с успехом претендующее на *монополию законного применения физической силы* на данной территории» (Gerth, Mills, 1946: 78).

Сам процесс разоружения гражданского населения зависел от конкретных социальных условий, в которых он протекал: в городах большое значение имело создание регулярных сил поддержания порядка (полиции) и заключение соглашений (путем переговоров) между муниципальными и национальными властями. В регионах же, где хозяйничали крупные землевладельцы, важно было разоружить их собственные армии, уничтожить замки, окруженные

крепостными стенами и рвами, запретить вендетту. Причем разрешение указанных конфликтов происходило самыми разными способами: от включения (кооптации) противоборствующей стороны в регулярные структуры — до гражданской войны. Вкупе с продолжавшимся строительством государственных вооруженных сил разоружение граждан чрезвычайно увеличивало долю средств принуждения в руках государства сравнительно с теми средствами, какими располагали внутренние соперники или оппоненты государственной власти. Так что теперь какая-нибудь диссидентствующая группа практически не могла захватить власть в государстве Запада, если только ее активно не поддерживали собственно в вооруженных силах государства (Chorley, 1943; Russell, 1974).

Созданием вооруженных сил правитель формировал устойчивую структуру государства, как потому что армия становилась важным элементом государственной структуры, так и потому что строительство и содержание армии вызывало к жизни другие обслуживающие учреждения: финансовые органы, бюджетные ведомства обеспечения поставок, аппараты набора в армию, налоговые и многие другие. Так, главное агентство по сбору налогов прусской монархии возникло как генеральный военный комиссариат. В конце XVII в. республиканское и монархическое правительства Англии, занятые организацией военно-морских сил, которые бы могли дать отпор французскому и голландскому флотам, сделали королевские верфи частью самой большой и сильной производственной отрасли страны. Такие необходимые для империи организации, как Голландская Ост-Индская компания, стали влиятельнейшими элементами своих национальных правительств (Duffy, 1980). Так что начиная с 990 г. большие мобилизации перед войной становятся главными поводами расширения и консолидации государства и создания новых форм политических организаций.

Почему вообще начинались войны? Главная и трагическая причина проста: принуждение было *действительно*. Применявшие по отношению к другим силу выигрывали, доставляя разнообразные преимущества: деньги, товары, уважение, удовольствия, чего не могли получить более слабые. Европейцы следовали стандартной логике, ведшей к войне: всякий, кто имел в своем распоряжении значительные средства принуждения, старался обезопасить определенный ареал, в котором он бы мог воспользоваться плодами осуществленного принуждения (плюс укрепленную буферную зону), как ни трудно ему было ее защищать. В этом ареале могла применять силу полиция (или ее эквивалент), армия же патрулировала буфер-

ный район и предпринимала рискованные операции за его границами. Самые агрессивные правители, вроде Людовика XIV, сокращали буферный район до узкой полоски границы с вооруженной до зубов армией, в то время как буферные зоны их более слабых или более мирных соседей были широкими или представляли собой водные преграды. В случае удачи (временно) буферная зона становилась безопасной, что побуждало носителя принуждения стремиться присоединить новую буферную зону, прилегающую к старой. Если же и соседние государства придерживались такой логики, начиналась война.

Некоторые условия войны, однако, могли варьироваться. Особенности вступления всякого государства в войну зависели от трех тесно связанных факторов: от характера его главных соперников, от внешних интересов его господствующих классов и от логики той деятельности по защите, которую осуществляли правители от своего имени и в интересах господствующих классов. Когда соперники вели морскую торговлю, просто прибегали к пиратству и каперству, не взирая на то, находилось ли их государство в состоянии войны или мира. Когда соседями оказывались аграрные государства, где господствующее положение занимали крупные землевладельцы, спорные вопросы землевладения и рабочей силы, особенно при разногласиях по вопросам наследования, часто решались обращением к оружию. Когда небольшие морские государства владели громадными заморскими империями, они, защищая свои интересы, патрулировали морские пути и неизбежно втягивались в бесконечные сражения с теми, кто желал вести такую же торговлю. Поскольку же состав соперников, природа господствующих классов и требования защиты за тысячу лет кардинально изменились, то и характерные причины войны также изменились.

Принуждение всегда относительно: всякий, кто сосредоточит в своих руках значительные средства принуждения, рискует потерять свои преимущества в случае, если его сосед также начнет собирать собственные средства принуждения. В Европе до 1400 г. это соревнование осложнялось тем, что во главе большинства государств находились родственники. Там, где у власти была группа родственников, стремление господствующей группы расширять свою власть и отыскивать новые владения для растущего числа наследников провоцировало захваты и таким образом обостряло соперничество. Браки внутри правящих семей еще более увеличивали притязания владетельных династий на вакантные престолы. При раздробленных суверенных образованиях в Европе соперники —

родственники или нет — всегда были под рукой, но также почти всегда было возможно заключение союзов для того, чтобы какой-то центр не расширялся бесконечно.

Затем: долгое время такие большие государства, как Бургундия и Англия, всегда имели внутренних соперников правящих суверенов, вооруженные группы, претендовавшие на власть, которые становились явными и скрытыми союзниками внешних врагов. В Китае как только формировался громадный аппарат империи, растущая империя немедленно приобретала множество врагов, но соперников ни внутри страны, ни за ее пределами не было. Монголы были постоянной угрозой северным границам Китая, они непрерывно совершали опустошительные набеги на империю, но захватили ее только однажды. Вообще-то монголам удавалось лучше собирать дань, чем управлять государственным аппаратом. Китайские династии пали тогда, когда границы империи стали шире, чем мог охватить ее административный аппарат, когда там, где власть империи ослабела, появились местные военные диктаторы и когда воинственные кочевники (в особенности маньчжуры) пронеслись по всей империи и захватили рычаги власти. Китай стал громадной территорией, где свирепствовали мятежи и гражданская война, а не война между множеством государств. Этим славилась Европа.

В долгой перспективе европейские войны стали страшнее и короче. Используя новаторский труд Питирима Сорокина, Джек Леви составил каталог крупных войн с участием великих — как европейских, так и неевропейских стран— с 1495 по 1975 г. (табл. 3.1). Этот каталог (в который вошли только участники, у которых в бою погибло как минимум 1000 человек в год) гораздо меньше, чем у Эван Луарда, попытавшегося составить список всех значительных войн

Табл. 3.1 Войны с участием великих держав

Век	Количество войн	Средняя продолжительность войн (в годах)	Продолжительность собственно военных действий (в %)
XVI	34	1,6	95
XVII	29	1,7	94
XVIII	17	1,0	78
XIX	20	0,4	40
XX*	15	0,4	53

* До 1975 г.

Источник: Levy, 1983; Luard, 1987.

за сопоставимый период. Но у Леви более четкие критерии включения в список, и он детальнее описывает включенные войны (Levy, 1983; Luard, 1987). От столетия к столетию количество войн великих держав, их средняя продолжительность и пропорциональное количество лет, когда шла война, — все эти показатели заметно сокращались (Levy, 1983: 88–91, 139). Список всех войн Уильяма Экхарда — с участием великих держав и без оных, международные и гражданские, смешанные — включает 50 для XVIII в., 208 — для XIX в. и 213 — до 1987 г. (Eckhardt, 1988: 7; Sivard, 1988: 28–31).

К тому же сильно изменилась интенсивность войн. На *рис. 3.1* изображены некоторые изменения, с использованием той модели, которая применялась при анализе забастовок: целое тело, объем которого представляет общее количество смертей в бою, понесенных великими державами за год, а три его измерения — компоненты смертей в бою. Эти компоненты — число потерь в бою, приходящееся на государство-участника в течение усредненного года, число государств, участвующих в этих войнах, в течение усредненного года и среднее число войн на государство и год участия. Таким образом, целое представляет собой

$$\begin{aligned} & \text{потери в бою за год} = \\ & \text{потери в бою на государство} \times \text{государство-годы на войну} \times \\ & \text{на войны за год.} \end{aligned}$$

Мы видим, что из столетия в столетие потери великих держав в бою (на государство) растут от менее 3 000 в год в XVI в. до более 223 000 смертей в XX в. Среднее число государств, втянутых в войны великих держав, увеличивается от 9,4 в XVI в. до 17,6 в XVIII в., а в XX в. падает до 6,5. (Увеличение и снижение этого показателя демонстрирует, что развитие обычных войн между большинством или всеми великими державами в XIX и XX вв. сменяется тенденцией западных государств развязывать войну или вмешиваться в локальные конфликты за пределами собственно Запада.) Наконец количество войн, активно идущих в каждый отдельный год на число воюющих государств снижается с XVI по XVIII в., а затем остается постоянным: 0,34, 0,29, 0,17, 0,20 и 0,20. Иначе говоря, в XVI в. государства, участвовавшие в войнах великих держав, активно вели военные действия примерно один год из трех (0,34), в XX в. — один год из пяти (0,20).

В результате общий объем потерь в бою за год взмыл до небес: от 9400 в XVI в. до 290 000 в XX в. Если бы мы включили потери среди мирных граждан и в войсках малых стран, этот рост был бы

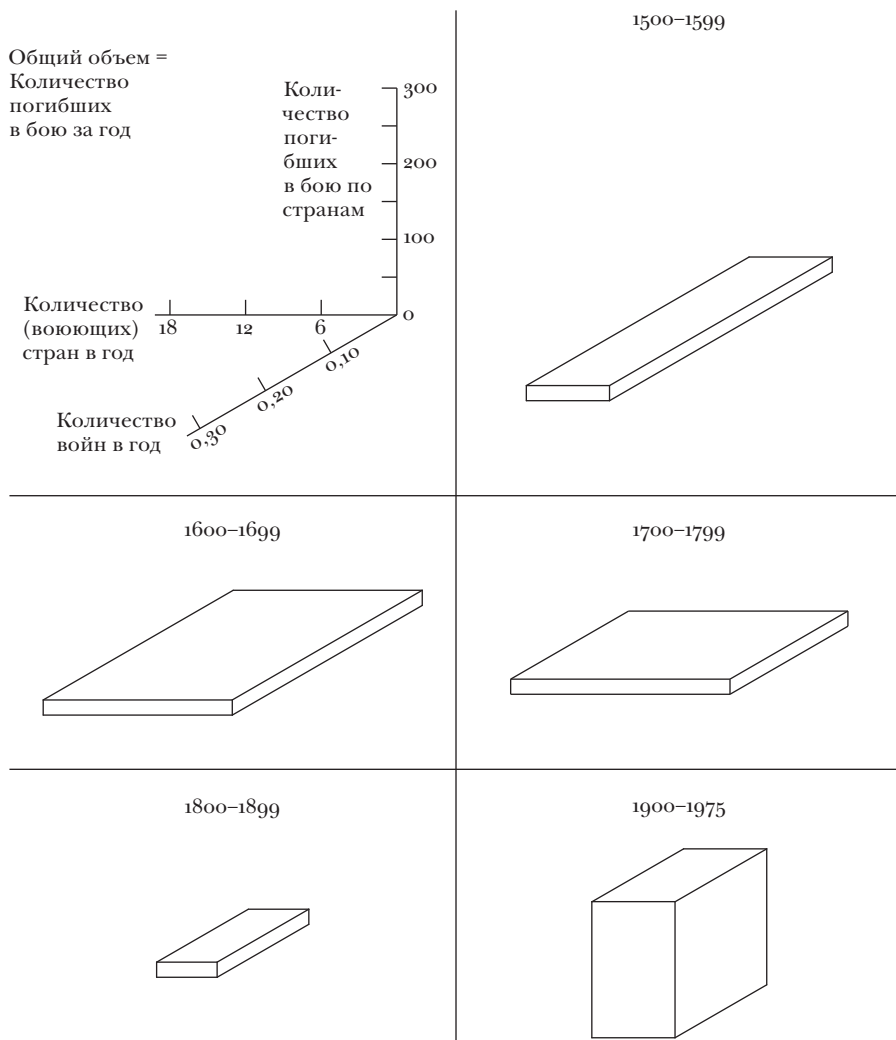

Рис. 3.1. Размеры войн великих держав по векам, 1500-1975 гг.

еще сильнее. Теперь же, когда появились авиация, танки, ракеты и ядерное оружие, потери в войнах XX в. несравнимо выше всего, что раньше знало человечество.

Приведенные цифры приблизительны, но они показывают, что европейские государства (которые с XVI по XIX в. составляли почти все великие мировые державы) много воевали, век за веком. По этим цифрам также можно заключить, что в течение пяти столетий (из тех, что мы рассматриваем) правители были заняты в основном приготовлениями к войне, оплатой войны или восстановлени-

ем нанесенного ею ущерба. Больше того, в течение пяти веков, до 1500 г. европейские государства почти исключительно концентрировались на ведении войны. Так что в течение всего тысячелетия война была главным занятием европейских государств.

Эта реальность отражалась в государственных бюджетах, налогах и долгах. До 1400 г. в эпоху патримониализма ни одно государство не имело своего национального бюджета, в принятом смысле этого слова. В наиболее коммерциализированных государствах Европы взимались налоги, но по большей части правители получали доходы в виде дани, рент, пошлин и того, что взималось с ленных поместий. Иногда суверены брали в долг, но только от своего имени для борьбы с реальным противником. В течение XVI в., по мере того как война преумножала государственные расходы по всему континенту, европейские государства начинают регулировать и увеличивать бюджеты, налоги, а также долги. Будущие доходы государства теперь выступают как обеспечение долгосрочного долга.

Государственный долг Франции чрезвычайно вырос, когда Франциск I начал занимать в 1520-е гг. у парижских деловых людей, предлагая в качестве обеспечения будущие доходы города (Hamilton, 1950: 246). Полученные деньги он тратил на громадные кампании против императора Карла V (Габсбурга). И хотя национальный долг Франции колебался как функция от военных программ и фискальной политики, в целом он галопировал вверх — вплоть до того, что наконец займы на войны XVIII в. поглотили само государство, разрушили его кредит и привели к фатальному созыву Генеральных штатов в 1789 г. Одновременно непомерно росли бюджеты и налоги: французские налоги (в эквивалентном выражении) выросли примерно от 50 часов зарплаты простого рабочего на душу населения в год в 1600 г. до почти 700 часов — в 1963 г. (Tilly, 1986: 62).

Великобритания могла существовать без больших государственных долгов до времени правления Вильгельма Оранского и Марии. Война Лиги Аугсбург (1688–1697 гг.) увеличила долгосрочный долг Британии до 22 млн фунтов стерлингов. К 1783 г., после Семилетней войны и Войны за американскую независимость, он увеличился в 10 раз до 238 млн. В 1939 г., во время перевооружения Британии, государственный долг достиг 8300 млн (Hamilton, 1950: 254–257). С конца XVII в. рост бюджетов, долгов и налогов соответствует ритму войн. Опыт всех воевавших государств Европы был схож.

Но если война и была сильным двигателем в жизни государства, она все-таки его не истощала. Напротив, правители волей-неволей обращались к некоторым видам деятельности сначала как к побоч-

ному продукту войны, а затем эта деятельность и возникавшие организации развивались самостоятельно, таковы были суды, казначейства, системы налогообложения, региональные администрации, общественные собрания и многое другое. Так Дж. Эллиотт пишет о XVI в.: «Если война была главной темой в истории Испании при Карле V, то при Филиппе II появляется другая тема — бюрократизация (осуществление управления на основе бюрократических механизмов)... замена короля-воина Карла V сидячим Филиппом II, проводившим дни за работой у письменного стола, заваленного кучами документов, как нельзя лучше символизирует трансформацию испанской империи, в период когда она перешла от века конквистадора в век чиновника» (Elliott, 1963: 160).

Для снаряжения армии и флота нужно было не только расширение правительственных структур. Ни один монарх не мог начать войну без того, чтобы заручиться хотя бы молчаливым согласием почти всего населения и активным содействием немногих, но важнейших людей. Снова и снова правители посылают войско для сбора дани, налогов, для привлечения людей и материалов. Местным владыкам разрешалось откупаться от разорительной для них поставки людей — деньгами. В этом отношении правители напоминали рэкетиров: за определенную плату они предлагали защиту против тех притеснений, которые сами же и производили или, по крайней мере, допускали, чтобы их производили другие.

На уровне государства организационное разделение вооруженных сил на те, что участвовали в сражениях с внешним врагом (армии), и тех, которые были ориентированы на контроль над собственным населением (полиция), происходило очень медленно и никогда так и не стало полным. Проблемы поддержания внутреннего порядка систематически различались: одни проблемы были характерны для сельских районов, другие — для города. В сельских районах среди прочего громадная часть земли часто находилась в частном владении, так что были бессильны органы государственной власти, соответственно в сельских районах прибегали к военному стилю, осуществляя необходимые полицейские действия по требованию. В городах же стало возможным осуществлять систематическое патрулирование и надзор (Stinchcombe, 1963). В результате этих и иных отличий в городах сложились собственно полиции задолго до того, как они появились в сельских районах, и выделение полицейских сил из числа военных организаций произошло раньше в тех государствах, которые были более урбанизированы.

Но и в XVII в. еще большие европейские государства (из-за процветавшего в них влияния вооруженных и отчасти автономных региональных магнатов) сталкивались с постоянной угрозой гражданской войны, когда такие магнаты ополчались против правителей. Вот почему в переломные 1400–1700 гг. правители были заняты в основном разоружением соперников, их изолированием или кооптацией в систему государственной власти. И хотя муниципалитеты и сельские юрисдикции задолго до того создали собственные небольшие полицейские силы, но только в XIX в. европейские государства организовали унифицированные, получающие жалование и бюрократически управляемые полиции, специализированные в осуществлении контроля над гражданским населением. Таким образом освободившиеся от полицейских функций армии могли сосредоточиться на внешних завоеваниях и войнах.

ПЕРЕМНЫ

Война была пряхой, из рук которой вышел клубок европейских национальных государств, а их внутренняя структура сложилась в результате подготовки к войне. Решающими для этого процесса стали 1500-е гг. К этому времени европейцы уже серьезно использовали порох, начав его применять с середины XIV в. В следующие 150 лет изобретение и распространение огнестрельного оружия давало военные преимущества тем монархам, кто мог позволить себе отливать пушки и строить нового типа укрепления против пушечного огня. Теперь исход войны зависел не столько от сражений на широких открытых равнинах, сколько от успешной осады важнейших городов. В эти годы война опять подорожала, поскольку в широкое употребление вошла передвижная осадная артиллерия с приданной ей пехотой; развитие более легкого стрелкового оружия в начале XVI в. повысило значение обученной и тренированной пехоты. В то же время в военных действиях на море главными стали суда с мощными пушками на борту. Возросшие расходы и употребление нововведений были по силам большим государствам к северу от Альп, в особенности Франции и империи Габсбургов.

Еще два века процветали государства, имевшие сильный флот; по некоторым показателям Голландская республика (с очень небольшими сухопутными войсками) стала в XVII в. ведущим государством Европы. Ей не уступали даже и в XVII в. Португалия и Венеция. Островная Англия процветала как морская держава до тех пор, пока в XVIII в. не создала армию (Modelski, Thompson, 1988:

151–244). Морские державы могли богатеть за счет колоний, вели прибыльную и интенсивную международную торговлю, а их «дом» (база) был хорошо защищен с моря. Со временем, однако, сильнее всех остальных стали государства, которые рекрутировали и содержали массовые армии за счет собственных людских ресурсов: здесь особенно показателен пример Франции, Великобритании и Пруссии.

В Европе конец XV в. ознаменовался важной переменой: по мере того как большие военные государства начинали ощущать стимулирующее воздействие развития капитализма, начали исчезать преимущества небольших торговых государств. Сыграла свою роль и геополитика: с окончанием Столетней войны освободилась сравнительно объединенная Франция и начала оглядываться в поисках территорий, которые бы можно было завоевать. Тогда давление Франции ощутили многочисленные государства Иберийского полуострова, завершавшие изгнание отсюда мусульман. В 1463 г. Людовик XI аннексировал каталанские области Руссильон и Сердани. Ответом на угрозу Франции стал брак Фердинанда и Изабеллы (1474), соединивший короны Арагона и Кастильи, и теперь уже угроза нависла над Францией. С этого времени в европейской политике то и дело вспыхивает соперничество Франции и Испании.

Первой почувствовала происшедшую перемену Италия. Папская область, республики и небольшие монархии Италии, конечно, давно уже были втянуты в политику и за пределами своего полуострова, прибегая к тщательно сбалансированным союзам, посредникам извне и вовремя заключенным бракам. В XI–XIV вв. папы отдавали много сил наблюдению и даже проведению выборов императоров (немецкой по существу) Священной Римской империи. Эти императоры, в свою очередь, обычно провозглашали сюзеренитет на большей части Италии. Короче, итальянская политика давно уже была неразрывно связана с политикой других стран.

Апеннинский полуостров и раньше знал войны и соперничество отдельных стран. На протяжении XIII в. и Арагон, и Священная Римская империя, и Франция, и папы – все боролись за первенство в Италии. В течение многих веков именно здесь разыгрывались крупнейшие битвы. К 1490-м г. основные государства Италии – Венеция, Милан, Флоренция, Неаполь и папская область – вели друг с другом непрерывную войну уже десятилетиями. Впрочем, эти войны не были свирепыми и имели ограниченный характер. Затем герцог-узурпатор Лодовико Сфорца Миланский призвал Карла VIII

Французского, чтобы поддержать свои притязания на неаполитанский престол.

Когда Карл VIII осадил Неаполь, не одно, а два бедствия постигли Италию. До 1494 г. в Европе, возможно, не было сифилиса; матросы, вернувшиеся из первого путешествия Колумба в Америку и заразившиеся этим недугом в Америке, скорее всего, привезли его в Испанию. Испанские наемники при осаде Неаполя (1494–1495) пережили эпидемию, которая почти наверняка была эпидемией сифилиса. Оттуда сифилис распространился на весь континент. Эту новую наступавшую чуму французы называли «неаполитанской болезнью», а неаполитанцы предпочитали называть ее «французской болезнью» (Baker, Armelagos 1988). Но каким бы ни было происхождение этой первой эпидемии, итальянцы скоро узнали, что крепко отомстили французам и их наемникам. If the French arrived, the Spanish would follow.

Так что 90-е годы XV века не были похожи на прошлое: в итальянские города-государства они принесли послов, принцев и имперские силы, а также большие армии растущих национальных государств из-за Альп. Северяне прибыли с передвижными осадными орудиями и соответствующей тактикой, что позволило преумножить размеры и разрушительную силу войны. Французское вторжение 1494 г. превратило Апеннинский полуостров в поле боя, покончило с мелкими войнам между автономными городами-государствами и потрясло итальянских мыслителей.

Потрясение было вызвано тем, что варвары снова захватили родину цивилизации. Вот как формулирует это Дж. Р. Хейл: «Макиавелли переоценивал происшедшие после 1494 г. изменения в характере войны ради того, чтобы подчеркнуть относительность заслуг ополченцев сравнительно с *condottieri*, в то время как Гвиччардини делал это для того, чтобы растравить рану ущемленной гордости итальянцев. Но перемена, несомненно, произошла, и все воспринимали ее с ужасом. Впрочем, это не был ужас перед ширококомаштабной войной как таковой, ни даже перед продолжительностью подобных войн; это даже не был сколько-нибудь заметный ужас перед изменившимся характером войны — более кровавой, более тотальной, более дорогой. Этот ужас был вызван тем, что новые войны свидетельствовали о несостоятельности боевого духа войск, о неспособности итальянцев ответить на вызов» (Hale, 1983: 360).

Значительная часть того, что написал Макиавелли по военным вопросам, было попыткой осмыслить, что же происходило с государственной системой Италии и что можно предпринять.

Что же происходило с государственной системой Италии? Национальные государства к северу от Альп, находившиеся в процессе становления, соревнуясь за господствующее положение в Италии, принудительно собрались в систему, покрывавшую большую часть Европы. Вскоре затем Оттоманская империя начала проникать глубоко на европейскую территорию и давить на Италию с юго-востока; в правление Сулеймана Великолепного (1520–1566) турки достигли пика своей власти в Европе. Одновременно оттоманское продвижение положило начало четырехсотлетней борьбе турок с Россией, причем занимавшие стратегически важное положение крымские татары впервые выступили вместе с оттоманскими турками против русских.

Перемены в методах ведения войны имели катастрофические последствия для Италии. К 1520-м гг. Габсбурги и Валуа уже вели свои династические войны на итальянской территории. В 1527 г. наемники габсбургского императора разграбили Рим. В 1540 г. испанцы покорили Милан и Ломбардию, Франция оккупировала большую часть Савойи и Пьемонта, Флоренция (под управлением Медичи) теперь номинально подчинялась империи, а Неаполь был теперь апанажем в испанской короне. Из крупнейших итальянских государств, только те, которые были наиболее морскими – Венеция и Генуя, – сохранили еще свои олигархические институты. Но даже они утратили свое превосходство на Средиземном море.

По мере того как северные государства все больше воевали и втягивали в свою борьбу Италию, росло значение военных действий на суше, а для успеха государства решающей стала возможность выставить массовую армию. У Франции под ружьем было 18000 человек в 1494 г., 32 000 в 1525-м и 40 000 в 1552 г. Испанские войска росли гораздо быстрее: с 20 000 солдат в 1492 г. до 100 000 в 1532 г. К 1552 г. у императора Карла V под ружьем было 148 000, беспрецедентное количество со времен Рима (Parke, 1988: 45). В Испании на пике этого движения под ее знаменами было (около 1630 г.) 300 000 чел. Значительно выросло соотношение количества войск к общему количеству населения. Следует пояснить приводимые в *табл. 3.2* цифры. Указанные даты приблизительны, «Англия и Уэльс» означает Англия и Уэльс в 1600-е гг., Англия в 1700 г. и Великобритания¹ затем, границы всех этих государств постоянно менялись в расма-

¹ После объединения Англии с Ирландией (1800) она стала называться Соединенным королевством Великобритания.

триваемый период, а частое использование иностранных наемников означает, что приводимые на 1500–1700 гг. цифры во многих случаях превышали количество человек, поставленных под ружье из местного населения. Официально заявляемая и реальная сила армии часто сильно разнились, в особенности до 1800 г. Наконец, по причинам, которые мы исследуем в настоящей главе, численность войск сильно колебалась от года к году в зависимости от состояния государственных финансов и военных успехов; во Франции к 1700 г., например, армия в мирное время доходила до 140 000 человек, но Людовик XIV довел ее до 400 000 в разгар своих великих кампаний (Lynn, 1989). Тем не менее приведенные цифры очень красноречивы. В течение XVI и XVII вв. армии росли. Армии стали большим бизнесом.

Соответственно росли государственные бюджеты, налоги и долги. Так, в Кастилье доходы от налогов возросли с менее 900 000 *реалов* в 1474 г. до 26 млн в 1504 г. (Elliott, 1963: 80). В то же время Фердинанд и Изабелла брали в долг, чтобы оплачивать свои дела в Гранаде и Италии. По мере того, как углублялся испанский контроль над Италией, итальянские налоги становились главным источником поступлений короны, также и Нидерланды доставляли значительную часть доходов Кастилии. Кортесы Каталонии, Арагона и Валенсии, напротив, успешно сопротивлялись королевским требованиям увеличить взносы на ведение государством войны. К середине XVI в. итальянские и голландские провинции Испании перестали значительно увеличивать взносы, Карл V и Филипп II за финансовой помощью все больше обращаются к Кастилье (где их предшественники с успехом подчинили королевской воле знать, духовен-

Табл. 3.2. Количество человек под ружьем, Европа 1500–1980 гг.

Страна	Войск под ружьем, в тысячах человек					Количество войск в процентном отношении ко всему населению страны				
	1500	1600	1700	1850	1980	1500	1600	1700	1850	1980
Испания	20	200	50	154	342	0,3	2,5	0,7	1,0	0,9
Франция	18	80	400	439	495	0,1	0,4	2,1	1,2	0,9
Англия/Уэльс	25	30	292	201	329	1,0	0,7	5,4	1,1	0,6
Нидерланды		20	100	30	115		1,3	5,3	1,0	0,8
Швеция		15	100	63	66		1,5	7,1	1,8	0,8
Россия		35	170	850	3663		0,3	1,2	1,5	1,4

Источники: Ballbe, 1983; Brewer, 1989; Corvisier, 1976; Flora, 1983; Jones, 1988; Lynn, 1989; Mitchell, 1975; Parker, 1976, 1988; Reinhard, Armengaud, Dupaquier, 1968; Sivard, 1983; de Vries, 1984; Wrigley, Schofield, 1981.

ство и города) и к Америке (Elliott, 1963: 192–193). Они занимают у Кастильи и в Америке в предвидении будущих доходов, и к 1543 г. 65% регулярных доходов короны уходит на выплаты (по долгам) (Elliott, 1963: 198; подробнее см. Fernandez Albaladejo, 1989). Не удивительно, что корона обанкротилась и в 1557 г. отказалась от уплаты по долгам.

В то же время швейцарцы — бывшие тогда еще народом-завоевателем — совершенствовали тактику пехоты, что быстро обеспечило им военное превосходство. Швейцарцы продемонстрировали свои военные успехи, нанеся в 1470-е гг. поражение Карлу Смелому в Бургундии. После этого буквально все страны захотели иметь у себя швейцарских солдат, и швейцарцы начали готовить и экспортировать наемников вместо того, чтобы вести собственные войны (Fueter 1919: 10). Одновременно швейцарские кантоны сами вступили в этот бизнес, поставляя за плату солдат (Corvisier, 1976: 147). Подобно другим экспортерам наемников, Швейцария на то время имела достаточно бедных, мобильных, полупролетаризированных, поздноженящихся горцев, которые были особенно пригодны для военной службы за границей (Braun, 1960). Швейцарские и другие наемники вытеснили армии клиентов и народные милиции.

В небольших масштабах наемники веками участвовали в европейских войнах. Со времени крестоносцев солдаты-грабители с севера от Альп продавали свои услуги князьям (действительным и самозванным) по всему Средиземноморью. Когда их никто не нанимал, они нападали и грабили по своему усмотрению (Contamine, 1984: 158). В XIV в. итальянские города-государства начинают прибегать к помощи небольших отрядов наемников. Поскольку в 1320-е гг. это способствовало насильственному захвату прилегающих территорий, Флоренция переходит к регулярному использованию кавалеристов-наемников. В 1380-е гг. демократическая Флоренция нанимает — или перекупает — великого английского наемника сэра Джона Хоквуда, который грабил Тоскану, когда с окончанием войны между Миланом и папской областью его отряд остался без работы. До этого Хоквуд служил Англии, Савойе, Милану, Пизе и папам. К несчастью для флорентийских демократов, Хоквуд поддержал олигархов в их успешных восстаниях 1382 г.; Хоквуду «были дарованы (редкий случай!) флорентийское гражданство, а также пожизненная пенсия и освобождение от налогов. Когда он в 1394 г. умер, благодарное правительство не только почтило его пышными похоронами за государственный счет, но и увековечило его заслуги, за-

печатлев его образ на стене внутреннего фасада собора, где он был изображен верхом на коне в полном военном облачении» (Schevill, 1963: 337). И сегодня туристы могут видеть в соборе это весьма светское изображение.

В Венеции, этой великой морской державе, местная знать долгое время поставляла собственных военачальников в армию и на флот; солдат и матросов они рекрутировали по большей части из населения Венеции. К концу XIV в. Венеция, как и ее итальянские соседи, нанимала капитанов-кондотьеров, которые сами набирали команды и за хорошую плату участвовали в войнах этого города-государства. Поскольку слово *condotta* означало контракт на участие в военных действиях на стороне определенного суверена, то *condottiere* означало главным образом «человек, заключивший контракт». Тот же коммерческий оттенок содержится и в немецком *Unternehmer*. Кондотьеры присягали тем, с кем заключили сделку, и собирали подчас немалые богатства. Когда в 1475 г. умер Бартоломео Коллеони, подрядчик, занимавшийся наемниками, его состояние «было сравнимо с состоянием ведущего банкира того времени Козимо ди Медичи» (Lane, 1973a: 233). К 1625 г. Валленштейн, герцог Фридрихландский, имел в своем владении 2000 квадратных миль и пользовался этим доменом как базой снабжения своих войск — причем с выгодой — от имени императора Священной Римской империи. Вместо того чтобы разрешить своим войскам незаконно грабить, он организовал охранный рэкет, заставляя оккупированные города платить под угрозой, что он предоставит солдатам свободу действий (Maland, 1980: 103). При Валленштейне война стала прибыльным бизнесом.

Участие в войне обеспечивалось не только набором войск и их оплатой в конце. Воюющие государства должны были содержать войско. В конце XVII в. типичная армия в 60 000 человек и 40 000 лошадей потребляла в день почти миллион фунтов еды, которая отчасти транспортировалась вместе с армией, отчасти была заготовлена на складах. Большая ее часть добывалась там, где армия квартировалась, но все это требовало больших расходов и организации (Van Creveld, 1977: 24). При ценах, которые были актуальны на тот день, миллион фунтов зерна стоил столько же, сколько дневная зарплата 90 000 простых рабочих (подсчеты по Fourastie, 1966: 423). Помимо еды для армии необходимо было приобрести оружие, лошадей, одежду и укрытия. Чем больше была армия, тем меньше каждый отдельный человек имел возможности обеспечивать себя. От Валленштейна до Лувуа великие военные организаторы XVII в.

занимались не только битвами, но и снабжением, отчего их великое дело становилось еще грандиознее.

В XV–XVII вв. — период, важнейший для формирования европейского государства, — армии на большей части Европы состояли в основном из наемников, рекрутированных сеньюрами и армейскими подрядчиками. Также и в национальные флоты (в особенности, в корсары, грабившие вражеские суда с согласия государственных покровителей) обычно набирали матросов по всему континенту (Fontenay, 1988b). Конечно, государства различались тем, насколько сильно и как долго они прибегали к услугам наемников. Правители крупных, более сильных государств стремились сократить свою зависимость: Франция, Испания, Англия, Швеция и Соединенные Провинции генералов имели своих, а полки и экипажи нанимали, а государства поменьше обыкновенно нанимали целые армии у их военачальников. Так, немецкие Габсбурги до Тридцатилетней войны прибегали к обложению на местном уровне; затем поручили набор в армию великому, но дорогому кондотьеру Валленштейну и только во второй половине XVII в. начали создавать регулярную армию.

Поскольку исход битвы зависел от сравнительных размеров армий, а не от усилий на душу человека (*per capita*) в этих армиях, то понятно, почему относительно преуспевающие малые государства часто нанимали свои армии на международном рынке. Во флотах также смешивались частные и государственные военные силы. «До 1660-х гг., — замечает М.С. Андерсон, — значительная часть французского галерного флота поставлялась частными подрядчиками (часто мальтийскими рыцарями), которые были владельцами галер и служили королю по контракту определенное время за оговоренную плату. В Испания в 1616 г., когда флот был в упадке, из 17 судов во флоте 5 были в частном владении, нанятые только на лето (время, когда велись кампании, как на море, так и на суше), а на следующий год пришлось нанять еще 6–7 судов, чтобы сопроводить серебро из Америки. В Англии из 25 кораблей, в 1585 г. участвовавших в экспедиции Дрейка в Вест-Индию, только два были предоставлены королевой; и хотя Дрейк выступал как адмирал Елизаветы и имел официальные предписания, но правительство оплатило только треть всех расходов» (Anderson, 1988: 27; Fontenay, 1988a, 1988b).

Каперы (*privateers*), которые во множестве участвовали в войнах на море в XVII в., по определению (от слова *частный*) относились к неправительственным силам.

Арендованные армии и флоты жили главным образом на жалование, выданное или санкционированное агентами короны, которым они служили. Да и этимологически *soldat* — это тот, «кто сражается за плату». Голланд. *Söldner* и нем. *Unternehmer* дополняют друг друга. Особенность данной системы проявилась довольно рано, когда в 1515 г. «две швейцарские армии швейцарцев, одна на службе французского короля, а другая на службе итальянского барона встретились лицом к лицу на поле боя в Мариньяно, Сев. Италия, и почти полностью друг друга истребили» (Fischer, 1985: 186). Это событие убедило швейцарцев избегать «собственных» войн, но они продолжали поставлять наемников на битвы других народов.

В течение нескольких столетий европейские государства считали удобным строить вооруженные силы через систему найма — покупки за счет поступлений от налогообложения. Примером крайнего случая специализации государства в поставке наемников можно, без сомнения, считать Гессен-Кассель, маленькое государство XVIII в. Целых 7% его населения были под ружьем: из них 12 000 составляли внутренний гарнизон и участвовали в местной экономической жизни, еще 12 000 были хорошо обученной армией, которую здешний ландграф предоставлял в наем за хорошую плату (Ingao, 1987: 132). Когда Британии понадобились дополнительные войска для войны с мятежными американцами, она обратилась к Гессену. Вот почему в американском английском *Hessian* означает «грубый и непатриотичный; громила», то есть «наемник». На базе этого военного бизнеса Фридрих II (1760–1785) возвел просвещенный деспотизм даже с пособиями по бедности и родильными домами; впрочем, большинство программ провалилось после завершения американской войны, и европейские государства начали создавать собственные национальные армии (Ingao, 1987: 196–201). Век наемников кончился.

Крупные государства Европы всегда стремились иметь наемников в составе своих армий под командованием собственных подданных и контролируемых собственными гражданскими чиновниками. В XVIII в. высокая стоимость и политический риск широкомасштабного наемничества привели к тому, что правители все больше и больше призывали на службу собственных граждан и заменяли ими, где только можно, наемников. На ранних стадиях развития вооруженных сил посредством наемных армий правители считали, что дорого и политически опасно создавать армии из среды собственного населения; еще велика была опасность внутреннего сопротивления и бунта. Эта тенденция была остановлена войнами Фран-

цузской революции и Империи, так что наемники больше не были преобладающей силой. Как заметил Карл фон Клозевиц после поражения Наполеона: «...Пока, согласно принятому взгляду на вещи, все надежды возлагали на очень ограниченные вооруженные силы в 1793 г., появилась такая сила, о которой никто не имел представления. Вдруг война стала делом народа, и притом народа, исчисляемого тридцатью миллионами, среди которого каждый считал себя гражданином государства... Через участие в войне всего народа (а не Кабинета и Армии) значение приобрела вся Нация со всем ее весом. Теперь доступные средства — те силы, которые могли быть призваны, — были беспредельны; теперь ничто не сдерживало той энергии, с какой можно было вести Войну, и соответственно беспредельно увеличилась опасность для противника» (Clausewitz, 1968 [1832]: 384–385).

Когда вся нация встала под ружье, безмерно выросли возможности государства извлекать средства на войну, но также выросли и претензии граждан к своему государству. Исключительную поддержку войны обеспечил призыв защитить свою родину, позволявший увереннее полагаться на массовое пополнение армии, конфискационное налогообложение. Но ориентация производства на нужды войны делает любое государство, как никогда раньше, уязвимым для народного сопротивления, ответственным перед требованиями народа. С этого момента фундаментально меняется характер войны, а также отношение политики, связанной с ведением войны, к гражданской политике.

При том, что в целом развитие было направлено на монетизацию (monetization) и товаризацию (commodification), исчезновение наемных вооруженных сил выглядело неожиданностью. Чего ради было государству переставать покупать солдат и матросов и заменять наемников регулярной армией на основе воинской повинности? К этому привело несколько факторов. Создание громадных вооруженных сил, имевших только контрактные обязательства перед короной, грозило их промедлением в действиях, бунтом и даже появлением соперников в борьбе за власть. Собственные же граждане под командованием представителей правящих классов часто сражались лучше, были более надежны и дешевле. Центр власти над собственным населением, которую правители получали созданием армий наемников и соответствующих структур, со временем сместился, по мере того как наемники становились дороже и опаснее сами по себе, падали и шансы эффективного сопротивления со стороны национального населения. По мере того как войны дорожали, про-

стая стоимость ведения военных действий в том масштабе, как это было необходимо перед лицом грозных противников, стала превосходить финансовые ресурсы всех государств, кроме самых коммерциализированных. В XVIII в. громадное расширение сельскохозяйственного производства открыло новые возможности населению больших регионов, как горная Швейцария, которые до того экспортировали солдат и прислугу по всей Европе, приток наемников сократился. Французская революция и Наполеон нанесли *coup de grace* (смертельный удар) по системе наемничества созданием громадных, эффективных армий, главным образом за счет расширившихся территорий собственно Франции. Однако к этому времени необходимо было оплачивать и содержать даже собственную регулярную армию (раньше набранную на своей территории). С XV в. европейские государства решительно двигаются к созданию оплачиваемых вооруженных сил, содержавшихся на займы и налоги.

Действительно система наемников имела большой недостаток: если жалование задерживалось или не приходило вовсе, наемники обычно бунтовали, жили за счет местного населения (грабили территорию, где они стояли), становились бандитами или делали все это сразу. Тяготы содержания армии ложились на местных жителей (Gutmann, 1980: 31–71). Во время войн XVI–XVII вв. военный доход заключался в трофеях, но их было слишком мало, чтобы содержать армии. Так что (при большом, правда, разнообразии по государствам) пик найма вооруженных сил более или менее независимыми подрядчиками приходится на XVII в. и снижается в XVIII в., однако еще три или четыре столетия наемники были эталоном военного поведения в Европе. По большей части подрядчики, обслуживавшие армию, покупали еду, оружие, униформу, постой и средства транспорта или прямо, или перепоручая это подчиненным офицерам. Для указанных целей им нужны были деньги и много денег. В 1502 г. ветеран итальянских кампаний Робер де Бальзак заключает свой трактат об искусстве войны советом князьям: «...И, наконец, самое важное: успех на войне зависит от достаточного количества денег для покупки всего, что нужно для этого предприятия» (Hale, 1967: 276).

ЗАХВАТ, ПРОИЗВОДСТВО ИЛИ ПОКУПКА ПРИНУЖДЕНИЯ

К 1502 г. большинство европейских князей уже выучили совет Бальзака наизусть. Грубо говоря, у правителей было три пути получения концентрированных средств принуждения: они могли их за-

хватить, создать или купить. До XX в. вообще очень немногие европейские государства производили основную часть своих средств принуждения: они редко обладали необходимым капиталом или умением. Такие дорогостоящие и опасные производства, как производство пороха или пушек, составляли исключение. После 990 г. европейские государства все больше отходят от захвата в пользу приобретения.

В этом направлении их подталкивали следующие важные перемены. Во-первых, поскольку война становилась все более сложной и капиталоемкой, все меньше и меньше людей среди гражданского населения имели средства ведения войны: в XIII в. каждое знатное домохозяйство имело шпаги (мечи), но ни одно домохозяйство XX в. не имеет авианосцев. Во-вторых, правители намеренно разрушали гражданское население и вооружали свои войска, проводя строгое различие между теми, кто контролировал средства ведения войны, и теми, кого монарх обычно принуждал платить за войну. В-третьих, государства все больше втягивались в производство средств ведения войны, так что вопрос теперь уже был в том захватывать или покупать средства производства вместо захвата или покупки продукта. В-четвертых, население в своей массе сопротивлялось прямому захвату людей, еды, оружия, транспорта и других средств ведения войны гораздо сильнее и эффективнее, чем они сопротивлялись их оплате. Хотя даже до наших дней дошли разные формы воинской повинности, европейские государства обычно переходили к системе сбора налогов в денежном выражении, оплате средств принуждения собранными деньгами и использованию части этих (наличных) средств принуждения для дальнейшего сбора налогов.

Для того чтобы такая система работала, необходимы были два непереносимых условия: относительно монетизированная экономика и доступность кредита. В экономике, где только небольшая часть товаров и услуг продается и покупается, имеются следующие неблагоприятные факторы: сборщики доходов (revenue) не могут сколько-нибудь точно определить и оценить ресурсы, многие претендуют на какой-нибудь отдельный ресурс и утрату этого ресурса утратившему лицу трудно восполнить. В результате всякое проводимое налогообложение неэффективно, по видимости несправедливо и, скорее всего, вызывает сопротивление. Когда кредит мало доступен, даже при монетизированной экономике, текущие расходы зависят от наличных денег, и большие траты возможны только после долгого накопления. В этих условиях всякий правитель, ко-

торый не может отнять средства ведения войны прямо у подвластного ему населения или приобрести их где-то еще, не платя, поневоле начинает создавать свои государственные вооруженные силы. После 1500 г., когда средства успешного ведения войны становились все дороже и дороже, правители большинства европейских государств были заняты по большей части сбором средств.

Откуда приходят деньги? В короткой перспективе они приходят как займы от держателей капитала или поборы (levies) с местного населения, которому так не повезло, что на его территории расквартировались войска. В долгой перспективе — от налогообложения в той или иной форме. Норберт Элиас отмечает тесную связь между налогообложением и вооруженными силами: «Для общества так называемой современной эпохи характерен (в особенности на Западе) определенный уровень монополизации. Отдельные лица не могут свободно пользоваться вооружением, оно находится в распоряжении разного рода центральной власти. Также и налоги на собственность, и доходы отдельных лиц концентрируются в руках центральной власти этого общества. Текущие к этой центральной власти финансовые средства поддерживают ее монопольное владение вооруженными силами, а это, в свою очередь, поддерживает монополию на налогообложение. Ни один из двух факторов не является преимущественным; это две стороны одной монополии. Если исчезнет один, за ним обязательно последует другой, хотя монопольное правление может иногда поколебаться сильнее с одной стороны, чем с другой» (Elias, 1982: II, 104).

Дуэт, на который указывает Элиас, представляет по сути два голоса из трио. Недостающий голос — кредит — связывает монополию на вооруженные силы с монополией налогообложения.

Исторически очень немногие государства были в состоянии оплатить свои военные расходы из текущих доходов. Вместо этого они, чтобы справиться с дефицитом, прибегали к той или иной форме займов: заставляли кредиторов ждать, продавали должности, принуждали своих клиентов дать им ссуду, занимали у банкиров, заявлявших претензии на будущие доходы правительства. Если правительство и его агенты могли занять, они могли разделить ритмы своих трат и поступлений, следовательно, могли тратить раньше получения дохода. Такое «расходование вперед» облегчает дороговизну ведения войны, поскольку траты на личный состав, оружие и другие военные реквизиты обычно происходят скачками, в то время как потенциальные и реальные доходы государства подвержены меньшим колебаниям из года в год. Кроме того, госу-

дарство, которое может быстро взять в долг, может быстрее, чем его противники, провести мобилизацию, увеличивая свои шансы на победу.

Доступность кредита, конечно, зависит от того, как государство платило предыдущие долги, но еще больше от наличия капиталистов. Капиталисты, когда хотят, служат государству как займодавцы, они могут способствовать получению займа и управлять или даже собирать доходы для оплаты долгов. Европейские капиталисты иногда совмещали все эти виды деятельности в одной ненавистой фигуре откупщика или сборщика налогов. Откупщик давал государству деньги в предвидении налогов, которые он соберет, прибегая к власти и авторитету государства, и хорошую долю этих налогов забирал себе как плату за кредит, риск и труд. Но еще чаще капиталисты выступали организаторами и держателями государственного долга. Они также продвигали своей деятельностью монетизацию экономики государства; некоторые из важнейших видов их деятельности суммарно представлены на *рис. 3.2*. Однако здесь представлены не все факторы, влиявшие на переменные величины, представленные на схеме. Например, прямой доступ короны к легко реализуемым ресурсам делал предоставление займа более привлекательным для кредиторов, а иногда он становился альтернативой займа. Пока из Америки плыло золото и серебро, испанские короли легко находили займодавцев в Аугсбурге, Антверпене, Амстердаме и в других местах. В эпоху массовой мобилизации и появления громадных армий, состоявших из граждан, начавшуюся с Французской революцией, большое значение для легкости ведения войны приобрела просто численность населения государства. Но и тогда по государствам Европы сильно различались деятельность капиталистов, степень монетизации, доступность кредита и легкость ведения войны, — они доставляли государствам, имевшим доступ к капиталистам, огромные преимущества быстрого перехода к состоянию войны.

Таким образом, от наличия или отсутствия коммерческих городов на территории государства зависит, насколько легко провести воен-

Рис. 3.2. Как наличие капитала облегчает ведение войны

ную мобилизацию. Там, где много городов, не только займы и налоги легче и быстрее текут в государственную казну — при условии, что государство уделяет достаточно внимания интересам бюргеров как внутри государства, так и за его пределами. Там и городские милиции, и торговые флоты охотно адаптируются для целей обороны или же хищнических целей войны. Где же города слабы и их мало, правители не могли получить больших займов: они или обращались к зарубежным банкирам, которые предоставляли эти услуги по более высокой цене, или заручались поддержкой магнатов, контролировавших вооруженные силы, одновременно требуя ответных привилегий, а также создавали громоздкий фискальный аппарат в процессе сбора налогов с нищего, оказывавшего сопротивление населения.

В XVI в., когда войны приобретают все больший размах, а использование наемников становится обычным делом, решающим условием военного успеха все больше оказывается возможность займов. Купцы Южной Германии, вроде дома Фуггеров из Аугсбурга, как и их итальянские собратья, начинают давать королям в долг. Так, Фуггеры произвели займы в Антверпене, чтобы финансировать испанские войны, имея в виду в будущем доставлять американское серебро. Эти займы на стороне ставили монархов в зависимость от иностранцев, которых было трудно контролировать, но позволяли им не платить долгов без катастрофических последствий для собственной экономики. Со временем невыгодные стороны таких займов перевесили их преимущества, и те монархи, кто мог, перешли к внутренним займам. В особенности, могли производить займы внутри страны государства со значительными зонами капиталистического предпринимательства. Примерно во времена Генриха IV (1598–1610) Франция отказывается от зависимости от иностранных центров капитала (главным образом Лиона, этого проводника итальянского капитала) и начинает опираться на парижские финансы, переключается с иностранных банкиров на французских и от договоренностей на усиленный сбор налогов (Cornette, 1988: 622–624). И хотя короне в следующие два столетия периодически грозила неплатежеспособность, но в целом происшедшая консолидация фискальной власти дала Франции громадные преимущества в будущих войнах.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОЛГОВ

Независимо от того, занимали они много или мало, все правители сталкивались с необходимостью платить за войну по долгам так, чтобы не разрушить для своих кредиторов давать им деньги и в буду-

шем. В этом случае они выбирают самые разные фискальные стратегии. Правительственные доходы вообще (налоги в самом общем смысле слова) распадаются на пять широких категорий: разного вида взимание дани, ренты, Обложение товарно-денежных потоков, обложение основных фондов и подоходные налоги. Дань — это нерегулярные платежи, возлагаемые на отдельных лиц, группы или местности; подушный налог, который был одинаковым для всего населения или основных категорий населения, представляет собой особый вид дани. Ренты — это прямые выплаты за землю, товары и услуги, условно поставляемые определенным их потребителям — государством. (Некоторые государства — Россия, Швеция и Османская империя, например — по-особому обращались с рентой, назначая военным офицерам и гражданским чиновникам ренты с землевладений короны, которые выплачивались таковым, пока они состояли на государевой службе.)

И рента, и дань могут собираться легко и схожим образом. Не то с обложением товарно-денежных потоков и основных фондов. К обложению по товарно-денежным потокам относятся акцизы, таможенные и другие сборы, налоги на сделки (продажи) и другие сборы на трансферты и движения (капитала); часто их называют косвенными налогами, поскольку они отражают (но только косвенно) платежеспособность налогоплательщика. Обложения основных фондов делятся на налоги на землю и недвижимость; часто их называют прямыми налогами. Подоходные налоги (будучи отдельным случаем обложения товарно-денежных потоков) затрагивают текущие доходы, в особенности, заработную плату и другие доходы в денежном выражении.

Пять типов налогов составляют своего рода континуум в отношении их зависимости от монетизации наличной экономики. Они также различаются по объему непрерывного надзора осуществляемого сборщиком (*рис. 3.3*). В целом, меньше надзора требуется, когда налоги собирают непосредственно с применением силы. В других случаях, когда требуется непрерывный надзор, появляются специализированные учреждения для оценки и сбора. Если правительство имеет в своем распоряжении достаточно силы, оно может собирать налоги и дань при сравнительно немонетизированной экономике, хотя и там способность людей платить (налоги) наличными зависит от их способности продавать за наличные деньги товары и услуги. Доходы от сбора таможенных пошлин зависят от того, достаточно ли строго определены границы и хорошо ли они охраняются; контрабанда — уклонение от уплаты таможен-

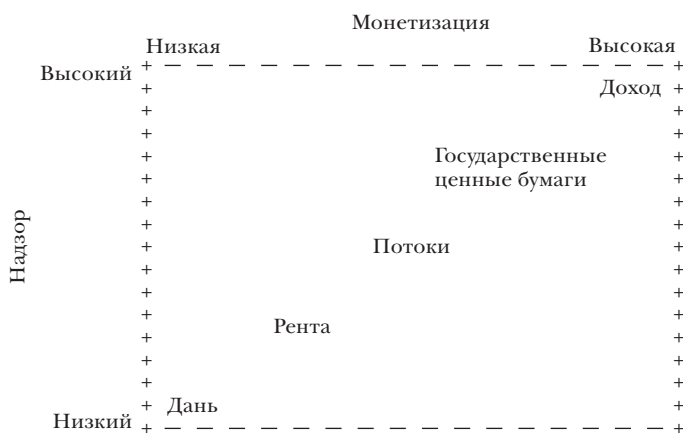

Рис. 3.3. Формы налогообложения

ных пошлин на внутренних и внешних границах — была преступлением именно в той степени, в какой европейские государства могли определить и защитить свои границы. Действительно, во времена патримониализма и брокеража, государства часто больше зависели от платы за проезд (tolls) по стратегически важным дорогам, в портах и на водных артериях, чем от пошлин, собранных на контролируемых границах (Maravall, 1972: I, 129–133).

Платы за потоки сильно зависели от монетизации, потому что она такие потоки увеличивает, облегчая чиновникам налоговой службы оценку потоков и увеличивая возможности тех, кто обязан платить наличными. Налоги на капитал, вопреки тому, что можно было бы предположить, тоже сильно зависят от монетизации, поскольку в отсутствие рынка земли и недвижимости чиновники налоговой службы не могут определить размеры налогов относительно стоимости имущества: когда это соотношение неверно, налоги неэффективны (Ardant, 1965). Таким образом, эффективность, с какой государство финансирует свои войны посредством налогообложения (вместо того, чтобы просто отнимать у граждан средства ведения войны), очень зависит от уровня монетизации. Подоходный налог представляет собой предельный случай, единственный устойчивый и надежный источник доходов правительства при такой экономике, когда практически все заняты в денежной экономике, а большинство рабочих трудятся за плату.

В высшей степени коммерциализованные государства, однако, получают от этих отношений немалые преимущества. При опреде-

ленном уровне монетизации налоги, стремящиеся к высшему уровню нашего континуума, сравнительно эффективны. Они строятся на тех же мерках и наглядности, какие товарная экономика применяет к собственности, товарам и услугам. Участники рыночного обмена в значительной степени уже осуществляют необходимый надзор, устанавливая цены и трансферты. Достаточно социализованные граждане затем начинают считать моральным — платить налоги; они следят за собой и друг за другом, почитая уклоняющихся от налогов фрирайдерами (лицами, которые пользуются общественными или групповыми благами, не участвуя в их оплате или создании). Налоги на потоки, на капитал и, в особенности, подоходные приносят больше, дают более высокий возврат относительно усилий по их сбору и легче адаптируются к переменам в политике государства, чем ренты и дань. При менее коммерциализованной экономике государство встречает больше сопротивления сбору налогов; собирает их менее эффективно и поэтому вынуждено создавать более громоздкий аппарат контроля. Если два государства примерно одинакового размера, но разной степени коммерциализации вступают в войну и пытаются изымать сравнимые суммы денег у своих граждан посредством одинаковых налогов, менее коммерциализованное государство создает более крупную государственную структуру, когда оно воюет или оплачивает войну. Более коммерциализованное государство обычно делает то же самое с помощью меньшей административной организации.

Прямое снабжение армий, обложение налогами и управление королевским кредитом — все было легче в коммерциализованных, богатых капиталом, экономиках. Однако повсюду (при любой экономике) они преумножали количество государственных чиновников. Более или менее значительное усилие по подготовке войны обыкновенно приводило к устойчивому расширению центрального аппарата (органов управления) государства — количества постоянного персонала, разнообразных институтов, размеров бюджета, величины долга. Когда Голландия и Испания достигли перемирия в их изнурительной войне в связи с требованием голландцев независимости в 1609 г., с обеих сторон многие ожидали, что наступит облегчение от высокого налогообложения, которое было введено в предшествующее десятилетие. Но оказалось, что обслуживание долга, строительство фортификационных сооружений и другие виды деятельности государства с легкостью поглощали доходы, освобожденные военной демобилизацией. Ни в одной из двух стран налоги существенно не уменьшились (Israel, 1982: 43–44).

Некоторые историки говорят об инерционном эффекте (*ratchet effect*), когда раздутый военный бюджет не возвращается к довоенному уровню (Peacock, Wiseman, 1961; Rasler, Thompson, 1983, 1985a). Это происходит не повсеместно, но достаточно часто, в особенности, в государствах, которые не понесли больших потерь в закончившейся войне. Отмечаемый эффект обусловлен тремя причинами: поскольку усиление государства в военное время дает властям новую возможность изъятия ресурсов, обращения к новым видам деятельности и сопротивления экономии средств. Потому что войны создают или обнаруживают новые проблемы, требующие внимания государства; и потому что произведенные в военное время долги становятся новым грузом для государства.

Национальный долг обычно возникает именно из займов для войны и во время войны. Возможность занять на военные расходы существенно влияет на способность государства успешно вести военную кампанию. Так в XVII в. Голландская республика, обратившись к банкирам Амстердама и других крупных торговых городов, смогла (будучи небольшим государством) быстро собрать невероятные суммы денег на армию и флот и стать ведущей на то время европейской державой. Важнейшие инновации произошли раньше в 1515–1565 гг., когда принадлежащие Габсбургам Генеральные штаты Нидерландов (из которых северные провинции стали после восстания 1568 г. Голландской республикой) предприняли шаги по выпуску государственных рент (*annuities*), обеспеченных специальными новыми налогами и приносящих значительный доход (Tracy, 1985). Теперь «в случае необходимости Голландская республика могла занять 1 000 000 флоринов всего лишь под 3% за два дня» (Parker, 1976: 212–213). В результате государственные ценные бумаги стали излюбленной инвестицией для голландских рантье, чьи представители облагали к своей выгоде налогами всю экономику. И в самом деле, слово «капиталист» в его теперешнем значении, кажется, восходит к названию тех голландских граждан, на кого распространялась наивысшая налоговая ставка на человека, посредством чего они заявляли о своем богатстве и кредитоспособности.

Голландские банкиры, богатые, сведущие и независимые, после 1580 г., когда еще северные Нидерланды воевали со своими бывшими испанскими хозяевами, сумели подработать перевозкой серебра (направляя его в Антверпен), где этим серебром оплачивались испанские расходы на войну (Parker, 1972: 154–155). Когда в 1608 г. Испания предложила признать независимость Голландии, если та уйдет из Ост- и Вест-Индии, участвовавший от имени голландцев Олден-

барневелт «ответил, что нельзя просто уйти из Ост-Индской компании, поскольку с ней связано слишком много выдающихся граждан Республики» (Israel, 1982: 9). Но в целом богатство купцов шло на благо их голландского государства. Интенсивная коммерческая экономика позволила голландскому государству пойти в XVII в. по пути, который был закрыт для соседней Пруссии и по которому, подражая, пошла Англия в 1690-е гг., получив себе на радость голландского короля. Переняв голландскую технику взимания налогов, англичане смогли ослабить свою зависимость от голландских банкиров, а со временем и победить Голландию в войне.

Голландия XVII в. находилась в наивысшей точке на оси коммерциализации. Другие государства с интенсивным капиталом, как итальянские торговые государства Генуя и Венеция, также организуют вооруженные силы с помощью государственного кредита и налогов на потоки и товары. В регионах с интенсивным принуждением ресурсы, которые могли бы быть использованы для военных целей, остаются привязанными к сельскому хозяйству и в руках магнатов, которые сами обладают значительными и самостоятельными силами. Здесь изъятие военных ресурсов, конечно, принимало совершенно иные формы: это были разного рода комбинации экспроприации, кооптации, отношения патрона и клиента, воинской повинности и грубого силового сбора налогов. Между этими двумя крайностями в областях, где имел значение и капитал и принуждение, большее равновесие между капиталом и принуждением позволяло правителям играть на их противоречиях. Здесь применяли купленные войска для сдерживания тех, у кого были собственные армии, а национальные армии — для давления на владельцев частного капитала. В долгой перспективе, по мере того как росли военные потребности, указанные факторы стали определять решительное преимущество в военных делах правителей государств, шедших по пути капитал + принуждение. Так что их тип государства — национальное государство — одержало верх над городами-государствами, империями, союзами городов и другими формами государств в Европе.

ДЛИННАЯ (И МОГУЩЕСТВЕННАЯ) РУКА ИМПЕРИИ

К концу XVII в. значительная часть европейских войн, включая войну между сопредельными Голландией и Англией, шли на море далеко от континента. Борьба за морскую империю завершала европейские войны на суше, формируя характерные типы европейских

государств. Но еще до создания национальных государств европейцы имели большой опыт строительства империй. Скандинавы создавали (недолговечные) империи задолго до 1000 г. Большую часть Европы веками занимали Монгольская, Российская, Оттоманская, Шведская, Бургундская и Габсбургская империи. Большие торговые города, как Генуя и Венеция, покорили или купили себе собственные империи (правда, разбросанные). Громадную европейскую империю (хотя и ненадолго) создал Наполеон. Оттоманская, Австро-Венгерская, Российская и Германская империи просуществовали до Первой мировой войны. Но с течением времени, конечно, европейские империи все больше напоминали национальные государства. Перед этими империями при их неоднородности и пережитках непрямого правления (через вице-королей и других наместников) стояли, однако, особые проблемы контроля над подданными.

Начиная с XV в. европейские державы создают империи далеко за пределами своего континента. На своем краю полуострова португальские христиане покончили с последним мавританским царством в 1249 г. В следующие полтора столетия они сосредоточили морские действия на торговле в Европе и Африке; но в 1415 г., после захвата Сеуты на Марокканском побережье, они начинают экспансию, которая не прерывалась затем 200 лет. Ко времени смерти принца Генриха (так называемого Мореплывателя) в 1460 г. его войска распространили свой контроль, и политический, и коммерческий, так далеко вдоль западного побережья Африки, что захватили Мадейру и Азорские острова на Атлантике. С помощью генуэзских кондотьеров и предпринимателей они начинают практически немедленно создавать новые жизнеспособные (в коммерческом отношении) колонии. И еще до конца века Васко да Гама обогнул Африку и приплыл в Калькутту, распространив португальское влияние на Индийский и Тихий океаны.

Португальцы очень хотели покончить с мусульманско-венецианским контролем над европейскими подступами к азиатским пряностям и предметам роскоши и установить собственную гегемонию на морских путях в Азию. Они приложили очень много сил, отчаянно рисковали, дошли до исключительной жестокости и почти преуспели. В XVI в. португальские караки и галеоны контролировали почти весь Индийский океан и перевозили в Европу и Оттоманскую империю до 50% всех пряностей (Voxer, 1969: 59). В этом же столетии португальские поселенцы начинают мигрировать в Бразилию; оттуда они экспортируют сахар, произведенный трудом потрясенных америндов (американских индейцев),

а потом все больше трудом рабов, привезенных из Анголы, Конго и Сенегамбии. Позднее португальская корона получала свой доход по большей части от таможенных сборов с товаров из колоний.

Португалия, однако, терпела в некоторых отношениях жесточайший недостаток. При ее имперских запросах ей очень не хватало собственного леса, человеческих и других ресурсов, так что португальские корабли XVI века иногда не имели на борту ни одного португальца, кроме командиров. В 1580–1640 гг. Португалия соединилась с испанской короной и унаследовала испанскую войну с грозными голландцами. Однако с началом восстания против Испании в 1640 г. маленькое королевство оказывается в состоянии войны и с голландцами, и с испанцами вплоть до 1689 г. Из-за войн с морскими соперниками португальские купцы оказывались в опасном положении в открытом море (за пределами территориальных вод). И если Португалия сохраняла свою власть так долго, то исключительно благодаря своей стойкости и изобретательности.

Поскольку у португальцев бескрайняя империя существовала при хрупкой миниатюрной метрополии, португальские завоеватели изобрели характерную форму правления «за морем», трансформировав и собственное государство. За морем Португалия превратила свои колонии (по большей части) в военные заставы, одним из основных видов деятельности которых было обеспечение доходов короны. В отличие от голландских, английских и венецианских правителей, португальские не поручали своим купцам организацию правления в колониях. В отличие от испанских, они не терпели появление в их заморских владениях больших автономных областей. Но они не могли воспрепятствовать управляющим, священникам и солдатам в колониях вести торговлю от себя или получать взятки за незаконное превышение официальной власти. Так что колониальные доходы доставляли Лиссабону и его королю относительную независимость от других правителей в Португалии, но также часто ставили в зависимость от коррумпированных чиновников. Такой монарх мог процветать только, пока золото и товары рекой текли из колоний.

Испанцы сравнительно с соседними португальцами поздно занялись заморскими завоеваниями. В 1492 г. Гранада, последнее укрепление мусульман на Иберийском полуострове, сдалась Кастилье. К тому времени двигавшиеся на юг испанцы уже стали заселять Канарские острова. В том же году королева Изабелла поручила генуэзскому кондотьеру Христофору Колумбу плыть на запад, через Канары в поисках пути в Индию и Поднебесную империю. Уже через

пятнадцать лет у Испании были действующие колонии в Карибском море. А век спустя после падения Гранады испанцы правили — пусть и не везде — почти по всей Центральной и Южной Америке, кроме Бразилии, достигнув Филиппин.

Примерно в это время на сцену выходят голландские и английские мореплаватели. Две управляемые гражданскими лицами Ост-Индская и Вест-Индская компании (принадлежавшие обеим странам), не говоря уж об их пиратах, агрессивно вторгались в воды Португалии и Испании в Южной Атлантике, Индийском и Тихом океанах. Как это не покажется странным, но в течение восьмилетней войны за независимость с Испанией голландские купцы получали наибольшую прибыль от торговли с врагом. Они привозили товары из Северной Европы в Иберию и использовали свои старые коммерческие связи, чтобы проникнуть в торговые сети испанской и португальской империй. С этого началось создание мировой голландской империи. На Атлантике английские купцы пристроились к португальской торговле и научились искусно обманывать королевских таможенников. Они начали как паразиты, но скоро превратились в главные организмы на этих территориях.

На протяжении всей истории европейского империализма каждая новая его фаза начиналась с соревнования между теми, кто уже закрепился как господствующий в каком-нибудь регионе мира или на торговом пути, и новичком, бросающим вызов гегемону или пытающимся обойти его, или и то и другое. Сначала европейцы теснили мусульман, но к XV в. европейцы уже воевали друг с другом за доступ на Восток. В XVI в. португальцы почти сумели обойти венецианцев, контролировавших сухопутную связь на Западе Европы с Востоком и Южной Азией, но уже столетие спустя им бросили вызов на море Испания, Голландия и Англия. Англичане и голландцы так никогда и не смогли изгнать португальских купцов и вице-королей из их владений, но они смогли покончить с тем первенством, которое принадлежало Португалии до 1600 г. [Например, во время Голландской войны 1647–1648 гг. в связи с удачными действиями противника Португальская Бразилия потеряла 220 судов своего флота (Voxer, 1969: 221).] Голландские Ост-Индская и Вест-Индская компании правили собственной громадной империей и пользовались преимуществами перед своими соперниками «в силу того, что имели больший контроль над рынком, и в силу интернационализации стоимости защиты (protection costs)» (Steenngaard, 1974:11). Вообще в XVII в. Голландия стала величайшей в мире морской и торговой державой.

Затем британцы вытеснили голландцев. По мере того как морское могущество голландцев слабело, британские корабли становились хозяевами почти на всех мировых морях. К XVIII в. французские каперы, военные и торговые суда («купцы») отправлялись в плавание к берегам Америки, Азии, бороздили Тихий океан — до XIX в. они мало имели дел в Африке — и толпились на других морских путях. Открытие в XVIII в. золота и алмазов в Бразилии оживило колониальную экономику Португалии, но уже не могло вернуть Португалии ту гегемонию, какой она пользовалась в XVI в. Франция и Британия **поздно** приступили к территориальным завоеваниям вдали от своих границ, но после 1700 г. они быстро наверстали упущенное. К концу XVIII в. Испания, Португалия, Соединенные провинции, Франция и Великобритания — все обзавелись большими заморскими империями и всемирными торговыми сетями; причем всех превзошла Британия. Имперские завоевания еще усилились в XIX в. «С 1876 по 1915 гг., — пишет Эрик Хобсбаум, — примерно четверть земной поверхности была распределена или перераспределена в качестве колоний среди полудюжины государств» (Hobsbawm, 1987: 59). К началу Первой мировой войны Испания, Португалия и то, что тогда было королевством Нидерланды, владели уже только лохмотьями своих бывших империй, в то время как по миру расстилалась ткань французских и в особенности английских владений.

Все эти империи вместе захватили территории с «факториями», уже сложившимися торговыми поселениями по окраинам под управлением местных правителей. За исключением португальского Макао, у европейцев не было колоний в Японии или Китае. Но и португальцы, и испанцы, и затем голландцы имели коммерческие анклав в Япония; а в годы закрытости Японии при сёгунате Токугавы (1640–1854) голландская застава в Децима была единственным пунктом японских контактов с Европой (Voxer, 1965: 237). Однако со временем европейцы перешли к другой модели колонизации: захвату и частичному сеттльменту. Начиная с 1652 г., например, даже голландцы, — которые на самом деле колонизировали очень мало земель, где они устанавливали свою торговую гегемонию, — начинают захватывать, устанавливать свое правление и заселять территории вокруг мыса Доброй Надежды. Уже в начале XVIII в. появляется понятие *африкандер*, обозначающее европейского поселенца (Voxer, 1965: 266). Европейские государства прежде всего в XIX в. разрезают неевропейский мир на отдельные колониальные территории.

Создание заморских империй не способствовало появлению государственных структур в такой степени, как сухопутная война на собственных территориях. Тем не менее государство и империя были взаимосвязаны: характер европейского государства определял форму его экспансии за пределами Европы, а природа империи существенно влияла на деятельность метрополии. Так, государства с интенсивным капиталом (Венеция или Голландская республика) расширяли свои владения беспощадным преследованием торговых монополий, не особенно путем захвата и колонизации. Государства с интенсивным принуждением (скандинавские и испанское) предпочитали селтльмент, порабощение туземной (или импортированной) рабочей силы и получение дани. Промежуточные типы государств как Британия и Франция, вступили в эту имперскую игру сравнительно поздно и преуспели в ней сочетанием капиталистических стратегий со стратегиями принуждения.

Капиталистическая стратегия мало что доставляла центральному государству, в особенности, когда ее реализацию осуществляли частные организации, как Ост-Индская компания. Впрочем, эти коммерческие мегалиты становились политическими силами, с которыми приходилось считаться. Таким образом, приватизация принуждала государство к согласованиям с подвластным населением или хотя бы с господствующим коммерческим классом. Стратегия захвата и селтльмента, которая требовала регулярных армии и флота, расширяла бюрократию центрального государства, не говоря уж о той всемирной сети чиновничества, которую она вызвала к жизни. Там, где захват приносил богатства, — в особенности, в форме серебра и золота (*bullion*), как в Испании, — он становился альтернативной формой налогообложения, что позволяло правителям избегать согласований, посредством которых утверждались права граждан и ограничивались прерогативы государства.

Несколько факторов определяли, насколько появление государственного аппарата было обусловлено взаимодействием между строительством военной машины и развитием рынков (как дома, так и в колониях): от того, в каком (по объему) отношении находилась эта машина к содержавшему ее населению, от уровня предшествовавшей коммерциализации экономики, от того, насколько государство зависело от участия в мобилизации в военное время ресурсов других носителей власти, поставлявших собственные вооруженные силы и имевших возможность вернуть их (после войны) себе. По указанным признакам мы можем расположить варианты на одной оси. На одном конце расположится имперская Рос-

сия, где громоздкий государственный аппарат позволял вырвать людей и ресурсы из громадной, но некоммерциализованной экономики. На другом — Голландская республика, которая в высшей степени зависела от флота, содержала свои вооруженные силы на временные гранты, предоставляемые провинциями, где преобладали города, легко собирала налоги в виде таможенных сборов и акцизов и никогда не создавала сколько-нибудь существенной центральной бюрократии. Между ними расположатся такие государства, как Франция и Пруссия, где короли имели доступ к влиятельным регионам сельскохозяйственного и коммерческого капитала, но вынуждены были вести переговоры о поддержке их военной деятельности с имевшими власть землевладельцами. Со временем впрочем, потребность в людях, деньгах и поставках так возросла, что правители стали также вести переговоры с массами населения. В следующей главе мы остановимся на согласованиях и их вариантах по типам государства.

ГОСУДАРСТВА И ИХ ГРАЖДАНЕ

ОТ ОС К ЛОКОМОТИВАМ

За последние тысячу лет европейские государства претерпели интересную эволюцию: от ос к локомотивам. Долгое время государства были заняты главным образом войной, предоставляя заниматься другими видами деятельности иным организациям, покауда эти организации регулярно взимали дань. Взимавшие дань государства, хотя и демонстрировали крутой нрав, но были довольно легковесны в сравнении со своими мощными преемниками и наследниками: они кусали, но до конца кровь не выпивали. С течением времени государства — даже с интенсивным капиталом — расширяли свою деятельность, власть и обязательства, исполнение которых их связывало. У этих локомотивов было два рельса: средства к существованию, получаемые от гражданского населения, и обслуживание штатом гражданских служащих. Без этих рельсов эти настроенные на войну паровозы вообще не могли двигаться.

Основная и минимальная деятельность государства состоит из трех компонентов:

создание государства – наступление на соперников и претендентов в границах территории, на которую притязает государство, и сдерживание таковых;

ведение войны – наступление на соперников за границами территории, на которую государство уже заявило свои права;

защита – наступление и сдерживание тех, кто выступал как соперник основных союзников правителей внутри и вне территории, на которую государство заявляет права.

Но ни одно государство долго не просуществует, если не будет действовать и в четвертом направлении:

Изъятие – получение от подвластного населения средств на создание государства, ведение войны и защиту.

Как минимум государства, взимающие дань, ограничивались этими четырьмя видами деятельности и вторгались в жизнь своих но-

минальных подданных лишь для осуществления власти правящего класса или изъятия доходов. Однако все государства, как оказывается, рискованно вторгались и в три другие области:

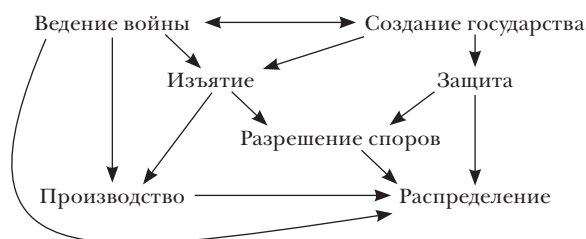
разрешение споров (adjudication) – властное разрешение споров между представителями подвластного населения;

распределение – вмешательство в распределение товаров среди подвластного населения;

производство – контроль за производством и трансформацией товаров и услуг представителями подвластного населения.

Связь между этими видами деятельности схематично представлена на *рис. 4.1*. Ведение войны и создание государства способствовали один другому и даже оставались нераздельными, пока государства не начинали устанавливать безопасные, признанные границы вокруг своих компактных территорий. Для того и другого необходимо было изъятие ресурсов у местного населения. Когда государство делало ставку на союз или пыталось получить ресурсы от сравнительно мощного или мобильного актора, оно начинало защищать своего клиента, сдерживая соперников и врагов. По мере того как ширились изъятие и защита, возникала необходимость вынесения решения при спорах среди подвластного населения, в том числе регулирование законом самих изъятия и защиты.

Со временем вес и значение тех видов деятельности, которые на нашей диаграмме располагаются ниже, – разрешение споров, производство и распределение – начинали развиваться быстрее чем те, что находятся наверху: ведение войны, создание государства, изъятие и защита. Масса того, что большинство европейских государств инвестировали в военные действия (наступление на соперников и сдерживание их за границами территории, на которую государство заявило свои права) или создание государства (наступление на соперников и претендентов в границах территории, на которую заявляет права государство, и сдерживание таковых), продолжает и в XX веке расти, правда, неравномерно. Но деятель-

Рис. 4.1. Основные виды деятельности государства и их взаимосвязь

ность по разрешению споров, производству и распределению из незначительной становится громадной. Даже, например, несоциалистические государства, где господствовала частная собственность, постепенно начинают вкладывать большие суммы в производство и/или регулирование потребления энергии, транспорт, коммуникации, питание и оружие. Поскольку же правители извлекают все больше и больше ресурсов на войну и другие действия принуждения из своих экономик, основные общественные классы все более и более успешно требуют от государства вмешательства не только в область войны и принуждения. На протяжении тысячелетнего периода, который мы здесь рассматриваем, определенно преобладала деятельность принуждения.

Для ведения войны европейским государствам приходилось заниматься производством оружия и изъятием из производства товаров (соли, спичек и табака), — тем самым государство, обладая монопольными правами, пополняло казну. Позднее все европейские государства стали больше вмешиваться в производство, по мере того, как все настойчивее становились требования рабочих и интеллектуалов ограничить злоупотребления капиталистов; в этом отношении социалистические государства представляют собой лишь крайнее выражение общей тенденции. Изъятие, защита и разрешение споров сплелись, наконец, и втянули государства в контроль за распределением. Сначала это был способ обеспечения доходов государства от потока товаров, затем — ответ на народные требования восстановления равенства и восполнения конкретных недостатков. И в этом вопросе также социалистические государства были лишь крайним выражением общего расширения деятельности государства за пределы военной (деятельности).

В связи с изъятием ресурсов и умиротворением населения каждое европейское государство создавало наконец новую административную структуру на местном и региональном уровнях, а также в национальном масштабе. По договору в Като-Комбрези (1559 г.), например, было создано королевство Савой-Пьемон и на трон посажен *Эммануэль Филиберт*. Вскоре новый король вводит (в поисках денег) новшество: сначала доходную принудительную продажу соли, затем ценз для определения того, кто способен платить налоги, и наконец налог соответственно производительной области каждого населенного пункта. Этот налог вынуждал соседние поселения точно выверять границы, что вело к появлению кадастров и чиновников для их регулирования (Rimbaud, Vincienne 1964: 11). Повсюду изъятия не только сокращали объем ценных ресурсов в сферах

их обычного употребления, но также и производили новые формы политической организации.

Таким образом, деятельность государства сильнейшим образом затрагивала интересы всего населения, коллективное действие и гражданские права. Когда правители и агенты государства занимались войной, созданием государства, защитой, изъятием, разрешением споров, распределением и производством, они посягали на вполне определенные интересы людей, живших на контролируемой этим государством территории. Это воздействие часто было негативным, поскольку государства то и дело захватывали землю, капиталы, товары и услуги, до того служившие другим целям. По большей части ресурсы, которые короли и их министры употребляли на создание военной мощи, были изъяты из трудовой деятельности и накоплений простых людей и представляли собой отвлечение средств от более важных для простых людей целей. Хотя капиталисты иногда с радостью вкладывались в государственные финансы и в защиту, которую государственная власть предоставляла их бизнесу, хотя региональные магнаты иногда вступали в союз с королями, чтобы отразить собственных врагов, но большинство людей, имевших инвестиции в тех ресурсах, которые монархи стремились отнять, упрямо сопротивлялись требованиям королей.

В конце концов, труд, товары, деньги и другие ресурсы, необходимые государству, были заключены в обязательства и цели, очень важные для домохозяйств и общин. В короткой перспективе, в рамках кругозора простых людей, то что мы теперь беспечно называем «формирование государства», состояло в натравливании безжалостных сборщиков налогов на бедных крестьян и ремесленников, в принудительной продаже для уплаты налогов домашних животных, которые могли бы пойти на покупку приданого, в заключении местных лидеров в качестве заложников, чтобы их община заплатила просроченные налоги, в повешении тех, кто протестовал, в натравливании жестоких солдат на беспомощное гражданское население, в призыве на военную службу молодых людей — единственной надежды стариков на спокойную старость, в вынужденной покупке испорченной соли, в возвышении и без того заносчивых местных владетельных лиц на государственные посты, в насаждении религиозного единообразия во имя общественного порядка и морали. Не удивительно, что беспомощные европейцы часто верили в «доброго царя», которого обманывают и даже держат в плену дурные советники.

И характер государства, и объем его деятельности варьировались, будучи функцией от господствующей в границах этого государства экономики. В регионах интенсивного принуждения правители обычно привлекали ресурсы для ведения войны и другой подобной деятельности прямой реквизицией и воинской повинностью. Таможенные сборы и акцизы приносили небольшую прибыль в сравнительно некоммуерциализованных экономиках, но институт подушного налога и налога на землю создал внушительную фискальную машину и давал землевладельцам, деревенским старостам и другим лицам, непосредственно контролировавшим главные ресурсы, значительную власть. В регионах интенсивного капитала капиталисты, товарный обмен и сильные муниципальные организации были серьезным ограничением для государства, когда оно стремилось осуществлять прямой контроль над отдельными лицами и домохозяйствами. Одновременно эти факторы облегчали обращение к сравнительно действенным и безболезненным налогам на торговлю — этому источнику доходов государства. Также доступность кредита позволяла правителям растянуть оплату военной деятельности на продолжительный период, вместо того чтобы производить быстрое и болезненное изъятие. В этих регионах государства создавали небольшие отдельные центральные аппараты. В регионах, шедших по пути капитал + принуждение, отмечается промежуточное положение: пусть и нехотя, правители здесь действовали с согласия землевладельцев и купцов, собирали доходы и с земли, и с торговли и таким образом создавали двойственные государственные структуры, где знать противостояла — а со временем сотрудничала — коммерсантам.

СОГЛАСОВАНИЕ, ПРАВА И КОЛЛЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Вмешательство государства в повседневную жизнь людей провоцировало коллективные действия, часто принимавшие форму сопротивления государству, но иногда маскировавшиеся под новые претензии к нему. Поскольку властям было необходимо взять ресурсы у населения и получить его одобрение, государственная власть, другие носители власти и группы простых людей вели переговоры (пусть и односторонние) по поводу новых соглашений относительно условий, при которых государство могло бы осуществлять изъятие или контроль. А также относительно того, какие требования эти другие носители власти и простые люди могли предъявлять государству. По мере продвижения от патримониализма к бро-

керажу, формированию армий национальных государств и специализации эти согласования и требования к государству кардинально менялись. Во времена патримониализма, например, согласование часто принимало вид регионального восстания под руководством местных магнатов, которые выдвигали требования независимой государственности. А во времена брокеража, когда бывшие руководители перешли на сторону государства, восстания под руководством магнатов сменились народными бунтами против налогообложения и воинской повинности.

Реальные, сменявшие друг друга формы воздействия государства на интересы, коллективные действия, согласование и установление прав значительно менялись, будучи функцией особенностей принуждения и капитала — этих оснований формирования государства. В регионах интенсивного принуждения, как Польша и Россия, долгое время основным объектом борьбы оставался контроль над землей и трудом, за этой землей закрепленным. В то же время в регионах интенсивного капитала, как Нидерланды, большее значение имели капитал и ходовые товары в том, что касалось согласований, которыми создавалась государственная структура и формировались требования граждан к государству. В зонах интенсивного капитала государства раньше и эффективнее начали устанавливать буржуазные права (частной) собственности — сокращать количество требований на одну и ту же собственность, навязывать контракты и укреплять право самого собственника определять форму использования этой собственности. Однако повсюду в деле создания государством военной мощи необходимы были согласования агентов государства с другими носителями власти и группами простых людей. Поэтому классовая структура подвластного населения помогла определить организацию государства: его репрессивный аппарат, фискальную администрацию, оказываемые им услуги и формы представительства.

Воплощение классовой структуры в государственную организацию происходило через борьбу. Восстания против налогов, сотрясавшие западную Европу в XVII в. были вызваны непримиримостью притязаний королей, региональных владык, местных общин и индивидуальных домохозяйств на землю, труд, товары, скот, сельскохозяйственные орудия, кредит и материальные ценности домохозяйств, которые не могли служить всем целям сразу. Когда в сопротивлении налогообложению требования великих лордов совпадали с требованиями местных общин, как это часто случалось в начале XVII в. во Франции, это угрожало самой жизнеспособно-

сти короны. Но даже и в малом масштабе повседневное индивидуальное и коллективное сопротивление возраставшим усилиям государства по изъятию ресурсов было серьезным испытанием для правителей.

Поскольку население государства было раздроблено и гетерогенно, возможность полномасштабного восстания снижалась, но трудность проведения единообразных административных мер — возрастала. Среди однородного, плотного населения велики были шансы, что административные инновации, вводимые и испытанные в одном регионе, будут работать повсюду. В этих условиях чиновники легко могли распространять свои знания из одной местности в другую. При переходе от дани к налогам, от непрямого правления к прямому, от подчинения к ассимиляции государства обычно преуспевали в гомогенизации своего населения и разрушении разделений, навязывая общий язык, религию, валюту и законодательство, а также насаждая связную систему торговли, транспорта и коммуникации. Однако если такие усилия по выравниванию угрожали самой идентичности подвластного населения, идентичности, основанной на повседневных общественных связях, тогда эти усилия наталкивались на массовое сопротивление.

На местном уровне сопротивление требованиям государства обыкновенно происходило скрытно, с применением «оружия слабых», описанного Джеймсом Скоттом: саботажа, промедления, сокрытия, уклонения (Scott, 1985). Все это выливалось в массовое восстание только тогда, когда: 1) запросы и действия государства были оскорбительны для граждан, согласно их понятиям справедливости, и задевали основы их коллективной идентичности, 2) когда люди, оскорбленные действиями государства, были уже связаны устойчивыми социальными связями, 3) когда простые люди имели могучих союзников внутри и вне государства и 4) последние действия государства обнаруживали его уязвимость. В этих условиях была велика не только возможность народного восстания, но и возможность его успеха.

В 1640-е гг. все эти условия соединились в ряде европейских государств, и наступило одно из самых мятежных десятилетий в европейской истории. Безобразный клубок столкновений, который мы теперь называем Тридцатилетней войной, стал испытанием для большинства западноевропейских государств, обнаруживая их уязвимость именно в то время, когда от их подданных требовалась особая жертвенность. Англия прошла через гражданскую войну, Франция вступила в бурное время Фронды, Шотландия почти что осво-

бодилась от Англии, Каталония и Португалия сбросили с себя иго (первая временно, вторая окончательно) контроля смешанной испанской короны, в то же время в Неаполе рыбак Мазаниелло возглавил громадное народное восстание.

В Каталонии, например, разгорелся ожесточенный конфликт короля (или скорее его министра Оливареса) с Кортесом из-за возросших потребностей короля в налогах. В 1640 г. корона отправляет в эту провинцию 9000 солдат с требованием денег, что исключало возможность организованного сопротивления и стало своего рода шантажом (поскольку каталонцам приходилось содержать войска и терпеть их разбой, пока не будет завершена выплата). Размещение войска без предварительного согласия провинции было нарушением установленных прав Каталонии. Началось широкое народное восстание. Восстание возглавил Diputació — собственно, исполнительный комитет Кортеса, — и он даже зашел так далеко, что призвал Людовика XIII Французского допустить суверенитет в Каталонии. Воспользовавшись тем, что Франция была занята Фрондой, испанская армия вновь захватила Барселону, а потом в 1652 г. Каталонию. Тогда «Филипп IV даровал помилование и поклялся уважать традиционные свободы Каталонии» (Zagorin, 1982: II, 37).

Что делали правители, когда они сталкивались с сопротивлением, разрозненным или соединенным? Они вступали в переговоры. Ну, вы можете возразить против употребления слова «переговоры», когда речь идет о посылке войск для подавления мятежа против налогов или захвата сопротивляющегося налогоплательщика. Тем не менее частое использование наказания для устрашения — повесить не всех повстанцев, а нескольких зачинщиков, заключить в тюрьму не всех должников по налогам, а самого богатого — указывает на то, что власти вели переговоры с основной массой населения. Согласование принимало также множество других форм: обращение к парламенту, подкуп городских чиновников освобождением от уплаты налогов, подтверждение преимуществ гильдии в обмен на заем или выплату, урегулирование суммы обложения и сбора налогов в обмен на гарантию, что их будут платить охотнее, и т.д. Это согласование производило или подтверждало индивидуальные и коллективные требования к государству, индивидуальные или коллективные права по отношению к государству и обязательства государства по отношению к своим гражданам. Оно также порождало права — признанные принудительные требования — государства по отношению к гражданам. Суть того, что мы теперь называем «гражданством»,

состоит из множества переговоров, затеянных правителями и проведенных в ходе борьбы за средства деятельности государства, в особенности, за средства ведения войны.

Согласование, очевидно, было асимметричным: не трудно увидеть, что это было противостояние пашки и посоха; постоянное разоружение государством населения увеличивало асимметрию. Но даже силовые репрессии в отношении восстающих против налогов и воинской повинности обыкновенно предусматривали серию соглашений с теми, кто сотрудничал в умиротворении, и общественное одобрение мирных средств, посредством которых простые граждане *могли* законным образом добиваться исправления ошибок и несправедливостей государства. Эти средства обыкновенно включали петиции, ходатайства и представительство в местных законодательных органах. По мере того как рабочие и буржуа (и реже крестьяне) организовывались, они использовали разрешенные средства, чтобы добиваться расширения своих прав и прямого представительства. Во времена специализации государства предвосхищали или реагировали на растущие запросы буржуазии и рабочих, проводя через своих агентов такие программы, как социальное страхование, пенсии бывшим военным, государственное образование и обеспечение жильем. Претворение в жизнь всех этих программ означало появление новых департаментов, бюрократов и строчек в бюджете все более гражданского государства.

Через борьбу, согласование и непрерывное взаимодействие с держателями основных ресурсов, государство приходило к пониманию классовой структуры подвластного ему населения. Наибольшее влияние оказывали господствующие классы, так что государства, где господствовали крупные землевладельцы, развивали совершенно иные структуры, чем те, где господствовали капиталисты (Moore, 1966). Но государственным фискальным организациям, контролю над торговлей, полицейским силам и многим другим приходилось вступать в контакт также с крестьянами, ремесленниками или безземельными работниками. Соглашения, достигнутые посредством специальных переговоров, прекращавшие продолжительное сопротивление или способствовавшие народному согласию, были важным делом этих государственных институтов.

Снова нам надо представить себе весь спектр возможностей. На одном конце расположатся договоренности с сильными организациями, существовавшими до великой экспансии государственной власти и пережившими эту экспансию, в особенности, органы правления капиталистических муниципалитетов, как Амстер-

дам. В результате этих согласований правящие органы включались в структуру государства и становились представительными инсти-тутами. В целом правители в тех районах, где находились процве-тающие города, обыкновенно имели дело с советами, представля-ющими носителей власти этого города. Так сначала князья Кatalo-нии допускали в свои советы (кроме знати и духовенства) делегатов Барселоны и других каталонских городов, что стало прообразом позднейших трехпалатных каталонских кортесов (*Corts*) (Vilar, 1962:1, 439).

На другом конце находятся договоренности, заключенные с большими блоками населения, например, со всеми землевладель-цами, в особенности, в форме законодательства, устанавливающе-го правила налогообложения, воинской повинности и других видов деятельности государства по изъятию ресурсов.

Так, когда британский премьер-министр Уильм Питт захотел оплатить часть расходов на войну с Францией при помощи пер-вого в Британии всеобщего подоходного налога (1799), он заклю-чил договор с собственниками земли, капиталистами и рабочими на зарплате, инициировав билль, допускающий погашение преж-него несправедливого налога на землю (Watson, 1960: 375–376). В 1802 г. после восстановления мира с Францией (правда, неудачно-го) и (окончательного) в 1815 г. парламент вскоре предпринял шаги по отмене этого налога. И хотя премьер-министр Ливерпуль попы-тался в 1816 г. удержать подоходный налог, чтобы с его помощью от-части погасить громадный военный долг Британии, парламент не-двусмысленно посчитал, что данное соглашение о налоге было вы-звано военной необходимостью (Levi, 1988: 140–143).

Между этими двумя предельными ситуациями имеются некие средние варианты. Таковы договоры между определенными груп-пами носителей власти (как руководители церкви), которые в угне-тенном и бедственном положении обыкновенно соглашались на га-рантированное государством денежное содержание и защиту, но в случае удачного сопротивления изъятию часто принуждали к созда-нию или признанию своих представительных органов, — например, церковных ассамблей. Генрих VIII Английский лишил свою церковь земель, прекратил ее связи с Римом и таким образом взял на себя обязательство обеспечивать постоянное денежное содержание тем священникам, которые приняли его вариант Реформации.

В целом, должностные лица тех государств, которые складыва-лись среди сети торговых городов, протянувшихся от Северной Ита-лии до Фландрии и Балтики, осуществляли свою деятельность по

первому варианту: здесь сохранялись согласования с муниципальными олигархиями, умевшими настоять на своем, и эти согласования стали основными компонентами государства. Города-империи такие, как Венеция, принадлежали другой крайности. Агенты государств, формировавшихся вне пояса городов-государств, чаще вели согласования с крупными землевладельцами и их клиентами и таким образом создавали новые представительные институты. В крупных государствах такого рода знать часто подтверждала свои привилегии и монополии на высшие военные должности в обмен на сотрудничество с королем в деле создания национальной армии. Но во всех рассматриваемых случаях согласование относительно государственных изъятий приводило к утверждению прав, привилегий и институтов защиты, каких прежде не было.

ИНСТИТУТ ПРЯМОГО ПРАВЛЕНИЯ

Широкое движение от непрямого правления к прямому происходило вместе с созданием национальных вооруженных сил. Простым людям теперь предоставлялась привлекательная, но дорогостоящая возможность. После 1750 г. (в эпохи формирования национальных государств и специализации) государства начинают наступательно переходить от почти универсальной системы непрямого правления к новой системе прямого правления: вмешательства без посредников в жизнь местных общин, домохозяйств и производственных предприятий. По мере того как правители отказывались от использования наемников и переходили к набору в войска собственного национального населения, а также увеличивали налоги в поддержку громадных военных сил, ведших войны XVIII в., они вели переговоры о доступе к общинам, домохозяйствам и производственным предприятиям, исключая при этом любых самостоятельных посредников.

На протяжении всего тысячелетия города-государства, автономные епархии, крошечные княжества и другие микрогосударства управлялись сравнительно прямым правлением. Ответственные перед короной агенты собирали налоги в пользу монарха, вели дела двора, заботились о собственности короны и поддерживали постоянный контакт с местными общинами, находившимися в юрисдикции короны. Более крупные образования, однако, неизменно склонялись к какому-нибудь непрямому правлению, привлекали местных носителей власти и подтверждали их привилегии, не вводя их, впрочем, в государственный аппарат.

До XVII в. все европейские государства управляли своими подданными через имевших большую власть посредников, которые пользовались значительной самостоятельностью, препятствовали удовлетворению запросов государства, если таковые противоречили их интересам, и действовали к собственной выгоде, пользуясь властью, которую им делегировало государство. В качестве посредников часто выступали привилегированные члены подвластного населения, они прокладывали себе путь заверениями, что обеспечат получение правителями дани и согласия от населения на определенные действия. В особенности, в Юго-Восточной Европе наличие множества самых разнообразных народонаселений, смешение которых стало результатом завоеваний и торговли на Средиземном море, а также наличие здесь характерных форм мусульманского правления через полуавтономные зависимые образования — все это привело к образованию громадной зоны непрямого правления, следы которой обнаруживаются и по сей день как в культурной разнородности этого региона, так и в идущей здесь непрерывной борьбе за права меньшинств. Чаще всего посредниками выступали представители духовенства, землевладельцы, городские олигархии и независимые профессиональные военные, количество тех или иных варьировалось от регионов интенсивного капитала до регионов интенсивного принуждения. Именно главные посредники определяли особенности непрямого правления в конкретной местности.

Всякая система непрямого правления серьезно ограничивала размеры ресурсов, которые правители могут изъять при существующей экономике. Помимо этих ограничений у посредников был собственный интерес в том, чтобы сокращать размеры изъятий, в союзе даже с простыми людьми, сопротивлявшимся запросам государства. В этих обстоятельствах, однако, правители были заинтересованы в подрыве автономной власти посредников и в заключении союза с основными категориями подвластного населения. Когда же военные потребности требовали все больше ресурсов, и в особенности, людских, когда росла угроза захвата собственной территории государством превосходящих размеров, тогда правители еще активнее обходили, подавляли или кооптировали прежних посредников, устанавливая прямые связи с общинами и домохозяйствами для получения от них необходимых средств на войну. Так зависели друг друга национальные регулярные армии, национальные государства и прямое правление.

До рассматриваемого времени независимость местных владык сильнейшим образом варьировалась от государства к государству.

Например, Османская империя на ранних этапах своего существования, после захвата и при военном правлении ввела последовательно две формы правления на Балканах, причем вторая была еще более непрямой, чем первая. Еще и в XVII в. султаны взимали дань с вассальных государств, но внутри своих доменов раздавали большие земельные наделы как тимары (доходы с земель)¹, то есть жаловали их военным на время, пока те оставались на военной службе. Сипахи или *timarlis* (владевшие этими наделами) имели доходы со своих земель, собирали для султана налоги, осуществляли гражданское правление и контролировали серфов-христиан, но не имели права отчуждать или передавать эту землю по наследству. В войнах XVI–XVII вв., однако, погибло много сипахов (*timarlis*), и необходимость собирать все больше и больше налогов на все дорожавшие войны сильно сократила привлекательность такого вознаграждения воинов. Все чаще султаны прибегали к помощи сборщиков налогов, у которых были собственные способы обращать земли, с которых они взимали налоги, в свою собственность. Соответственно, уже другие группы потребовали и получили право покупать и владеть землями, с которых платились налоги; на смену тимарам пришли чифтлики, наследственные, частные землевладения, поместья (Roider, 1987: 133–134). Так ненавязчиво турки-османы ввели классическую систему непрямого правления. Позднее эта система обратилась и против подданных, и против правителей, поскольку полунезависимые воины оказались наделены значительной властью. По Систовскому миру между Османской и Австрийской империями (1791), например, «не у дел оказались янычары и нерегулярные военные соединения [в Сербии]. Тогда они стали грабить население. Такие банды захватывали селения с принадлежавшими им землями и превращали их в свои поместья. Другие, объединившись с мятежниками (*avans*) или бандитскими шайками, без разбора грабили и мусульман и христиан (Jelavich, Jelavich 1977: 27).

Независимые грабительские действия янычар, в конце концов, нанесли такой ущерб Османскому правлению, что в 1826 г. войска султана по его приказу присоединились к толпам в Константинополе и перебили остатки их войск. Основные риски непрямого правления состояли в злоупотреблениях посредников, вызывавших сопротивление населения, а также сопротивление самих посредни-

¹ Так, в Османской империи, сановникам определяется тимар — доход с земель, но сами земли в собственность не даются.

ков, провоцировавшее непокорность целых регионов возрастанию роли нации.

По большей части местное правление осуществлялось довольно стабильно, и правители на местах своевременной уплатой дани Оттоманскому государству покупали своему населению относительную изоляцию. В Пруссии юнкеры были одновременно хозяевами своих громадных поместий, судьями, военачальниками и выразителями интересов короны, а английские джентри, дворянство и духовенство делили между собой задачи гражданской администрации за пределами столицы. При благоприятных обстоятельствах наделенные властью посредники смягчали действие экспансии государства на социальную организацию и благосостояние его подданных. Природа этого посредничества значительно различалась в двух типах регионов: в регионах, где дворянство было местным, и в регионах, где господами были чужаки. Там, где знать имела общий с крестьянами язык, религию и традиции (как в Австрии и Богемии), складывалась определенная региональная солидарность в противостоянии запросам короны. Там, где дворяне были иностранцами (как в европейской части Оттоманской империи на протяжении почти всей ее истории), деревенские главы и племенные старейшины обычно были связующим звеном между местным населением и национальными властями. В таких регионах после распада империи крестьяне, купцы и профессионалы оказались в непосредственном контакте с государством (Verend, Ranki 1977: 29–36).

Но будь они местные или иностранные, посредники обыкновенно действовали в зоне своего контроля как тираны. Когда на оттоманской территории система чифтликеров вытеснила систему тимаров, невозможным стало даже обращение в мусульманский суд или к чиновникам, и землевладельцы, жившие вдали от своих поместий, часто притесняли своих крестьян сильнее, чем раньше военные (Roider, 1987: 134). С ослаблением власти центра — как это повсеместно происходило в XIX в. — землевладельцы получали все больший контроль в местных вопросах. В Боснии и Сербии XIX в. землевладельцы-мусульмане вытесняли христианских арендаторов, превращая их в серфов (Donia, 1981: 4–5). В этих условиях на Балканах стал процветать бандитизм. Из-за жестокой непреклонности посредников союз с далеким монархом или его представителями часто казался более привлекательным, чем местное притеснение; тогда сельские жители обращались к представителям короля, подавали на землевладельцев в королевский суд и приветствовали сокращение привилегий городов. На короткое время они иногда выигрывали. Но в далекой пер-

спективе разрушение барьеров делало их более уязвимыми в следующем цикле порожденных войной запросами государства.

Сильным стимулом к введению прямого правления был переход к регулярной армии на основе местного (национального) набора. И хотя в некоторых армиях наемники употреблялись и в XVIII в., правители в регионах, развивавшихся по модели капитал + принуждение, — в особенности, во Франции, Пруссии и Англии, — уже отказывались от использования исключительно наемников, как это было в XVII в. У наемников было много недостатков: при недостаточной оплате они были совершенно не надежны, без присмотра они легко обращались к грабежу, после демобилизации причиняли много неприятностей и стоили очень дорого. Содержать значительные армии в мирное время, начало этому положили прусские правители вроде Фридриха Вильгельма в XVII в., было не по силам для большинства государств, которые не могли собрать для этих целей достаточно налогов, тем более в условиях соревнования с региональными владыками. Указанные причины побуждали правителей создавать у себя долговременные военные управления и затем призывать на военную службу, кооптировать и иметь непосредственный доступ в толщу населения. Таким образом можно было обойти посредников и проложить путь от непрямого правления к прямому.

Внутренний призыв в большие регулярные армии приводил к серьезным тратам. Так если окончившие службу наемники не имели особых претензий к государству, то ветераны национальных вооруженных сил имели значительные претензии, в особенности, если они на службе потеряли здоровье или были искалечены. Семьи погибших или раненых воинов также получали некоторые привилегии в виде преференций в находившейся в ведении государства торговле табаком и спичками. При размещении войск в стране военным и гражданским должностным лицам приходилось заниматься поставками питания, обеспечением жильем и поддержанием общественного порядка. Со временем правительство начало заботиться и о здоровье, и об обучении молодых мужчин, поскольку от этого зависела их эффективность в бою. Таким образом, военная реорганизация грубо вмешалась в политику государства по проникновению в те сферы, что раньше были местными и частными.

Одной из самых сомнительных попыток организации государственной власти было стремление правителей гомогенизировать население по ходу установления прямого правления. С точки зрения власти, лингвистически, религиозно и идеологически гомо-

генное население создавало риск выступления против королевских интересов единым фронтом; гомогенизация увеличивала стоимость политики «разделяй и властвуй». Но гомогенность имела множество преимуществ: в однородном обществе простые люди легче идентифицировали себя со своими правителями, эффективнее была коммуникация, проводились административные инновации, которые, будучи приняты в одном сегменте общества, с большей вероятностью срабатывали и повсюду. Больше того, люди, сознававшие общность происхождения, легче объединялись для борьбы с внешней угрозой. Испания, Франция и другие крупные государства то и дело проводили гомогенизацию, предоставляя религиозным меньшинствам — в особенности, мусульманам и евреям — выбор: обратиться или эмигрировать. Например, в 1492 г. вскоре после покорения Гранады Фердинанд и Изабелла предоставили испанским евреям именно такой выбор. Португалия последовала этому примеру в 1497 г. Правда, в дальнейшем изгнанные из Иберии евреи — сефарды, составляли торговую диаспору повсюду в Европе, используя свои связи для создания мощной системы долгосрочных кредита и коммуникации, что позволило им в следующие столетия (в разное время) почти монопольно заниматься драгоценными камнями, сахаром, специями и табаком (von Greyerz, 1989).

Протестантская Реформация предоставила правителям небольших государств великолепную возможность определить свое национальное своеобразие и гомогенность относительно великих империй, не говоря уже о том, что таким образом можно было оптимизировать духовенство и административный аппарат на службу королю. Раньше всех подала пример Швеция, которая многое в государственном управлении передала лютеранским пасторам. (И сегодня шведские ученые используют бесчисленные приходские книги, содержащие информацию о грамотности и переменах места жительства прихожан, которые пасторы честно ведут с XVII в.) Особо отметим, что, помимо влияния на представления о законности государственной власти, общая вера и общее духовенство, связывавшие народ с сувереном, были могучим орудием управления.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ОТ НЕПРЯМОГО ПРАВЛЕНИЯ К ПРЯМОМУ

Уже в XVIII в. европейские государства ставят своих граждан перед выбором: лояльность местным властям или национальным. И хотя Просвещение с его «реформами» начинает насаждать пря-

мое правление, но самое решительное движение в этом направлении породили, без сомнения, Французская революция и Империя. Французские события 1789–1815 гг. способствовали общему переходу европейских государств от непрямого правления к прямому в двух отношениях: они дали модель централизованного правительства, которую скопировали другие государства, и они насаждали эту модель в завоеванных Францией странах. И хотя многие новшества в управлении этого периода были отчаянной импровизацией в ответ на угрозу бунта или краха, но эти проверенные в бою формы пережили и Революцию, и Империю.

Что же случилось с системой управления Франции в годы революции? До 1789 г. французское государство, как и все почти другие государства, осуществляло на местном уровне не прямое правление, полагаясь на посредничество духовенства и дворянства. С конца американской войны в связи со сборами правительством денег на покрытие военных долгов сложилась антиправительственная коалиция. Сначала она объединила парламенты и других носителей власти, но затем (с обострением конфронтации режима с его противниками) стала более народной по составу (Comninel, 1987; Doyle, 1986; Egret, 1962; Freche, 1974; Stone, 1981). Очевидная слабость государства в 1788–1789 гг. позволяла всякой группе, имевшей скрытую претензию или недовольную государством, его агентами или союзниками, высказывать эти потребности, присоединяясь к другим гражданам, требовавшим перемен. Сельские восстания — *Великий страх*, захват зерна, бунты против налогов, нападения на землевладельцев и т.д. — весной и летом 1789 г. происходили главным образом в регионах с большими городами, с ориентированным на рынок сельским хозяйством и множеством дорог (Markoff, 1985). География этих восстаний отражает пестрый состав недовольных, преимущественно руководимых буржуазией.

В то же время те, чье выживание зависело самым непосредственным образом от Старого режима — дворянство, государственные служащие и высшее духовенство, — в целом присоединились к королю (Dawson, 1972: 334–346). Так начала складываться революционная ситуация: оформились два блока, претендовавшие на власть и поддерживаемые значительной частью населения. После того как многие военные изменили королю и сформировались преданные народному делу милиции, оппозиция получила собственные вооруженные силы. Народный блок, связанный с буржуазией и ею руководимый, начал захватывать контроль над государственным аппаратом.

Юристы, государственные служащие и другие представители буржуазии, захватившие в 1789–1790 гг. государственный аппарат, вытесняли прежних посредников: землевладельцев, феодальных служащих, продажных государственных чиновников, духовенство, а иногда и муниципальные олигархии. «Не класс сельских дворян в английском стиле, — заявляет Линн Хант, — занял ведущие политические позиции на национальном и региональном уровнях, но тысячи городских профессионалов воспользовались возможностью начать политическую карьеру» (Hunt, 1984: 155; Hunt 1978; Vovelle 1987). На местном уровне так называемая муниципальная революция широко передавала власть противникам Старого режима; союзы патриотов, объединявшиеся в милиции, клубы и революционные комитеты и связанные с парижскими активистами, вытесняли старые муниципалитеты. Но даже там, где прежние носители власти сумели пережить первые бури революции, резко изменились отношения конкретной местности с национальным центром. Старинные свободы крестьянских альпийских «республик» — включая, по всей видимости, свободное согласие на налоги — начали разрушаться, когда аутсайдеры принялись втискивать их в новую административную машину (Rosenberg, 1988: 72–89). Перед парижскими революционерами встала задача управления без посредников. Сначала они экспериментировали с комитетами и милициями, появившимися в ходе мобилизации 1789 г., но оказалось, что их трудно контролировать из центра. Более или менее одновременно они перекроили французскую карту в систему департаментов, районов, кантонов и коммун, одновременно рассылая специальных представителей (*representants en mission*) для проведения революционной реорганизации. Они ввели прямое правление.

В условиях неравномерного распределения по территории городов, купцов и капитала Менде и Ниорт наложение единообразной территориальной сетки изменяло соотношение экономики городов и их политической значимости. Так, незначительные заняли ту же позицию на административном уровне, что и могущественные Лион и Бордо (Lepetit, 1988: 200–237; Margadant, 1988a, 1988b; Ozouf-Marignier, 1986; Schulz, 1982). В результате изменился баланс сил между региональными столицами: в больших коммерческих центрах, где уже были сосредоточены купцы, юристы и профессионалы, у администрации департаментов (обычно выходцев из той же среды) обычно не было иного выхода, как вести переговоры с местными жителями. А там, где Национальное собрание создавало департаменты на сравнительно некоммерциализованных сельских

территориях, администраторы революции отодвигали в тень владельцев нового капитала и могли довольно успешно угрожать применением силы, если те упорствовали в неподчинении. Но в этих регионах они не имели союзников среди буржуазии, которые повсюду помогали их собратьям в революционном труде и получали в качестве противников старых посредников, все еще имевших достаточную поддержку.

Совершенно иной была политическая ситуация в больших торговых центрах, как Марсель и Лион. В общем и целом движение федералистов, выступавших против централизма якобинцев и требовавших региональной автономии, зародилось в городах, коммерческое развитие которых в значительной степени опережало их административный статус. Столкнувшись с этими разнообразными препятствиями прямому правлению, парижские революционеры придумали три параллельные и иногда конфликтующие системы правления: комитеты и милиции, иерархию избранных чиновников и представителей на основе географического деления и рыскавших по стране комиссаров Конвента. Все три широко привлекали для сбора информации и обеспечения поддержки существующие сети купцов, юристов и профессионалов.

Когда эта система была пущена в ход, революционные лидеры постарались установить собственную систему контроля и осуществляли определенные действия через местных энтузиастов, хотя те часто уклонялись. При помощи кооптации и репрессий были постепенно вытеснены комитеты и милиции. Громадное давление на систему оказала военная мобилизация, вызвав новые вспышки сопротивления и вынудив национальных лидеров ужесточить систему контроля. Начиная с 1792 г. центральный административный аппарат (который до тех пор оставался очень похожим на аппарат Старого режима) сам претерпел революционные изменения: чрезвычайно выросли штаты, и оформилась настоящая иерархическая бюрократия. В ходе этих преобразований революционеры ввели одну из первых систем прямого правления в крупном государстве.

Этот переход повлек за собой изменение систем налогообложения, правосудия, общественных работ и много другого. Возьмем, например, охрану общественного порядка. За пределами парижского региона французское государство при Старом режиме почти не имело собственных полицейских сил. Для преследования уклоняющихся от налогов, бродяг и других нарушителей воли короля посылались служащие земской полиции (*marechaussee*), и иногда подавление восстаний поручали армии. Во всех других отношениях

охрана общественного порядка была возложена на местные и региональные власти, применявшие против гражданского населения вооруженные силы. Революционеры этот порядок изменили. В том, что касалось простых людей, они перешли от реагирования к профилактике, предупреждению нарушений и сбору информации: то есть вместо того, чтобы ждать, пока случится мятеж или коллективное нарушение закона, а затем уже сурово, но выборочно реагировать — они начали определять на месте агентов, чьей задачей было предвидеть и предотвращать опасные коллективные народные действия. Уже в первые годы революции полиция Старого режима была распущена, и ее повседневной деятельностью занялись народные комитеты, национальная гвардия и революционные трибуналы. Но во время Директории государство сконцентрировало надзор (*surveillance*) и реагирование (*apprehension*) в одной централизованной организации. Фуше из Нанта стал министром полиции в 1799 г. и с тех пор руководил этим министерством, власть которого постепенно распространилась на всю Францию и завоеванные ею территории. Правда, ко времени Фуше Франция уже стала страной, имевшей одну из сильнейших полиций в мире.

Переход к войне ускорял движение от непрямого правления к прямому. Почти всякое государство, ведущее войну, обнаруживало, что не может оплачивать военные расходы из собственных накопленных ресурсов или текущих доходов. Почти на всякую войну государства много занимают, повышают налоги и отнимают боевые средства — в том числе людские ресурсы — у сопротивляющегося населения, которое желает применять эти средства иначе. Дореволюционная Франция четко следовала этим правилам и накопила так много долгов, что была вынуждена созвать Генеральные штаты. Не отменила эти правила и революция: как только Франция объявила войну Австрии в 1792 г., потребности государства в доходах и людских ресурсах начали вызывать столь же яростное сопротивление, как и то, что покончило со Старым режимом. Подавляя это сопротивление, революционеры выстроили новую структуру централизованного контроля. Французы использовали их новую систему как образец, согласно которому реконструировались другие государства. По ходу завоеваний революционной и имперской армий они пытались воспроизводить собственную систему прямого правления и в других частях Европы. Правительство Наполеона, консолидировав эту систему, обратило ее в надежный инструмент правления. Эта система пережила революцию и империю во Франции и (в какой-то мере) повсюду, где она была введена; Европа в целом пере-

шла к централизованному прямому правлению при (по крайней мере) невысоком уровне представительства управляемых.

Соппротивление и контрреволюционные действия были вызваны именно указанным процессом установления новым государством прямого правления. Вспомним, как много перемен произвели революционеры за очень короткое время. Они уничтожили все прежние территориальные юрисдикции, множество старых общин было обращено в более крупные коммуны, были уничтожены десятина и другие феодальные сборы, распущены ассоциации с их привилегиями, создана сверху донизу новая административная и электоральная система, через эту систему расширены и стандартизированы налоги, захвачена собственность эмигрировавшего дворянства и церкви, распущены монашеские ордена, духовенство подчинено государству (и приняло присягу защищать новую государственную церковь), в беспрецедентных масштабах призваны на военную службу молодые люди, а дворянство и священники отстранены от автоматического исполнения ими роли руководителей на местном уровне. И все это в короткий период — 1789–1793 гг.

Последующие режимы произвели лишь небольшие изменения, вроде введения революционного календаря и культа Верховного существа, но начавшееся с революцией преобразование государства продолжалось дальше в XIX в. и стало моделью для многих других европейских государств. Из того, что было обращено вспять, надо упомянуть об удушении местных милиций и революционных комитетов, восстановлении (и компенсации) части конфискованной собственности и о наполеоновском конкордате с католической церковью. В итоге в результате происшедших перемен централизованное, прямое правление было быстро и драматично заменено опосредованной системой правления, через местных и региональных нотаблей. К тому же иерархия нового государства состояла преимущественно из юристов, врачей, нотариусов, купцов и других буржуа.

Как и дореволюционные, эти фундаментальные перемены затрагивали множество интересов и открывали новые возможности группам, до того имевшим мало доступа к санкционированной государством власти — в особенности деревенской буржуазии и буржуазии небольших городов. Эти группы усиливали сопротивление и борьбу за власть. Артуа (департамент Па-де-Кале) подвергся умеренным переменам (Jessenne, 1987). До революции дворянству и духовенству Артуа принадлежало немногим более половины земель, а крестьянам — треть. Около 60–80% ферм были небольшими, с зе-

мельными наделами менее 5 гектаров (соответственно, столько владельцев хозяйств часть времени работали на других), и четверть глав домохозяйств трудились как сельскохозяйственные рабочие за плату. Налоги, десятины, ренты и феодальные пошлины составляли в общем немного: 30 % доходов с отданных в наем земель в Артуа, а после революционного захвата церковной и дворянской собственности на продажу было выставлено 1/5 земли. Короче, аграрный капитализм здесь значительно продвинулся к 1770 г.

В таком регионе политически доминировали крупные арендаторы (*fermiers*), но только в пределах, определенных землевладельцами из местных дворян и духовенства. Революция, отменившая привилегии этих патронов, угрожала и власти арендаторов. Однако они как класс (если не как особая группа индивидуумов) это пережили: многие должностные лица потеряли свои посты во время столкновений в начале революции, в особенности, когда коммуна была уже не в ладах с ее феодальным сеньором. Хотя и непропорционально, их замена происходила из числа тех же арендаторов, кому революция не помешала. Противостояние (наемных) рабочих и мелких собственников с *coqs de village* (деревенская знать), которых Жорж Лефевр обнаружил в соседнем департаменте Норд, было не столь напряженным и не столь результативным, как в Па-де-Кале. Крупные фермеры, на которых власти смотрели с подозрением, утратили до некоторой степени свое влияние на государственные, муниципальные или общественные учреждения во время террора, а потом при Директории. Но вернули его позднее и продолжали задавать тон даже и в середине XIX в. К тому времени дворянство и духовенство уже сильно подрастеряли свою способность быть носителями местной власти, и их место заняли промышленники, купцы и другие капиталисты. Вытеснение старых посредников открыло путь новому союзу между крупными фермерами и буржуазией.

В Артуа переход к прямому правлению под водительством Парижа прошел сравнительно гладко. В других районах он происходил при ожесточенной борьбе. Карьера Клода Жавога, агента революции в его родном департаменте Луара, полна именно такой борьбы, за которой стоит рассматриваемый нами политический процесс (Lucas, 1973). Жавог был громадных размеров сильно пьющим рабочим, необузданным в поведении. Его близкими родственниками были адвокаты, нотариусы и купцы в Форезе на запад от Лиона. В XVIII в. семья поднимается, и в 1789 г. тридцатилетний Клод был адвокатом в Монтбрисоне и имел хорошие связи. В июле 1793 г. Конвент отправляет этого неистового быка-буржуа в Луару, но от-

зывает его в феврале 1794 г. За истекшие шесть месяцев Жавог, используя свои широкие связи, преследовал врагов революции, причисляя к ним священников, дворянство и богатых землевладельцев. Он пренебрегал такими вопросами управления, как организация поставок питания или исполнял их неумело и оставил по себе репутацию человека жестокого и своевольного.

Жавог и его соратники, однако, все же реорганизовали местную жизнь. В результате его деятельности в департаменте Луара появились клубы, надзорные комитеты, революционные вооруженные силы, комиссары, суды и специальные представители. Мы видим почти невероятную попытку распространить прямую административную компетенцию центрального правительства на повседневную жизнь отдельных людей. Мы признаем важность народной мобилизации на войну с врагами революции — действительными и мнимыми — как ту силу, которая вытеснила старых — посредников. Таким образом, мы получаем возможность рассмотреть конфликт между двумя целями террора: истреблением врагов революции и созданием инструментов для исполнения революционной работы. И снова мы обнаруживаем важность контроля над продуктами питания, этой административной задачей, бывшей предметом политических разногласий и стимулом народных действий.

Вопреки старому представлению, будто народ единогласно приветствовал наступление давно ожидаемых реформ, местные летописи революции свидетельствуют о том, что французские революционеры устанавливали власть через борьбу и часто через борьбу с упорно сопротивлявшимся народом. Правда, по большей части сопротивление принимало вид уклонения, обмана и саботажа, а не открытого возмущения. Однако там, где разломы проходили глубоко, сопротивление перерастало в контрреволюцию: на свет являлись действенные формы власти, альтернативные тем, что насаждала революция. Контрреволюция наступала не там, где все были против революции, но там, где непримиримые расхождения разделяли оформленные блоки сторонников и противников.

В результате подобных процессов на юге и западе Франции сложились огромные зоны сплошной контрреволюции (Lebrun, Duruy, 1987; Nicolas, 1985, Lewis, Lucas, 1983). Достоверную картину контрреволюционной деятельности дает нам география казней во время террора. Более 200 казней произошло в следующих департаментах: Нижняя Луара (3548), Сена (2639), Мэна и Луары (1886), Роны (1880), Вандея (1616), Иль и Вилена (509), Майенн (495), Во-клюз (442), Буш-дю-Рона (409), Па-де-Кале (392), Вар (309), Жирон-

да (299) и Сарты (225). В этих департаментах было произведено 89% всех казней периода террора (Greer, 1935: 147). За исключением Сены и Па-де-Кале это были главным образом юг и юго-запад и, в особенности, запад. На юге и юго-западе территориями военных восстаний против революции стали Лангедок, Прованс, Гасконь и Лион. Причем география этих восстаний точно совпадает с областями поддержки федерализма (Forrest, 1975; Hood, 1971, 1979; Lewis, 1978; Lyons, 1980; Scott, 1973). Движение федералистов зародилось весной 1793 г., когда развертывание якобинцами войны с другими государствами — включая объявление войны Испании — вызвало сопротивление росту налогообложения и призыву на военную службу, что, в свою очередь, привело к усилению революционного надзора и дисциплины. Движение автономистов было особенно сильным в торговых городах, которые при Старом порядке пользовались большими свободами, как Марсель, Бордо, Лион и Кан. В этих городах и на прилегающих к ним землях началась кровопролитная гражданская война.

На западе с 1791 по 1799 г. набегам партизан подвергались республиканцы и их укрепленные пункты в Бретани, Мэне и Нормандии; осенью 1792 г. началось вооруженное восстание к югу от Луары в Бретани, Анжу и Пуату и продолжалось непрерывно до тех пор, пока Наполеон не усмирил этот регион в 1799 г. (Vois, 1981; Le Goff, Sutherland, 1984; Martin 1987). Высшей точки контрреволюция на западе достигла весной 1793 г., когда применением регулярных войск республика разожгла вооруженное сопротивление почти на всем западе. Начались чудовищные истребления «патриотов» и «аристократов» (как теперь называли сторонников и противников революции), вторжение и временная оккупация таких крупных городов, как Анжер, и тщательно подготовленные сражения на определенных участках между армиями Синих и Белых (как называли воинские единицы двух партий).

Контрреволюция на западе была непосредственно спровоцирована действиями революционных чиновников по введению в этом регионе прямого правления: правления, которое должно было лишить дворянство и духовенство их положения частично автономных посредников, удовлетворило бы потребности государства в налогах, людских ресурсах, утвердило значение отдельных коммун, округов и домохозяйств и таким образом дало бы региональной буржуазии политическую власть, какой она никогда не имела. Стремясь распространить государственное правление повсюду на местах и покончить с врагом этого правления, французские ре-

волюционеры инициировали процесс, который не останавливался затем 25 лет. В некотором смысле он не остановился и по сей час. Впрочем, при всей своей свирепости контрреволюция на западе мало отличалась от того, что вообще произошло во Франции. Повсюду во Франции буржуа — не владельцы больших промышленных предприятий, а главным образом, купцы, адвокаты, нотариусы и другие, кто зарабатывал на жизнь владением или употреблением капитала — в XVIII в. набирали силу. По всей Франции общественная мобилизация (активизация политической жизни) 1789 г. ввела непропорционально большое число буржуа в политику. Когда парижские революционеры и их сторонники в провинции вытеснили дворянство и духовенство с их решающих постов агентов непрямого правления, то альтернативной связью государства с тысячами коммун по всей стране стали служить имевшиеся сети буржуазии. Некоторое время основой этих связей была широкая народная мобилизация через клубы, милиции и комитеты. Однако, постепенно руководители революции ограничили и даже подавили этих беспокойных соратников. Путем проб и ошибок и через борьбу — пришедшая к власти буржуазия выработала систему правления, имевшую прямой доступ к коммуна на местах и действовавшую главным образом через должностных лиц, служивших под присмотром и бюджетным контролем вышестоящих лиц.

Этот процесс экспансии государства встречал на своем пути три громадных препятствия. Во-первых, многие люди рассматривали открывшиеся (во время кризиса 1789 г.) новые возможности как средство продвижения собственных интересов или сведения счетов. Таковые или извлекали выгоду из сложившихся обстоятельств, или обнаруживали, что их надежды не могут осуществиться из-за вступающих в борьбу других акторов; обеим категориям недоставало стимулов для содействия дальнейшим революционным переменам. Во-вторых, невероятные усилия, необходимые чтобы вести войны едва ли не со всеми европейскими державами, напрягали силы государства, по крайней мере, столь же сильно, как этого требовали в свое время войны Старого порядка. В-третьих, не везде политическая база буржуазии, получившей теперь власть, была достаточна для той сложной работы, которую проводили агенты революции, умащая, упрашивая, сдерживая, вдохновляя, угрожая, изымая и мобилизуя. По всей Франции отмечается сопротивление новым налогам, призывам на военную службу и неодобрение морализаторского законодательства, но там, где оппоненты объединились в крепкие блоки, оппозиционные революционной буржуазии,

там начиналась гражданская война. Именно в этом смысле революционный переход от непрямого правления к прямому был собственно буржуазной революцией и порождал одну за другой антибуржуазные контрреволюции.

Наконец за пределами Франции, почти всюду, где побеждали революционные и имперские армии, устанавливались административные иерархии во французском стиле, то есть эксперимент шел дальше, вводя на половине Европы прямое правление (правда при посредничестве наместников короля и военачальников). Мобилизуясь против французов, многие германские государства перешли к широким программам централизации, национализации и государственного вмешательства (Walker, 1971: 185–216). И хотя наполеоновские армии были, в конце концов, разбиты, а марионеточные государства распались, но административная реорганизация оказала глубочайшее влияние на такие будущие государства как Бельгия и Италия. Началась эпоха прямого правления.

ЭКСПАНСИЯ ГОСУДАРСТВ, ПРЯМОЕ ПРАВЛЕНИЕ И СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Наивысший рост невоенной активности государства начинается в эпоху военной специализации после 1850 г. В этот период (который растянулся до самого недавнего прошлого) военная организация перестает быть доминантным, отчасти автономным сегментом государственной структуры и занимает более подчиненное положение как крупнейшее из нескольких отдельных ведомств, находящихся под контролем преимущественно гражданской администрации. (Конечно, это подчинение было сильнее в мирное время, чем во время войны, и оно было больше в Голландии, чем в Испании.) Создание национальных вооруженных сил в предшествующее (XIX) столетие уже вовлекло большинство европейских государств в переговоры с подвластным населением по вопросам проведения призыва на военную службу, изъятия ресурсов для ведения войны и налогов. Колоссальные народные гражданские армии, вроде тех, что потребовались для наполеоновских войн, вызвали беспримерно широкое вмешательство грабительского, хищнического государства во всю структуру общественных отношений.

С введением прямого правления европейские государства переходили от того, что мы можем назвать репрессиями реагирования, — к упреждающим репрессиям, в особенности, в отношении потенциальных врагов, не входивших в национальную элиту.

До XVIII в. агенты европейских государств не очень-то стремились предвидеть потребности народа в отношении государства, мятежи и протестные движения, рискованные коллективные действия или распространение новых организаций; шпионы государства (если таковые имелись) занимались главным образом состоятельными членами общества и стоящими у власти. Когда же происходило восстание или «бунт», правители быстро собирали войска и проводили как можно более показательные и грозные репрессии. Иначе говоря, они реагировали на события, а не вели постоянный мониторинг потенциальных подрывных элементов. С введением прямого правления учреждаются системы надзора и информирования (правительства), так что теперь за предвидение и предупреждение движений, угрожающих государственной власти или благополучию главных клиентов государства, отвечают местные и региональные власти. Национальная полиция проникает в жизнь местных общин (Thibon, 1987). Становится обычным делом, чтобы политическая и криминальная полиция собирали досье, подслушивали, делали регулярные донесения и периодические обзоры деятельности тех персон, организаций и событий, которые были склонны нарушить общественный порядок. Длительный процесс разоружения гражданского населения завершился тем, что воинственные оппозиционеры, недовольные и мятежники оказались в крепких тисках.

Кроме того, европейские государства начинают мониторинг трудовых конфликтов и условий труда, вводят и затем регулируют национальные системы образования, организуют помощь бедным и инвалидам, строят и поддерживают линии коммуникации, устанавливают такие тарифы, которые выгодны национальному производству, осуществляют тысячи других задач, которые теперь представляются европейцам неотъемлемыми атрибутами государственной власти. Сфера деятельности государства значительно расширяется за пределы вопросов собственно вооруженных сил, и граждане теперь ждут от него самой широкой защиты, разрешения споров, производства и распределения. По мере того как национальная законодательная власть расширяет сферу деятельности, помимо установления налогов, к ней самой начинают предъявлять требования все хорошо организованные группы, чьи интересы может задевать или действительно задевает государство. Прямое правление и массовая национальная политика растут вместе и значительно друг друга усиливают.

С распространением в Европе прямого правления благосостояние, культура и самый быт простых европейцев начинают в высшей

степени зависеть от того, в каком государстве им случилось жить. Что касается внутренней жизни государств, то здесь насаждаются национальные языки, национальные системы образования, национальная военная служба и многое другое. Что касается их внешней жизни, то государства начинают контролировать движение через границы, используют тарифы и пошлины как инструменты проведения экономической политики, а иностранцев рассматривают как особый род людей, ограничивая их права и организуя за ними неусыпный надзор. Поскольку государства вкладывают средства не только в войны и коммунальные службы, но также и в экономические инфраструктуры, то и экономика отдельных государств приобретает определенные отличительные черты, что также накладывает отпечаток на образ жизни населения соседних государств.

Так что жизнь внутри государств становится все более гомогенной, а между государствами — гетерогенной. Складываются национальные символы, стандартизируются национальные языки, организируются национальные рынки труда. И война становится фактором, гомогенизирующим общество, поскольку солдаты и матросы представляют единую нацию, а гражданское население переживает общие тяготы и сообща несет ответственность. Из других последствий укажем на тот факт, что демографические показатели внутри государства становятся все больше похожими, а между государствами — все больше расходятся (Watkins, 1989).

На поздних стадиях формирования в европейских государствах появляются два отдельных явления, которые мы обычно объединяем под именем «национализм». Данным термином обозначается мобилизация населения, не имеющего собственного государства, вокруг требования политической независимости; так мы говорим о палестинском, армянском, валлийском (уэльском) или французско-канадском национализме. Весьма прискорбно, что так же мы называем мобилизацию населения внутри сложившегося государства в связи с обострением вопроса своей идентификации с этим государством: так, в 1982 г. война на Мальдивских/Фолклендских островах была проявлением столкновения британского и аргентинского национализма. Национализм в первом смысле пронизывает всю историю Европы, являясь всюду, где и когда правители, принадлежащие определенной религии и являющиеся носителями определенного языка, покоряли другие народы с иной религией и языком. Национализм в смысле усиленной приверженности международной политике своего государства редко встречается до XIX в., да и тогда он расцветал главным образом во время вой-

ны. Однако гомогенизация населения и насаждение прямого правления укрепляют этот второй вариант национализма.

Оба вида национализма преумножились в XIX в. настолько, что, может быть, лучше было бы ввести новый термин для эквивалентов прежних видов национализма, существовавших до 1800 г. По мере того как отдельные суверенные образования, вроде Германии и Италии, складывались в значительные национальные государства, а вся территория Европы превращалась в 25–30 отдельных территорий, указанные два вида национализма стимулировали друг друга. Великие завоевания обычно возбуждали оба вида национализма, поелику граждане существующих государств сталкивались с угрозой их независимости, а население, не имевшее государственности, но жившее как некое целое, стояло перед возможностью как полного истребления, так и получения автономии. С продвижением по Европе Наполеона и французов национально-государственный национализм расцветал и у самих французов, и в тех государствах, которым Франция угрожала; ко времени разгрома Наполеона его имперская администрация заложила на большей части Европы основы нового национализма обоих типов: русского, прусского и британского, но также и польского, немецкого и итальянского.

В XX в. два типа национализма все больше переплетались, причем один вид провоцировал другой — попытки правителей подчинить своих подданных интересам нации вызывали сопротивление со стороны неассимилированных меньшинств, потребность меньшинств, не имевших представительства, в политической автономии усиливала приверженность существующему государству со стороны тех, кому существование этого государства было выгодно. После Второй мировой войны, по мере того как деколонизировавшиеся (получавшие независимость) государства начали превращать карту мира в связанные друг с другом, признанные и непересекающиеся территориями государства, связь двух видов национализма становилась все крепче, поскольку удовлетворение требования какого-нибудь сравнительно отдельного народа к его собственному государству обычно провоцировало отказ в удовлетворении, по крайней мере, одного требования другого народа к его государству; когда двери закрываются, все больше людей стремятся через них выйти. В то же время по молчаливому соглашению большинства народов, границы существующих государств все меньше подвергались изменениям в результате войн или деятельности государств. Все в большей степени единственным путем удовлетворения наци-

оналистических целей меньшинств становился раздел уже сложившихся государств. В последние годы сильному давлению в направлении раздела подверглись такие соединявшие множество народов государства, как Ливан и Советский Союз. В результате этого давления Советский Союз распался.

НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЕ НАГРУЗКИ

Борьба за средства ведения войны порождала такие государственные структуры, которые никто не планировал создавать и даже не особенно желал их появления. Поскольку ни один правитель (ни правящая коалиция) не имели абсолютной власти и поскольку остальные (не принадлежащие к правящей коалиции) классы удерживали реальный контроль над значительной частью ресурсов, в которых нуждались правители для ведения войн, то ни одно государство не избежало обременения такими организациями, которых бы они предпочли не иметь. Еще один, параллельный процесс порождал незапланированные нагрузки для государства: с созданием организаций для ведения войны или для извлечения средств ведения войны — и при этом не только армий, флотов, но и налоговых и таможенных служб, казначейств, региональных администраций и даже отдельных вооруженных сил для достижения своих целей в работе с гражданским населением — правители обнаруживали, что у самих этих указанных организаций развиваются собственные интересы, права, дополнительные доходы, нужды и потребности, которые требовали отдельного к ним внимания. Так, Ганс Розенберг, говоря о Бранденбург-Пруссии, отмечает, что у бюрократии «появился *esprit de corps* (кастовый дух), который превратился в грозную силу, способную переформировать систему правления на свой лад. Эта сила ограничивала власть монарха. Она перестала отвечать династическим интересам. Она захватила контроль над центральной администрацией и государственной политикой» (Rosenberg, 1958: vii–viii).

Таким же образом у бюрократии по всей Европе развивались собственные интересы, и она создавала базу своей власти.

Для осуществления и претворения в жизнь возникших новых интересов появлялись организации: убежища для ветеранов военной службы, касты государственных чиновников, профессиональные школы, судебные и адвокатские привилегии, поставщики продовольствия, обеспечение жильем и другими необходимыми вещами для государственных агентов. С XVI в. многие государства

начинают сами производить материалы, в особенности, необходимые для ведения войн или для сбора доходов: в разное время многие государства производили оружие, порох, соль, табачные изделия и спички — для тех или иных целей.

Еще один — третий — процесс усиливал нагрузку на государство. Общественные классы (помимо государства) обнаруживали, что могут превратить институты, созданные для какой-то узкой деятельности, в средство решения своих важных проблем, несмотря даже на то, что эти проблемы были мало интересны для государственных чиновников. Поскольку же чиновники часто нуждались в союзниках для исполнения своей работы, то они мирились с расширением институтов. Суды, которые первоначально собирались для приведения в исполнение королевских решений относительно вооружения и налогов, стали средствами разрешения частных споров, армейские полки — местом, куда было удобно помещать необученных дворянских сынков, регистрационные службы, организованные для взимания платы за оформление документов, превратились в места, где велись споры о наследстве.

Чтобы проследить, как все эти процессы создавали непредусмотренные нагрузки для государства, рассмотрим историю вмешательства государства в поставку продовольствия. Поскольку поставка продовольствия в города веками оставалась рискованной, основная ответственность по наблюдению за рынками возлагалась на муниципальных чиновников. Они искали источники дополнительных поставок, когда возникала нехватка продуктов питания, и они же должны были следить, чтобы у бедных было достаточно питания для поддержания жизни. Интересно, что власти Палермо столкнулись с особой серьезной проблемой, потому что, поскольку местное дворянство презирало торговлю (коммерцию), то она находилась по преимуществу в руках иностранных купцов. Так что в периоды угрозы голода в XVII в. «...граждане Палермо должны были иметь удостоверения, чтобы не допускать в очередь за хлебом чужих. Те, кто участвовал в судебных процессах в Палермо, получали специальные разрешения на вход в город, но только при условии, что они имеют с собой запас еды; всех остальных, благодаря неусыпной бдительности, не пропускали через городские ворота. Иногда для сокращения потребления полностью запрещалось производство сладкой выпечки или продавался только черствый хлеб. Специальная полиция, бывало, выискивала запасы зерна, спрятанные по деревьям; для этих целей предпочитали использовать испанцев, поскольку сицилианцы могли потвор-

ствовать своим многочисленным друзьям и мстить врагам» (Mask Smith, 1968a: 221).

И хотя все эти ограничения и запрещения относились к гражданам, исполнение их становилось очень обременительной задачей для властей. Там, где муниципальные власти не справлялись со своими обязанностями, возникала угроза восстания, причем на основе союза их собственных противников с городской беднотой. В целом, однако, восстания начинались не в самые голодные времена, но тогда когда народ видел, что власти проводят свои меры избирательно, не борются со спекуляцией или, еще того хуже, разрешают отpravку драгоценного местного зернового запаса в другие районы.

По большей части в Европе города принимали сложные правила, запрещающие покупку зерна, кроме как на общественном рынке, удерживая от продажи на рынке местных запасов зерна и назначая такие цены на хлеб, которые никак не соответствовали ценам на основные зерновые. Государства, которые создавали большие армии, административные аппараты и крупные города, таким образом умножали количество людей, не производивших продукты питания, что значительно увеличивало потребности в зерне, помимо обычных региональных рынков. Региональным и национальным чиновникам приходилось тратить все больше времени на организацию и регулирование поставок продуктов питания.

Поскольку землевладельцы не приветствовали государственного вмешательства в их дела, то европейские государства сосредоточили контроль на распределении, а не на производстве. Такие государства, как Пруссия и Россия, где землевладельцам предоставлялась громадная власть и поддерживалось угнетение ими крестьян в обмен на участие дворянства в военной и административной службах, оказывали определяющее влияние на сельское хозяйство, хотя и опосредованно. Произведенное государством перераспределение церковных земель, как это было во Франции, Италии и Испании, существенно повлияло на сельское хозяйство, но не привело к тому, чтобы государства руководили производством (продуктов питания) как таковым. И только в XX в., когда некоторые социалистические режимы стали заниматься сельскохозяйственным производством, а большинство капиталистических режимов в это производство вмешивались, манипулируя кредитами, ценами и рынками, только тогда государства глубоко втянулись в эту деятельность по поставкам продовольствия. Помимо распределения продуктов в военное время и отдельных ограничений в связи с фискальными

или политическими программами, государства также не вмешивались и в потребление. В сфере распределения все европейские государства серьезно занимались только продовольствием.

В разных частях Европы в разное время в XVI–XIX вв. происходит взаимозависимое расширение международных рынков, увеличение количества торговцев-оптовиков, занимающихся продуктами питания, а также рост числа рабочих на зарплате, зависевших в своем питании от рынка. В это время государственные власти берут на себя задачу соразмерять потребности фермеров, торговцев продовольствием, муниципальных властей, непосредственно зависевших от них людей и городской бедноты — то есть всех тех, кто мог причинить государству большие неприятности, если будут задеты их интересы. Государство и национальные власти придумали и ввели в действие такую полицию, которая меньше всего занималась поимкой и разоблачением преступников. До того, как в XIX в. получили исключительно высокое развитие профессиональные полицейские силы, как мы их знаем, мы называли полицией тех, кто занимался государственным управлением, в особенности, на местном уровне; регулирование поставки продовольствия было единственной ее деятельностью. Большой трактат Никол де ля Маара, *Traité de la Police*, впервые опубликованный в 1705 г. посвящен этому широкому, но связанному больше всего с продовольствием представлению о полицейских силах государства.

Конечно, подход государства к поставкам продовольствия определялся характером самого государства и правящих в нем классов. Когда Пруссия создала регулярную армию, которая была велика относительно количества проживавшего в стране населения, то одновременно она создала запасы и организовала систему снабжения армии, а также способствовала тому, чтобы зерно отправляли в те провинции, где была сосредоточена армия. Эта система, как почти все в прусском государстве, зависела от сотрудничества с землевладельцами и от подчиненного положения крестьянства. Несмотря на постоянные изменения национального законодательства по данному вопросу, Англия обычно отдавала практический контроль над поставками продуктов питания в руки местных магистратур и активно вмешивалась только в доставку зерна в страну и его вывоз из страны; отмена Хлебных законов в 1846 г. знаменовала окончание длительного периода, когда государство ограничивало импорт зерна при низких на него ценах, то есть периода, когда государство защищало землевладельцев, производивших зерно, от иностранной конкуренции. В Испании попытка административными мерами

обеспечить (накормить) Мадрид (не имевший выхода к морю) заморозила и все поставки продуктов питания через Кастилью и, возможно, вообще замедлила развитие крупных рынков на всем Иберийском полуострове (Ringrose, 1983).

Дальнейшая деятельность государства привела к значительному расширению всего национального политического аппарата, занимавшегося регулированием потоков продовольствия, даже тогда, когда общепризнанной целью государственной политики было «освобождение» торговли зерном. Эта политика, к которой все больше и больше обращались в XVIII и XIX вв., заключалась главным образом в том, чтобы поддерживать право крупных торговцев направлять продукты питания туда, где были самые высокие на них цены. Со временем муниципальные власти, побуждаемые государственным законодательством, отменили старые системы контроля. В дальнейшем производительность сельского хозяйства выросла, и с улучшением системы снабжения ослабла уязвимость городов, армий и бедных перед лицом внезапного недостатка продуктов питания. Но одновременно государства создали учреждения, специализировавшиеся на продовольствии, через контроль и вмешательство направляя поставки к тем, чью деятельность государство одобряло или, наоборот, страшилось. Так что укрепление военной мощи провоцировало вмешательство в процессы пропитания. Аналогично попытки заполучить людские ресурсы, униформу, оружие, места расквартирования и, главное, деньги для военной деятельности заставляли государство создавать административные структуры, которые затем ему приходилось контролировать и поддерживать.

Те формы массового представительства, о которых европейские правители договорились со своими подданными в XIX в., каковые подданные (таким образом) становились гражданами, теперь поручали государству совершенно новые виды деятельности, в особенности, в отношении производства и распределения. Реальностью стали характерные буржуазные политические программы: выборы, парламенты, широкий доступ к получению должностей, гражданские права. Как только гражданам удавалось потребовать от государства исполнения их требований (в условиях всеобщих выборов и парламентского законодательства), наиболее организованные из них потребовали от государства действий в области занятости, внешней торговли, образования, а со временем и еще во многом другом. Государства вмешивались в отношения труда и капитала, устанавливая, какие забастовки и тред-юнионы приемлемы, осу-

ществляя мониторинг и тех, и других, ведя переговоры или требуя урегулирования конфликтов. В целом государства, которые поздно вступили в период индустриализации, больше использовали правительственный аппарат — банки, суды и государственные учреждения по управлению — для развития промышленности, чем это делали те государства, которые вступили в период индустриализации первыми (Berend, Ranki, 1982: 59–72).

Данные *табл. 4.1* показывают, как изменились расходы государства. За указанные годы увеличилось число государственных служащих в Норвегии: в 1875 г. в центральном правительстве работало около 12 000 человек, что составляло около 2% рабочей силы страны, в 1920 г. — 54 000 (5%), в 1970 г. — 157 000 (10%) (Flora, 1983: I, 228; Gran 1988b: 185). В Норвегии, да и в Европе вообще, центральная администрация, судебная система, поддержка промышленности и особенно система социального обеспечения — развитие всех этих направлений государственной деятельности обеспечивалось политическими соглашениями относительно защиты государством своих клиентов и граждан.

По всей Европе укрепилась система социального обеспечения. В *табл. 4.2* представлены только Австрия, Франция, Великобритания, Нидерланды, и Германия, только потому, что Питер Флора собрал данные именно об этих странах. Отмечается еще больший (пропорционально) рост части национального дохода, употребляемого в системе социального обеспечения, в государствах, которые перешли к экономике центрального планирования, как Советский Союз. И повсюду, в особенности, после Второй мировой войны государства начинают заниматься здравоохранением, образованием, семьей и финансами.

Таблица 4.1. Расходы государства в процентном отношении к ВВП в Норвегии, 1875–1975 гг.

Год	Всего в правительстве	Военные	Администрация, судебная система	Экономика, Защита окружающей среды	система социального обеспечения
1875	3,2	1,1	1,0	0,4	0,3
1900	5,7	1,6	1,2	1,0	1,2
1925	6,5	0,9	0,7	0,8	1,8
1950	16,8	3,3	1,4	3,9	7,4
1975	24,2	3,2	2,3	6,8	9,5

Источник: Flora, 1983: I, 418–419.

Таблица 4.2. Расходы государств на систему социального обеспечения в процентном отношении к ВВП, 1900–1975 гг.

Год*	Австрия	Франция	Великобритания	Нидерланды	Дания	«Германия»
1900			0,7		1,0	
1920	2,0	2,8	4,1	3,2	2,7	7,5
1940	2,3	5,1	5,3	4,4	4,8	11,1
1960	7,3	8,9	9,6	8,7	7,6	14,9
1975	10,8	9,2	15,0	17,2	24,6	20,8

* — даты приблизительные.

Источник: Floga, 1983: I, 348–349.

Как подсказывает самая доступность этих показателей, все виды вмешательства государства предполагали мониторинг и составление отчетов по соответствующим разделам, так что 1870–1914 гг. стали «золотым веком» государственной статистики относительно забастовок, занятости, экономики (производства) и многого другого. Теперь государственные чиновники несут ответственность за национальную экономику и положение рабочих, причем в такой степени, какую нельзя было и вообразить за сто лет до того. И если размах этих перемен и их сроки сильнейшим образом варьировались (от тормозившей России до мобильной Великобритании), то все-таки почти все государства в XIX в. двигались в этом одном направлении.

МИЛИТАРИЗАЦИЯ = ОГРАЖДАНСТВЛЕНИЕ (ПЕРЕХОД ВЛАСТИ ОТ ВОЕННЫХ К ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ)

Рассмотренные нами процессы трансформации государства привели к удивительному результату: к ограждению правительства, то есть к переходу власти от военных к гражданским. Этот результат нельзя не считать удивительным, поскольку именно развитие вооруженных сил было двигателем процессов формирования государств. Схематически данное преобразование можно представить в виде уже известных нам четырех стадий: патримониализм, брокераж, формирования армий национальных государств и специализация. Первая — период, когда крупнейшие носители (держатели) власти сами активно участвовали в военных действиях, рекрутируя воинов и командуя собственными армиями и флотами. Затем расцвет военного предпринимательства и наемных войск на службе гражданских носителей власти. Затем включение (инкорпора-

ция) военной структуры в государственную и создание регулярных армий. И, наконец, переход к массовой воинской повинности, организованному снабжению и созданию резервов и хорошо оплачиваемых контрактных армий, набираемых главным образом из собственных граждан, что привело, в свою очередь, к созданию систем пособий, выплачиваемых ветеранам войны, парламентскому надзору и требованиям будущих или бывших солдат иметь собственное политическое представительство.

Так в итальянских кондотьерах мы видим переход от патримониализма к брокеражу. Переход от брокеража к формированию армий национальных государств начинается с Тридцатилетней войны, которая стала временем не только расцвета, но и саморазрушения таких великих военных предпринимателей, как Валленштейн и Тилли (который, насколько я знаю, не имеет ко мне никакого отношения). В рамках именно такого развития было, кажется, отстранение в 1713–1714 гг. прусских полковников от производства обмундирования, бизнеса, где у них некогда были хорошие доходы (Redlich, 1965: II, 107). Французское *levee en masse* (народное ополчение) 1793 г. и последующие события знаменуют собой переход от периода формирования армий национальных государств к периоду специализации. Таково было общее движение в Европе после 1850 г. С завершением данного процесса гражданская бюрократия и законодательство определяли обязанность к военной службе относительно равномерно по социальным классам; представление, что военные являются профессионалами, ограничивало вовлеченность генералов и адмиралов в гражданскую политику, так что решительно сократилась возможность прямого военного правления или *coup d'etat*.

После 1850 г., в эпоху специализации, огражданствление правительства идет все более быстрыми темпами. В абсолютных цифрах военная деятельность продолжает расти как по своему значению, так и по ее стоимости. Однако три фактора ограничивали развитие ее относительной важности. Во-первых, ограниченное конкурентными потребностями гражданской экономики количество военных в мирное время не увеличивалось (в пропорциональном отношении ко всему населению), в то время как количество правительственных служащих продолжало расти. Во-вторых, расходы на невоенные цели росли даже быстрее военных расходов. В-третьих, не связанное с военными целями (гражданское) производство, наконец, стало развиваться так быстро, что опережало военную экспансию, и доля военных расходов в национальном доходе начала со-

кращаться. Все больше и больше внимание правительства занимали невоенная деятельность и невоенные расходы.

В этих же государствах, расходы которых мы ранее исследовали, количество военных в процентном отношении ко всему населению (в возрасте 20–44 года) было различным (табл. 4.3). Исключая потери в военное время и связанные с войной мобилизации, западноевропейские государства (1970) в основном имели количество войск в размере 5% от всего мужского населения в возрасте 20–44. На 1984 г. данные о процентном отношении военных ко всему населению представлены ниже (Sivard, 1988: 43–44):

менее 0,5 %: Исландия (0,0), Люксембург (0,2), Ирландия (0,4), Мальта (0,3), Швейцария (0,3);

0,5–0,9 %: Дания (0,6), Западная Германия (0,8), Италия (0,9), Нидерланды (0,7), Норвегия (0,9), Испания (0,9), Соединенное королевство (0,6), Польша (0,9), Румыния (0,8), Австрия (0,7), Швеция (0,8);

1,0–1,4 %: Бельгия (1,1), Франция (1,0), Португалия (1,0), Чехословакия (1,3), Восточная Германия (1,0), Венгрия (1,0), СССР (1,4), Албания (1,4), Финляндия (1,1), Югославия (1,0);

1,5 % и больше: Греция (2,0), Турция (1,6), Болгария (1,6),

Несколько, преимущественно демилитаризованных, государств теперь держат под ружьем менее 0,5% своего населения, несколько милитаризованных — около 1,4%, но большинство европейских государств имеют показатели средние между этими двумя. Все приведенные цифры — даже относительно «полувоюющих» Греции и Турции — ниже показателя для Швеции, достигшей к 1710 г. пика в 8% военных от числа всего населения. Теперь же при том, что высок процент годных к военной службе мужчин, занятых в производстве, и низок процент в сельском хозяйстве, европейские государства се-

Таблица 4.3. Численность военных в процентном отношении от общего числа мужского населения в возрасте 20–44 года за 1850–1970 гг.

Годы*	Австрия	Франция	Великобритания	Нидерланды	Дания	«Германия»
1850	14,5	6,5	4,3	5,4	10,3	4,7
1875	8,4	7,4	4,5	6,4	6,4	5,9
1900	6,9	8,8	6,6	3,6	2,8	6,3
1925	2,5	6,7	4,3	1,2	2,3	1,0
1950	?	8,4	7,6	12,7	2,3	?
1970	4,2	5,8	4,2	5,3	5,3	4,5

* — вследствие войн границы и облик этих государств значительно изменялись.
 Источник: Флога, 1983: I, 251–253.

рзезно ограничены в мобилизации дополнительных войск в военное время: поскольку такая мобилизация вынуждает производить существенную переориентацию экономики.

Тем временем так сильно и быстро выросли другие невоенные виды деятельности, что сократилась часть бюджета большинства государств на военные цели, несмотря на громадное увеличение самих этих бюджетов. По данным для тех же (уже упомянутых) стран мы обнаруживаем тенденцию к сокращению в процентном отношении ко всему бюджету средств, направляемых на военные цели, как это видно по *табл. 4.4*. Относительно каждого государства мы отмечаем долгосрочную тенденцию к сокращению в пропорциональном отношении расходов на военную деятельность.

Наконец национальный доход начинает расти быстрее, чем военные расходы. В 1984 г. доля ВВП, определяемая на военные расходы, варьировалась примерно так же, как количество человек, поставленных под ружье (Sivard, 1988: 43-44):

менее 2 %: Исландия (0,0), Люксембург (0,8), Румыния (1,4), Австрия (1,2), Финляндия (1,5), Ирландия (1,8), Мальта (0,9);

2-3,9 %: Бельгия (3,1), Дания (2,4), Западная Германия (3,3), Италия (2,7), Нидерланды (3,2), Норвегия (2,9), Португалия (3,5), Испания (2,4), Венгрия (2,2), Польша (2,5), Швеция (3,1), Швейцария (2,2), Югославия (3,7);

4-5,9 %: Франция (4,1), Турция (4,5), Великобритания (5,4), Болгария (4,0), Чехословакия (4,0), Восточная Германия (4,9), Албания (4,4);

6 % и больше: Греция (7,2), СССР (11,5).

Размеры этих расходов определялись противостоянием Соединенных Штатов и Советского Союза. В 1984 г. Соединенные Штаты тратили 6,4 % своего колоссального ВВП на военные цели, что-

Таблица 4.4. Военные расходы в процентном отношении к государственному бюджету 1850-1975 гг.

Годы*	Австрия	Франция	Великобритания	Нидерланды	Дания	Германия
1850		27,4				
1875		23,2			37,8	34,0
1900		37,7	74,2	26,4	28,9	22,9
1925	7,7	27,8	19,1	15,1	14,2	4,0
1950		20,7	24,0	18,3	15,6	13,5
1975	4,9	17,9	14,7	11,3	7,4	6,4

* — даты очень приблизительные.

Источник: Flora, 1983: I, 355-449.

бы соответствовать тратам СССР, который выжимал 11,5% из своей существенно более слабой экономики. Что же касается общего направления развития в Европе, то расходы сокращались: уменьшалась часть населения, находившегося на военной службе, меньшая доля национального бюджета предназначалась на военные расходы, уменьшалась в процентном отношении часть национального дохода, расходуемая на солдат и оружие. Такие изменения стали результатом организационного сдерживания военных и им усиливались. На каждом этапе от патримониализма к брокеражу, от брокеража к формированию национальных армий национальных государств и от формирования армий национальных государств к специализации возникали все новые и серьезные препятствия, ограничивавшие автономность власти военных.

И здесь отступления от выявленного направления развития (отмечаемые на схеме) от схемы соответствуют логике этого развития. Испания и Португалия не были затронуты процессом огражданствления правительства, поскольку военные расходы оплачивались главным образом из колониальных доходов. Здесь по-прежнему офицеров рекрутировали из испанской аристократии, а пехотинцев — из беднейших слоев населения, причем военные офицеры продолжали оставаться представителями короны в провинциях и колониях (Ballbe, 1983: 25–36; Sales, 1974, 1986). Все эти факторы сводили к минимуму возможность согласований (относительно ресурсов для ведения войны) с населением, согласований, на основе которых в других областях постепенно выстраивалась система прав и обязанностей. Возможно, также Испания и Португалия попали в «территориальную западню»: они получили посредством завоеваний громадные (сравнительно с доступными им средствами экстракции) зависимые территории, в результате чего административные издержки поглощали доходы от империалистического контроля (Thompson, Zuk, 1986). Так что положение Испании и Португалии похоже отчасти на положение в некоторых современных государствах третьего мира, где власть удерживают военные.

Разделение государственных функций между гражданскими и военными организациями и подчинение военных организаций гражданским (или наоборот) варьируется по географическим зонам. В большинстве случаев территориальная привязка государственной деятельности, служащей военным целям, решительно отличается от территориальной привязки деятельности по производству доходов. Пока государство действует через захват и получение дани на сопредельной территории, два вида деятельности недалеко

отстоят друг от друга; солдаты-оккупанты могут осуществлять наблюдение, управление и сбор налогов. Дальше, однако, четыре потребности тянут в разные стороны: размещение вооруженных сил между местами возможных действий и главными пунктами поставок, размещение государственных чиновников, занятых надзором и контролем гражданского населения, таким образом, чтобы не только полностью покрывать территорию, но и соответствовать особенностям расселения контролируемого населения, пропорциональное распределение деятельности государства по сбору доходов соответственно географии торговли, достатка и дохода и, наконец, распределение деятельности государства, проистекающей из согласований относительно доходов, соответственно географическому размещению сторон, участвовавших в согласованиях.

Очевидно, что география деятельности государства варьируется соответственно этим четырем силам; флоты сосредотачиваются в глубоководных местах на периферии государства, в то время как почтовые отделения распределяются в тесном соответствии с расселением населения в целом, а центральные административные учреждения близко один к другому. Чем больше военное промышленное предприятие, чем больше оно ориентировано на ведение войны за пределами собственной территории, чем шире аппарат экстракции и контроля, поддерживающий его, тем больше расходятся их местоположения (география), тем дальше отстоит идеальная военная география от той, которая обеспечивает вооруженным силам действенный повседневный контроль над гражданским населением.

Эти выявляемые различия по территориям привели к созданию отдельных организаций для каждого вида деятельности, включая разделение вооруженных сил на армию и полицию. Размещение полицейских сил стремится соответствовать географии расселения гражданского населения, а при размещении войсковых соединений обычно изолируют их от гражданского населения и располагают там, где этого требует международная стратегия. По французской модели наземные войска были представлены тремя группировками: солдатские гарнизоны, размещенные так, чтобы это было удобно для целей администрирования и тактических целей. Жандармы (оставшиеся под контролем военных, которых во время войны можно было мобилизовать в армию), размещенные в небольших количествах по линиям коммуникаций и продуманно определенным сегментам территории, и полиция, имевшая местом пребывания крупные сосредоточения населения. Кроме того, солдаты па-

трулировали границы, охраняли места пребывания национальных властей, участвовали в операциях в колониях, но редко принимали участие в борьбе с преступностью или разрешении гражданских конфликтов.

За исключением главных дорог, жандармы действовали главным образом на тех территориях, где преобладали частные владения, и поэтому они по большей части патрулировали линии коммуникаций и отвечали на вызовы граждан. Напротив, городская полиция контролировала преимущественно общественные территории и ценное имущество на этой общественной территории; соответственно, полицейские в основном стремились осуществлять контроль и оценивать обстановку самостоятельно, без вызова граждан. В конечном счете каждое такое географическое разделение отделяет военную власть от политической и ставит ее выживание в зависимость от гражданских лиц, озабоченных продуктивным сбором налогов, эффективностью администрации, общественным порядком и исполнением политических договоренностей в той же мере, как военной эффективностью (а может, и вместо нее). Эти сложные соображения сильно повлияли на определение границ европейских государств.

Конечно, различия были не только географическими. Как мы видели, люди, которые управляли гражданским населением государства, вынуждены были устанавливать деловые отношения с капиталистами и вести согласования с остальным населением для получения ресурсов, потребных для расширения деятельности государства. Для получения доходов и одобрения (населения) власти создали организации, которые решительно отличались от военных и которые по большей части становились независимыми от них. В Европе в целом эти процессы не препятствовали постоянному росту военных расходов, ни тому, что войны становились все более разрушительными, но они сдерживали власть военных в стране до такой степени, что европеец 990 или 1490 г. удивился бы.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

КИТАЙ И ЕВРОПА

Г. Уильям Скиннер представляет социальную географию позднеимператорского Китая как сплетение двух центральных иерархий (Skinner, 1977: 275–352; Wakeman, 1985; Whitney 1970). Первая строилась, главным образом снизу вверх, и возникла из обмена; ее частично перекрывающие друг друга единицы представляли собой все большие и большие рыночные ареалы, имевшие своими центрами возрастающие по величине города. Вторая, навязанная сверху вниз, была следствием контроля императора; ее вложенные друг в друга единицы составляли иерархию административных юрисдикций. Вплоть до уровня *hsien* (административная единица) каждый город занимал свое место как в коммерческой, так и в административной иерархиях. Ниже этого уровня — даже могущественный китайский император правил непрямо: через мелкопоместное дворянство. В системе, построенной сверху вниз, мы обнаруживаем связанную с географией логику принуждения. В системе, построенной снизу вверх, — связанную с географией логику капитала. Мы уже видели, что похожие иерархии то и дело проявляли себя в неравной борьбе европейских государств с городами.

В некоторых регионах Китая власть императора была сравнительно слабой, а коммерческая деятельность — сильной; там города обычно занимали более высокое положение в иерархии рынков, чем в административной иерархии. В других районах (в особенности, на периферии империи, где роль регионов для центра была выше в обеспечении безопасности, чем в извлечении отсюда доходов), более высокое положение города определяла императорская власть, а не коммерческая деятельность. Скиннер устанавливает некоторые важные корреляты для определения реального положения того или иного города в двух иерархиях; например, им-

перские администраторы, назначенные в города, занимавшие сравнительно высокое положение в рыночной иерархии, действовали скорее через внеполитические сети купцов или других преуспевающих граждан, чем это делали их коллеги в менее благоприятных районах. В то же время эти регионы, включая крупные торговые города, поставляли больше кандидатов на должности для императорского контроля, что открывало возможность карьеры в бюрократии. Много других последствий проистекало из взаимодействия этих двух систем: сверху вниз и снизу вверх.

Чем Китай отличался от Европы? В памфлете, опубликованном в 1637 г., иезуит Джулио Альдени сообщает, что его китайские друзья часто спрашивали о Европе: «Если там так много королей, как же вам удастся избежать войн?» Он ответил наивно или уклончиво: «В Европе короли связаны между собой родственными отношениями (через браки) и поэтому ладят друг с другом. Если случается война, вмешивается папа; он посылает своих доверенных лиц с предостережением воюющим, что они должны прекратить войну» (Bünger, 1987: 320). И это было сказано, когда шла жуткая Тридцатилетняя война, обескровившая большинство европейских государств. Действительно, между Китаем и Европой была громадная разница: хотя Китай некогда пережил эпоху Воюющих государств, весьма похожую на международную анархию в Европе, и если восстания и вторжения иноземцев периодически угрожали власти императора, все-таки большую часть времени на территории Китая доминировал один центр, причем на территории, невероятно громадной (по европейским представлениям). Империя долго была нормальным состоянием Китая; когда разрушалась одна империя, ее место занимала другая. Больше того, когда в XVIII в. в Европе начало распространяться прямое правление из одного центра, императоры династии Цинь стали устанавливать в своих доменах еще более эффективное прямое правление; в 1726 г. император Йоньчжень пошел даже на то, чтобы вождей этнических меньшинств юго-восточного Китая заменить собственными администраторами (Вай, 1988: 197). Тем временем в Европе в течение всего последнего тысячелетия идет дробление на многочисленные соперничающие друг с другом государства.

Хотя русские цари властвовали на громадных территориях Азии, сама Европа никогда не знала империи такого размера, как Китай времени расцвета. Впрочем, многие правители пробовали построить в Европе империи после распада римских владений или распространить уже имеющиеся империи на территорию Европы. Не-

сколько мусульманских империй включили в свой состав Испанию и Балканы, но не более того. Византийская, Болгарская, Сербская и Оттоманская империи в свое время простирались от Балкан до Ближнего Востока, а монголы и другие азиатские завоеватели оставили имперское наследие в России. В сердце Европы Карл Великий собрал тут же раздробившуюся империю; несколько попыток построить империю предприняли норманны. И хотя Священная Римская империя (*de jure*) и империя Габсбургов (*de facto*) мощно заявили о себе, однако ни одна империя даже не стремилась захватить весь континент. После Рима в Европе не было империй римского масштаба или, тем более, китайского.

Тем не менее Европа пережила на свой манер и в ограниченном масштабе те два взаимодействовавшие процесса, которые Скиннер обнаружил в Китае: построение (снизу вверх) региональных иерархий, основанных на торговле и производстве, насаждение (сверху вниз) политического контроля. Так, европейские сети городов представляют собой иерархию капитала; это были коммерческие связи высшего уровня, проникавшие в города и деревню, связь которых обеспечивалась *colporteurs* (бродячими торговцами, коробейниками) (слово обозначает тех, кто носил товары на плечах), разносчиками (теми, кто переносил товары из одного места в другое) и более состоятельными купцами, которые накапливали капитал, занимаясь местной и региональной торговлей как бизнесом. Когда английский король или бургундский герцог обращался к деревне для получения налогов или солдат, он обнаруживал там уже установившиеся коммерческие связи, в создании которых он не участвовал и которые он не мог полностью контролировать. Так что построенные снизу-вверх европейские иерархии долгое время оставались и более завершенными, и крепче связанными и широкими, чем построенные сверху вниз структуры политического контроля. В этом состояла главная причина, почему проваливались многочисленные попытки построения империи, охватывающей весь континент, после распада Римской империи.

Р. Бин Вонг сравнил борьбу за продовольствие в Европе и Китае и отметил несколько важных параллелей (в духе Скиннера) в опыте этих двух континентов (Wong, 1983; Wong, Perdue, 1983). Несмотря на значительные различия в образе жизни, и в Европе, и в Китае люди, кажется, особенно склонны захватывать продукты питания силой во времена недостатка и/или высоких цен, а также тогда когда увеличивается разрыв между размерами поставок продовольствия на рынок и уровнем правительственного контроля над эти-

ми поставками. Бедные, зависящие в своем пропитании от местных рынков, заменяют собой власти, которые могли, но прекратили обеспечивать исполнение местных требований к тому, чтобы продукты питания запасались, продавались на рынках или доставлялись в границах данного региона. Китай в XVIII–XIX вв. пережил ослабление императорской власти, в то время как рынки свой контроль сохраняли и даже расширяли, тогда народ начал препятствовать отправке товаров, терроризировал купцов и захватывал запасы зерна в попытках заставить исполнить свои требования по обеспечению поставок продовольствия.

Что касается Европы XVIII–XIX вв., то здесь торговля продуктами питания росла быстрее, чем местные силы правительств: люди на местах захватывали зерно, принуждая *свои* власти, исполнять требования, которые те перестали уважать (Bohstedt, 1983, Charlesworth, 1983, Tilly 1971). Не существует сколько-нибудь объемного исследования географии захватов зерна в Европе, которое бы позволило определить, шли ли они по схемам Скиннера. Впрочем, можно выявить некоторую схему, поскольку отмечается явная тенденция: захваты зерна происходили вокруг больших городов и портов. Так же и в Китае бандитизм, восстания и другие формы коллективного действия существенно различались соответственно тому, где они (географически) происходили. Эти различия могут быть, правда, грубо сопоставлены с распределением императорской и торговой деятельности. Исходя из этого факта, мы имеем основания искать подобных же географических различий в Европе. Коллективные народные действия вполне могут отражать логику Скиннера.

И действительно, схемы политической ковариации, описанные Скиннером, имеют свои соответствия в Европе. В административных центрах в регионах малоразвитой коммерции, где наместник короля осуществлял власть посредством прямого военного контроля, но не мог собрать больших доходов в пользу короля, королевским должностным лицам, окруженным процветающими землевладельцами и купцами, не оставалось ничего иного, как идти с ними на согласования. Отметим разницу между Восточной Пруссией, где в государственном административном аппарате было меньше купцов и больше крупных землевладельцев, и Западной Пруссией, где этот аппарат почти что растворился в региональной коммерческой деятельности. Габриэль Ардант 30 лет назад указывал, что «соответствие» фискальной системы и региональной экономики, определяет размер налогов и эффективность их сбора (Ardant, 1965). В регионах невысокой рыночной активности чаще всего трудно

сбирать земельный налог, основанный на оценочной стоимости: он представляется населению очень несправедливым, чрезвычайно ограничивает потенциальную возможность получения доходов и вызывает широкое сопротивление. В районах развитых торговых отношений, напротив, обыкновенный прямой подушный налог приносит меньше дохода и по большей цене, чем сравнимый с ним налог, определенный так, чтобы соответствовать этим районам, богатым капиталом, этим торговым центрам.

С другой стороны (чего Ардант не замечает), при высоком уровне коммерческой активности купцы часто обладают большой политической властью и таким образом могут препятствовать созданию государства, которое будет покушаться на их имущество и мешать их делам. В Европе, как мы уже видели, размеры коммерческой деятельности сильно влияли на выбор тактики укрепления государства. За исключением Гданьска, процветавшего с развитием торговли на Балтике, в целом польские купцы были не в состоянии вырваться из-под гнета крупных землевладельцев. (Как ни странно, но власть польских землевладельцев также ограничивала власть избранного короля Польши, что делало последнего желательным сюзереном для прусских городов, пытавшихся уйти от более тяжелой опеки тевтонских рыцарей.) Но купцы Амстердама, Дубровника, Венеции и Генуи, занимавшие наивысшее положение в коммерческой иерархии, могли сами диктовать условия, на каких государство будет осуществлять свою деятельность на их территориях. Так что устанавливаемая Скиннером для Китая модель проливает свет на географию формирования государств в Европе.

На самом деле, в предыдущих главах мы уже описали модель, столь узнаваемую для сторонников Скиннера. Она состоит из трех элементов:

- 1) определенный набор общественных отношений, характеризующихся обменом и накоплением капитала, при которых концентрация порождает города, а неравенство — эксплуатацию;
- 2) другой набор общественных отношений, характеризующихся принуждением, при которых концентрация порождает государство, а неравенство — доминирование;
- 3) набор видов деятельности государства, которые вовлекают его агентов в получение прибыли от других ресурсов.

Сети, основанные на двух видах общественных отношений, соединяются по-разному: в некоторых местах отмечаем густую концентрацию принуждения при столь же густой концентрации капитала, в других — при густом принуждении капитал редок и т.д. Соответ-

ственно и деятельность государства в разных местах протекает по-разному и приносит различные плоды в организационном смысле. Так мы пока можем подытожить основной смысл нашей книги.

СНОВА О ГОСУДАРСТВАХ И ГОРОДАХ

Вспомним, что такое государство: особая организация, контролирующая основные концентрированные средства принуждения на строго определенной территории и являющаяся первенствующей организацией среди всех других организаций, действующих на этой территории. (*Национальное* государство затем расширяет эту территорию, присоединяя прилегающие регионы, но сохраняет свою относительно централизованную, отдельную и автономную структуру.) Люди с оружием формируют государства, аккумулируя и концентрируя на данной территории средства принуждения, создавая особую организацию, которая (хотя бы частично) отличается от организаций, руководящих производством и воспроизводством на этой территории, захватывая, кооптируя или ликвидируя другие концентрации принуждения в границах той же территории, определяя границы и осуществляя в этих границах свою юрисдикцию. Они создают национальные государства, распространяя описанный процесс на новые примыкающие территории, и вместе с тем развивают свою централизованную, отдельную и автономную организацию.

Формирование и трансформация государственной организации происходит главным образом вследствие захвата и установления контроля над людьми и собственностью на указанной территории. Хотя создатели государств всегда носят в голове некую модель захвата и установления контроля и часто даже полубессознательно ей следуют, но, осуществляя свои действия, они редко планируют создание государства шаг за шагом. Тем не менее их деятельность неизменно сопровождается созданием построенных сверху вниз иерархий принудительного контроля.

В то время как правители формируют и трансформируют государства, они и их агенты потребляют в огромных количествах ресурсы, в особенности, ресурсы, необходимые для ведения войн: человеческие ресурсы, оружие, транспорт, продовольствие. Эти ресурсы обыкновенно суть принадлежность других организаций и общественных отношений: домохозяйств, поместий, церквей, деревень, феодальных обязательств, взаимоотношений с соседями. Задача правителя состоит в том, чтобы изъять необходимые ресур-

сы у организаций и общественных отношений, и обеспечить, чтобы в будущем кто-то воспроизвел и отдал такие же ресурсы. Данный процесс получения государством ресурсов определяется двумя факторами, они же оказывают сильное воздействие на возникающую в результате организацию: характер иерархии капитала, строящейся снизу вверх, а также положение в этой иерархии того пункта, откуда агенты государства пытаются извлечь ресурсы.

В Европе будущие создатели государств столкнулись с великим разнообразием городов. Посредством еще одной двумерной диаграммы (рис. 5.1) мы можем классифицировать города по масштабам их деятельности вместе с их пригородными районами (эта связь с прилегающими районами может быть самого разного вида: от поверхностной до глубокой) и по их положению на рынке (где возможны варианты от местных и региональных рынков до международных центров торговли, переработки и накопления капитала). Так, Флоренция XIII в., где купцы и рантье пользовались в ее сельской местности (*contado*) широким контролем над землей, производством и торговлей, была в большей степени столицей (*metropolis*), чем Генуя, которая хотя и была звеном международных связей, но со своим внутренним экономическим районом была связана слабо. Мадрид XV в., довольно закрытый (деятельность которого была сосредоточена в нем самом и принадлежащей ему части Кастилии), был в большей степени региональным рынком, чем Лиссабон, господство которого распространялось на Португалию и за ее пределы.

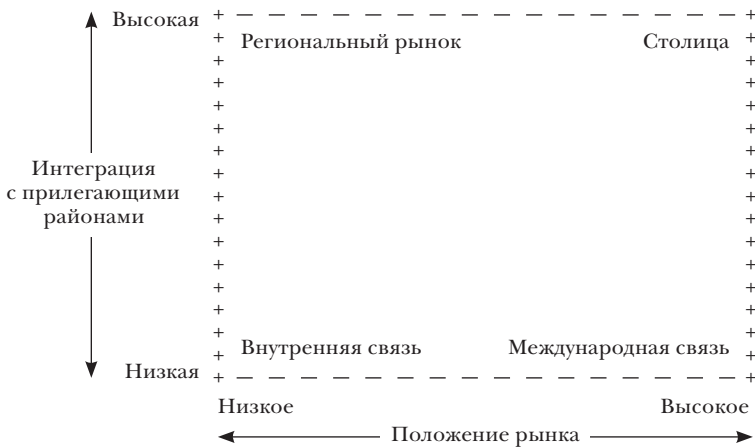

Рис. 5.1. Типы городов

Указанные различия исключительно важны, потому что они существенно влияли на перспективы формирования различных типов государства. Чем выше было положение города в отношении рынка, тем вероятнее всякий, собирающий концентрированную военную силу, должен был вступать в переговоры с тамошними капиталистами или даже быть одним из них. Чем сильнее была экономическая связь города с прилегающей к нему экономической зоной, тем меньше возможность, что отдельная группа землевладельцев выступит против города в процессе формирования государства. На ранних стадиях формирования европейских государств город, господствовавший на своей экономически с ним связанной пригородной зоной и имевший международные рыночные связи, с большой вероятностью создавал собственное автономное государство, или как город-государство вроде Милана, или как город-империя вроде Венеции.

В условиях, характерных для Европы до 1800 г. или около того, в тех регионах, где было много городов, процветала международная торговля. Некоторые из этих городов занимали центральное положение на международных рынках, накапливали и концентрировали капитал. При таких условиях государства создавались и изменялись только в тесном сотрудничестве с местными капиталистами. В этом смысле особенно показательны Фландрия, Рейнская область, долина реки По. Иначе дело обстояло там, где было мало городов. Там роль международной торговли в экономической жизни была невелика, редкие города занимали высокое положение на международных рынках (или таковых не было вообще), не происходило ни быстрого накопления, ни концентрации капитала. В таких регионах государства обычно формировались без сотрудничества с местными капиталистами, но и без действенной оппозиции с их стороны. Там царило принуждение. Примерами в этом отношении могут служить Польша и Венгрия. Отмечается также некий средний путь: при наличии, по крайней мере, одного центра накопления капитала и господстве (в целом) землевладельцев в ходе формирования государства начинается борьба держателей капитала и средств принуждения, но обычно все заканчивается переговорами и временным соглашением (*modus vivendi*). Таково было положение в Арагоне и Англии.

Устанавливаемые различия тесно связаны с географией Европы. На прибрежных территориях особенно много городов, но порты за пределами Средиземноморья имели, как правило, небольшие прилегающие районы, игравшие роль экономической базы, и поддер-

живались главным образом большими регионами, находящимися под контролем землевладельцев. Особенно много отдельных суверенных государств было именно в широкой полосе городов от итальянского полуострова до южной Англии, поскольку это была зона сильного влияния капиталистов на формирование государства. По мере того как росло значение торговли на Атлантическом побережье; Северном море и Балтике, эти города становились своего рода фильтром, через который (от Средиземного моря и разных соединенных с ним «Востоков») прокачивались товары, капитал и городское население. Большие и сильные национальные государства формировались, главным образом, по краям этой полосы, там, где города с их капиталом были доступными, но не слишком огромными. Дальше, за обозначенной полосой активного образования государств, простирались громадные (по территории) государства, которые, однако, до самых недавних пор только эпизодически контролировали население и деятельность на своих территориях.

Различия обстоятельств определяли и разницу путей развития государств. Для наглядности снова прибегнем к схемам (рис. 5.2), сведя количество вариантов до трех. Настоящая схема демонстрирует, что с концентрацией принуждения в различных частях Европы наличие или отсутствие концентрированного капитала предопределяло (и до некоторой степени обеспечивало) путь изменения структуры государства. И хотя все регионы Европы в конечном счете пришли к созданию больших национальных государств, но долгое время эти государства шли разными путями. В течение несколь-

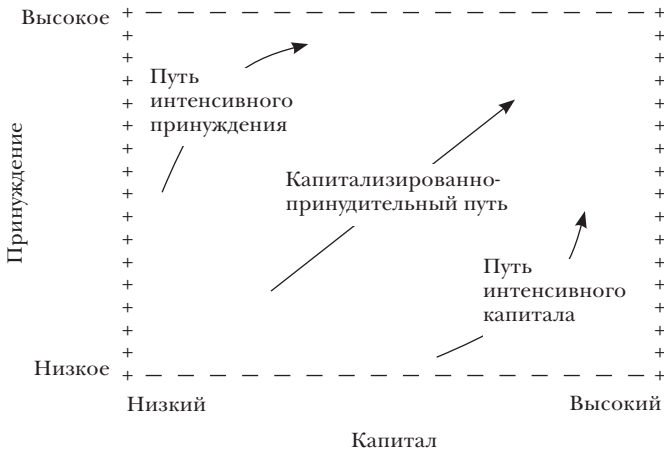

Рис. 5.2. Относительная концентрация капитала и принуждения как определяющие факторы пути развития государства

ких столетий государства принуждения, капитала и употреблявшие капитал + принуждение, расходились все дальше, как по своей структуре, так и по осуществляемой ими деятельности. Наша диаграмма, несмотря на ее обобщенный вид, оказывается довольно полезной практически. Так, например, мы можем выделить альтернативные пути развития северных стран (рис. 5.3). Конечно, не следует забывать, что в разное время Финляндия, Швеция, Норвегия и Дания входили в империи и федерации, возглавляемые другими государствами, что границы этих государств и зависимые территории (под этими именами) подвергались значительным изменениям в результате завоеваний и переговоров, что до середины XVII в. Дания оставалась классической коалицией обладавших немалой властью дворян-землевладельцев и землевладельца-короля, что за все время с 900 г. Финляндия только несколько десятилетий была независимой от соседних держав. При этом диаграмма позволяет изобразить Данию в начале тысячелетия как сравнительно некоммуercialизованную державу-завоевателя, которая затем с развитием торговли на Балтике начинает капитализироваться и становится гораздо более процветающей, чем ее соседи, в то время как Финляндия пребывает в состоянии коммерческого застоя и гораздо дольше управляется силой.

Скандинавские страны создали собственный вариант формирования государств через принуждение. До XVII в. они представляли собой самый сельскохозяйственный район Европы. Здесь множество городов зародились не как центры коммерции, но как укре-

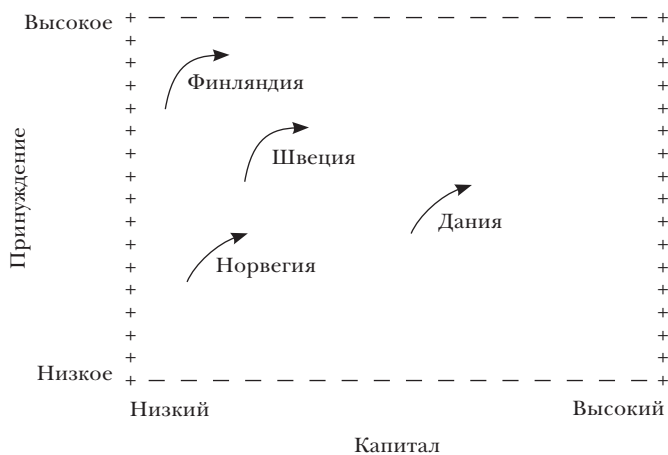

Рис. 5.3. Пути формирования государств в Скандинавии

пленные форпосты королевской власти. И хотя Берген, Копенгаген и другие коммерческие центры стали затем аванпостами торговли, но все-таки в 1500 г. здесь не было городов с населением даже в 10 000 человек (de Vries, 1984: 270). Долгое время в скандинавской торговле немецкие купцы преобладали настолько, что в городских советах, а также и в географии городов четко выделялись немецкий сектор и местный.

Скандинавская торговля стала почти что монополией Ганзы. Ганзейские города решительно изгнали итальянских банкиров и отказывались создавать собственные банки и кредитные институты. Более надежной им казалась пропорциональная, двусторонняя торговля часто в натуральной форме (Kindleberger, 1984: 44). И только с развитием торговли на Балтике в XVI в. в Норвегии, Швеции, Финляндии и Дании начинаются значительная концентрация капитала и рост городского населения. Впрочем, и тогда торговлей, капиталами и перевозками занимались главным образом голландские купцы, сменившие немецких. И тем не менее скандинавские воины оставили глубокий след на карте и в истории Европы.

До и после 900 г. викинги и их сородичи совершали значительные захваты далеко за пределами своей родины и часто основывали государства под властью воинов-землевладельцев. Обычно они не могли идти тем же курсом у себя дома. Дома, в регионах лесного хозяйства и рыбной ловли, при малочисленности поселений, при открытости границ (но и редкости вторжений извне) условия подходили лишь для выживания небольших землевладельцев и были ограничены возможности воинам становиться крупными землевладельцами. Стремясь обеспечить приток людей на военную службу, шведские короли устанавливали такие вознаграждения, которые увеличивали количество мелких землевладельцев. Вплоть до XVII в. войска набирались примерно по одной схеме: дворянство (а позднее и богатые крестьяне) освобождались от налогов, если они снаряжали кавалеристов на плохооплачиваемую королевскую службу, в то время как простой народ должен был поставлять пехотинцев и обеспечивать их и их семьи землей. Таким образом, корона не несла больших денежных расходов, за исключением оплаты наемников для районов военных действий и пограничных провинций.

Швеция и Дания в течение нескольких столетий содержали значительные вооруженные силы. При Густаве Вазе (1521–1560) и его преемниках Швеция стала могучей в военном отношении страной за счет подчинения значительной доли экономики потребностям государства. Скандинавский союз Дании, Швеции и Норвегии (1397–1523)

сформировался, главным образом, как средство утверждения королевской власти в противовес коммерческому господству немецких купцов и Ганзейского союза. Среди прочего Ваза лишил собственности духовенство и создал протестантскую церковь, подчиненную государству. Подобно своим современникам в России, Густав Ваза придерживался той точки зрения, что «вся земля принадлежит короне, недворяне, имеющие ее во временном владении, могут только надеяться на продление срока владения (ею) при условии исполнения ими фискальных обязательств перед правительством» (Shennan, 1974: 63). В поисках денег на ведение войн, при том что хозяйство оставалось потребительским и покрывало лишь необходимые потребности (*subsistence economy*), государство развивало горное дело и промышленность, совершенствовало фискальный аппарат, переходило к значительным займам, формируя национальный долг, старалось обойти старинные представительные собрания и все больше вовлекало духовенство (ставшее теперь протестантским и национальным) в учетную деятельность на службе короны (Lindegren, 1985; Nilsson 1988).

Дания, где торговля была более развитой, в течение всей Тридцатилетней войны финансировала эту войну доходами от земель короны. И в самом деле, вплоть до 1660 г. простой человек не мог владеть в Дании землей. В 1640-е гг. война Швеции с Данией вместе с экономической депрессией обострили борьбу датской аристократии с избранным королем за доходы. В результате государственного переворота (*coup d'état*) корона установила наследственную монархию и значительно сократила власть дворянства. Это, однако, означало и сокращение поддержки дворянства. Тогда Дания решительно повышает налоги, вводя в том числе прибыльные пошлины в проливе Зунд. «И если в 1608 году 67% доходов Датского государства составляли доходы от земель короны, то полвека спустя эти доходы сократились до 10%» (Rystad, 1983: 15). В 1660–1675 гг. монархия продает значительную часть своих земель, чтобы расплатиться с долгами, вызванными войной (Ladewig Petersen, 1983: 47). Таким образом, расходы на ведение войны в XVII в. вызвали большие перемены в правлении, как в Дании, так и в Швеции.

В ходе Тридцатилетней войны Швеция (и Дания) полагалась главным образом на наемников, но позднее, в XVII в., с повышением требований к войскам переходит к национальному призыву на военную службу. Карл XI (1672–1697) сам совершил государственный переворот, отняв у магнатов земли короны, которые его предшественники продавали (для оплаты своих войн), и затем, раздал эти земли, главным образом, временным солдатам, так что те для

получения средств к существованию должны были нести военную службу. К 1708 г. Швеция и Финляндия (бывшая тогда шведской провинцией) держали под ружьем 11 000 человек, при том что в целом население составляло примерно 2 млн (Roberts, 1979: 45). Шведским монархам постоянно нехватало денег, но они не были банкротами и платили за ведение войны, экспортируя медь и железо; они также создали собственное развитое производство оружия на базе крупных месторождений полезных ископаемых, а также извлекая громадные средства с завоеванных территорий. Эта система работала достаточно хорошо, пока велись завоевания, но она разрушилась с наступлением мира и стабилизацией правления.

После того, как был убит Карл XII (1718), Швеция отказалась от стремления к имперскому могуществу. Однако к этому времени в процессе создания значительных вооруженных сил при малом населении, сравнительно немонетизированной экономике и неразвитости буржуазии разросся государственный аппарат, в котором велика была роль бюрократии и духовенства (в служении короне). Норвегия (находившаяся сначала под властью датчан, а потом шведов — до 1905 г.) и Финляндия (бывшая до 1809 г. провинцией Швеции, а затем до 1917 г. великим княжеством российским) прошли схожий путь эволюции, несмотря на свою зависимость и более периферийное положение относительно европейских рынков. В Дании, контролировавшей движение по Зунду, где она взимала довольно большие пошлины, в своих военных усилиях занимавшейся больше флотом, чем ее соседи, и создавшей товарное сельское хозяйство, связанное торговыми отношениями с Германией на юге, сложился более сильный слой буржуазии, и государственный аппарат был меньше.

Шведские безземельные рабочие, количество которых хотя и увеличилось после объединения земель в 1750 г. (Winberg, 1978), никогда не попадали под контроль крупных землевладельцев. Вместо этого крестьян и рабочих взяла под свой контроль непосредственно государственная бюрократия. Впрочем, крестьяне и рабочие здесь сохраняли значительную власть и вступали в переговоры отстаивая свои интересы, вплоть до того, что в Швеции крестьяне имели представительство как отдельное (от духовенства, дворянства и буржуазии) сословие. Соответственно, образовавшиеся государства, сложившиеся на базе принуждения, давали мало возможностей капиталу, но здесь не было великих лордов, владевших громадными территориями, как у их соседей на юге.

По сравнению с остальной Европой в скандинавских ареалах государственность формировалась по пути интенсивного принужде-

ния. Представляя собой полную им противоположность, коммерческие города-государства и города-империи Италии шли к созданию государства совершенно иным путем: путем высокой концентрации капитала, гораздо менее решительно и лишь на время концентрируя принуждение, (сравнительно с их северными родственниками). В этом суть вопроса: траектории развития европейских государств решительно друг от друга отличались и в результате сложились противоположные типы государства. В Европе преобладающими стали государства, сформировавшиеся на пути капитал + принуждение, и другие государства постепенно конвергировали в их направлении. Но до того как (гораздо позднее) оформилась система европейских государств, формировались разнообразные другие типы государств, бывшие вполне успешными.

Позвольте мне еще раз изложить основные моменты. Взаимодействуя друг с другом и (вместе) участвуя в международных войнах, правители в разных частях Европы занимались одним и тем же: они создавали и использовали в своих интересах способность к ведению войны. Впрочем, все и каждый осуществляли эту деятельность в самых разных условиях, определяемых тем уровнем принуждения и капитала, которые были характерны для каждой отдельной территории. Разнообразие комбинаций этих двух факторов проявлялось в различиях в организации классов, различиях в том, кто становился им врагом или союзником, различиях в организационных формах деятельности государства, различиях в формах сопротивления деятельности государства, различиях стратегий изъятия ресурсов и, следовательно, в различиях в эффективности этого изъятия. Поскольку же каждое взаимодействие завершалось появлением новых организационных форм и социальных связей, то и особенно сти пройденного (в определенное время) государством пути ограничивали правителям возможность выбора стратегий в последующем. Вот почему даже государства, занимающие одинаковые положения в отношении принуждения и капитала, в разное время вели себя по-разному. Впрочем, между путями формирования государства интенсивного принуждения, интенсивного капитала и по пути капитал + принуждение — была большая разница.

ДВИЖЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИНУЖДЕНИЕ

Рассмотрим путь через высокий уровень принуждения. На европейской части того, что сегодня является СССР, торговля была развита слабо и капитала не хватало. Здесь в 990 г. главным цен-

тром коммерции и производства был Киев — северное ответвление великого торгового пути, соединявшего Византию с Индией, Китаем и остальным цивилизованным миром. Киев находился также на другом, менее значительном торговом пути, связывавшем Балтику с Византией. Согласно преданию в 988 г. киевский князь Владимир сцементировал связь с Византией, приняв крещение в православие (византийский вариант христианства). Киевские князья, потомки викингов, отправившихся покорять земли на юге, имели мало власти над правителями других русских городов-государств и над региональными княжествами. На местном уровне земли оставались, в основном, во владении крестьянских общин. Как и в остальной Восточной Европе, землевладельцы принудительно забирали доход крестьян в форме податей, штрафов, платы за пользование землей, а также без ограничений использовали труд крестьян в своих поместьях. Однако у них не было возможности вмешиваться в то, как общины и домохозяйства управляли своими земельными наделами. Поскольку в этих краях земли были мало заселены, землевладельцы легко могли бежать от угнетавших их хозяев, ища прибежища на землях других господ. Крупные землевладельцы страдали от частых набегов агрессивных степных кочевников. В целом, однако, на этих территориях господствовали относительно самостоятельные вооруженные землевладельцы.

К западу от Руси в 990 г. Польское государство росло благодаря покорению территорий, номинально принадлежавших Священной Римской империи. Оно расширилось и на восток; в 1069 г. польский великий князь повел свои войска на Киев и посадил на русский трон одного из родственников. На северо-западе государства викингов постоянно делали попытки расширить свои границы за счет польских и русских земель. Воинственное Болгарское государство играло мускулами на юго-западе России. Там же короли Богемии и Венгрии (причем последний был коронован недавно) обозначали зоны своего контроля. На западе Европы — в особенности на Британских островах, Иберийском полуострове и в Италии — захватывали земли завоеватели, постоянно выкатывавшиеся из Скандинавии и с Ближнего Востока, и создавали свои (сельскохозяйственные) государства; пусть и в небольших количествах, но они здесь оседали. Практически вся восточная треть Европы, напротив, превратилась в государства, взимавшие дань, господствовавшие на громадных территориях, где их правление было чрезвычайно слабым, если они вообще правили.

На Востоке захватчики-кочевники в это время угрожали всякому сколько-нибудь значительному государству и оказывали мощную поддержку аграрным государствам, которые они могли эксплуатировать. Когда число вторгшихся значительно увеличивалось и они уже не могли вести паразитического существования на теле существующего государства, некоторые из них постепенно оседали и создавали собственные эксплуататорские государства. Таковы были модели формирования государств в Восточной Европе в течение тысячи лет после 500 г. С устрашающим ревом неслись из степей друг за другом булгары, мадьяры, печенег, монголы, турки и народы поменьше.

Вторжения с юго-востока продолжались и после 1000 г. и достигли своего апогея в 1230 г., когда монголы разграбили Киев и установили на его территориях свое господство. В это время монголы шли к тому, чтобы править на большей части Евразии, — от России до Китая. В основном это «правление» заключалось лишь в требовании формального подчинения, получении дани, в том, чтобы отбивать других претендентов, а также в совершении время от времени военных рейдов на строптивых подданных. В течение двух столетий русские князья платили дань Золотой Орде (установившей свою столицу на нижней Волге) и признавали себя ее вассалами. При этом золотоордынские ханы принуждали правящих русских князей отправлять сыновей в монгольскую столицу, так что они становились заложниками повиновения своих отцов (Dewey, 1988: 254).

После XV в. эти атаки с юго-востока ослабевают и становятся реже, поскольку монгольская империя пала, а воинственные степные всадники обратили свое внимание на уязвимые и более богатые государства у себя на южном фланге. После захвата и разграбления татарами Москвы в 1571 г. прекращаются большие вторжения на территорию России. В XVII в. джунгарские монголы реально действовали вместе с русскими в покорении Сибири. Очень вероятно, что уменьшению угрозы из степей способствовали губительные болезни (особенно чума) в евразийских степях и открытие в Европе морских путей, надежно заменивших древний караванный путь из Китая и Индии в Европу (McNeill, 1976: 195–196).

К 1400 г. Европа от Вислы до Урала была представлена большими государствами, включая Литву, Новгородскую республику и Золотую Орду. На северо-западе на Балтике господствуют Пруссия теутонских рыцарей и Дания (временно включавшая Швецию и Норвегию). В первой половине XVI в. громадные великие княжества

Литовское и Московское делят между собой ту часть мусульманских царств, которая протянулась с востока по северному побережью Черного моря вплоть до Венгрии, Греции и Адриатики. (В 1569 г. Литва объединится с Польшей на западе, создав громадное и плохо управляемое государство между Россией и остальной Европой.) В XVI в. промышленное освоение северного морского пути из Англии и Голландии в Архангельск укрепляет европейские связи растущего российского государства.

В результате завоеваний Петра I (1689–1725) и Екатерины Великой (1762–1796) Россия отодвинула свои границы, дойдя до Черного моря и временно до Эстонии, Латвии и Карелии. Оба эти правителя много содействовали вовлечению России в культурную и политическую жизнь Западной Европы. По окончании наполеоновских войн европейская Россия осталась примерно в своих нынешних границах, гранича с Пруссией, Польшей, Венгрией и Оттоманской империей. Оттоманское государство, выросшее из завоеваний (с востока), покрывало Балканы, а на западе доходило даже до узкой полосы австрийской территории на Адриатике. В XVI–XVIII вв. по всей восточной границе Европы сложились государства, контролировавшие громадные пространства.

В это время российское государство и экономика переориентировались с юго-восточного направления на северо-западное. Сравнительно с собиравшими дань государствами XIII и XIV вв. эти государства осуществляли действенный контроль своих границ и немалую власть над населением в этих границах.

Польша веками оставалась тем исключением, которое подтверждает правило, страной, где номинальный правитель никогда не мог управлять крупными землевладельцами и редко мог собрать их, чтобы предпринять значительное, скоординированное военное усилие. В 1760-е гг., когда польское государство все еще занимало территорию больше, чем Франция, ее национальная армия насчитывала всего 16 000 человек, в то время как у польского дворянства под ружьем стояло примерно 30 000 чел. Это было время, когда соседние Россия, Австрия и Пруссия имели армии в 200 000–500 000 чел. (Ratajczyk, 1987: 167). С созданием массовых армий великие соседи не могли устоять перед искушением захвата. В конце XVIII в. Россия, Австрия и Пруссия отхватили себе прилегающие территории Польши, почти ничего не оставив.

До XX в. на этих территориях концентрация городов была мала, и только небольшая ее часть входила в регион интенсивной европейской торговли. После 1300 г., когда сократился старый «торго-

вый пояс» от Китая до Балкан (а также его продолжение на север к Балтике), и грабители-монголы перекрыли доступ к Средиземному и Черному морям, поредела сеть некогда процветавших городов, включавшая Киев, Смоленск, Москву и Новгород. Возрождение торговли в XVI в. умножило количество городов, и тем не менее здесь не было ничего похожего на густую сеть городов западной и средиземноморской Европы. Российское государство оформилось в условиях бедности капитала.

Условия здесь были богаты принуждением. В течение пяти веков после 990 г. различные государства, которые выросли в этой части Европы, действовали завоеваниями, питались данью и правилами (хотя здесь этот термин — преувеличение) главным образом при посредстве региональных магнатов, у которых была собственная база власти. Во время монгольского владычества, независимые по большей части князья на севере делили власть с землевладельцами, осуществлявшими в своей юрисдикции и экономический и политический контроль над крестьянами. В XVI в. с падением монгольского государства, российские завоевания на юге и востоке привели к созданию системы вознаграждения воинов землей и крестьянами, к системе принудительного труда крестьян, ограничения их свободы передвижения и к росту налогов на военные нужды — все это были основные черты зарождавшегося российского крепостного права.

До этого времени российские императоры пытались управлять громадной территорией, не имея достаточной силы. Их правление ни в коей степени не было прямым, они правили через духовенство и дворянство, а те, в свою очередь, были наделены огромной властью и могли ограничивать потребности царя. Московские цари Иван III (Великий, 1462–1505) и Иван IV (Грозный, 1533–1584) начинают вводить более прямое правление, ограничивая власть независимых землевладельцев; взамен создаются армия и бюрократия, преданная короне, чьи главные лица получают от царя вознаграждение землей. «Иван [Великий] и его преемники», сообщает Джером Блум, «особенно стремились создать вооруженные силы для покорения своих братьев-князей, подавления авторитарных (олигархических) амбиций своих собственных бояр, отражения иностранных вторжений и расширения границ своего царства. Им нужна была армия, как можно более зависимая от них, на чью лояльность, следовательно, они бы могли положиться. Но у них недоставало денег, чтобы купить людей и их преданность. Тогда они решили воспользоваться землей» (Blum, 1964: 170–171).

В этом была квинтэссенция стратегии интенсивного принуждения. Поскольку же большая часть земли находилась в руках вооруженных полунезависимых землевладельцев, то реорганизация, предпринятая царями, предусматривала кровавые битвы с дворянством. Победили цари. По ходу дела те землевладельцы, которые обрели благосклонность царя, получали и существенные преимущества по сравнению со своими мятежными соседями: в деле обуздания свободного крестьянства на своих землях они могли рассчитывать на вооруженные силы правительства. Таким образом, логика ведения войны и создания государства в регионе недостаточного капитала заставляла правителей приобретать должностных лиц за счет экспроприированной земли. Со временем правители в России даже установили правило, что только слуги государства могут иметь собственную землю (служивые), и хотя в избытке случались нарушения и исключения, этот принцип стал еще одним стимулом умножения должностей, а также сотрудничества должностных лиц с землевладельцами в деле эксплуатации крестьян.

То, что мелкие поместья отдавались в руки государственных служащих, стремившихся извлечь из них как можно больше доходов, увеличивало давление на крестьян на северо-западе. Это возраставшее давление вместе с открытием новых территорий на юге и востоке было причиной сокращения численности населения в старых районах устойчивого земледелия. В результате возрастал стимул закрепить крестьян на месте и местной практикой, и декретами сверху. Так называемое Соборное Уложение 1649 г. кодифицировало систему крепостного права, которая складывалась до того в течение 200 лет. К тому же в XVI—XVII вв. продолжает распространяться рабский труд, в особенности в районах позднейшего заселения. В XVIII в., стремясь получать доход не только от крепостных, но и от рабов (холопов), цари практически уничтожают между ними разницу. После неудачной попытки обложить налогами свободных крестьян, Петр I возлагает на землевладельцев обязанность собирать подушный налог, чем еще усиливает взаимную зависимость царской власти и землевладельцев, не говоря уж о поддержке государством власти землевладельцев над их несчастными крепостными. В 1700 г. Петр I издает указ, что всякий освободившийся раб (холоп) или крепостной должен явиться на военную службу, а если он окажется негодным для военной службы, то он передавался другому хозяину. Также Петр классифицировал родовую знать, тщательно определив ранги соответственно положению на царской службе. В России сложилась социальная иерархия, выверенная в такой

степени, какая была невозможна в Западной Европе, определенная, поддерживаемая и возглавляемая государством.

Складывавшаяся структура общественных отношений сверху до низу зависела от принуждения. По мере того как российское государство начинало все серьезнее втягиваться в военные действия со своими хорошо вооруженными западными соседями, попытки извлечь немалые доходы из некоммуercialизованной экономики — еще преумножали государственные структуры. В то же время в связи с завоеванием территорий, расположенных между Московией и Оттоманской империей, рос военный аппарат, экспортировалась российская модель крепостного права и землевладения, создавалась имперская бюрократия в ее самой пышной, громоздкой форме. Петр I начинает отчаянно бороться с сепаратизмом, стремясь подчинить все части империи — и получаемые там доходы — нормам, установленным в Москве, и центральной администрации.

«Одновременно с кампанией по искоренению украинского сепаратизма Петр начинает проводить политику получения от гетманов максимума экономических и людских ресурсов. Впервые вводятся правила относительно торговых путей, государственные монополии, тарифы на иностранные товары и импортно-экспортные сборы... Петр также начинает массовую мобилизацию казаков не на военную службу, а на общественные работы для империи: строительство каналов, фортификаций и в особенности для осуществления любимейшего проекта Петра — новой столицы Санкт-Петербурга» (Kohut, 1988: 71; Raeff, 1983).

Екатерина Великая завершила включение Украины в состав империи, полностью упразднив полуавтономию гетманства. В результате установившаяся бюрократия распространилась в самые отдаленные части империи. Угроза войны с наполеоновской Францией, преобразовавшая государственные структуры почти по всей Европе, усилила российское государство, увеличила его бюджет, налогообложение и штат служащих, укрепила его вооруженные силы и утвердила в целом основанное на глубоком принуждении государство.

Очень похоже российское, польское, венгерское, сербское и бранденбургское государства сформировались на базе крепкого союза князей войны и вооруженных землевладельцев, на базе широкой передачи власти правительства дворянству, вместе с нещадной эксплуатацией крестьян и ограниченностью торгового капитала. Неоднократно военачальники завоевателей, у которых не доставало капитала, предлагали своим последователям и соратни-

кам трофеи и землю, создавая себе новую проблему: сдерживать тех крупных воинов-землевладельцев, которых они же и произвели. Монголы были в этом отношении исключением, поскольку они редко оседали на завоеванных землях (и не управляли ими), обычно продолжая жить на дань, получаемую благодаря постоянной угрозе новых разорительных вторжений.

Хотя относительная весомость короны и знати, дворянства (и, следовательно, то, в какой степени структура государства создавалась под влиянием войны) существенно варьировалась от государства к государству, все эти государства выделялись среди своих европейских соседей сильной зависимостью от грубого принуждения. Когда в XVI в. громадные количества восточноевропейского зерна потекли на Запад, существовавшая система контроля позволяла землевладельцам получать доход прямо от этих поставок; они использовали власть государства, чтобы сдерживать купцов и принуждать производителей-крестьян, формируя таким образом новый вид закабаления. При таком соотношении объема власти даже активная коммерциализация не приводила к созданию городов, независимого класса капиталистов или государства, больше похожего на государства урбанизированной Европы.

Как ни странно, развитие Сицилии удивительно похоже на развитие восточноевропейских держав. Сицилия веками была главным зерновым районом, щедрым поставщиком зерна для всего Средиземноморья. Однако арабские и норманнские владыки навязали ей систему союза с активными в военном отношении землевладельцами, что оставляло мало возможности для роста городов и класса капиталистов. Фридрих II, пришедший к власти в 1208 г., подчинил города своему славному государству. «Покорение Фридрихом городов, — заявляет Денис Мэк Смит, — подтверждает, что никогда не было класса купцов или гражданских должностных лиц, достаточно сильных и независимых, чтобы дать отпор владевшей землей аристократии; и это отсутствие соперников аристократии стало фундаментальным фактором политического, культурного и экономического упадка Сицилии. Когда бы ни терпело краха сильное правительство, вакуум власти заполняло дворянство, а не города. Поэтому в коммерции Сицилии доминировали иностранные города: Пиза, Генуя, Венеция, Амальфи, Лука» (Mack Smith, 1968a: 56)

Контроль иностранцев над коммерцией Сицилии продолжался шесть столетий, и богатая в сельскохозяйственном отношении Сицилия оставалась бедной в отношении капитала и существовала в условиях принудительного контроля.

Теперь можно установить общее и отличное в путях формирования государства по варианту с интенсивным принуждением. Выделение европейских ареалов сильного принуждения начинается с выявления комбинации двух условий: 1) чрезвычайного усилия по изгнанию взимающей дань державы, 2) малого количества городов и недостатка концентрированного капитала. Изгнание берущих дань было, в общем, не важно для стран севера, размер и количество городов и капитала были на Иберийском полуострове и Сицилии больше, чем в восточной и северной Европе. Но везде устанавливаемая комбинация порождала стратегию завоеваний, в ходе которых местные землевладельцы объединялись против общих врагов и боролись друг с другом за первенствующее положение на их территориях. При этом руководитель кампании уступал контроль над землей и работниками своим соратникам в обмен на военную помощь с их стороны. В целом, данная стратегия не оставляла места самостоятельной буржуазии, а следовательно, и накоплению, и концентрации капитала вне рассматриваемого государства.

Но были и особенности. В некоторых ареалах (Польша и Венгрия представляют собой очевидный пример) военное дворянство сохраняло значительную власть, так что они могли даже низводить и возводить королей. В других (здесь примерами могут послужить Швеция и Россия) установилась единая власть, закрепившая свое первенствующее положение созданием государственной бюрократии, предоставлявшая большие привилегии дворянству и духовенству (по сравнению с остальным населением), но обязывавшая их служить государству. Были еще другие (Сицилия и Кастилья), где дворянство (наиболее богатые и сильные представители которого жили в столице на доходы с дальних поместий и государственные доходы) сосуществовало с государственными служащими, действовавшими даже в отдаленнейших провинциях, полагаясь на помощь в проведении воли короля на духовенство и местное дворянство. Между первым вариантом и двумя последними — большое различие: в одних государствах вооруженные землевладельцы-соперники во власти долгое время имели перевес, а в других один из них довольно рано установил верховную власть над всеми остальными. Но во всех случаях государства отчаянно нуждались в капитале, обменивали гарантированные государством привилегии на национальные вооруженные силы и очень полагались на принуждение в том, чтобы обеспечить согласие на удовлетворение королевских потребностей.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ

Как разительно отличались упомянутые государства от государств Фландрии или Северной Италии! Возьмем, например, верхнюю Адриатику, изгиб береговой линии от Равенны до Триеста. Здесь веками доминировала Венеция, как экономически, так и политически. Но к югу отсюда шла борьба морских держав за контроль над прибрежными районами. Равенна, например, будучи местопребыванием римских (романских) и готских императоров, прошла границу тысячелетий как республика и подпала под контроль Венеции только в XIV–XV вв. С этого времени вплоть до Рисорджименто она относится к Папской области. На западе регион многочисленных городов-государств сдался Венеции в результате завоеваний XIV века. После этого у Венеции как города-империи возникла общая граница с Ломбардией, бывшей сначала независимой, а затем ставшей последовательно владением Испании, Австрии и объединенной Италии. На севере всегда располагались большие государства: Священная Римская империя и ее наследники, — иногда они овладевали побережьем. На востоке надвигались империя за империей и пробивались к Адриатике. В 990 г. Византийская империя номинально контролировала Далмацию и венецианский регион, в то время как призрачная «Римская» империя, базировавшаяся в центральной Европе, претендовала на верховную власть в прилегающих частях Италии.

Чтобы все стало понятно, рассмотрим подробно роль и развитие Венеции, причем лишь упомянем отношения этого города со всеми соперничающими державами. Мы хотим здесь обнаружить: что при солидной, возрастающей концентрации капитала концентрация принуждения бывает слабой и фрагментарной; обнаружить сильное противодействие капиталистов всякой попытке установления автономной власти, основанной на принуждении; появление хитрого, эффективного, алчного, ориентированного на защиту морского государства, постепенное включение этого государства в больших размеров государства на суше, короче, квинтэссенцию стратегии формирования государства *на основе интенсивного капитала*.

В результате вторжения лангобардов в Италию (568 г.) рассеянно жившие рыбаки и солевары объединились в поселения беженцев, установивших прочные связи с материковой Италией. Венеция формально еще была частью Византийской империи, в то время как лангобарды, а затем франки захватили большую часть сосед-

ней с ней территории. До 990 г., пока Византийская империя была в расцвете, Венеция оставалась, в основном, пунктом транспортировки товаров на их пути в Северную Италию торговцами, действовавшими внутри византийской системы. Византия посылала собственных купцов в Павию и на другие рынки вглубь страны, выменивая соль, рыбу и предметы роскоши с Востока на зерно и другие товары первой необходимости. Занявшись морской торговлей, венецианские купцы добавили к своим товарам рабов и лес. Они же распространили коммерческое и политическое влияние своего рода на большую часть Адриатики.

На Средиземном море в то время, при ограниченности размеров судов и пределов навигации, корабли толклись у берегов, ходили очень немногими путями, которые определялись ветрами, течениями и отмелями, часто заходили за водой и другими запасами, с трудом могли уйти от корсаров, а на большие расстояния могли позволить себе перевозить только ценные товары (Pryor, 1988). Ни одно государство не могло стать великой морской державой, не имея широких привилегий в разных портах вдали от своей территории. Государства же, которые контролировали порты, получали тройную выгоду: они имели доступ к торговым путям, к торговле в этих портах, а также отдавали эти порты под базы корсарам, грабившим торговые суда других стран. В течение определенного времени так действовала и Венеция, ставшая крупнейшей морской державой на Средиземном море. С X в. и до турецких завоеваний XIV в. Венеция многое сделала для того, чтобы помочь христианским государствам отвоевать у мусульман крупнейшие морские пути. И только после сосредоточения власти у Османской империи в XV–XVI вв. было серьезно подорвано господство западноевропейских стран на торговых путях в Средиземном море (Pryor, 1988: 172–178)

В XI в. флот Венеции начинает переносить свою торговлю в Средиземное море и одновременно дает отпор соперникам, претендовавшим на контроль над Адриатикой: далматинцам, венграм, сарацинам и норманнам. Венецианские войска аннексировали в 990 г. Далмацию, но около 1100 г. она была захвачена расширявшимся венгерским государством. В течение пяти столетий после этого венецианцы доминировали в коммерческой деятельности в Далмации, а в смысле политического контроля их роль то увеличивалась, то уменьшалась в зависимости от расширения или сокращения территории лежавшего на восток государства. За поддержку византийского императора в войнах с его врагами они получили исключительные привилегии в торговле в Византийской империи, и даже

в Константинополе они имели собственный квартал (1082). Подобно ганзейским купцам в Скандинавии и Северной Германии, венецианские купцы стали контролировать значительную часть международной торговли Византии. В XII в. они расширили границы своей деятельности на все восточное Средиземноморье, с выгодой для себя занимаясь одновременно торговлей, пиратством, завоеваниями и участвуя в крестовых походах. Поскольку же и сами крестоносцы смешивали занятия торговлей, пиратством и завоевания, то они взаимно дополняли друг друга. К 1102 г. Венеция имела собственный торговый квартал в Сидоне, к 1123 г. она обзавелась также базой в Тире.

В 1203–1204 гг. эта комбинированная стратегия Венеции принесла результат, когда коварный дож направил крестовый поход на Константинополь и нанес смертельный удар Византийской империи. В память об этом *tour de force* стоят на Сан Марко бронзовые кони, захваченные в Константинополе. В конце концов, Венеция контролировала громадные части (юридически 3/8) этой бывшей империи. Затем Венеция даровала надельные участки на греческих островах членам своих великих семей при условии, что они будут держать торговые пути открытыми.

Несмотря на громадные завоевания, важнейшими для Венеции оставались коммерческие интересы. Главными семьями города были купцы и банкиры, городской совет представлял эти ведущие семьи, дож происходил из того же патрицианского круга, в вооруженные силы города призывали собственное население, а военная и дипломатическая политика была направлена на поддержание истеблишмента коммерческих монополий, на защиту своих купцов. Политика Венеции не была направлена на создание территориальной империи, но лишь на то, чтобы торговля шла через их город. Укрепив свою позицию превосходства, венецианские власти больше не желали терпеть пиратство и каперство, поскольку и то и другое угрожало их вложенным в мирную торговлю средствам.

Господство Венеции на море открывало достаточно новых возможностей увеличения доходов безопасной перевозкой товаров и людей. Венецианские перевозчики богатели, отправляя сначала крестоносцев, а потом пилигримов в Святую Землю. Стоимость транспортировки крестоносцев в Константинополь в 1203г., «примерно в два раза превышала годовой доход короля Англии» (Scammell, 1981: 108). Впрочем, несмотря на все дела с крестоносцами и пилигримами, правители Венеции без колебаний вели дела и с врагами христианства. Например, после того, как османские

турки захватили Триполи (1289) и Акру (1291), Венеция немедленно заключила с турками соглашение о сохранении за ней ее прав на торговлю.

На Адриатике никакие города-соперники не могли устоять против Венеции без помощи других находившихся здесь государств. Триест и Рагуза, например, оба были торговыми городами, пользовавшимися некоторой независимостью, но и они не могли сдерживать Венецию без посторонней помощи. В 1203 г. Венеция захватила Триест и более века держала этот порт в тяжелом подневольном положении. Во время неудачного восстания в Триесте в 1368 г. герцог Леопольд Австрийский, старый враг Венеции, чрезвычайно нуждавшийся в выходе в Адриатику, посылает войска и приносит своему городу облегчение. В 1382 г. Триест переходит под власть Леопольда, а затем остается австрийским (главным портом Австрии) вплоть до XX в.

Рагуза/Дубровник придерживался примерно той же стратегии. До 1358 г. Рагузой номинально владела Венеция. Впрочем, Рагуза сохраняла относительную независимость благодаря добрым отношениям с соседними Сербией и Боснией, где велика была роль рагузских купцов. Венгрия, расширяя свои владения, в 1350-е гг. изгнала Венецию из Далмации и предоставила Рагузе почти независимое положение на периферии своей империи. Когда в 1460-е гг. оттоманские турки завоевывают Балканы, самые влиятельные купцы Рагузы смогли выговорить себе сохранение этого положения и при правителях-мусульманах. Оберегаемая от завоевания итальянцами сменяемыми друг друга протекторами и пользовавшаяся значительной независимостью как в славянской, так и в Оттоманской империях, благодаря своему коммерческому значению, Рагуза оставалась независимым городом-государством до наполеоновского вторжения в 1808 г.

Хотя за ограничение гегемонии Венеции постоянно боролись итальянские города, чьи торговые пути ею контролировались, а также города Далмации, где Венеция осуществляла прямой контроль, но все-таки главным ее соперником на море была Генуя, город-государство, также имевшее выход к океану. В конце XIII в. Генуя расширила свое влияние не только в западном Средиземноморье, но и (через Гибралтар) вдоль побережья Атлантики, а Венеция — в восточном Средиземноморье и на Черном море, причем Генуя более успешно продвигалась на восток, чем Венеция — на запад. Особыми зонами столкновения их интересов были те морские зоны, где они граничили друг с другом. Контроль Генуи на Черном

море в конце XIII в. закрывал доступ Венеции к прибыльной торговле, связывавшей Трапезунд с Китаем через удерживаемые монголами территории. Но как только Венеция блокировала и захватила генуэзский флот в Венецианской лагуне (1380), она закрепила свои преимущества на востоке.

После 1000 г., по мере того как Венеция укрепляла свою гегемонию в торговле на Адриатике и восточном Средиземноморье, население города стало едва ли не самым большим в Европе: более 80000 в 1200 г., около 120000 в 1300 г. И хотя «черная смерть» (которую в Италию завезли генуэзские галеры, возвращавшиеся из Каффы) убила в 1347, 1348, и 1349 гг. больше половины жителей, затем (на самом деле к сегодняшнему дню) население снова увеличилось до 120 000. С XIII в. мореходство вытесняется промышленностью и торговлей, которые теперь становятся главными видами деятельности. Венеция становится узловым пунктом в морской торговле и великой морской державой в политике. Ее империя протянулась до Кипра к 1573 г. и до Крита к 1669 г. Войска Венеции воевали за коммерческие возможности, а также сдерживали таких соперников, как Генуя. Венецианские правители особенно прославились тем, что вели хитроумные и удачные морские войны при сравнительно низкой их стоимости для своих купцов, банкиров и промышленников.

Особенности венецианской торговли способствовали созданию исключительно гибкого и хищнического государства. В отличие от голландцев, которые богатели, перевозя такие громоздкие продукты, как зерно, соль и вино, венецианцы занимались главным образом дорогими товарами и предметами роскоши: специями, шелками, рабами. Больше того, они часто перевозили в больших количествах золото и серебро. Так что для успеха они нуждались в умелых действиях, монопольном положении и военной защите от грабителей. «Хотя и другие имперские державы могли отдавать много энергии и ресурсов защите какой-нибудь особой монополии, — замечает Г.В. Скаммел, — но только Венеция сделала управление (своей монополией) и ее защиту единственной целью своего существования; причем государство поставляло корабли для ее успешного функционирования, а также флот и верховную власть для того, чтобы ее обезопасить» (Scammell, 1981: 116). Такое государство старалось воевать как можно меньше, но уж если воевало, то беспощадно.

Особой заботой дождей было ведение войны. Первые дожи даже получают почетные титулы (ипата, протоспатария) при византийском дворе. Но по мере того как Венеция обретала самостоя-

тельность от империи, дожи все больше становились избранными, а затем и суверенными князьями, действовавшими, не согласуясь с коммуной и намечая себе преемников из своих династий. С ростом города после 990 г. Венеция формально становится олигархией. Дожа выбирает общее собрание, где главную роль играли знатные семьи. Он должен был согласовывать свои действия с советом, который (теоретически) представлял коммуну всех живших в лагуне, а на практике выступал от лица знатных семей только центрального поселения. Как это часто случается, формально совет оформился тогда, когда будущий суверенный правитель столкнулся с группировкой, имевшей определенные и отдельные интересы, без поддержки которой он не мог править. Со временем доступ в Большой совет все больше и больше ограничивался; в 1297 г. членство в нем стало по преимуществу передаваться по наследству. В 1300 и 1310 гг. Совет подавил народные возмущения против отстранения незнатных членов от обсуждений в Совете. С этого момента члены олигархии упорно борются за первенствующее положение в городе, не упуская, впрочем, ни на миг коллективного контроля над его судьбой.

Но вместо того чтобы привести к созданию единого правящего совета, непрерывающаяся борьба за власть породила все время менявшуюся иерархию советов — от собственных советников дожа до общего собрания всех жителей, права последнего при этом были сведены к утверждению решений вышестоящих лиц. Кроме того, в Венеции не сложилась бюрократия; избранные комитеты и личные служащие при должностных лицах делали основную массу работы правительства. К 1200 г. дож становится скорее исполнительным лицом олигархии, а не автократом, избранным с одобрения народа. В результате во внутренней и внешней политике венецианского государства начинают доминировать интересы торговых капиталистов.

И если Венецией правили коммерческие интересы, то государство, в свою очередь, регулировало коммерческую деятельность граждан. «Венецианец, у которого были дела в Леванте, — пишет Даниэл Уоли, — отправлялся, скорее всего на галере, построенной государством, под командованием капитана, назначенного государством, в сопровождении конвоя, предоставленного государством, и когда он пребывал в Александрию или Акру, ему вполне могли приказать участвовать вместе с другими венецианцами в общей организованной государством покупке хлопка или перца. Преимущество этой системы состояло в том, что цены были ниже, если вене-

цианцы друг с другом не соперничали. Система организации конвоя для дальних вояжей восходит, по крайней мере, к XII в. К XIII в. обычно разрешались два конвоя галер в год в восточное Средиземноморье, а к началу XIV в. были организованы также раз в год плавания в Англию и Фландрию, в Северную Африку (к варварам или берберам) в Эгю-Морт (возле устья Роны). Арсенал, государственная судостроительная верфь заложена в начале XIII в. и материалы, используемые там, обычно закупались прямо Венецианской республикой» (Waley, 1969: 96).

Государство как исполнительный комитет буржуазии серьезно относилось к своим обязанностям.

Впрочем, венецианское государство никогда не было громоздким. На собираемые здесь налоги можно было содержать очень небольшое правительство. В 1184 г. Венеция установила монополию на производство и продажу соли из венецианской лагуны; хотя эта монополия порождала в небольших размерах контрабанду и мошенничество, но она приносила существенный доход, не привлекая больших человеческих ресурсов. С XIII в. коммуна устанавливает фундированный долг; долгосрочные государственные займы. *Монте веккио* (гора долга) и другие (последующие) *монти* (ценные бумаги), представляющие этот долг, стали излюбленной инвестицией в Венеции и повсюду. Город делал займы, чтобы финансировать войны, а затем прибегал к пошлинам и акцизам, чтобы с ними расплатиться. Великие ритуальные и благотворительные братства, Великая школа (*Scuole Grandi*) ссужали государству значительные суммы (Pullan, 1971: 138). Поскольку же государство могло занимать у собственных купцов и облагать налогами потоки через исключительно коммерциализованную экономику, то не было нужды создавать множество новых финансовых организаций.

В XIV в. Венеция все больше втягивается в войны на суше и государственная структура строится соответственно. По мере того как города-государства Северной Италии начинают расширять свои территории, они ставят под угрозу и венецианские источники, необходимые для ее промышленности, на материке, и доступ венецианским купцам к наиболее важным торговым путям через Альпы. Венецианцы втягиваются в две роковые игры: завоевания на материке и установление союзов с другими державами северной Италии. К концу века с тем, что трансальпийские страны все более серьезно наступают на Северную Италию, Венеция вступает в коалиции против Франции и соединяет свои силы как с королем Кастильи, так и с германским императором. Послы отправляют-

ся из Венеции к крупнейшим дворам Европы. Происходившее при этом одновременное продвижение турок в восточное Средиземноморье и даже в Италию вынудили Венецию усиленно вести военные действия и на море.

Расширение военных действий произвело изменения в военных организациях города. Впервые венецианцы поручают вести военные действия посторонним, и кондотьеры привлекают множество наемников. Правительство старалось уравновесить влияние кондотьеров посылкой комиссаров-патрициев, проведиторов (*proweditori*), имевших широкие полномочия в том, что касалось поставок, жалованья наемникам, а иногда и самой военной стратегии (Hale, 1979). Вскоре затем город вводит воинскую повинность на подвластных ему территориях и в самой Венеции, где гильдии ремесленников и торговцев получали квоты на поставку гребцов для военных галер. В XV в. Венеция начинает принуждать служить на галерах отбывающих наказание (преступников) и пленных. Тем временем и сами галеры претерпевают изменения: от трирем, где на скамье располагались три искусных гребца (каждый со своим веслом), к кораблям, где только одно большое весло приходилось на скамью, так что неумелые, сопротивляющиеся и закованные в кандалы заключенные не могли уклоняться от гребли. Окончательно прошли времена, когда все вооруженные силы формировались по принципу добровольности. Расширение военных действий и отход от системы гражданин—солдат потребовали от города новых финансовых затрат. К концу XIV в., чтобы оплатить свои возникающие в связи с войнами долги, Венеция навязывает населению принудительные займы — подоходные и прямые налоги на имущество. Тем не менее, пусть и исключительные, эти усилия не привели к созданию значительного или постоянного бюрократического аппарата. При высоко коммерциализованной экономике избранные должностные лица и небольшой отряд клерков и секретарей управляли финансами (*accounts*) города и без большого штата. Множество обязанностей государство возлагало на граждан: так, например, оно потребовало от Великой школы снарядить на свой счет часть военного флота (Pullan, 1971: 147–156; Lane, 1973b: 163). Взимание налогов также было вполне по силам фискальному аппарату города. В начале XVII в., в то время как другие европейские государства мучались, накапливая военные долги, Венеция сумела на время совсем избавиться от своих долгосрочных задолженностей (Lane, 1973a: 326).

Впрочем, апогей своей коммерческой власти Венеция прошла задолго до 1600 г. Начиная с XV в. целая цепь событий низводит Ве-

нецию до положения второстепенного актора на международной арене: Турция вытесняет Венецию из черноморских и восточно-средиземноморских портов, империи Габсбургов, Бурбонов, и турецкая почти что окружают венецианскую территорию, ограничивается доступ Венеции к строевому лесу, соответственно, падает кораблестроение, ограничивается контроль Далмации, и основная роль в борьбе с пиратами на Средиземном море переходит к имевшим выход в Атлантику морским державам, как Голландия и Англия. Португальские купцы, проплывшие вокруг Африки и проникшие на торговые пути в Индийском океане, покончили с оплотом венецианской торговли — пряностями. В конце XVI в. на португальских судах перевозилось от четверти до половины всех пряностей и наркотиков, доставляемых в Европу с Дальнего Востока (Steensgard, 1981: 131). Но первенствующую роль Португалия сохраняет недолго, уже через сто лет эффективные голландская и британская Ост-Индская компании вытесняют своих иберийских соперников (Steensgard, 1974).

На воду Средиземного моря спускают большой, хорошо вооруженный корабль, который покончил с давней гегемонией венецианской галеры. Теперь уже Венеция, хотя и по-прежнему шумная, неугомонная и независимая, все больше занята производством товаров и управлением своей территорией на материке, но уже не является ведущей силой Средиземноморья. Даже на Адриатике, которая некогда была практически внутренним озером Венеции, в XVI в. венецианские суда уже не могут сдерживать своих торговых соперников из Рагузы или набеги пиратов. В XVIII в. венецианцы оставляют попытки не допускать иностранные военные суда в свой залив. К тому времени уже не только Рагуза, но и Триест и Анкона активно борются за первенство в торговле на Адриатике.

Венеция переходит к политике военного и дипломатического нейтралитета, удерживая важное положение на рынке, все больше полагается на свои материковые территории как на экономическую базу, а в ее республиканской публичной жизни господствует старая олигархия. «В условиях тяжелого выбора между политической независимостью и коммерческим успехом, — пишет о XVII в. Альберто Тененти, — перед лицом неопределенного будущего Венеция все-таки не утратила свою гордую решимость, несмотря на все ошибочные и жалкие действия. Вместо того чтобы, подобно своему соседу Рагузе, избрать жизнь без риска и без истории, этот старый город-государство отказывался уступить какой бы то ни было новой силе, будь то турки, папа, испанцы или Габсбурги» (Tenenti, 1967: xvii–xviii).

Впрочем, такое положение сохранялось лишь до 1797 г., и вторжение Наполеона с ним покончило. Венеция с ее территориями на материке сначала перешла к Австрии, затем к наполеоновской Италии, затем снова к Австрии. В 1848 г. ненадолго власть захватила группа инсургентов во главе с Даниэле Манином, но Австрия быстро поставила на место своих революционных подданных. Наконец, после того как в 1866 г. Пруссия нанесла поражение Австрии, Венеция вошла в новое итальянское национальное государство.

Траектория исторического развития Венеции уникальна. Но между тем ее история имеет нечто общее с Генуей, Пагузой, Миланом, Флоренцией и даже Голландией, Каталонией и Ганзой. В XIV в. купцы из Барселоны торговали повсюду на Средиземном море и правили Фивами, Афинами и Пиреем. Голландская республика, эта беспокойная федерация торговых центров, более века была одним из доминирующих государств Европы. Города-государства, города-империи и союзы городов веками оставались носителями коммерческой и политической власти, отдавали предпочтение коммерческой деятельности, создавали эффективные государственные структуры, обходясь без больших бюрократий, находили сравнительно действенные способы оплачивать войны и другие государственные расходы и создавали институты, представляющие их коммерческие олигархии в самой организации их государств.

Формирование государства по модели интенсивного капитала отличалось от формирования по модели интенсивного принуждения и принуждение + капитал в трех отношениях: 1) коммерческие олигархии способствовали развитию государств, создаваемых для защиты и расширения коммерческого предпринимательства, — в Европе морского предпринимательства; 2) институты, созданные буржуазией для защиты своих интересов, на деле иногда становились инструментами государственного администрирования; в Венеции, Генуе и Голландской республике, особенно муниципальное и национальное правительства сливались воедино; 3) наличие капитала и капиталистов позволяло государству для ведения войны занимать, облагать налогами, покупать и собственно вести войну, не создавая громоздкой постоянной национальной администрации. До тех пор пока просто масштаб войн с набранными (национально — по всей стране) армиями и флотами не превзойдет силы компактной военной мощи того или иного государства с интенсивным капиталом, оно процветало в воинственном мире. Вскоре после того как Медичи, не без помощи папских войск, вернулся, чтобы править своей родной Флоренцией, Николло Макиавелли писал, что «желающий создать республику там,

где имеется большое количество дворян, не сумеет осуществить свой замысел, не уничтожив предварительно всех их до единого; желающий же создать монархию или самодержавное княжество там, где существует большое равенство, не сможет этого сделать, пока не выведет из сказанного равенства значительное количество людей честолюбивых и беспокойных и не сделает их дворянами по существу, то есть пока он не наделит их замками и именьями, не даст им много денег и крепостных, с тем чтобы, окружив себя дворянами, он мог бы, опираясь на них, сохранить свою власть, а они с его помощью могли бы удовлетворять свою жадность и свое честолюбие, в этом случае все прочие граждане оказались бы вынуждены безропотно нести то самое иго, заставить переносить которое способно одно лишь насилие» (Николо Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, I, 55; этой ссылкой я обязан Ричарду Франку).

Дворяне — то есть благородные землевладельцы — больше всего поддерживают государства интенсивного принуждения, в то время как держатели капитала — купцы, банкиры и промышленники — господствуют в государствах интенсивного капитала. Различие путей формирования государств зависит от времени их формирования, размеров территорий, которые они стараются контролировать, от того, насколько в их экономике сильны сельское хозяйство и производство, а также от того, на каких именно товарах они специализировались.

Эти факторы, в свою очередь, зависели от географических и геополитических характеристик главных городов этих государств. Наличие больших прилегающих к городам экономически с ними связанных территорий способствовало формированию более крупных территориальных государств. Портовые города, бывшие преимущественно рынками международной торговли, чаще производили города-государства или города-империи на базе своей небольшой территории. Соседство с большими империями и национальными государствами приводило или к поглощению этими государствами, или к вступлению в борьбу за контроль над территорией. Тем не менее эти варианты действовали в рамках, устанавливаемых властным присутствием капитала и капиталистов.

ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ПО ПУТИ КАПИТАЛ + ПРИНУЖДЕНИЕ

Не вся Верхняя Адриатика одинаково хорошо иллюстрирует капиталистический путь в развитии государства. Со временем, например, Австрия заявила права на значительный кусок побережья,

включая Триест, и подчинила его государству, которое повсюду являло себя как государство интенсивного принуждения. Византийская, Сербская, Венгерская и Оттоманская империи — все боролись с Венецией за контроль над Далмацией, и оттоманы победили — по крайней мере, на несколько столетий. Но все же история Верхней Адриатики мало похожа на историю европейской России. На Адриатике избыток капитала облегчал строительство вооруженных сил, в особенности, морских сил, но был также и стимулом, и средством сопротивления капиталистов созданию больших государств, которые бы сумели подчинить их интересы интересам династии. В России концентрация капитала была редкостью (в особенности после сокращения в XIV в. торговых связей с Азией и Византийской империей), а наличие владевших оружием землевладельцев предрасполагало все формировавшиеся государства к тому, чтобы идти по пути принуждения. Вопрос состоял в том, будут ли крупные землевладельцы и дальше придерживаться раздробленного суверенитета или один правитель сможет установить верховную власть над остальными. Как только Российское государство пошло по пути централизованного создания вооруженных сил, явилось на свет тяжеловесное государство, где землевладельцы имели значительную власть на своих территориях, но проигрывали перед царем.

Судьба крестьян, составлявших большую часть населения почти повсюду в Европе до XVIII в., резко различалась в регионах интенсивного принуждения и регионах интенсивного капитала. В большинстве районов, где формирование государства шло по модели интенсивного принуждения, правители создавали государства в тесном сотрудничестве с крупными землевладельцами, сохранявшими значительные военные и гражданские силы. Примерами такого типа государств могут служить Россия, Польша, Венгрия и Бранденбург-Пруссия, и некоторые особенности их развития обнаруживаются также на Сицилии и в Кастилье. В таких государствах расширение торговли в XVI в. позволило землевладельцам при поддержке государственной власти закабалить крестьян, с которых до этого они собирали немалые ренты. Обычно от домохозяйств землепашцев требовалось выполнение плохо оплачиваемых работ в поместье землевладельцев, причем сами эти работники кормились от небольших ферм, закрепленных за ними законом. В других регионах интенсивного принуждения (в особенности, в Скандинавии), где у землевладельцев никогда не было такой экономической и политической власти, как у землевладельцев на востоке Европы, правители XVI в. и позже ввели прямой контроль над кре-

стями с помощью духовенства и других бюрократов, благодаря чему и сами отчаянно борющиеся за жизнь крестьяне продержались достаточно долго.

В ареалах интенсивного капитала, таких как Нидерланды и, отчасти, Швейцария, крестьянство подверглось бифуркации. При наличии городских рынков и агрессивных капиталистов сельское хозяйство рано коммерциализовалось и часто вместе с сельскохозяйственным производством. В результате небольшая часть крестьянства обогащалась на товарных культурах и труде своих соседей. Большинство же крестьян становились бедными работниками за плату, многие, чьи потребности возрастали, занимались к тому же домашним производством или торговлей вразнос. Вместе с вездесущими купцами это меньшинство и это большинство выступали производителями в той сельской экономике, снабжавшей города, которая легко облагалась налогами и подпадала под контроль городов, бывших региональными центрами торговли. Эти столь непохожие существования крестьян были одновременно и причиной, и результатом очень разных траекторий формирования государства в регионах интенсивного капитала и регионах интенсивного принуждения.

Между крайностями капиталистического и с использованием принуждения путей развития лежали пути одновременного использования капитала и принуждения, те случаи, когда концентрированный капитал и концентрированное принуждение выступали более или менее наравне и в тесной связи друг с другом. Британские острова — Ирландия, Шотландия, Англия и Уэльс — иллюстрируют этот путь. Они также показывают, насколько расположение той или иной страны на диаграмме принуждение-капитал зависит от временных и географических ограничений, которые мы налагаем на рассматриваемую страну. Если смотреть со стороны Дании в 990 г., то Британские острова выглядят периферийной зоной завоеваний с взиманием дани в огромной империи с центром в Скандинавии. Если смотреть со стороны Ирландии на следующий затем период, то формирование государства на Британских островах представляется применяющим гораздо больше принуждения, чем при взгляде из юго-восточной Англии. Со стороны Шотландии в период 1500–1700 гг. формирование государства представляется соревнованием и взаимодействием трех довольно отдельных государств, имеющих разные экономические базы: английско-го, ирландского и шотландского. Подчеркнем, что мы анализируем историю всего региона за период в тысячу лет после 900 г. В это

тысячелетие главная драма состояла в экспансии английского государства, первоначально сформировавшегося в ходе завоевания, но вскоре уравновешенного большим портом и коммерциализованной экономикой.

В 990 г. Ирландия была заблокирована отчаянной борьбой между многочисленными кельтскими королевствами и владениями викингов на побережье. Хотя многочисленные скандинавские завоеватели поделили острова Северного моря, но Шотландия и Уэльс были более или менее объединены под руководством королей-воинов. Датчанин Канут в это время пытался вырвать у англо-саксонского короля Этельреда слабо связанную с его владениями Англию, причем Этельред уже десять лет платил дань датчанам. И дело не ограничивалось только уплатой дани: королевство регулярно разграблялось. В записи за 997 г. «Хроника Петерборо» (Laud Chronicle) сообщается, что «в этом году [датское] войско, обогнув Девоншир, вошло в устье Северна и там опустошило Корнуолл, Уэльс и Девон, а затем высадилось в Уотчетете; они произвели громадное разорение, сжигая (постройки) и убивая людей, и вернулись, обогнув оконечность острова, к южной стороне и вошли дельту р. Тамар, затем, поднявшись по ней, они прибыли в Лидфорд. Там они сжигали и убивали все, что встречалось им на пути, они сожгли до основания церковь Ордуэльского аббатства в Тавистоке и унесли на свои корабли невероятную добычу» (Garmonsway, 1953: 131)

В то время как другие скандинавы плавали в Исландию, Гренландию и Америку, Канут со своими воинами то и дело включали Англию (на время) в ту взимавшую дань империю, которая протянулась до Дании и Норвегии. Новые территории представляли собой большую ценность: в это время в Дублине было 4000 жителей, в Йорке — 10 000, в Норидже — 4000, а в Лондоне 25 000 — гораздо больше, чем в любом скандинавском городе. Йорк в это время был важным пунктом связи со Скандинавией, а Лондон — с остальным миром. Хотя острова и не были соединены с сетями городов, но они были хорошо связаны с городами континентальной Европы.

Всего лишь 60 лет спустя норманны (потомки викингов, осевших в Галлии) снова организовали вторжение в Британию. После завоевания Англии они, используя характерную модель, роздали землю как лены солдатам, ставшим региональными агентами (и потенциальными соперниками) короны. В результате замедлились набеги скандинавов, и начался процесс, в ходе которого правители Англии расширяли свои владения как внутри Британии, так и за ее

пределами. В следующие два столетия норманно-английские и шотландские войска практически лишили датчан и норвежцев контроля над территорией Британских островов.

По мере того как благодаря брачным союзам и наследованию увеличивались английские владения на тех территориях, которые затем станут Францией, правители Англии начали воевать со своими норманнскими родственниками. В XII в. они также попытались распространить свое правление на Уэльс, Шотландию и Ирландию. Женившись на Элеоноре Аквитанской в 1152 г., Генрих II предъявил обоснованные требования на правление Англией, Нормандией, Мэном, Бретанью, Анжу, Аквитанией и большей частью Уэльса. Затем он расширил свои притязания и предъявил права на Шотландию и часть Ирландии. Управляя этой империей, он создал сравнительно эффективную королевскую судебную структуру. Однако после 1173 г. его сыновья в союзе с баронами, а иногда и с королевой начинают оспаривать его власть.

Участвуя в войнах и совершая вторжения на территории соперников династии, бароны, на которых полагались в этих войнах английские короли, сами приобрели достаточную власть, чтобы выступать не только друг против друга, но и против короля. В результате они добивались привилегий и уступок от монарха, особенно драматично дела обстояли с Великой хартией вольностей (1215), Великая хартия обязывала короля сократить тяжелые феодальные обязательства по предоставлению средств, необходимых для ведения войн, прекратить прибегать к услугам наемников, когда бароны не хотели воевать, и облагать большими налогами только с согласия большого совета, представителей баронов. Этот совет начал забирать себе все больше власти, чему в особенности способствовало переданное ему право утверждения новых налогов. Впоследствии короли неоднократно подтверждали эту хартию. Тем не менее непрекращавшиеся усилия английских монархов по созданию вооруженных сил привели к созданию устойчивой центральной структуры: королевского казначейства, королевских судов и королевских земель (домена).

Эдуард I (1272–1307), например, распространил обязательную военную службу феодалов (40 дней в год) (*compulsory knighthood*) на всех землевладельцев, чьи надельные стоили 20 фунтов в год, требуя, чтобы все рыцари служили в королевских войсках (*royal militias*), ввел налоги для уплаты за пехотинцев, а также первые регулярные пошлины на шерсть и кожу, создал штат постоянных служащих центральной власти, взявших на себя некоторые обязанности баронов

и личных слуг короля и упорядочил отдельные ассамблеи баронов, рыцарей графства, бюргеров и духовенства, дававших ему деньги. (В 1294 г., готовясь к новой кампании во Франции, Эдуард зашел так далеко, что шестикратно увеличил вывозные пошлины на шерсть и потребовал от духовенства половины их доходов в виде налогов (Miller, 1975: 11–12).) Создание централизованной государственной структуры продолжалось на протяжении всего XIV в.: королевские суды не только распространили свою юрисдикцию на всю страну, и мировые судьи на местах начали присваивать себе власть как назначенные доверенные лица короны.

Впрочем, стабильности центральной власти так и не было. В конце концов, Эдуард II был убит в тюрьме (1327), Эдуард III практически утратил власть (1377), а Ричард II умер, потеряв трон – возможно, также был убит – в тюрьме (1400). Дома Ланкастеров и Йорков в течение 30 лет вели гражданскую войну (Война белой и алой роз, 1455–1485) за корону; эта война закончилась лишь тогда, когда Ричард III был убит воинами Генриха Тюдора, ставшего после этого Генрихом VII. Вооруженная борьба за королевскую власть и порядок наследования продолжалась в течение 300 лет, пока Славная революция 1688 г. не посадила на трон представителя Оранского дома.

В то же время английские короли постоянно пытались захватить территории в Ирландии, Уэльсе, Шотландии и Франции. Эдуард I покорил Уэльс, а также номинально подчинил английской короне Ирландию и Шотландию. Валлийцы еще только раз отважились на серьезное восстание, под руководством Оуэна Глендауэра (1400–1409). А ирландцы и шотландцы упорно сопротивлялись англичанам, часто находя поддержку у французских королей, которые были, конечно, счастливы видеть, что их соперники заняты военной деятельностью на самих Британских островах. В ходе сопротивления и ирландцы, и шотландцы создали парламенты, параллельные английскому. И в Ирландии, и в Шотландии также шла внутренняя борьба за право наследования и за относительную власть королей и баронов. Но если Ирландия осталась беспокойной колонией, то Шотландия стала независимой и отдельной европейской страной. И только в XVII в. Ирландия и Шотландия подпали под относительно постоянный контроль Англии.

В связи с длительной и окончившейся неудачей борьбой английских королей за французские владения государство пребывало в состоянии войны с 1337 по 1453 гг. Финансовые потребности этой борьбы (названной позднее Столетней войной) консолидиро-

вали парламент и урегулировали его разделение на две палаты. Затем в течение более века парламент занимался сбором средств для короля на войны против Шотландии и Франции (а иногда против обеих), обеспечив себе право утверждать налогообложение.

В Нижней палате, позднее названной Палатой общин, заседали представители графств и округов. Это были, с одной стороны, купцы, а с другой — землевладельцы. Продолжительный, хотя и трудный союз купцов и землевладельцев восходит к XIII в., когда впервые британская шерсть начала обеспечивать континентальные текстильные мануфактуры, а затем стала базой для прядения и ткачества в Британии. Британия начала медленный, но решительный переход от экспорта шерсти к производству и экспорту шерстяных тканей. С этого времени английские купцы утверждаются во Фландрии и начинают распространяться по всей Европе. В XV в. англичане становятся также грозной силой на море; около 1412 г. например, мореплаватели восточного побережья вновь открывают торговлю Континента с Исландией (Scammell, 1981: 460). Большое торговое соглашение 1496 г., известное как *Intercursus Magnus*, закрепило за Англией положение признанного партнера во фламандской международной торговле. И хотя иностранные купцы и торговые суда все еще преобладают в торговле Англии в течение полувека, но к 1600 г. англичане соперничали с испанцами, португальцами и голландцами повсюду в мире.

В то же время британские мореходы, вроде бристольтцев, которые плавали с Джоном Кэботом (бывшим, кстати, венецианцем), начинают присоединяться к голландцам, итальянцам, испанцам и португальцам в экспедициях в отдаленные части земли, закладывая основания всемирной торговой империи. К 1577 г. сэр Френсис Дрейк совершил кругосветное плавание. Корона участвовала в этих проектах в той степени, в какой они обещали новые доходы правительству или укрепление военной мощи (Andrews, 1984: 14–15). Британские землевладельцы при помощи санкционированного законом огораживания открытых полей и земель общины активно занимались торговлей шерстью и зерном; Палата общин все больше представляла тесный союз купцов и занимающихся товарным производством землевладельцев. Растущая в стране коммерция способствовала усилению государства: она позволила Генриху VII (1484–1509) и затем Тюдорам сдерживать шотландцев и бросить вызов французам, нарастить военную мощь государства, увеличить налогообложение и сократить собственные армии великих лордов.

Генрих VIII, разорвав с Римом, захватив церковные доходы и экспроприировав (секуляризовав монастырские земли) монастыри (1534–1539), не только увеличил доходы короля, но и подчинил его интересам пошедшее на сотрудничество духовенство. Возвышение Тюдоров провоцировало региональные восстания, включая великое Паломничество Благодати (Pilgrimage of Grace) (1536). Тем не менее Тюдоры со временем обуздали всемогущих аристократов с их собственными армиями и претензиями на автономную власть (Stone, 1965: 199–270). Почти непрерывная коммерциализация, пролетаризация и экономический рост страны обеспечивали экономическую базу деятельности государства, а опора государства на пошлины и акцизы сделала извлечение ресурсов у этой базы более эффективным — впрочем, только тогда, когда магнаты, корона и парламент могли путем переговоров прийти к соглашению о сотрудничестве.

В XVI в. Шотландия очень сближается с Францией; в это время юная королева Мария Шотландская становится также королевой Франции (1559), два королевства едва не сливаются воедино. Но восстание протестантов ограничивает власть Марии в Шотландии, где она правила (с перерывами) в течение 6 лет. Затем Мария спровоцировала новое восстание и вынуждена была бежать под защиту Елизаветы в Англию, где эта последняя заключила ее в тюрьму. Казнь Марии в 1586 г. покончила с угрозой офранцуживания Шотландии и вступления на трон в Англии королевы-католички. Однако по смерти Елизаветы сын Марии Яков, бывший Яковом VI Шотландским с 1567 г., восходит на английский престол как Яков I. К тому времени связь с Францией почти полностью исчезла.

При Якове I (1603–1625) и затем при Стюартах соперничества в Англии за королевские доходы для ведения войн на континенте ускорили великие конституционные споры, попытки королей править (и, в особенности, облагать налогами) без парламента. Наконец развитие событий привело к гражданской войне и затем к казни Карла I. В духе времени Карл в 1627 г. отчуждает последний блок земель короны городу Лондону, город за это аннулирует его прошлые долги и обещает заем в будущем. С этого времени у короля больше нет кредита, а его потребности в займах и налогах только усиливают конфликт с парламентом и финансистами. К 1640 г. он берет на сохранение золото и серебро, оставленные в лондонском Тауэре, и ведет переговоры с золотых дел мастерами и купцами (кому принадлежало это золото и серебро) о займе, обеспеченном доходами от взимания пошлин (Kindleberger, 1984: 51). Попытки Кар-

ла создать и взять под свой контроль армию, чтобы подавить восстание в Ирландии и сопротивление в Шотландии, окончательно его обессилили. Во время Республики и Протектората (1649–1660) страной правят то армейские группы, то парламентские группировки, причем одновременно прилагаются усилия вернуть Ирландию и Шотландию под контроль государства и ведется борьба с Испанией и Голландией. Реставрация, которая началась с того, что парламент (под влиянием армии) пригласил Карла II, подтвердила власть парламента в Британии, в особенности, в том, что касалось доходов и расходов. Во время реставрации власти Стюартов (когда Англия продолжает сражаться с Голландией на море) по-прежнему прослеживается тесная связь дел короля с войнами на континенте. Решительная смена союзников происходит в связи с революцией 1688 г. На трон всходит голландский протестант Вильгельм Оранский и его жена Мария, дочь герцога Йоркского¹, а в это время во Франции Людовик XIV поддерживает изгнанных Стюартов. Британия возвращается к традиционному соперничеству с Францией, одновременно перенимая у Голландии ее государственные институты. В 1694 г. государство учреждает Банк Англии — орудие финансирования войны с Францией, которая началась в 1688 г. (Kindleberger, 1984: 52–53). С окончанием революции и возобновлением военных действий Британии на континенте начинается новая эра. Британия приступает к созданию большой регулярной армии, оформляется действенная центральная бюрократия, а ответственная за сбор налогов Палата общин обретает большую власть сравнительно с властью короля и его министров (Brewer, 1989).

Не прекращаются, между тем, мятежи и восстания в Шотландии и Ирландии — часто выдвигавшие претендентов на английский престол, не говоря уж о действиях невидимой руки Франции — все это дополнительно осложняет государству ведение войны. Войны и династические распри вместе производят большие изменения в государстве: складывается устойчивый союз Англии с Шотландией (1707), окончательное утверждение на троне германского ганноверского дома (позднее названного Виндзорами) (1714–1715) и установление *modus vivendi* между монархией и полномочным парламентом, представляющим интересы землевладельцев и коммерческие интересы страны. Восстание от имени претендента на престол — Стюарта (1715) потерпело полную неудачу, как и второе восстание в 1745 г., ставшее последней серьезной угрозой престолонаследию в Вели-

¹ Короля Якова II.

кобритании. Военная мощь Британии продолжает расти: «К 1714 г. Британский флот был уже самым крупным в Европе, и на флоте было занято больше рабочих, чем в какой-нибудь другой индустрии страны» (Plumb, 1967: 119).

Сравнительно с тем, как обстояли дела у его континентальных соседей, британское государство управлялось относительно небольшим центральным аппаратом при широкой системе патронажа и местных властей. Лорд-лейтенанты (главы судебной и исполнительной власти в графстве), шерифы, мэры, полицейские и мировые судьи прodelывали работу королевской власти, не будучи ее служащими. До наполеоновских войн только для взимания пошлин и акциза имелись в значительном количестве специально назначенные служащие. Что же касается армии, то до означенного времени Британия не имела регулярной армии и прибегала к мобилизации в свои вооруженные силы в военное время военно-морских сил. За исключением Ирландии, армия играла сравнительно небольшую роль, а милиционные армии — сравнительно большую роль в осуществлении контроля населения Британии. В Ирландии же британское правительство продолжало употреблять вооруженные силы и экспериментировать с новыми средствами контроля населения на протяжении всего времени британского господства. Так что Ирландия обычно использовалась Британией как испытательный полигон для методов государственного контроля над населением, каковые методы позднее употреблялись в Англии, Уэльсе и Шотландии (Palmer, 1988).

Великобритания продолжала воевать в Европе, одновременно прилагая максимум усилий к созданию мировой империи. К концу Семилетней войны с Францией (1763) Британия стала величайшим колониальным государством. Потеря американских колоний (1776–1783) не стала такой угрозой государственной власти, как прежние поражения. Несколько мобилизаций для войны с Францией, в особенности, в 1793–1815 гг. привели к большому росту налогов, национального долга и вмешательства государства в экономику, причем одновременно происходило тонкое, но решительное перемещение влияния от короля и его министров к парламенту. Во время этих войн (1801) Великобритания включила Ирландию (не окончательно, но более чем на столетие) в состав Великобритании. И к началу XIX в. Великобритания становится образцом парламентской монархии при господстве землевладельцев, финансистов и купцов.

Расширение империи продолжается и во время быстрой индустриализации и урбанизации XIX в. В самой Британии государство

решительно переходит к прямому вмешательству на местах. Если раньше король и парламент зачастую проводили законы, управлявшие продажей продуктов питания, контролировавшие коллективные действия, устанавливавшие отношение к бедным или права и обязанности рабочих, то во всех этих действиях они почти всегда полагались на местные власти, как в смысле инициативы, так и в деле исполнения соответствующих законов. В то время как в Британии местных властей было гораздо больше, чем у многих ее континентальных соседей, но в XIX в. национальные должностные лица как никогда раньше занимались полицейскими функциями, образованием, инспекцией фабрик, конфликтами на производстве, обеспечением жильем, общественным здравоохранением и широким кругом других дел. Шаг за шагом британское государство решительно двигалось к прямому правлению.

За исключением подъема время от времени чувства национальной принадлежности, Уэльс и Шотландия давно уже перестали угрожать разрушением британскому государству. Но Британия никогда так и не преуспела в интеграции или даже запугивании большей части Ирландии. Сопротивление и восстания ирландцев достигли пика после Первой мировой войны. В несколько этапов вся Ирландия, кроме протестантской англизированной северо-восточной части (Ольстер), стала независимым государством, сначала внутри британского содружества, а затем вне содружества. Но борьба в Ольстере и за Ольстер не прекратилась.

И хотя в ретроспективе Великобритания часто представляется образцом политической стабильности, при пристальном внимании к процессу формирования государства на Британских островах можно заметить, как обладавшие властью партии непрерывно боролись за контроль над государством и как часто переход от одного режима к другому совершался насильственным путем. Опыт Ирландии демонстрирует, что, вступив на путь интенсивного принуждения, некий регион может создать сравнительно слабое государство. Но несмотря ни на что, Британия стала государством, которое доминировало в мире в XVIII—XIX вв., она остается мировой державой и сегодня. Историю этого государства нельзя считать неким компромиссом (или даже синтезом) между историей Венеции и России, между страной с интенсивным капиталом и страной с интенсивным принуждением.

Английское, а затем британское государство строилось соединением капитала и принуждения, которое издревле обеспечивало всякому монарху доступ к громадным средствам ведения войны,

но только за счет больших уступок купцам и банкирам. Трудный союз землевладельцев с купцами ограничивал независимую власть короля, но усиливал власть государства. Коммерциализованное (товарное) сельское хозяйство, интенсивная международная торговля, империалистические захваты и война с соперничавшими европейскими державами — все эти факторы взаимно дополняли друг друга, содействуя вложениям в военно-морские силы и готовности к мобилизации сухопутных сил для действий за границей и в заморских странах. Коммерциализация и городской и сельской экономики означает, что легче становилось облагать налогами и занимать для ведения войны при помощи меньшего (по размерам) государственного аппарата, чем это происходило во многих европейских странах. Адам Смит рассматривает это на примере простого сравнения Англии и Франции. «В Англии, — замечает он, — правительство пребывает в величайшем в мире торговом городе, купцы здесь обычно и являются теми, кто дает правительству деньги... Во Франции правительство находится не в торговом городе и купцы не составляют большую часть людей, дающих правительству деньги» (Smith, 1910 [1778]: II, 401). В это время Англия стояла ближе к пути формирования государства по модели интенсивного капитала, чем Франция. В Англии для действующего правительства сложилась удивительная комбинация легкого доступа к капиталу и большой зависимости от землевладельцев. И хотя предреволюционная Франция тоже сильно зависела (в отношении местного правления) от дворянства и духовенства, но усилия по добыванию средств на ведение войны у менее капитализированной и коммерциализованной экономики привели к созданию существенно более громоздкого центрального аппарата государства, чем в Англии.

Однако если мы для сравнения добавим Венецию или Москву, мы немедленно заметим большое сходство отношений капитал + принуждение в Британии и Франции. Мы привыкли противопоставлять траектории развития Британии, Франции, Пруссии и Испании как основные альтернативные типы формирования государства. Но в масштабах всей Европы эти четыре варианта обнаруживают общие качества, отличающие их от путей по моделям интенсивного капитала и интенсивного принуждения. В этих четырех случаях амбициозные монархи пытались (с разным успехом) разрушить или обойти представительные собрания, например, провинциальные парламенты при создании вооруженных сил в XVI и XVII вв.; во Франции и Пруссии штаты погибли, в Испании положение кортесов было неустойчивым, а в Британии парламент стал оплотом вла-

сти правящего класса. Во всех четырех случаях тот факт, что центр принуждения и центр капитала совпадали в одном субъекте, облегчал — по крайней мере, на время — создание массовых вооруженных сил, в то время как многочисленные, дорогие, хорошо вооруженные армии и флоты давали тем национальным государствам, которые смогли их создать, решающие преимущества в погоне за гегемонией и в строительстве империи.

Почему же Венеция или Россия не стали Англией? Это не нелепый вопрос; он проистекает из признания того факта, что в целом европейские государства двигались ко все большей концентрации капитала и принуждения, превращаясь в национальное государство. Отчасти следует ответить: они стали. Российское и итальянское государства, вступившие в Первую мировую войну, имели гораздо больше черт национальных государств, чем их предшественники за один-два века до того. Но гораздо более полный ответ состоит в том, что они не могли освободиться от власти прошлого, от прошлой истории. Венеция создала государство, отвечавшее интересам торговой аристократии, а сама эта аристократия видела свою выгоду в том, чтобы выискивать пустоты в европейской коммерческой системе, вместо того, чтобы сотрудничать ради построения массовой, прочной военной силы. Россия создала государство, которое, предполагалось, возглавлял самодержец, полностью зависевший от поддержки землевладельцев, собственные интересы которых состояли в том, чтобы удерживать крестьянский труд и продукты этого труда от служения целям государства, а также зависевший от бюрократии, с легкостью поглощавшей всякий избыток, какой только государство создавало. Разного рода революции — Рисорджименто (возрождение) и захват власти большевиками — превратили Венецию и Москву в новые государства, которые все больше напоминали великие национальные государства Западной Европы. Но даже в дальнейшем своем развитии эти государства несли на себе приметы своих исторических предков.

В осмыслении европейской истории нам поможет схематический портрет Китая, предложенный Г. Уильямом Скиннером. Мы тогда поймем, как создание вооруженных сил и организационные последствия этого процесса различались по районам Европы, будучи функцией от сравнительного значения капитала и принуждения, от систем эксплуатации и господства снизу вверх и сверху вниз, от городов и государств. Хотя все государства посвящают свои силы главным образом войне и подготовке к ней, но за исключением этого общего для всех, их сугубая деятельность различается со-

ответственно их положению в сетях капитала и принуждения и их прошлой истории. Но даже при сходстве деятельности организационные формы различаются в зависимости от того, где и когда они имеют место. Все в большей степени структуру и деятельность определенного государства с течением времени определяют отношения с другими государствами. Поскольку же большие национальные государства имели неоспоримые преимущества при переводе национальных ресурсов в успех в международных войнах, то они вытеснили взимавшие дань империи, федерации, города-государства и всех других своих соперников и стали преобладающей формой европейских политических образований, стали образцами формирования государств. Именно такие государства в конечном итоге определили характер европейской системы государств и распространились по всему миру.

СИСТЕМА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

СВЯЗЬ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ МЕЖДУ СОБОЙ

Морские силы Оттоманской империи вытеснили Венецию из восточного Средиземноморья, что ускорило упадок этого города-империи как военной силы. Когда воинственные турки двинулись в Европу из азиатских степей, они были сухопутными кочевниками, как и другие их не менее воинственные соседи. Но, достигнув Черного и Средиземного морей, они быстро научились строить корабли и плавать по морю. Больше того, уже в XV в. они начинают применять порох в таких масштабах, каких европейцы еще не знали. Эти воины поразили ужасом сердца европейцев, одерживая жестокие победы на море и грубо захватывая чужие территории на суше. Казалось, никто не был в безопасности от необузданных и свирепых грабителей. К XV в. продвижение турок на Средиземном море и Балканах угрожало Италии и Австрии.

Захват турками Константинополя (1453) прямо затрагивал интересы Венеции, но Венеция выиграла время, заключив с турками торговое соглашение. Впрочем, выигранное время было коротко: Турция и Венеция вскоре вновь начали воевать с трагическими для Венеции последствиями. С утратой Негропонта (Эвбеи), этой главной венецианской базы на севере Эгейского моря (1470), Венеция начинает выходить из турецкой зоны. С этого времени Венеция в течение 50 лет ведет непрерывные оборонительные действия против Оттоманской империи, в то время как турки совершают рейды на материковую Италию.

Война Турции и Венеции 1499–1503 гг. заставила Венецию спуститься еще на одну ступеньку в международной иерархии. Хотя Венгрия (некогда бывшая врагом Венеции) объединилась с ней против Оттоманской империи в 1500 г., венецианские моряки все же не смогли победить турок. Вместо этого турецкий флот под ко-

мандованием Кемаль Реиса разгромил самый большой флот, какой когда-либо собирала Венеция, в «печальной битве при Лепанто¹ (Zonchio)» (Lane, 1973 а: 242). Затем Венеция потеряла Модон, Корон и Лепанто — свои важные аванпосты на Средиземном море. При заключении мира венецианцы отказались от своих претензий на ряд греческих и албанских городов.

Урегулирование после этой войны стало переломным событием и для других европейских держав, которые участвовали в составлении соглашения. Впрочем, в то самое время, как Венеция теряла свои аванпосты в восточном Средиземноморье, она захватывала важные территории в северной Италии, куда в 1490-е гг. вторглись Испания и Франция. Политические границы Европы на юге менялись с чрезвычайной скоростью. «Мирный договор в Буде (август, 1503) затронул Турцию, Молдавию, Пагузу, Венецию, папское государство, Богемию-Венгрию, Польшу-Литву, Родос, Испанию, Португалию и Англию. Это было первое великое международное урегулирование нового времени» (Pitcher, 1972: 98–99), причем проведение мирной конференции имело и еще одно значение: перед лицом экспансии оттоманов, после французского и испанского вторжения в Италию, европейцы начинали формировать отчетливую и связную систему государств.

Государства можно считать объединенными в *систему* только тогда, когда они регулярно взаимодействуют друг с другом и их взаимодействие влияет на поведение каждого государства. В 990 г. не было ничего похожего на систему европейских государств. К 1990 г. система, которая вначале была европейской, разрослась настолько, что включала почти всю планету. Между этими двумя датами в Европе в течение нескольких столетий большинство государств поддерживали довольно тесные связи — враждебные, дружественные, нейтральные или чаще всего смешанные и переменчивые — с большинством других европейских государств и лишь с немногими за пределами своего континента. И эти связанные между собой и обладавшие коллективной силой европейские государства резко отличались от остального мира. Главный политический факт последнего тысячелетия состоит в формировании и расширении системы европейских государств, состоявшей главным образом из национальных государств, а не из империй, городов-государств или других типов власти, построенной на принуждении.

¹ Турки эту битву проиграли.

Мир шел к своему нынешнему особому состоянию из очень разных обстоятельств. Тысячу лет назад люди по всей земле жили или в некрепко сшитых империях или в отдельных суверенных образованиях (в условиях фрагментарного суверинитета). Хотя такие империи, как империя майя или китайская достигли значительной централизации, но и там за пределами их центральных районов правление было непрямым: с остальной территории взималась дань, и правление препоручалось региональным носителям власти, которые пользовались значительной самостоятельностью. Здесь часто происходили захваты территорий, бои по границам государственной территории и рейды за данью, добычей и пленниками, но объявленные войны с формальными союзниками и массовыми армиями были редкими событиями.

В 990 г. территория собственно Европы распадалась на четыре или пять отдельных пучков государств. Захватнические режимы Восточной Европы то и дело вторгались в зоны контроля друг друга, поддерживая в то же время некоторую связь со скандинавами на севере и византийцами на юге, а также со степными народами на востоке. Несколько более определенно и более крепко связанных между собой государств, преимущественно мусульманских, располагались вокруг Средиземного моря и на большей части Пиренейского полуострова. В поясе относительной урбанизации, протянувшемся от центральной Италии до Фландрии, насчитывались сотни полуавтономных образований, власть которых часто распространялась на территории, на которые претендовали также папское государство и Священная Римская империя. Саксонское королевство соприкасалось с этим поясом на северо-востоке. Датская империя достигала Британских островов и представляла собой довольно отдельную сферу влияния на севере Европы.

Относительно отдельные группы европейских государств вскоре устанавливают более тесные связи друг с другом в резком отличие от государств Азии и Африки. Они начинают устанавливать связи путем расширения торговли на север от Средиземного моря, также их объединяют непрекращающиеся набеги степных кочевников, борьба за территории, расположенные между христианскими и мусульманскими землями, и частые рейды приплывавших морем воинов с севера. Норманны, эти потомки викингов, в течение нескольких столетий грабивших Европу на севере и западе, например, должны были не только объединиться в собственное королевство посреди того, что мы теперь называем Францией, но и покорить Англию и Сицилию.

История Сицилии служит иллюстрацией того, как Европа объединялась в результате больших завоеваний. Со времени падения Римской империи Сицилия пребывала под властью сменявших друг друга неитальянских государств: сначала Византии, затем (начиная с 827 г.) нескольких мусульманских государств. После двухсот лет мусульманского правления остров в конце XI в. захватили норманнские завоеватели. Их наследники стали королями Сицилии, они заключали браки с трансальпийскими королевскими домами. На Рождество 1194 г. император Священной Римской империи Генрих VI (по праву наследования и как захватчик) надел себе корону Сицилии. Затем Сицилией (до высадки Наполеона) правят члены немецкого, французского и испанского королевских домов. В течение тысячи лет Сицилия лежала на перекрестке дорог завоевателей, двигавшихся к Средиземному морю.

Международные связи проходили также по городам-государствам Северной Италии. Эти связи часто определяли внутреннюю политику. Так, например Флоренция в XIII в. резко разделялась на тех, кто был предан папе, и тех, кто был лоялен императору. Борьба между этими двумя партиями продолжалась до тех пор, пока победившие Черные гвельфы (антиимператорская партия) не смогли выгнать из города своих соперников Белых гвельфов, среди последних и Данте Алигьери. В 1311 г. Черные удалили с улиц города множество изображений императорского орла (Schevill, 1963: 187). Этим, впрочем, не ограничивалось участие Флоренции в международных делах. В XIII и XIV вв. важную часть общественной жизни Флоренции составляли приемы высочайших лиц и послов со всей Европы (Trexler, 1980: 279–330). Тем временем Венеция и Генуя постепенно завоевывают все побережье Средиземного моря. Короле, задолго до 1500 г. итальянские государства активно участвовали в европейской политике. Мы можем видеть, что в Италии в XIII–XIV вв. появляются элементы европейской системы государств, более или менее намеренно отделявших себя от мусульманских держав на юге и востоке.

Перейдем теперь к 1490 г. За пятьсот лет до того европейцы воплотили в жизнь два уникальных нововведения: во-первых, систему взаимосвязанных государств, соединенных договорами, посольствами, браками и широкими коммуникациями, во-вторых, они объявляли войны, которые велись большими обученными войсками и которые заканчивались формальными мирными урегулированиями. Теперь они вступали в период, когда по всему Континенту шли значительные преобразования границ и смена правителей

по окончании войн, соответственно условиям соглашений, заключенных между несколькими государствами. Старый стиль войны сохранился только у пиратов и бандитов, а также на последних стадиях монгольского вторжения и в нерегулярных битвах мусульман с христианами на Балканах, а также в путешествиях европейцев-первооткрывателей в Африку, Азию, Америку и остальные части света. А в Европе в это время формировалась система государств, напоминающая ту, что мы знаем сегодня. Участниками этого нового процесса все в большей степени становились не города-государства, союзы (лиги) или империи, но национальные государства: относительно автономные, централизованные и четко определенные организации, осуществлявшие контроль над населением в нескольких соприкасающихся друг с другом регионах с установленными границами.

Отправные точки разных исторических процессов всегда иллюзорны, поскольку в непрерывном историческом процессе редко удастся привязать некоторый более ранний элемент к определенному предполагаемому началу. Тем не менее у нас есть основания отнести установление регулярных дипломатических миссий в Европе к практике итальянских государств XV в. Французское и испанское вторжение в Италию привели к распространению этой практики: «К началу 1490-х гг. у Милана были постоянные представители в Испании, Англии, Франции и при императорском дворе. Яркой звездой блеснул Фердинанд Арагонский, проложивший путь в Рим, где у него появился резидент, затем — в Венецию и к 1495 г. — в Англию. При Габсбургах (*sic*) его представляли к 1495 г. двое: посол при императорском дворе и еще один в Нидерландах. Сеть представительств императора Максимилиана, сложившаяся к концу 1496 г., распалась из-за отсутствия денег, в 1504 г. вновь распалась. Также и папы пошли этим путем. К концу понтификата Александра VI (1503) в Испанию, Францию, Англию, Венецию и к императору отправляются нунции-резиденты, бывшие в некотором смысле прямыми наследниками сборщиков налогов» (Russell, 1986: 68).

Вместе с институтом посольств растет сбор информации, расширяются союзы, начинаются многосторонние переговоры по поводу заключения монарших браков, каждое отдельное государство все больше вкладывает в признание других государств, и войны становятся обычным делом.

У нас есть основания возводить создание довольно обширной системы европейских государств ко времени французского и испанского вторжения в Италию, что было громадным расширением мас-

штабов европейских войн и открывало эпоху использования массовых наемных армий. Мир в Като-Комбре-зи (1559) положил конец войнам Габсбургов-Валуа. Он подтверждал совершившееся уже удаление Франции из Италии, первенство там Испании и удаление Англии из Кале. Но помимо прекращения враждебных действий, пользы на этой конференции обсуждали большой круг европейских дел, включая судьбу таких государств, как Савойя и Шотландия, или брак короля Филиппа Испанского с французской принцессой Елизаветой. Расцветало искусство управлять государством при поддержке военными действиями.

Но не все европейские государства хорошо вписывались в нарождавшуюся систему. В XVI в. скандинавские страны все еще представляли собой отдельный регион, хотя развитие торговли Нидерландов, Бельгии и Люксембурга с Балтикой уже начинало включать Данию и Швецию в европейские связи. Польша-Литва была далеко, а Россия в западноевропейской перспективе казалась полумифической: космография Себастьяна Мюнстера 1550 г. помещала Московию на Балтике (Platzhoff, 1928: 30–31). Тем не менее Габсбурги установили дипломатические связи с великим князем Московским в XV в., и посредством связей с другими странами дальше на запад непрерывная российская экспансия связала москвитов с Европой.

Дипломатические и династические связи Швеции при Юхане III (1568–1592) показывают, что даже периферийные государства глубоко проникали в систему. С распадом Ливонской империи тевтонских рыцарей на ее территориальные обломки претендовали и Швеция, и Польша, и Дания, и Россия. В ходе своих кампаний Юхан захватил Ревель, Эстонию и другие земли вдоль протяженной шведско-российской границы (границы между двумя соперниками). Вместе с Польшей и Данией ему удавалось сдерживать Россию. Но помимо военных за Юханом числятся и дипломатические успехи. Юхан был женат на Катерине Ягеллонке — польской принцессе, дочери Боны Сфорцы из Милана. Польские связи сделали возможным избрание их сына Сигизмунда королем Польши. После смерти Юхана Сигизмунд стал также и королем Швеции, пока его не сместил дядя Карл. Другой сын Юхана², Густаф Адольф, позднее превратил периферийную Швецию в одну из великих европейских держав. К началу XVII в. система европейских государств простиралась от Швеции до Османской империи, от Португалии до России.

² Он сын Карла, а не Юхана.

ОКОНЧАНИЕ ВОЙН

Все более сплоченная система европейских государств изменялась соответственно ритму основных войн. Джек Леви составил очень полезный список европейских великих держав и войн, которые ими велись с конца XV в. Возьмем произвольно все войны в списке Леви, во время которых великие державы потеряли, по крайней мере, 100 000 человек:

<i>Война</i>	<i>Потери великих держав</i>	<i>Основное соглашение</i>
Тридцатилетняя (1618–1648)	2 071 000	Вестфальский мир
Франко-испанская (1648–1659)	108 000	Пиренейский мир
Оттоманская (1657–1664)	109 000	Вашварский мир
Франко-голландская (1672–1678)	342 000	Нимвегенский мир
Оттоманская (1682–1699)	384 000	Карловицкий мир
Война Лиги Аугсбург (1688–1697)	680 000	Мир в Рисвике
За испанское наследство (1701–1713)	1 251 000	Утрехтский мир
За австрийское наследство (1739–1748)	359 000	Мир в Экс-ла-Шапель ³
Семилетняя война (1755–1763)	992 000	Парижский и Губертусбургский мир
Оттоманская (1787–1792)	192 000	Ясский мир
Французская революционная (1792–1802)	663 000	Амьенский мир
Наполеоновские (1803–1815)	1 869 000	Венский конгресс
Крымская (1853–1856)	217 000	Парижский конгресс
Франко-прусская (1870–1871)	180 000	Франкфуртский мир
Русско-турецкая (1877–1878)	120 000	Сан-Стефанский мир Берлинский конгресс
Первая мировая война (1914–1918)	7 734 300	Соглашения в Брест-Литовске, Версале, Сен-Жермен, Нёйи-сюр-Сен, Трианоне
Китайско-японская (1937–1941)	250 000	Соглашения не было, переросла во Вторую мировую
Вторая мировая война (1939–1945)	12 948 300	Общего соглашения не было
Корейская (1950–1953)	954 900	Прекращение огня, соглашения не было

Цифры потерь великих держав в бою, конечно, не исчерпывают общих реальных потерь: принимая во внимание громадное сокра-

³ Аахенский мир.

шение европейского населения, мы только часть этого сокращения можем отнести на счет миграции из Европы. Все же остальные потери следует прямо приписать Тридцатилетней войне (имея в виду не только войску всех государств-участников, но и гражданское население). В таком случае потери, возможно, превышали 5 млн, а не 2 млн человек.

Понесенные Китаем потери (750 000) в войне с Японией 1937–1941 гг. не следует принимать во внимание, поскольку Китай в то время не был великой державой. В списке не упоминается Вьетнамская война (в моем, поспешу добавить, списке, а не в списке Леви), потому что Соединенные Штаты потеряли «только» 56 000 человек, при том что потери в бою вьетнамцев составили 650 000. И все-таки приведенный список дает представление о том, что до Первой мировой войны масштабы войн увеличивались, а мирные урегулирования становились все более широкими. Мы также видим, что интернационализация конфликтов Второй мировой войны разрушила 400-летнюю систему мирных урегулирований посредством общих конгрессов. С этого времени противостояние Советского Союза и США очень осложняло какое бы то ни было общее мирное урегулирование.

Жестокая Тридцатилетняя война не давала развиваться системе европейских государств. Собственно, это была не одна война, а целый клубок войн, начавшихся с того, что император Священной Римской империи попытался подавить протестантов Богемии. Она постепенно вовлекла большинство стран Европы. Из тех, кто не принял в ней участия надо назвать Оттоманскую империю, итальянские государства, Англию и государства Восточной Европы. Оттоманы были заняты войной с персами, Англия — собственными проблемами со стремившимися отделиться регионами. В конце концов, развертывавшиеся действия привели к стравливанию Испании и Священной Римской империи с Францией и Швецией. Этот конфликт можно определить и иначе: Габсбурги против всей остальной Европы.

Потребовалось семь лет (начиная с 1641 г.) только для того, чтобы назначить мирную конференцию. Мирных конференций, впрочем, было даже две: одна в Мюнстере (главным образом для протестантских государств) и другая в Оснабрюке (для католиков). При этом в течение этих семи лет продолжались боевые действия. Боясь заключения участниками событий сепаратных миров, император Фердинанд даровал отдельным государствам империи право присутствовать на конференции и считать ее сеймом империи.

В конференции участвовала и Голландская республика, которая наконец в январе 1648 г. вырвала у Испании признание своей независимости. Венеция и папское государство, хотя и не принимали участия в боевых действиях, председательствовали на конференции и играли роль посредников.

В целом Вестфальский мир (1648) свел вместе 145 представителей почти всех европейских государств. Собравшись вместе, они не только вели переговоры об условиях окончания войны, но и решали много важнейших дипломатических проблем, например, вопрос о том, признавать ли Швейцарскую конфедерацию и Голландскую республику суверенными государствами. Отнеся устье Шельды к голландской территории, они заблокировали морское движение к Антверпену, подкрепив таким образом коммерческие преимущества Голландской республики перед испанскими Нидерландами. Мирный договор закрепил (и остановил) сложившееся деление на протестантские и католические государства, пригрозив низложить всякого монарха, который переменит веру. По ходу дела Франция приобрела Эльзас и другие территории, Швеция (среди прочего) — Западную Померанию; также были произведены важные изменения внутри Священной Римской империи.

В рамках империи одно государство осуществляет верховную власть над, по крайней мере, еще одним отдельным государством (Doyle, 1986: 30). За 100 лет до Вестфальского мира в Европе преобладали разного рода империи. Однако после Тридцатилетней войны, урегулирование решительно остановило собирание империи Габсбургов. Это был похоронный марш для Священной Римской империи с господствовавшими в ней Габсбургами. Теперь было маловероятно, чтобы какая-нибудь другая империя — кроме, может быть, Российской или Османской — начала бы расширяться на континенте. После прецедента мирного урегулирования отдельные немецкие государства уже сами вели свою дипломатию, не прибегая к помощи императора как выразителя их интересов. Таким образом, окончание Тридцатилетней войны послужило консолидации европейской системы национальных государств.

Однако в то время как в Европе империи увядали, главные европейские государства создавали империи за пределами Европы, в Америке, Африке, Азии и на Тихом океане. Создание империй вдалеке от национальных территорий доставляло и средства, и стимул для формирования сравнительно могущественного, централизованного и гомогенного национального государства на континен-

те. Европейские державы воевали друг с другом в этих имперских зонах. Во время продолжительной войны после Голландского восстания голландцы сражались с Испанией в Америке, Африке и Азии и не только, голландские моряки практически изгнали Португалию (до подчинения испанскому монарху в 1640 г.) из Азии и Африки (Parker, 1975: 57–58). Хотя в 1648 г. эти далекие империи еще не были предметом переговоров.

Последующие мирные урегулирования заключались по образцу 1648 г. с одним важным отличием: на сцену выходят неевропейские империи. При этом, хотя положение победителя или проигравшего при окончании войны определяло положение государства при начале переговоров, но границы и правители решительно менялись в момент самого урегулирования. На деле государства часто отдавали завоеванные ими территории в обмен на другие, более нужные им. По договору в Бреде (1667), подписанному по окончании одной из многочисленных англо-голландских войн, все территориальные изменения происходили в Америке. Среди прочего голландцы отдали Нью-Амстердам (теперь Нью-Йорк) за Суринам, обмен, который (по крайней мере, в ретроспективе) свидетельствует о превосходстве тогдашней Британии над Голландией.

Война Аугсбургской лиги (1688–1697) восстановила короля Людовика XIV против составлявших эту лигу членов: сюда входили Священная Римская империя, Швеция, Испания, Бавария, Саксония, Палатинат и позднее Савойя; Голландия и Англия были союзниками лиги, не присоединяясь к ней. Франция, Англия, Испания и Голландия закончили войну договором в Рисвике. Кроме территориальных изменений, официальных признаний и гарантий безопасности, урегулирование включало новое англо-голландское соглашение и кое-что для Франции: Голландия возвращала Пондичерри (Индия) французской Ост-Индской компании в обмен на торговые уступки. С этого времени в европейских мирных договорах все больше фигурируют неевропейские территории.

К началу XVIII в. войны между великими державами Европы регулярно включали и сражения в далеких заморских краях, а последующие урегулирования часто предусматривали передел заморских империй. Так, война за испанское наследство началась в 1701 г., когда Людовик XIV захотел воспользоваться своим преимуществом в связи с восшествием на испанский престол его внука герцога Анжуйского. Среди прочих решительных действий хитрый Людовик немедленно отправляет войска для занятия удерживаемых испанцами крепостей во Фландрии. В ходе этой войны Франция и Брита-

ния воевали также в открытом море и в Америке, и в Индии. Война окончилась Утрехтским миром (1713), которым закреплялось положение Британии как ведущей колониальной державы и подтверждалось снижение положения Испании в Европе. По мирному договору среди прочего Британия получила Ньюфаундленд, Новую Шотландию (в Канаде), территорию Гудзонова залива, Гибралтар и Менорку, а также доступ в испанские колониальные порты, право поставлять рабов в испанские колонии, а также признание права наследования английского престола протестантами. Савойя аннексировал Сицилию и другие итальянские территории за счет Испании; Пруссия была признана королевством; Франция, хотя и оказалась проигравшей во многих отношениях стороной, не только вернула себе Лилль, но также Бурбон был признан королем Испании; и по (родственным) Рашштадскому и Баденскому договорам (1714) австрийские Габсбурги получили контроль над тем, что было до того испанскими Нидерландами.

Семилетняя война (1756–1763) и Война американской революции (1778–1784) снова восстановили Францию против Британии в Америке; в результате первой войны Франция уступила материковую Канаду, а во второй Британия потеряла 13 процветающих североамериканских колоний. С получением Соединенными Штатами независимости европейская политика занялась созданием новых членов системы государств, членом, находившихся исключительно за пределами Европы.

Венский конгресс (1815), которым закончились наполеоновские войны, собрал вместе представителей всех европейских держав, среди которых были представлены и будущие державы. Конгресс пересмотрел по большей части карту Европы: только несколько довоенных границ были восстановлены, но были созданы совершенно новые образования, такие как королевство Нидерланды, Германская конфедерация и Ломбардо-Венецианское королевство. Конгресс также добавил Британской империи Цейлон, Мыс Доброй Надежды, Тобаго, **Сент-Люсию**, Маврикий и Мальту. При этом урегулировании, а также во время переговоров после Первой мировой войны великие державы подошли совсем близко к тому, чтобы обдуманно кроить территории всей системы государств вплоть до определения границ, правителей и конституций отдельных государств.

На протяжении всего XIX в. до Первой мировой войны военные урегулирования производились множеством членом системы государств и определяли главные преобразования членства в нем.

Может быть, будет преувеличением рассматривать создание отдельной Бельгии (ставшей наследницей Нидерландов немедленно после Французской революции 1830 г. и выжившей благодаря прямой вооруженной интервенции французов) как отложенную часть урегулирования после наполеоновских войн. Но аннексия французами Савойи и Ниццы, а также создание королевства Италии — это следствие уже новой войны (1859) Франции и Пьемонта против Австрии. Образование и двойной Австро-Венгерской монархии, и Северо-Германской конфедерации (непосредственной предшественницы империи, которая сама была прямым следствием франко-прусской войны) проистекало из Австро-Прусской войны 1866 г. В юго-восточной Европе крымские, австро-германские и многочисленные русско-турецкие войны — все послужили причинами дальнейшей утраты контроля оттоманами и формирования новых национальных государств в условиях сильнейшего международного давления — Греции, Сербии, Румынии, Болгарии, Черногории. Урегулирование после Крымской войны (1856) вызвало очередное перекраивание Оттоманской империи и появление Турции как нового государства, в чем-то напоминавшего европейский формат.

Урегулирования после Первой мировой войны привели к последним более или менее общим, одновременным и согласованным переделам территорий в Европе. Независимость получили новые или восстановленные государства: Чехословакия, Венгрия, Польша и Югославия. Германия уступила немалые территории Франции, Польше и другим соположенным странам. Румыния получила Трансильванию, благодаря пусть и запоздалому, но переходу на сторону союзников. Распались на части остатки Оттоманской империи, а Лига Наций заняла место арбитра, выносящего свое суждение о поведении членов системы государств. Многосторонние договоры 1919 и 1920 гг. включали такие временные меры, как французский контроль (в отсутствие суверенитета) Саарской области. Эти договоры сильно пострадали от того, что американцы Лиги не приняли. Трещины, возникшие при урегулировании после Первой мировой войны, были провозвестниками тех разломов, которые случились в конце Второй мировой войны. К тому времени распространение на весь мир прежней системы европейских государств и появление таких географически и политически далеких от центра государств, как Япония и Соединенные Штаты, оказали сильнейшее давление на систему связей, более или менее работавших до того в течение 400 лет.

ЧЛЕНЫ СИСТЕМЫ

Какие же державы были великими? Сравним две новейшие попытки установить их список. Джордж Модельский и Уильям Томпсон для составления реестра «мировых держав» с 1494 г. до настоящего времени прибегли к сравнению их морской силы. Согласно определению этих авторов «мировой державой» можно признать ту, на долю которой приходится не менее 5% всех (военно)-морских расходов, или 10% всех военных кораблей в мире, и которая ведет активные действия на океанах, за пределами своего региона. Так же и Джек Леви составил каталог великих держав мира и главных войн, в которых они участвовали в 1495–1975 гг. великими державами он признает те государства (где бы они ни находились в мире), которые, по его мнению, имеют более высокие военные возможности сравнительно с другими, преследуют глобальные или континентальные интересы, защищают эти интересы посредством широкого набора средств, включая силу и угрозу силой, признаются самыми мощными государствами как важные акторы и формально пользуются исключительными правами в сфере международных отношений (Levy, 1983: 16–18). Леви считает, что согласно его критериям среди европейских держав не могут быть признаны великими Священная Римская империя, Венеция, Швейцарская конфедерация, Португалия, Польша и Дания в 1495–1975 гг. Оба списка включают:

<i>Государство</i>	<i>Леви</i>	<i>Модельский-Томпсон</i>
Португалия	–	1494–1580
Франция	1495 –	1494–1945
Англия/Великобритания	1495 –	1494–1945
Австрия ⁴	1495–1519, 1556–1918	–
Испания	1495–1519	1494–1808
Оттоманская империя	1495–1699	–
Объединенные Габсбурги	1519–1556	–
Нидерланды	1609–1713	1579–1810
Швеция	1617–1721	–
Россия/Советский Союз	1721 –	1714 –
Пруссия/Германия/Западная Германия	1740 –	1871–1945
Италия	1861–1943	–
Соединенные Штаты	1898 –	1816 –
Япония	1905–1945	1875–1945
Китай	1949 –	–

⁴ – включает австрийских Габсбургов, Австрию и Австро-Венгрию.

Употребление строгого критерия Модельского-Томпсона исключает определенное число великих держав, полагавшихся в первую очередь на армию, а не на флот. Некоторые из этих подсчетов можно оспорить. Без сомнения национальное государство под названием «Франция» существовало более или менее непрерывно после 1495 г. Не лишено смысла видеть некоторую непрерывность в той изменчивой сущности, которая последовательно называлась Англия, Великобритания и Соединенное Королевство. Но остается открытым вопрос, в каком смысле Пруссия, Германская конфедерация, Германская империя, Веймарская республика, Третий рейх и Федеративная республика Германии являются последовательными представлениями одной и той же сущности: Германия.

Также такие разные агломераты, как габсбургские земли появляются в каталоге четырежды: как Австрийские Габсбурги, Испания, Объединенные Габсбурги и Нидерланды. Кроме того, Испания и Габсбурги, конечно, не исчезли с карты Европы с отречением Карла V в 1556 г., как указывает хронология Леви; и в 1588 г. испанская Армада оставалась грозной силой. А вот существование «Испании» представляется проблематичным, если учитывать, что в военные 1630-е гг. Филипп IV, бывший номинальной главой иберийских королевств, не был в состоянии заставить Каталонию, Валенсию и несколько других своих земель присоединиться к военным действиям, которые вела тогда Кастилия. А что же с Португалией? Леви Португалию не упоминает. Модельский и Томпсон относят Португалию к мировым державам (этой элите великих держав) в период 1494–1580 гг., то есть в то время, когда Португалия была независима от испанской короны. Даже в последующие 60 лет испанской гегемонии Португалия выступала как отдельное государство. Короче, до XVIII в. трудно говорить об Испании в единственном числе в том, что касалось международных отношений. Таким образом, мы видим, что приведенные списки радикально упрощают сложившиеся в указанное время ситуации. Тем не менее они полезны, поскольку устанавливают (в первом приближении) распределение в порядке значимости европейских держав.

Оба списка обнаруживают очень сильную предвзятость авторов в отношении Европы. До включения в рассмотрение Соединенных Штатов (в 1816 г. по Модельскому-Томпсону, в 1898 г. по Леви), список состоит исключительно из тех стран, которые базировались главным образом в Европе. Соответственно, читателю трудно вообразить себе, что в 1495 г., например, в Китае было под ружьем около 1 млн. человек или что за пределами Европы процветали та-

кие империи, как империя Мали, империи Сонгаи, Персидская, империя Великих Моголов, ацтекская и инков. Из приведенных списков также не следует, будто европейская сеть была гораздо богаче и, следовательно, заслуживает большего внимания, чем другие. В XVII в. до половины добываемого в Америке серебра оседало в Китае в уплату за продаваемый им шелк, фарфор и другие предметы роскоши (Wakeman, 1985: 2–3). В это время доход на душу населения в Европе, очевидно, не превышал дохода на душу населения в Китае. Иными словами, до конца XVIII в. вовсе не было очевидным, что европейские державы были ведущими в экономическом отношении державами мира. Однако евроцентричность приведенных списков может быть оправдана с точки зрения военной мощи. Вскоре после 1495 г. европейские (и теперь уже полуевропейцы оттоманы) распространили военный контроль так далеко, что их система стала величайшей силовой системой в мире. К 1540-м гг., например, Оттоманская империя регулярно вступает в союзы с европейскими державами, например, с Францией. В силу же угрозы Италии и габсбургским землям со стороны турок она хорошо уравновешивала стратегии других крупных игроков.

К концу XV в. система европейских государств имела определенную структуру и список членов. Эта система была на пути к доминированию в мире. Компиляции Леви и Модельского-Томпсона определяют круг великих держав, но не других, меньших, членов системы. В качестве первого приближения к определению всей системы около 1500 г. мы можем принять классификацию Эдуарда Фуэтера в первом томе труда фон Бюлова и Майнике «Политическая история» (Fueter, 1919). Понятно, что Фуэтер строит свою классификацию государств на участии в войнах, спровоцированных французским и испанским вторжениями в Италию:

Большие государства, непосредственно участвовавшие в войнах с Италией:

Франция
Испания
Государства Габсбургов
Бургундия
Австрия
Германия
Венеция

Небольшие государства, участвовавшие непосредственно:

Милан
Флоренция

Папские государства

Неаполь и Сицилия

Генуя

Савойя

Другие небольшие итальянские государства: Анкона, Феррара, Урбино, Мантуя, Монако и т.д.

Швейцария

Большие государства, не принимавшие прямого участия:

Оттоманская империя

Англия

Малые государства, не принимавшие прямого участия:

Венгрия

Североафриканские корсарские государства

Польша

Шотландия

Дания, затем Дания и Швеция

Португалия

Персия

Наварра

Состав системы государств у Фуэтера отличается от списка государств и правителей Шпулера (Spuler, 1977: vol. 2) тем, что здесь собраны все члены Священной Римской империи (Баден, Бранденбург, Кельн, Ганновер, Гессен-Кассель, Майнц и дюжина других) в одно государство, тем, что свалены в одну кучу земли Габсбургов, не рассматриваются европейские государства, платившие дань Оттоманской империи (например, Босния, Молдавия и Валахия), а также тем, что полунезависимыми государствами Восточной Европы (например, Литвой) автор пренебрегает, но помещает в список Персию.

Фуэтер считает, что многочисленные государства Священной Римской империи следует считать единой Германией на том основании, что члены этой империи могли вступать в дипломатические отношения с другими государствами за пределами империи только через их избранного императора. Впрочем, он признает, что во время Реформации многие территориальные лорды Германии посчитали протестантство предпочтительной альтернативой императору, в то время как католицизм усугублял раздробленность империи (Fueter, 1919: 123–136). Также Фуэтер рассматривает как целое Кастилию, Арагон и территории, которые они контролировали, на том основании, что от их имени выступал их общий монарх (Fueter, 1919: 79–103). Он включает Персию в систему, поскольку европей-

ские государства иногда заключали союзы с персами против оттоманов и североафриканских пиратов, которые непрерывно нападали на плававших в Средиземном море.

Если мы сравним перечень государств в системе европейских государств Фуэтера (1492–1559) с двумя списками, относящимися к более позднему времени, той же серии Вальтера Платцхофа (1559–1660) и Макса Иммиха (1660–1789), то мы выявим следующие изменения в составе этой системы (Platzhoff, 1928; Immich 1905):

<i>Государство</i>	<i>1492–1559</i>	<i>1559–1660</i>	<i>1660–1789</i>
Австрия	+	+	+
Бранденбург-Пруссия	—	?	+
Бургундия	+	—	—
Дания	+	+	+
Англия	+	+	+
Флоренция	+	?	—
Франция	+	+	+
Генуя	+	+	?
Германия/Священная Римская империя	+	+	+
Венгрия	+	?	?
Ливония	—	+	—
Милан	+	—	—
Неаполь-Сицилия	+	—	—
Наварра	+	—	—
Нидерланды	—	+	+
Государство североафриканских пиратов-корсаров	+	—	—
Оттоманская империя	+	+	+
Папская область	+	+	+
Персия	+	—	—
Польша	+	+	+
Португалия	+	+	+
Россия	—	+	+
Савойя	+	+	+
Шотландия	+	+	+
Малые итальянские государства	+	+	+
Испания	+	+	+
Швеция	+	+	+
Федерация Швейцария	+	+	+
Венеция	+	+	+

Примечание: ? — не перечисленные, но упомянутые в тексте как отдельные государства.

Так как в 1500 г. Россия и Ливония уже существовали, хотя и имели слабые связи с остальной Европой, то единственным настоящим новообразованием были Нидерланды, возникшие в ходе восстания против Габсбургов и Бранденбург-Пруссии, сложившиеся за столетия войн. Упомянутые авторы из Германии, настаивая на существовании одной Германии даже после распада Священной Римской империи, упускают из виду, что такие важные государства, как Бавария и Саксония были независимыми. В списке Фуэтера Бургундия хотя и упомянута отдельно, но она еще в 1477 г. отошла к Франции, а бургундская династия Нидерландов в 1482 г. сдалась Габсбургам. При том что Священная Римская империя и империя Габсбургов распались на части, а независимые Нидерланды стали большим государством, основное движение в 1495–1789 гг. направлено к концентрации территорий: Милан, Неаполь, Наварра и Сицилия поглощаются Францией и Испанией, а Венгрия растворяется в Оттоманской империи, в то время как Шотландия соединяется с Великобританией. То есть мы видим, что шел процесс консолидации европейских государств.

Как эти государства были связаны друг с другом? Историки и политологи часто рассматривали систему европейских государств как простую иерархию, на вершине которой находилось одно гегемонистское государство или два, соревнующихся между собой (Gilpin, 1988; Modelski, Thompson, 1988; Levy, 1988; Thompson, 1988). Все теории гегемонистских войн были построены на предположении, что государства воюют за высшее положение. На деле ни одно государство никогда не доминировало в системе, как это требуется соответственно предложенной модели. На пике власти Франции к 1812 г. Великобритания и Россия вовсе не были подчиненными. Когда в течение XIX в. Великобритания процветала, Франция, Германия, Россия и Соединенные Штаты оспаривали власть Великобритании во всем.

Движение в модели единой иерархии очевидно и имеет критическое значение: власть проявляет себя всегда в зависимости от местоположения; тот, кто употребляет неограниченную власть в непосредственном соседстве, обнаруживает, что по мере удаления от своей базы его власть уменьшается. Как мы видели, Венеция некогда имела огромное влияние на Адриатике — собственно она некоторое время была наибольшей единой властью Европы — однако у нее не было никакой власти на Балтике. Гораздо лучше это положение описывается концепцией системы европейских государств как географически рассредоточенная (дисперсная) сеть, где некоторые го-

сударства оказываются более центральными и влиятельными, чем другие, но иерархии различаются по положению в системе.

И снова нам поможет работа Леви. Леви считает большой войну, в которой боевые потери составляют не менее 1 000 человек в год. Он не рассматривает гражданские, колониальные и империалистические войны. Согласно этим критериям мир пережил за период с 1495 по 1975 гг. 119 больших войн, в которых участвовала хотя бы одна великая держава. Грубо говоря, те, кто участвовал в этих войнах (в том числе невеликие державы), и определили состав системы государств в последние 500 лет. Так кто же был членами этой системы? Леви не говорит этого прямо, но мы можем сделать интересный вывод, если рассмотрим полный список участников войн за первые 20 лет в его перечне (1495–1514) (сам Леви не перечисляет всех воевавших, но их легко определить по любому историческому обзору):

Война Венецианской лиги (1495–1497): Франция, Венеция, Священная Римская империя, Папская область, Милан, Испания, Неаполь;

Польско-турецкая война (1497–1498): Османская империя, Польша, крымские татары, Россия, Молдавия;

Война Турции и Венеции (1499–1503): Османская империя, Венеция, Венгрия;

Первая миланская война (1499–1500): Франция, Милан;

Неаполитанская война (1501–1504): Франция, Испания, Папская область, Неаполь;

Война лиги Камбре (1508–1509): Франция, Испания, Австрийская Габсбурги, Папская область, Милан, Венеция;

Война Священной лиги (1511–1514): Франция, Англия, Испания, Австрийская Габсбурги, Папская область, Венеция, Милан, швейцарские кантоны;

Австро-турецкая война (1512–1519): Австрийские Габсбурги, Венгрия, Османская империя;

Шотландская война (1513–1515): Англия, Шотландия.

Этот список членов напоминает перечень Фуэтера за 1492–1559 гг., но он уже. По сравнению с перечисленными Фуэтером членами системы государств в перечне войн Леви пропущены Дания, Флоренция, Генуя, Савойя, североафриканские корсары, Персия и мелкие итальянские города-государства, поскольку все они в течение 20 лет участвовали в войнах великих держав только маргинально. Например, Флоренция объявила, что принимает сторону Франции в Войне Священной лиги — и пострадала за это при послевоенном урегу-

лировании; но в период 1495–1514 гг. флорентинцы так были заняты собственными внутренними спорами и восстаниями на зависимых территориях (вроде Пизы), что оставались решительно в стороне от больших сражений, бушевавших вокруг. На востоке же эти войны дают основания определиться России, Молдавии и крымским татарам – через военные столкновения с турками (Оттоманской империи) – как составляющим европейской системы государств.

На *рис. 6.1* представлено участие различных государств в этих войнах. Реальная картина при этом несколько упрощена, поскольку мы не принимали во внимание, кто воевал с кем, рассматривали как единое целое и Австрийских Габсбургов, и Священную Римскую империю, где они доминировали, и различали только: 1) неучастие в общих действиях, 2) общее участие в одной войне и 3) общее участие в двух и более войнах. Поскольку участие, по крайней мере, одной великой державы есть признак, по которому Леви включает войну в свой список, то и наш график преувеличивает главенствующую роль этих держав в войнах 1495–1515 гг. Впрочем, система европейских государств отражена довольно правдоподобно: Россия, Польша, крымские татары, Молдавия и Оттоманская империя образуют отдельную общность (ограничение списка только войнами, в которых участвовали великие державы, исключает упоминание неоднократных столкновений Польши с Россией и Польши с Ливонией за рассматриваемые два десятилетия. Впрочем, их включение в общий список только подчеркнуло бы особенности восточной и юго-восточной групп). Оттоманская империя воюет с ближайшими европейскими державами, Венгрия раскачивается между Венецией и Оттоманской империей, Англия и (в особенности) Шотландия остаются на периферии международных отношений, в то время как Арагон, Франция, Австрийские Габсбурги, Венеция, Папская область, Милан и Неаполь постоянно взаимодействуют. Подчеркнем, что Милан, Венеция и Папская область (которые по критериям Леви не были великими державами) постоянно находятся в центре европейских дел. Подчеркнем позицию Венеции, этого (по выражению Уильяма МакНила) «шарнира Европы», постоянное присутствие Оттоманской империи и слабое участие Северной Европы в целом.

Если мы продвинемся на полтора столетия вперед, то обнаружим совершенно иную систему государств. Приводимый Леви список войн с участием великих держав, которые велись в 1655–1674 гг. включает следующие:

Испанско-португальская (1642–1668): Испания, Португалия;

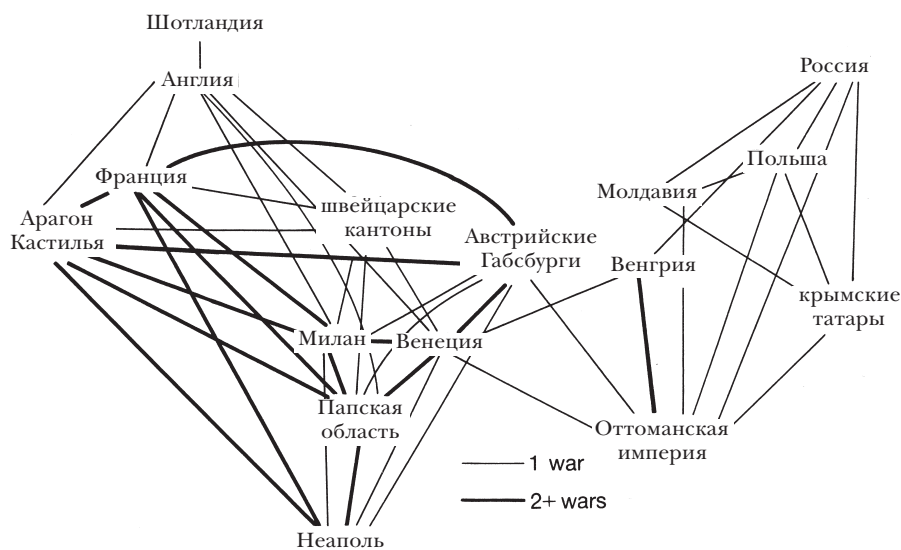

Рис. 6.1. Участие европейских государств в войнах великих держав, 1496–1514 гг.

Турецко-венецианская (1645–1669): Османская империя, Венеция, Франция;

Франко-испанская (1648–1659): Франция, Испания, Англия;

Шотландская (1650–1651): Шотландия, Англия;

Англо-голландская (1652–1655): Англия, Нидерланды;

Северная (1654–1660): Австрийские Габсбурги, Нидерланды, Швеция, Польша, Бранденбург, Россия, Дания;

Англо-испанская (1656–1659): Англия, Испания;

Голландско-португальская (1657–1661): Нидерланды, Португалия;

Турецкая (1657–1664): османов, Франция, Австрийские Габсбурги;

Шведско-бременская (1665–1666): Швеция, Бремен;

Англо-голландская (1665–1667): Англия, Нидерланды, Франция, Дания;

Деволуционная война (1667–1668): Франция, Испания, Австрийские Габсбурги;

Голландская (1672–1678): Франция, Нидерланды, Англия, Испания, Австрийские Габсбурги, Швеция, Бранденбург;

Турецко-польская (1672–1676): Османская империя, Польша.

На рис. 6.2 суммарно представлено участие государств в войнах. Рис. 6.2 свидетельствует о том, что система европейских государств стала более тесно спаянной, что она продвинулась решительно на север и больше не занималась так пристально «итальян-

скими делами». В 1655–1675 гг. хотя Франция и Испания не утратили прежнего значения, более центральное положение заняли Англия и Австрийские Габсбурги, и важными акторами в европейских делах стали Швеция, Нидерланды и Бранденбург. И пусть сравнительная власть и центральность положения участников существенно изменились в следующие 200 лет, но карта конца XVII в. сильно напоминает преобладающую структуру наших дней. Единственное, чего не отражает наш рисунок, так это все возрастающей вовлеченности большинства перечисленных государств в мировые дела за пределами Европы.

Диаграммы, относящиеся к более поздним периодам, просто невозможно прочитать; во-первых, на них все европейские государства соединены почти со всеми европейскими государствами. Кроме того, почти все соединительные линии выходят за пределы Европы. За 20 лет (1790–1809 гг.) великие державы вели следующие войны (по Леви): Русско-шведская (1788–1790): Россия, Швеция, Дания; войны *Французской революции* (1792–1802): Франция, Великобритания, Испания, Австрия, Голландия, Россия, Пруссия, Сардиния, Саксония, ГанOVER, Ольденбург, Гессен-Кассель, Баден, Вюртенберг, Бавария, Пьемонт, Парма, Модена, Мантуя, Папская область, Мальта, Венеция, Генуя, Швейцария, Египет, Османская империя, Португалия, Неаполь, Тоскана; *Наполеоновские войны* (1803–1815): Франция, Великобритания, Испания, Австрия, Россия, Пруссия, Швеция, Бавария, Вюртемберг, Гессен, Нассау, Неаполь,

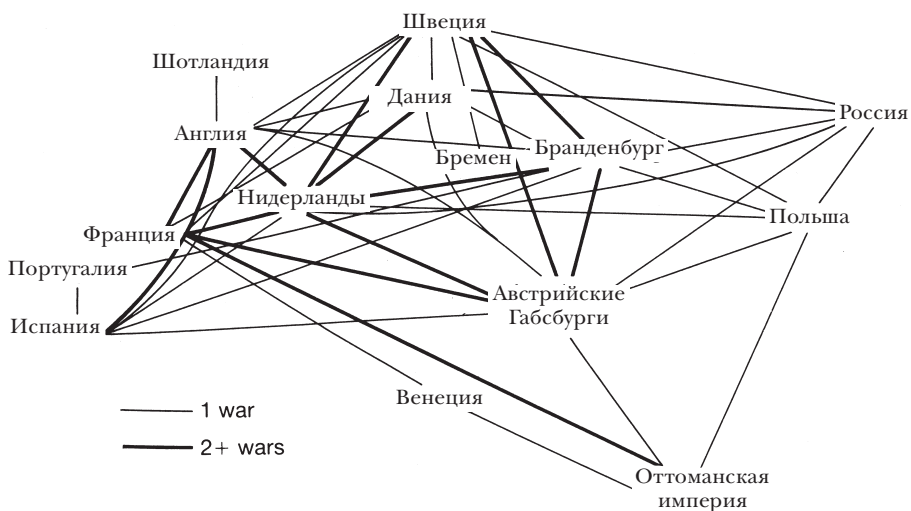

Рис. 6.2. Участие европейских государств в войнах великих держав, 1656–1674 гг.

Баден, Дармштадт, Берг, Брауншвейг (Brunswick), Нюрнберг, Оттоманская империя, Молдавия, Валахия; Nurnberg, Ottoman Empire, Moldavia, Wallachia *Русско-турецкие* (1806–1812): Великобритания, Россия, Оттоманская империя; *Русско-шведские* (1808–1809): Россия, Швеция, Дания.

За исключением довольно отдельного «треугольника»: Россия, Швеция и Дания – мы вполне можем считать этот период одной продолжительной войной, которая шла во всех европейских государствах; почти каждое европейское государство, включая Оттоманскую империю, было вовлечено в действия с каждым другим, а вторжение Наполеона вовлекло в эту войну и Египет. Расширив временные рамки этого периода до 1812 г., мы обнаруживаем, что и недавно образованные Соединенные Штаты также вошли в эту систему. Но, несмотря на участие упомянутых «посторонних» а также на то, что эти войны шли на многих колониальных территориях, все-таки войны этого периода были преимущественно европейскими.

Скоро, однако, войны великих держав перестали быть исключительно войнами европейских государств. После 1815 г. система определенно и драматично изменилась. Три решительные перемены произошли в системе европейских государств между Франко-пруссской войной 1870–1871 гг. и концом Первой мировой войны: раздробленные государства Германии и Италии консолидировались в довольно значительные и относительно единые национальные государства; Оттоманская империя и империя Габсбургов распались на несколько отдельных национальных государств, и многочисленные европейские государства воевали друг с другом и с туземными народами, создавая колониальные империи в Африке, Азии и на Тихом океане. В это время договоры между европейскими державами – например, Тройственный союз Германии, Австрии и Италии – обычно содержали условия, касающиеся защиты интересов договаривающихся сторон в колониях по отношению к другим европейским государствам. Вскоре это столкновение интересов приведет к войне: открытой и скрытой.

В течение следующих 20 лет (1880–1899) мы насчитываем следующие большие войны (т.е. потери в которых были не меньше 1000 человек в год): *Англо-афганская* (1878–1880: Великобритания и Афганистан), *Тихоокеанская* (1879–1883: Чили, Боливия и Перу), *Франко-индокитайская* (1882–1884: Франция и Индокитай), *Махдистская* (1882–1885: Великобритания, Египет и Судан), *Китайско-французская* (1884–1885: Франция и Китай), *Центральноамериканская* (1885: Сальвадор, Гватемала), *Сербо-болгарская* (1885: Сербия и Бол-

гария), *Франко-мадагаскарская* (1894–1895: Франция и мадагаскарцы), *Кубинская* (1894–1848: Испания и кубинцы), *Китайско-японская* (1894–1895: Китай и Япония), *Итало-эфиопская* (1895–1896: Италия, эфиопы), *Первая филиппинская* (1896–1898: Испания и Филиппины), *Греко-турецкая* (1897: Оттоманская империя, Греция), *Испано-американская* (1898: Испания и США), *Вторая филиппинская* (1899–1902: США и Филиппины) и *Бурская* (1899–1902: Великобритания и буры (Small, Singer, 1982: 85–99)). Леви не считает ни одну из этих войн большой и только Китайско-французскую причисляет к войнам с системой великих держав. Во всех остальных участвовали или малые державы, или большие державы с колониальными народами. Все войны, кроме двух (Сербо-болгарской и Греко-турецкой, происходивших по краям распадавшейся Оттоманской империи), начались далеко от Европы.

Урегулирования Первой мировой войны (более или менее конечные) и Второй мировой войны (все еще не окончательные) привели к новым изменениям в системе европейских государств, включая волну деколонизации после 1945 г. В самом деле после Первой мировой войны становится все труднее отделить европейскую систему от быстро формирующейся мировой системы государств. В Первую мировую войну воюющими сторонами были не только почти все европейские государства, но также Турция, Япония, Панама, Куба, Боливия, Сиам, Либерия, Китай, Перу, Уругвай, Бразилия, Эквадор, Гватемала, Никарагуа, Коста-Рика, Гаити и Гондурас. Войска поставлялись и европейскими колониями в Африке, Азии и Тихом океане.

В последние десятилетия войны стали еще более интернациональными. В течение последних 20 лет, которые рассматривал Леви (1956–1975), Смол и Сингер насчитывают 12 межгосударственных войн, в которых гибло, по крайней мере, 1000 человек в год:

- Русско-венгерская* (1956): СССР, Венгрия;
- Синайская* (1956): Франция, Великобритания, Израиль, Египет;
- Китайско-индийская* (1962): Китай, Индия;
- Вьетнамская* (1965–1975): Северный Вьетнам, Южный Вьетнам, Таиланд, США, Кампучия, Корея, Австралия, Филиппины;
- Вторая кашмирская* (1965): Пакистан, Индия;
- Шестидневная* (1967): Израиль, Египет/Объединенная Арабская Республика, Иордания, Сирия;
- Израильско-египетская* (1969–1970): Израиль, Египет/Объединенная Арабская Республика;
- Футбольная* (1969): Сальвадор, Гондурас;

Бангладешская (1971): Индия, Пакистан;
Йом-Киппур (1973): Израиль, Египет / Объединенная Арабская Республика, Ирак, Сирия, Иордания, Саудовская Аравия;
Турецко-киприотская (1974): Турция, Кипр;
Вьетнамско-камбоджийская (1975–): Вьетнам, Кампучия.

Из приведенных в данном списке войн лишь некоторые были с участием великих держав (как их определяет Леви): российское вторжение в Венгрию (1956), Синайская война (1956), Китайско-индийская (1962) и война во Вьетнаме (1965–1973). Из этих четырех только одна шла в Европе. В Венгрии произошло подавление восстания в сателлитном государстве одной из главных мировых держав. На Синае сразу после Израиля на египетскую территорию вторглись Франция и Великобритания, а Египет в ответ вошел в зону Суэцкого канала и затопил корабли, чтобы блокировать его. Миротворческие войска ООН стабилизировали положение на этой территории, и через два месяца Израиль отвел свои войска с Синайского полуострова, кроме сектора Газа и Шерм-аль-Шейха. На китайско-индийской границе китайские войска вторглись в горные районы, после того как Индия попыталась оккупировать высокогорье. В спорном районе. Китайские войска остановили наступление, а затем отошли.

Вьетнамский конфликт намного превзошел другие и длительностью, и потерями: за десять лет жестоких боев, боевые потери составили 1,2 млн человек, не считая громадных потерь среди гражданского населения (Small, Singer, 1982: 93). Бывший колонизатор Франция – из Вьетнама ушел, оставив после себя войну между двумя частями разделенного государства. По прошествии двух лет необъявленного участия величайшая в мире держава – Соединенные Штаты совершила открытую интервенцию, введя громадные силы, которые, однако, не смогли одержать победу. Позднее американские войска вторглись в соседнюю Камбоджу и бомбили ее города. Набиравший силы соседний Китай внимательно следил за тем, как прямо за его границами Советский Союз поддерживал Северный Вьетнам, в то время как Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея, Филиппины и Таиланд помогали американцам на юге, и как весь этот конфликт, бурля, перелился в Лаос, где началась гражданская война. И камбоджийско-вьетнамская война выросла из столкновений, которые начались во время американской интервенции во Вьетнам.

Вьетнамская война показала, что случилось с системой государств. Войны между великими державами или с их участием стали

не такими частыми, но чрезвычайно выросла их разрушительная сила. Все большее количество крупных войн происходило внутри существующего государства, когда какая-то из великих держав вторгалась прямо или опосредованно от имени какой-нибудь партии и начиналась гражданская война. За исключением особых притязаний сепаратистов, столкновения редко были вызваны территориальными притязаниями какого-то государства; вместо этого стороны боролись за контроль над существующим уже государством в его установившихся границах. Государственное преследование, уничтожение части населения или изгнание этнических меньшинств — все это порождает потоки беженцев в масштабах, каких не знала мировая история. К тому же вытеснение европейского равновесия биполярной советско-американской гегемонией покончило с практикой общих мирных урегулирований.

Отмечаемые изменения стали решительным разрывом с прошлым. Изменились ставки, которые делались на войну: больше ни один правитель государства не мог надеяться приобрести (или потерять) сколько-нибудь значительные территории путем агрессии. Территориальные войны Израиля с его соседями не удивили бы европейцев XVIII в., но после 1945 г. они представлялись аномалиями. Все больше войны велись за то, кто будет править тем или иным государством, какие государства будут контролировать политику других государств и какие будут происходить трансферты ресурсов, людей и товаров между государствами.

ФОРМИРОВАНИЕ МИРА ИЗ СВЯЗАННЫХ МЕЖДУ СОБОЙ ГОСУДАРСТВ

Три поразительные вещи случились за последние пятьсот лет. Во-первых, почти вся Европа стала национальными государствами с хорошо определенными границами и взаимными связями. Во-вторых, европейская система распространилась практически на весь мир. В-третьих, другие государства, действуя совместно, оказывают все большее влияние на организацию и территорию новых государств. Эти три изменения тесно связаны, поскольку ведущие государства Европы активно распространяют свою систему как посредством колонизации, так и через завоевание и проникновение в неевропейские государства. Создание сначала Лиги Наций, а затем Организации Объединенных Наций было просто ратификацией и совершенствованием организации всех людей земли в единую систему государств.

Каков же смысл этих изменений? Обычно формирование государства происходило как переход от сравнительно «внутренних» к сугубо «внешним» процессам. Война оказывала сильнейшее влияние на формирование государства на всем протяжении того исторического периода, который мы здесь рассматриваем, причем этот процесс всегда был внешним. Так, чем больше мы углубляемся во времени назад, тем лучше нам видно, что правители и будущие правители стремятся укротить население на территориях, которые подлежат их контролю, отбить вооруженных соперников на этих территориях, покорить прилегающие земли и народы и создать свои собственные монопольные силы. То есть мы видим, что они непреднамеренно строят государства, в структуре которых отразились те битвы и переговоры, посредством которых они создавались. Напротив, если мы станем двигаться во времени вперед, мы увидим, что между государствами устанавливается все больше согласия относительно судьбы любого отдельного государства – по крайней мере, до Второй мировой войны (Charman, 1988; Cronin, 1988; Cumings, 1988; Dower, 1988; Eden, 1988; Geyer, 1988; Gran, 1988a; Levine, 1988; Rice, 1988; Stein, 1988).

Появление Бельгии как отдельного государства иллюстрирует высокую значимость внешних связей в Европе (Clark, 1984; Zolberg 1978). Не бывшая никогда до 1831 г. отдельным и объединенным государством, Бельгия была сформирована примерно в том секторе Нидерландов, который после Нидерландского восстания удерживала сначала Испания, а затем Австрийские Габсбурги. В 1795 г. Франция завоевала эти территории и включила в свой состав, в дальнейшем Франция их удерживала до соглашения 1815 г. Двадцать лет французского правления изменили экономику этого региона и превратили его в один и передовых индустриальных центров Европы. Постнаполеоновское соглашение относило этот регион к вновь образованному королевству Нидерланды. Вскоре коалиция промышленников, либералов, франкофонов и католиков (категории населения, состав которых часто совпадал, но ни в коем случае не был идентичен) начала бороться за предоставление ей региональных прав.

В октябре 1830 г. активисты этой коалиции, вдохновленные Июльской революцией в соседней Франции, создали временное революционное правительство, а угроза возмездия со стороны французов удержала голландское правительство от применения силы. В ноябре англичане созвали конференцию европейских государств, которая в следующем месяце провозгласила разделение королевства

Нидерланды на две составляющие его части. Под пристальным надзором со стороны Франция и Великобритании «новорожденные» бельгийцы задумались о короле и написании либеральной конституции. Когда Лондонская конференция предложила долгосрочное соглашение, которое было невыгодно Голландии, голландский король Вильгельм послал армию, разбил импровизированные бельгийские войска и спровоцировал французское вторжение. Позднее британцы также присоединились к усилиям по изгнанию голландских войск с территории, которая теперь была Бельгией. В 1839 г. наконец король Вильгельм принимает соглашение, по которому не только признавалась Бельгия, но также и устанавливается независимое (хотя территориально уменьшенное) герцогство Люксембург как отдельное государство. От начала до конца вступление Бельгии в систему европейских государств шло по каналу, прокопанному ее могучими соседями.

За последние три столетия пакты могущественных государств все больше сужают рамки, в которых происходит всякая борьба за власть. Раньше они делали это посредством международных послевоенных соглашений, создания колоний, распространения стандартных моделей армий, бюрократий и других элементов государственного аппарата, через создание международных организаций, обслуживающих систему государств, коллективное обеспечение национальных границ и интервенцию, когда надо было поддержать внутренний порядок. Эти ограничения сокращают возможность альтернативных путей формирования государств. По всему миру формирование государства все больше сводится к более или менее сознательному созданию национальных государств — не империй, не городов-государств, не федераций, но национальных государств — по моделям, предложенным, финансируемым и навязываемым великими державами.

Не то чтобы будущие правители или их патроны заказывали целое государство просто как сборный дом. Когда европейское государство устанавливает суд, фискальную систему, полицию, армию или школы в одной из своих колоний, оно обычно следует европейским рецептам. Когда независимые государства третьего мира обращаются к великим державам за помощью в организации рынков, производства или военных сил, великие державы обычно убеждают их организовывать все это на европейский манер. Когда такие международные институты, как Всемирный [Мировой] банк дают деньги в долг ведущим борьбу неевропейским государствам, они обычно оговаривают необходимость, чтобы эти (берущие) государ-

ства провели «реформы», насаждающие у них европейскую и американскую практики. Когда, наконец, бедные страны ищут, куда бы послать учиться своих бюрократов, специалистов или армейских офицеров, они часто посылают их на учебу в Европу или страны, где сильно влияние европейцев. Как только национальное государство возобладало в Европе и тех частях мира, которые заселены главным образом европейцами, оно стало шаблоном для формирования государства повсюду.

Почему национальное государство? Национальные государства победили в мире в целом, потому что сначала они победили в Европе, и европейские государства затем стали воспроизводить себя. Они победили в Европе, потому что самые сильные государства — прежде всего Франция и Испания — восприняли такие формы ведения войны, которые позволили (временно) сокрушить их соседей, такие формы, которые развились как побочный продукт централизации, дифференциации и самостоятельности государственного аппарата. Этот шаг указанные государства сделали в конце XV в. в связи с тем, что они тогда только что завершили изгнание соперничающих держав со своих территорий и потому что у них был доступ к капиталистам, которые могли помочь финансировать войны с помощью дорогих фортификационных сооружений, артиллерии и, главное, наемных солдат.

Но не будем преувеличивать: морские государства, как Голландская республика и Венеция, еще в течение столетия с успехом соперничали с основными сухопутными государствами. Для поставок внутрь страны важно было контролировать побережье, кроме того, флоты морских держав помогали предотвращать вторжения, росло значение заморских империй. Некоторые сравнительно некоммерциализованные государства, как Швеция и Бранденбург, сумели создать конкурентоспособные военные силы благодаря громадному (с применением принуждения) проникновению вглубь своих территорий. Но, в конце концов, только те страны, где немалые источники капитала сочетались с громадным населением, обеспечивавшим значительные военные силы, преуспевали в ведении войны в европейском стиле. Эти страны были или стали национальными государствами.

Национальные государства, без сомнения, возобладали бы в Европе, даже если бы Франция и Испания были менее агрессивны в конце XV в. В XVI—XVII вв. многие другие европейские государства делали попытки завоеваний в Европе, добиваясь на какое-то время успеха: сразу приходят на ум Швеция, Бранденбург и Россия.

Кроме того, Голландская республика, Португалия и Великобритания начинают вести конкурентную борьбу за колониальные империи, оказывая во многом сходное воздействие на отношения государства с гражданами. В 1500 г. европейские государства осуществляли политический контроль над примерно 7% мировой суши, в 1800 г. — над 35%, а в 1914 г. — над 84% (Headrick, 1981: 3). Одна эта экспансия сама по себе способствовала распространению национальных государств по всему миру. Если бы в ходе борьбы возобладали другая форма государств, тогда бы их (иной) характер сильно повлиял на пути и результаты формирования европейских государств. В результате экспансии капитала и реорганизации способов ведения войны в XVI в. — преобладающими неуклонно становятся национальные государства.

КАК НАЧИНАЮТСЯ ВОЙНЫ

Порожденная войной система определила условия, при которых ее члены вступали в войну. Эти условия, при которых государства вступали в войну, значительно менялись — и не раз — в течение того длительного периода, который мы здесь исследуем. При значительных модуляциях, бывших функцией таких переменных (как главные соперники государства, характер его господствующих классов и вид защитной деятельности государства от имени господствующих классов) — условия менялись как функция теперь известной постоянной логики, действовавшей и при изменяющихся обстоятельствах: правители обычно старались создать безопасную зону, внутри которой они могли получать доходы от принуждения, и укрепленную буферную зону для защиты зоны безопасности. При благоприятном исходе буферная зона (на время) становилась безопасной, и носитель принуждения расширял свои притязания, стремясь присоединить новую буферную зону, прилегающую к старой. Если же и соседние государства придерживались такой логики, начиналась война. В Европе, как только распалась Римская империя, тысячи магнатов, имевших войско, занялись одним и тем же. В результате началась непрекращающаяся, широко распространившаяся (хотя главным образом региональная) война. Позднейшие расширения территорий государств, установление компактных национальных государств на многих территориях и обеспечение границ посредством международных договоров значительно сократили протяженность уязвимых границ, но не покончили с логикой, ведущей к войне.

Другие же условия изменились радикально. В эпоху *патримониализма* (до 1400 г. в большинстве стран Европы) группы, которые контролировали значительные средства принуждения, обычно были или родственниками, соседями, или связанными клятвой сообществами воинов — или комбинациями всех трех видов. Герцогские роды — это группы первого рода, ордена крестоносцев — второго, а феодальная аристократия — представляет собой комбинацию первого и второго. Группы, которые контролировали значительные средства принуждения, обычно стремились до предела увеличить дань, взимаемую с окружающего населения, если необходимо, то силой, а также обеспечить на будущее возможность взимать эту дань своим потомкам и последователям. Вступая в браки друг с другом, создавая касту благородного сословия и (при поддержке католической церкви, которая также извлекала пользу из земель и доходов) устанавливая повсеместно принимаемые правила наследования, правящий класс закладывал основания династической политики, где браки цементировали межгосударственные союзы, а наследование становилось предметом внимания нескольких государств. В то же время крестьянские общины, городские ополчения, банды разбойников и другие сообщества, которые не могли рассчитывать на поддержку государства, вели собственные войны. Соответственно войны возникали всякий раз, когда один носитель власти выказывал некоторую слабость относительно своего соседа, когда возникали неясности с наследованием или когда на сцене появлялся новый завоеватель.

Что касается первой половины рассматриваемого тысячелетия, то едва ли даже стоит задаваться вопросом, *когда* государства воевали, поскольку большинство государств находились в состоянии войны почти постоянно. Правда, в то время многочисленные армии составлялись из ополчений и рекрутов, поставляемых как феодальные оброки, так что кампании обычно продолжались лишь несколько месяцев каждого года. Когда же начиналась интернациональная война, тем не менее она обычно продолжалась в течение нескольких кампаний. Так, в 1150–1300 гг. отмечается едва ли не размеренный ритм ежегодных войн в Англии и Франция, но тогда же идет непрерывная война в Скандинавии, России, Италии на Средиземном море и в Иберии. В период раздробленных суверенитетов, к тому же, стирается разница между солдатами, бандитами, пиратами, мятежниками и лордами, исполняющими свой воинский долг, и все сливается в один поток насильственных действий. В перерывах между крупными кампаниями множат-

ся местные битвы. Так что в отношении периода до 1500 г. важно не *когда* государства воевали, а кто воевал с кем, как часто и насколько жесточно.

С XVI в. ситуация решительно меняется. Формирование системы государств, разделение военного образа жизни и гражданского и разоружение гражданского населения — все это обострило различия между войной и миром. Война становится более интенсивной и разрушительной, начавшись, продолжается дольше, но становится более редким событием. В этом отношении XX в. лишь продолжает эту устойчивую тенденцию.

Во времена брокеража (в важнейших странах континента — 1400–1700 гг.) государственная политика по-прежнему определяется династическими амбициями. Однако государственный аппарат (в основном) и масштабы военных усилий в это время показывают, что интересы господствующих классов, поддерживающих государство, серьезно ограничивали возможности войны; поскольку монархи тогда уже могли мобилизовывать средства ведения войны только с согласия и при поддержке этих классов. В государствах интенсивного принуждения важнейшими были интересы землевладельцев. В государствах интенсивного капитала — интересы держателей капиталов (капиталистов).

При режиме брокеража войны все еще начинались, если такие возможности открывались для династии: в условиях слабости соседних государств или с приходом завоевателей (таких как татары или турки). Однако кое-что изменилось. Теперь чаще причиной войны становятся коммерческие возможности господствующих классов или угроза этим возможностям. Государства с расширяющейся экономической базой теперь шире этим пользуются, чтобы отразить внешние угрозы, союзы государств определяются теми же факторами (возможностями и угрозами). Союзы государств часто заключаются для сдерживания экспансии самого сильного государства. Сами же растущие государства чаще воюют за расширение прилегающих к ним территорий, а не для присоединения новых доставляющих дань единиц (независимо от их местоположения), и широкие восстания в связи с попытками правителей получить (у населения) средства ведения войны или навязать национальную религию все чаще становятся причиной интервенции соседних государств. Тем временем в результате постепенного разоружения гражданского населения сокращается количество неправительственных групп как возможных воюющих сторон, но, увы, не как жертв войны. Теперь скорее защита братьев по вере (а не династические интере-

сы наследования) чаще становится основанием для вмешательства (интервенции) одного государства в дела другого.

По мере того как европейские государства переходили к фазе создания *национальных* государств (в особенности, в 1700–1850 гг., при большой вариативности форм), династии утрачивали способность развязывать войны от своего имени. Теперь в вопросах воевать или не воевать начинает доминировать то, что мы можем приблизительно назвать «национальным интересом». Национальный интерес — это обобщенный интерес господствующих классов, спланирующее их стремление контролировать смежные территории и население в Европе, вместе с жестокой конкуренцией за неевропейские территории.

На этапе образования национальных государств три важнейшие новации влияли на условия развязывания войны: состояние (на определенный момент) всей системы государств — в особенности сложившийся к этому времени баланс сил — начинает оказывать сильнейшее воздействие на возможность начала войны и место ее ведения (Levy, 1988). Все чаще в войну вступают два государства, приближающиеся к паритету сил, тем более если они занимают соседние территории (Organski, Kugler, 1980; Moul, 1988; Houweling, Siccama, 1988). Теперь общий (а не на душу населения) национальный доход как никогда раньше ограничивает военные возможности государств, так что в системе государств начинают доминировать большие государства развитой торговли и промышленности. В Европу и связанные с ней территории приходит эпоха развязывания войн на основе рациональных соображений относительно возможной победы и минимализации потерь. В то же время третьи силы все чаще вмешиваются в ход национальных восстаний против составных **монархий**,⁵ как в случае, когда Франция, Британия и Россия поддержали восстание греков 1827 г. против Оттоманской империи. Основанием для интервенции становится национальная общность, а не порядок наследования или религиозная общность.

На следующем этапе *специализации* условия развязывания войн изменились сравнительно мало, за исключением того, что все большую роль играет — прямое или не прямое — соперничество империй вдали от их национальных территорий (в колониях). После

⁵ Типичный случай, когда автор употребляет словосочетание, вообще-то являющееся термином (составная монархия — сословно-представительная монархия), но в другом значении, как свободное словосочетание: неоднородная (Оттоманская) империя, состоящая из множества отдельных частей.

1945 г. противостояние Советского Союза и Соединенных Штатов почти покончило с войнами между европейскими государствами в Европе и превратило точки соприкосновения Советов, американцев и китайцев за пределами Европы в места особого национального интереса.

С национализацией и специализацией вооруженных сил интернациональная война вступила в обратную связь с революцией, восстанием и гражданской войной. В течение столетий, пока обычно государства контролировались династиями, ослабление в группе правящих родственников — например, смерть короля в то время как наследник еще был ребенком или отсутствие наследника — становилось сигналом для государств-соперников совершить нападение. Если при этом сначала происходило восстание, то восставшие приглашали к интервенции от имени претендента. Когда первейшей важности государственными вопросами стали вопросы веры (особенно в 1520–1650 гг.), появились еще более неоспоримые причины для интервенции. И усилия правителя получить еще больше средств на ведение войны у сопротивляющегося этому населения, и ослабление государства в связи с военными потерями провоцировали восстания и гражданские войны. Когда же коалиция мятежников одерживала победу над правителями, смещала их и переходила к социальным преобразованиям, то начиналась полномасштабная революция.

Все великие европейские революции и некоторые меньшие начались с трудностей, вызванных войной. Английскую революцию вызвали попытки Карла I, в обход парламента получить средства для ведения войны на континенте и в Шотландии и Ирландии. Французскую революцию приблизил долг французской монархии, появившийся во время Семилетней войны и Войны за независимость в Северной Америке. Потери России в Первой мировой войне дискредитировали самодержавие, способствовали военным поражениям, ослабили государство, обнажили его слабые стороны, и последовала революция 1917 г.

Формирование государства также влияло на ритм и характер коллективных народных действия, помимо революции. На этапах брокеража и создания национальных государств эпизодические, но сильно возмущавшие потребности в деньгах и людских ресурсах то и дело вызывали сопротивление на сельском или региональном уровнях. Люди на местах выгоняли сборщиков налогов, нападали на дома откупщиков, прятали своих сыновей от вербовщиков, обращались с петициями к королю, просили своих патронов всту-

питься за них, а также сопротивлялись попыткам описать их имущество. Народ был особенно враждебно настроен против тех местных деятелей, которые были связаны с государством или как государственные должностные лица, или как агенты его непрямого правления. На поздних стадиях создания национальных государств и при переходе к специализации коллективные народные действия также приобретали национальный характер и становились все более самостоятельными. Поскольку политика и запросы национального государства все непосредственнее отражались на их судьбах, рабочие, крестьяне и вообще простые люди объединялись, чтобы предъявить государству свои требования, требуя не только корректировки государственной политики, но и таких прав, какими они никогда не пользовались в национальном масштабе (Tilly, 1975; Tilly 1986). Оформляется народная политика, принимая вид политических партий, союзов по интересам, национальных общественных движений и других. Таким образом, война была двигателем не только развития системы государств и формирования отдельных государств, но и влияла на распределение власти в государстве. Даже в последние несколько веков цивилизации правительств западного образца — война оставалась определяющей деятельностью национальных государств.

ШЕСТЬ ВАЖНЫХ ВОПРОСОВ

Для того чтобы определить, как далеко мы зашли, давайте вернемся к вопросу, с которого мы начинали, но на этот раз изменим порядок, переходя от более детальных вопросов к общей проблеме.

Чем объясняется, в общем-то, концентрическая структура формирования государств в Европе в целом? Мы теперь понимаем, что данный вопрос в некоторых отношениях неправильно определяет первоначальную ситуацию. В 990 г. почти вся Европа жила в состоянии раздробленности и фрагментарного суверенитета. Однако характер и степень раздробленности варьировались. В отдельных сегментах внешнего круга крупные землевладельцы и воинственные кочевники употребляли принуждение в условиях относительной автономии, хотя по большей части один из них получал титул герцога, хана или короля, и тогда остальные его защищали и платили ему дань, а он имел право время от времени призывать остальных к себе на военную службу.

Громадные, связанные с географией Европы различия путей формирования государства отражали, как по-разному распреде-

лялись принуждение и капитал. Во внешнем кольце (примером здесь могут служить Россия и Венгрия) недостаточная концентрация капитала и, следовательно, слабое развитие городов и капиталистов, засилье вооруженных землевладельцев и борьба с такими мощными завоевателями, как монголы, — все это давало преимущества правителям, которые могли силой получать у землевладельцев и крестьян воинов, не привлекая для этого больших денежных средств. Государства, шедшие по пути интенсивного принуждения, брали себе в союзники землевладельцев и духовенство, порабощали крестьянство, создавали громадные бюрократии и душили свою буржуазию.

Во внутренней зоне (для которой типичны Венеция и Нидерланды) концентрация капитала и преобладание капиталистов одновременно способствовали созданию вооруженных сил и препятствовали захвату государства специалистами по принуждению. В течение столетий морские державы этой зоны пользовались большой экономической и политической властью. Однако в конце концов они оказались сначала зажаты, а затем завоеваны большими расположенными на суше государствами, имевшими возможность набирать большие армии за счет собственного населения.

Промежуточное положение занимали те государства — в особенности Франция, Британия и позднее Пруссия — которые одновременно сочетали немалые источники капитала со связями с владевшими землей хлеборобами, что способствовало созданию массовых армий. Свойственная этим государствам способность содержать армии за счет собственных ресурсов, наконец, привела к тому, что они стали доминирующими формами государства. Деятельность по созданию армий затем рано превратила их в национальные государства.

На Пиренейском полуострове наблюдается интересное сочетание всех трех типов: Каталония под властью Барселоны действовала сходно с городом-государством, пока процветала торговля на Средиземном море; Кастилия, строившая военную мощь на основе воинов-аристократов и закрепощенного крестьянства, но также за счет иностранных богатств пользовавшаяся наемниками; Португалия, резко делившаяся на Лиссабон и сельскую глубинку. Еще другие комбинации можно видеть в Валенсии, Андалусии, Наварре и других районах. Но ведь и все государства обнаруживают больше составных элементов, чем того требует моя типологизация: Великобритания с Англией, Уэльсом, Шотландией, Ирландией и другими заморскими владениями; Пруссия, которая со временем растя-

нулась от сельской Померании до урбанизированной Рейнской области, громадная Оттоманская империя, раскинувшаяся от Персии до Венгрии и включающая важные для торговли острова Средиземного моря, различные империи Габсбургов и их наследников, разбросанные почти во всех климатах и экономиках Европы. Выделение путей формирования государства с интенсивным принуждением, интенсивным капиталом или с капиталом и принуждением хотя и охватывает значительную часть географических и временных типов, но не исчерпывает всех возможностей.

Почему, несмотря на очевидную склонность к противоположному, правители часто идут на установление представительских институтов основных классов для населения, находящегося в юрисдикции государства? Все монархи играли в одну игру — они играли в войну и боролись за территории — но при совершенно разных обстоятельствах. Чем дороже и сложнее становилась война, тем больше приходилось монархам вести переговоры для получения на нее необходимых средств. В результате переговоров возникали или укреплялись представительные институты: Штаты, Кортесы и, наконец, национальные законодательные собрания. Переговоры велись в самых разных формах: от кооптации с предоставлением привилегий до подавления при помощи массовых армий. Но в результате переговоров суверен приходил к договору со своими подданными. И хотя правители таких государств, как Франция и Пруссия, в течение нескольких веков умудрялись обходить старинные представительские институты, но со временем эти институты или их преемники приобретали все больше власти (сравнительно с властью короны), поскольку росло значение регулярных налогов, кредитов и выплаты долгов в деле дальнейшего строительства вооруженных сил.

Почему европейские государства так сильно различались в отношении включения городских олигархий и институтов в структуру национального государства? Есть две причины, почему в целом городские институты стали устойчивыми элементами структуры национального государства там, где — и до известной степени потому что — преобладал концентрированный капитал. Во-первых, мощные группы капиталистов в течение долгого времени имели стимулы и средства блокировать всякую попытку землевладельцев-некапиталистов аккумулировать в своем регионе власть принуждения. Во-вторых, потому, что поскольку масштабы войны и траты на войну росли, правители, имевшие доступ к кредиту и коммерциализованной, легко облагаемой налогами экономике, получали преимущества в деле ведения войн. Это обстоятельство обеспечивало главным торговым

городам и их олигархиям значительное влияние при ведении переговоров.

На одном полюсе мы видим Польшу, где из-за слабости капитала в государстве наибольшим было влияние землевладельцев, причем настолько, что польские короли никогда не имели действительной власти над своими подданными. За исключением Гданьска, польское дворянство дочиста обирало города. На другом полюсе располагается Голландская республика, где сильный капитал практически превратил национальное правительство в федерацию городов-государств. Причем колоссальная коммерческая власть этих объединенных в федерацию городов-государств давала им средства быстро создавать флоты или нанимать армии. В регионах столичных городов правители подчиняли города государству и использовали их как инструмент правления, но также употребляли их капитал и капиталистов для создания вооруженных сил. Государства обычно не включали городские институты и олигархии в национальную структуру как таковые, но посредством переговоров устанавливали такие формы представительства, которые обеспечивали им значительную власть.

Почему политическая и экономическая власть перешла от городов-государств и городов-империй Средиземного моря к крупным государствам и относительно подчиненным городам на Атлантике? Произведенный нами анализ тысячелетия, с 990 г. по 1990 г. позволяет рассмотреть этот переход в перспективе, и у нас есть сомнения в том, что имел место простой переход гегемонии, скажем, от Венеции к Португалии и затем к Великобритании. Может быть, мы могли бы вручить пальму первенства Великобритании на некоторый период XIX в. (и этим объяснить тот факт, что в 1815–1914 гг. не было, можно сказать, больших европейских войн). Но до этого времени, по крайней мере, два сильных государства всегда боролись за первенство в Европе; причем ни одно так никогда и не преуспело. С коммерческой точки зрения, продвижение к Атлантике, ставшее очевидным уже в конце XV в., наталкивалось на большой круг европейских городских зон. Оно способствовало сначала распространению Ренессанса, центром которого оставались города-государства Северной Италии, но который достиг также и Германии, Фландрии и Франции, а потом Реформации, начавшейся в городах Южной и Центральной Германии. Несмотря на развитие атлантических зон, Венеция, Генуя, Рагуза и другие средиземноморские города-государства, затем продолжают процветать, если даже не господствовать, и в XVIII в.

И тем не менее «центры тяжести» коммерческой и политической деятельности после XV в. перемещаются на северо-запад. Сначала сократился коммерческий обмен Европы с городами Востока (по суше и побережьям) в результате набегов кочевников, болезней и позднее установления морских путей в Азию вокруг Африки. Затем взаимно друг друга поддерживавшие атлантическая и балтийская торговли обогатили Кастилию, Португалию, Францию, Англию и Нидерланды больше, чем остальную Европу. Все эти государства воспользовались своим новым богатством для создания военной мощи, а свою военную силу использовали для преумножения богатства. Способность создавать массовые армии, большие корабли, совершать длинные путешествия и осуществлять завоевания за морем — все это обеспечивало им большие преимущества перед средиземноморскими городами-государствами, водные пути которых были обрезаны действиями мусульманских государств.

Почему города-государства, города-империи, федерации и религиозные организации утратили свое значение преобладающих форм государственности в Европе? На протяжении всей истории европейских государств ведение войны и защита зависели от деятельности по изысканию ресурсов у населения, чем была вызвана необходимость вести переговоры с теми, кто был держателем этих средств ведения войны и защиты. Переговоры иногда приводили к тому, что государства вмешивались в производство, распределение и вынесение судебных решений. А это, в свою очередь, приводило к созданию какой-то государственной структуры в зависимости от типа наличной экономики и классового строения того общества, где эти процессы протекали.

В свое время и в определенных местах города-государства, города-империи, федерации и религиозные организации — процветали в Европе до XVI в. Больше того, империи того или иного рода все еще были преобладающими образованиями в Европе даже при отречении Карл V в 1557г. Затем приоритет начинают завоевывать национальные государства. Для этого были две связанные причины: во-первых, коммерциализация и накопление капитала в более крупных государствах, как Англия и Франция, лишали небольшие торговые государства преимуществ в ведении войн. И, второе, войны растут в размерах и стоимости, частично как функция от возросшей способности больших государств получать средства на вооруженные силы от своей экономики или колоний. Такие государства выигрывали в военном отношении. Попытки меньших государств

защитить себя приводили к их трансформации в национальные государства или поглощению и присоединению таковыми.

Почему войны перестали быть завоевательными с целью получения выкупа (или военными действиями между вооруженными получателями выкупов) и стали продолжительными битвами массовых армий и флотов? Вспомним о переходе от патримониализма к брокеражу — к созданию национальных государств — специализации. Что вызывало эти переходы? Получатели дани, если они действовали успешно, оказывались в положении, когда им приходилось осуществлять непрямой контроль громадных земель и населения, управление которыми и их использование, — в особенности, во время войн с другими крупными державами — требовало создания устойчивых государственных структур. Те густонаселенные государства, которые сумели подключить значительный капитал и капиталистов к своим приготовлениям к войне, первыми создали посредством брокеража массовые армии и флоты. Затем они включали вооруженные силы в государственные структуры в эпоху создания национальных государств, за которой следовала эпоха специализации. На каждом этапе в их распоряжении были средства получения и применения самых эффективных военных технологий, причем в гораздо большем масштабе, чем это было доступно их соседям. Поскольку в войне лучшие результаты дает действенность, эффективность (effectiveness), а не умение (efficiency), то они (эти государства) не оставляли большого выбора своим соседям: предпринять такие же усилия в дорогом строительстве вооруженных сил, стать жертвой завоевания или найти приемлемую нишу среди подчинившихся. Национальные государства покончили с другими формами войны.

Итак, подведем итоги. Чем объясняется большое разнообразие (вариантность) во времени и пространстве *типов государств, преобладавших в Европе после 990 г., и почему затем разнообразные формы европейских государств превратились все в национальные государства? Почему направление этих трансформаций было одно, а пути такие разные?* Исходные состояния этих трансформировавшихся европейских государств чрезвычайно различались в зависимости от распределения концентрированного капитала и принуждения. Изменения происходили постольку, поскольку менялось соотношение капитала и принуждения. Но соперничество в военной области заставляло их всех двигаться в одном направлении. Именно этот факт лежит в основе создания и затем доминирования национального государства. По ходу этого процесса европейцы создали систему государств, которая стала господствующей во всем мире. Мы и се-

годня живем в этой системе государств. Впрочем, устройство неевропейского мира напоминает устройство европейского мира лишь поверхностно. Что-то менялось при распространении системы европейских государств на остальной мир, включая соотношение военной деятельности и процесса формирования государства. Знание европейского опыта помогает выявить некоторые неприятные особенности современного мира. Этим особенностям будут посвящены следующая (и заключительная) главы.

ВОЕННЫЕ И ГОСУДАРСТВА В 1992 Г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ «НЕРАЗВИТИЕ»

Еще 20 лет назад многие ученые считали, что государства третьего мира воспроизведут западный опыт формирования государства. Идея «политического развития», теперь повсеместно принятая, предусматривает, что существует некоторый стандартный путь, двигаясь по которому государства прикатят в терминал «полного участия» и эффективности — причем имеется в виду полное участие и эффективность по модели того или иного западного государства. Уверенность политических девелопменталистов поколебалась, когда появились такие, несомненно, иные модели, как Китай, Япония, Корея и Куба, а имевшиеся в наличии схемы девелопменталистов определенно не смогли спрогнозировать реального развития государств третьего мира, когда политические лидеры и ученые третьего мира воспротивились высокомерным советам западной науки, обращению к Реалполитик в отношении великих держав к государствам третьего мира и спорам самих ученых Запада о том, как правильно интерпретировать опыт прошлого (Evans, Stephens, 1989). И теперь *политическое развитие* быстро исчезает из лексикона аналитиков вместе с такими исполненными благих намерений, но затемняющими дело слоганами, как «модернизация», «образовательное развитие» (educational development) и другие.

Впрочем, хотя старые исследования представляются теперь неверными в своих выводах, но не так уж глупо было думать, что незападные государства повторяют отчасти опыт своих западных аналогов и придут к чему-то, очень напоминающему западные государства. Именно это произошло с недавними колониями различных стран Запада, составляющими теперь большинство новых независимых государств, когда они начали с формальных организаций, созданных по западным моделям и включивших в значительной мере колониальный аппарат. Получившие образование на Западе лидеры этих новых государств стремились насадить у себя в стране ад-

министрации, парламенты, партии, армии и социальные службы, какие они видели на Западе.

Больше того, они прямо об этом заявляли; лидеры третьего мира провозглашали, что будут проводить модернизацию, развивать свои страны политически. Крупнейшие страны Запада активно им помогали, предоставляя экспертов, модели, обучающие программы и средства. Пока Япония, пошатываясь, оправлялась от своих потерь во Второй мировой войне, а Китай был занят внутренними проблемами, других моделей не было. Приходилось выбирать между социализмом советского типа и капитализмом в американском стиле, и не видно было иного пути формирования государства, кроме этих крайних возможностей. Все ограничивалось воспроизведением той или иной версии европейско-американского опыта. Так, Люсьен Пай говорил в 1960 г. о Юго-восточной Азии что: «Главное в Юго-Восточной Азии сейчас — это попытка лидеров новых стран превратить их переходные общества в современные государства-нации. Эти лидеры обрекли свои народы на установление представительных институтов правления и введение более продуктивных видов экономической жизни. И хотя в достижении этих целей видно немало энтузиазма, трудно оценить шансы их возможной реализации, потому что пока неразличимы даже общие очертания складывающихся в Юго-Восточной Азии политических и экономических систем. Очень велика вероятность, что эта попытка кончится неудачей, так что и лидеры, и простые граждане обеспокоены и сомневаются. Тем временем уже широко выявила себя тенденция к более авторитарному правлению: например, армии начинают играть ту роль, которая была зарезервирована за политиками-демократами» (Pye, 1960: 65–66).

Заметьте, автор говорит о создании некоторой конструкции, характеристики которой хорошо известны, в мало пока понятных и опасных для всего предприятия обстоятельствах. «Нечто», что надо было создать, — это эффективное национальное государство западного образца. Несомненно, Пай понимал, что в Юго-Восточной Азии, возможно, появится что-то совершенно иное, что даже сами лидеры Юго-Восточной Азии будут стремиться к чему-то совершенно иному. И действительно, большинство лидеров новых независимых государств заявили, что ищут некий третий путь: по крайней мере, до некоторой степени социалистический, который бы позволил им проплыть между американской Сциллой и русской Харибдой. Но существующие государства Запада ограничивали круг выбора. Именно об этом и говорили сторонники теории полити-

ческого развития (девелопменталисты) с разной степенью догматизма и проницательности.

Даже такие искусственные исследователи, как Сирил Блэк (Cyril Black) выступали за модели, представлявшие собой последовательные стадии политического развития. Блэк, выделял ни много ни мало семь разных путей модернизации: путь Соединенного Королевства, Соединенных Штатов, Бельгии, Уругвая, России, Алжира и Либерии, (Black, 1966: 90–94). Он считал, что при всем различии этих путей они все проходят четыре стадии: вызов современности (*modernity*), консолидация модернизаторской элиты, экономическая и социальная трансформация и затем интеграция общества. Пройденный конкретным обществом исторический путь (по мысли автора) влияет на то, как именно оно реагирует на необходимость модернизации. Рассмотренные им примеры из европейской истории показывают, что, пройдя три порога в указанном порядке, общества достигают определенной интеграции.

В этом внешне приемлемом теоретизировании имеются существенные упущения. Предполагается, что существовал какой-то единый стандартный процесс формирования государства, что в каждом государстве проходил один и тот же внутренний процесс, но более или менее отдельно, что развитие Запада есть пример этого процесса, что современные государства Запада в целом завершили этот процесс, и в будущем необходимо лишь провести социальный инжиниринг в очень широком масштабе. Попытки проверить эти положения практически, рассматривая «современные» африканские, азиатские, латиноамериканские или ближневосточные государства, немедленно рождают сомнения. Главные носители власти сопротивлялись или искажали трансформацию существующих правительственных организаций, должностные лица использовали государственную власть в собственных целях, политические партии использовались этническими блоками или целями патрон–клиент, предприятия, которыми руководило государство, разваливались, харизматичные лидеры сводили на нет электоральную политику западного образца, и вообще многие особенности государств третьего мира никак не укладывались в западные модели.

Западные модели? На деле, стандартные понимания «политического развития» также неправильно истолковывают опыт Запада, из которого они якобы исходят. В целом они представляют политическое развитие как сознательный процесс решения проблем, проходящий последовательные стандартные внутренне порожденные

стадии и, наконец производящий зрелое и стабильное государство. А. Органский (1965: 7) выделяет следующие стадии:

- 1) политика первоначальной национальной унификации;
- 2) политика индустриализации;
- 3) политика национального благосостояния;
- 4) политика процветания.

На схеме Органского (в его первой стадии) в сжатом виде представлен почти полностью опыт третьего мира, но затем очерчивается путь, который определенно ведет к существующему европейскому миру и его разновидностям.

Также очень многие политологи думали, что переход к современному состоянию (modernity) был переходом из одного состояния равновесия – традиционного общества или чего-то в этом роде – к другому, высшему равновесию (modern equilibrium). Между ними (в рамках данного представления) находится период турбулентности быстрых социальных изменений. Так как в XX в. социальные изменения происходят гораздо быстрее, чем раньше, новые государства переживали больший стресс, чем их европейские предшественники. Соответственно, государства третьего мира шли на риск одновременно протекавших международного и внутреннего конфликтов, причем один стимулировал другой (Wilkenfeld, 1973). Со временем, впрочем, они научились сдерживать конфликт и приходили к стабильному правлению современного (modern) типа. По крайней мере, так говорится в книгах, посвященных политическому развитию.

После 1960-х гг. более адекватное понимание опыта Запада обнаружило несостоятельность изложенных гипотез. Мы в нашей книге с готовностью разделяем позднейшие воззрения и пересмотрели интерпретации истории западных государств. В предыдущих главах мы видели, что траектории формирования европейских государств сильно варьировались, будучи функциями от географии принуждения и капитала, организаций главных носителей власти и от давления со стороны других государств. Мы рассмотрели, как в результате длительной неравной борьбы между правителями, другими носителями власти и простыми людьми создавались специфические институты государства и формировались требования к государству. Мы видели, как сильно конечная организационная конвергенция европейских государств была обусловлена их соперничеством, как в Европе, так и в остальном мире. Мы отмечали сильнейшее влияние войны и подготовки к войне на другие особенности государственных структур. Все эти наблюдения заставляют сделать вы-

вод — может быть, не очень определенный, но очень удобный, — что формирование государств третьего мира должно быть совершенно иным и что изменившиеся отношения между принуждением и капиталом дадут нам ключ к пониманию природы этого отличия.

В чем же современный опыт отличается от европейского прошлого? После того как в течение столетий пути формирования европейских государств долгое время были различными (как пути интенсивного принуждения, интенсивного капитала и капитала и принуждения), затем европейские государства начали несколько веков назад двигаться в одном направлении. Этому способствовали война и взаимное влияние. Что же до государств третьего мира, то хотя их колониальное прошлое наделяло их некоторыми общими особенностями, но до сих пор между ними не замечается сколько-нибудь значительной однородности. Напротив. Всякий, кто изучает формирование европейских государств, не может не заметить разнообразия современных государств третьего мира. Разнообразии характерно для всех категорий государств от громадного древнего Китая до крошечного новейшего Вануату, от богатейшего Сингапура до чумазого и нищего Чада. И нам вряд ли удастся обобщить столь гетерогенные исторические пути. Кроме того, невозможно (сколько не напрягай воображение!) назвать все государства третьего мира новыми. Китай и Япония принадлежат древнейшим государствам мира, имеющим непрерывную историю, Сиаму/Таиланду всего лишь несколько веков, а большинство государств Латинской Америки получили самостоятельность только во время наполеоновских войн. Вместе с государствами, образованными после 1945 г., они теперь стремятся стать полноправными членами системы государств, сложившейся и определившейся в результате долгой борьбы в Европе.

Рассмотрим более пристально вопрос, что же именно гетерогенно в государствах третьего мира? Не столько их организационные структуры, сколько отношения граждан и государства. На самом деле формальные характеристики государств мира за последнее столетие или около того сильно сблизились; не переменным условием признания членами системы государств был факт принятия той или иной западной модели. На сегодняшний день у примерно 160 признанных государств разнообразие организационных форм меньше, чем было в 1500 г. у примерно 200 европейских государств, среди которых были города-государства, города-империи, федерации, королевства, территориальные империи и многие другие. Все эти некогда процветавшие формы исчезли, за исключением срав-

нительно централизованных федераций и совершенно ослабевших королевств. После 1500 г. под давлением широкомасштабных войн и переговоров в связи с широкомасштабными мирными договорами все европейские государства перешли к новой организационной форме: национальному государству. Этот дрейф от «внутреннего» к «внешнему» формированию государства, характерный для Европы, продолжается и в наше время; он навязывает общее движение государствам в самых разных частях мира. Современные государственные структуры, в узком смысле, похожи между собой в том, как организованы суды, законодательные учреждения, центральные бюрократические структуры, местные администрации, регулярные армии, полиции и большое разнообразие общественных служб; эти общие черты проявляют себя даже независимо от того, имеем ли мы дело с социалистической, капиталистической или смешанной экономикой.

Между тем эти схожие по форме организации по-разному ведут свою деятельность. Различия имеются как во внутренней деятельности внешне неотличимых судов, законодательных органов, управлений или школ, так и в отношениях между правительственными агентствами и гражданами. В Европе государства принимали такие формы, которые могли посредничать в условиях возраставших трудностей войны в деле удовлетворения требований подвластного населения. До некоторой степени каждая государственная организация была приспособлена к местным социальным и экономическим условиям. Когда же теперь национальные государства лепят новичков по своему образу, то на местах происходит адаптация между гражданами и государством. В наши дни условия интенсивного принуждения, интенсивного капитала или принуждения и капитала гораздо меньше, чем раньше, влияют на формальные структуры государства. Но теперь они сильно влияют на отношения граждан и государства. В этом и состоит решительное отличие современного мира.

Существует ли третий мир? Конечно, латиноамериканские, ближневосточные и восточноазиатские государства сильно отличаются друг от друга в том, что касается их внутренней организации и положения в мировой системе государств. Мы пользуемся в нашем исследовании этой грубой, обобщенной категорией, оправдываясь тем, что государства в регионах мира с более низкими доходами долгое время существовали под формальным контролем Европы. Все они переняли европейские или американские формы организаций, сами оказались втянутыми в борьбу сверхдержав,

на ход которой они оказывали мало влияния, и представляют собой беспокойный, но неистошимый источник союзничества для новичков в системе государств (Ауооб, 1989). Распространяясь на неевропейский мир, система государств не оставалась все той же; вступление десятков независимых государств из Азии, Африки и Латинской Америки изменило эту систему, и как система изменилась, мы увидим, сравнивая ее с прошлым европейским опытом.

Нам поможет и сравнение опыта современного третьего мира с опытом национальных государств, который уже имеет длительную зафиксированную историю. По крайней мере, это сравнение поможет нам сделать два полезных шага: 1) отказаться от тех представлений о формировании государств, которые уже оказались ошибочными, и не терять времени, применяя их к современному положению; 2) это сравнение также обострит наше ощущение того, что отлично и что схоже в процессах формирования государств, их трансформации и искажения этих процессов, протекающих теперь в беднейших частях света.

Размышляя над историей Европы, что могли бы мы надеяться обнаружить в современном мире? При многообразии путей формирования государств в Европе мы не можем предполагать, что в мире обнаружится одна единственная траектория развития. Кроме того, мы можем с большим основанием экстраполировать следующие черты европейского опыта:

- существенное влияние относительного распределения приношения и капитала на пути формирования государств;
- большие различия в направлении развития в условиях, когда наличествовали или отсутствовали крупные скопления городов;
- сильное влияние войны и подготовки к войне на создание и изменение государственных структур;
- передача этих влияний через: 1) фискальную структуру и 2) источники вооружения и людских (военных) ресурсов;
- замена военных гражданскими лицами в системе государственной власти через создание центральной бюрократии в результате возросшей зависимости от кредитов и налогов в приобретении средств ведения войны и от переговоров с подвластным населением об этих средствах;
- непрерывность движения от «внутреннего» определения организационных форм государства к «внешнему».

Впрочем, в мире, который очень отличается от того, где происходило формирование большинства европейских государств, ко-

нечно, приведенные факторы могут послужить только направляющими гипотезами. Этим гипотезам добавляет реалистичности старое представление, что государства третьего мира тем или иным образом повторят идеализированный опыт самых успешных национальных государств Запада.

ВЛИЯНИЕ И НАСЛЕДИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Что же отличает формирование государства в современном мире от формирования государств в прошлом? Война XX века стала не только самой смертоносной, но она и решительно изменилась по своему характеру. Широкомасштабные гражданские войны, часто при помощи и поддержке великих держав, после 1945 г. стали в мире более частым явлением, чем раньше в истории Европы. Угроза ядерного оружия и других технических новшеств увеличивала вероятную стоимость большой войны. Сложившаяся в масштабах всего мира биполярная государственная система влияла на политику и военные перспективы большинства государств. При том что связи между государствами росли в геометрической прогрессии, а количество государств — в арифметической, само количество связанных между собой, но формально независимых государств очень осложняло систему государств.

Вторая мировая война изменила и систему государств, и сами государства в этой системе. Не только граждане воевавших государств и жители зон военных действий, не только те и другие, но вообще большинство людей в мире почувствовали на себе влияние этой войны. Эта война побила все рекорды по количеству убитых и перемещенных лиц, разрушениям материальных ценностей и хозяйства. Сбросив на Хиросиму и Нагасаки атомную бомбу, Соединенные Штаты ввели в действие первое в истории оружие, которое за несколько дней могло уничтожить весь мир.

Начало Второй мировой войны мы можем с большим основанием отнести к 1938 г. (когда начались военные действия между Японией и Россией, Германия аннексировала Австрию¹ и раздробила Чехословакию) или к 1939 г. (когда Германия вторглась в Польшу, а затем в еще не занятую часть Чехословакии). Но что бы мы ни считали началом войны, ее концом следует считать капитуляцию Японии в 1945 г. Почти 15 млн военных потерь и еще 25 млн потерь как прямое следствие войны делают Вторую мировую самой разру-

¹ У автора — Польшу.

шительной войной в истории человечества. Следующие страны понесли потери, превышающие 1000 человек: Болгария, Соединенное Королевство, Австралия, Канада, Эфиопия, Польша, США, СССР, Бельгия, Бразилия, Китай, Югославия, Нидерланды, Румыния, Италия, Новая Зеландия, Франция, Южная Африка, Греция, Норвегия, Монголия, Япония, Германия, Венгрия и Финляндия (Small, Singer, 1982: 91). Япония, большие районы Китая и почти вся Европа лежали в руинах после этой войны.

По окончании войны над всеми другими государствами возвышались два: США и СССР. В ходе Второй мировой войны Соединенные Штаты понесли сравнительно небольшие потери (408 000 погибших в бою сравнительно, например, с тем, что Германия потеряла 3,5 млн), но США смогли осуществить грандиозную мобилизацию промышленности после сильно ослабившей их депрессии. Неудивительно, что Соединенные Штаты, этот промышленный колосс, ставший еще сильнее во время войны, занял господствующее положение в мировой системе государств. Загадочнее возвышение Советского Союза. Во время войны СССР чудовищно пострадал (7,5 млн военных потерь, возможно, 20 млн общих потерь, утрачено 60% производственных мощностей), но одновременно была создана гигантская государственная организация (Rice, 1988). Без сомнения, именно эта возросшая мощь государства и распространение советского контроля на другие восточноевропейские государства и объясняют формирование здесь второго полюса биполярного мира. Почти немедленно (по окончании войны) бывшие союзники превратились во врагов, блокируя общее мирное урегулирование впервые за четыре столетия. В результате, проигравшие в войне Япония и Германия надолго остались под военной оккупацией и лишь постепенно вернули себе членство в системе государств. На деле победители и побежденные только постепенно посредством оккупации, временных международных соглашений, частичных мирных договоров и признаний *de facto* приходили к послевоенному урегулированию. Сложности этой войны и ее масштаб, плюс выход из нее в форме биполярности — все это настолько превосходило возможности международной системы, что впервые с 1503 г. большая европейская война окончилась без общего урегулирования.

Послевоенный процесс формирования государств отличался от предшествующих общим превращением западных колоний в формально независимые государства. Сложившаяся ситуация способствовала отступлению европейских стран: у СССР не было колоний в главных регионах европейской колонизации, и у Соединенных

Штатов их было немного, а европейские державы были целиком поглощены восстановлением после жестокой войны. С головокружительной быстротой бывшие зависимые страны потребовали признания в качестве автономных (и получили его). Только в 1960 г. Бельгийское Конго (теперь Заир), Бенин, Камерун, Центральноафриканская республика, Чад, Конго, Кипр, Габон, Кот-д'Ивуар, Мадагаскар, Мали, Республика Нигер, Нигерия, Сенегал, Сомали, Того и Верхняя Вольта (теперь Буркина-Фасо) вступили в ООН вскоре после признания их независимыми государствами.

В то же время Советский Союз и, в особенности, Соединенные Штаты развертывали по всему миру сеть своих военных баз, программ военной помощи и разведывательных служб (Eden, 1988). В Восточной Азии, например, военные силы Соединенных Штатов заняли место военных сил демилитаризованной Японии, кроме того, США реорганизовали и управляли военными силами Южной Кореи и субсидировали силы Гоминдана как в проигранных ими боях на суше, так и при их отходе с Тайваня (Cumings, 1988; Dower, 1988; Levine, 1988). В 1945–1984 гг. Соединенные Штаты зачислили 13 млрд долларов военно-экономической помощи в Южную Корею и еще 5,6 млрд долларов в Тайвань, при том что всей Африке они предоставили только 6,89 млрд долларов, а всей Латинской Америке 14,8 млрд (Cumings, 1984: 24).

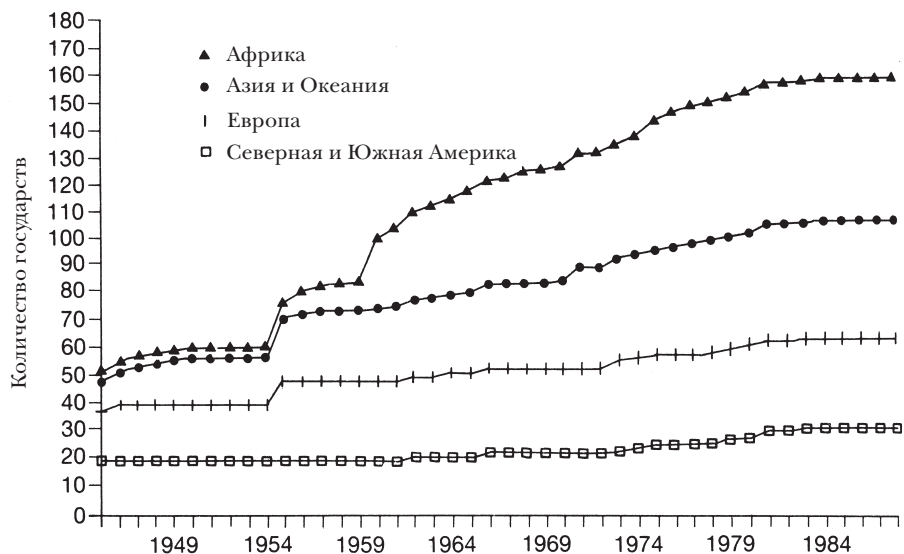
По большей части европейские державы сдавали свои владения без особых мучений. За исключением борьбы за независимость в Алжире и начальных стадий индокитайских конфликтов, самые серьезные столкновения происходили там, где больше чем одна группа претендовала на управление новым государством, где один сегмент освобожденного населения требовал собственной государственности и где раздор между претендентами на власть спровоцировал интервенцию великой державы. Примерами такого развития событий могут служить Китай, Палестина, Малайя, Кения, Кипр, Аден, Борнео, Корея, Вьетнам, Филиппины, Руанда, Ангола, и Мозамбик. На долю ООН выпало регистрировать и проводить вступление новых членов в международную систему государств.

Таким образом, после 1945 г. список членов ООН (в определенный период) представляет приблизительно мировую систему государств. Приблизительно, а не точно: так Швейцария, Южная Корея, Северная Корея, Тайвань, Монако, Тувалу и несколько других образований вели себя как государства, но не входили в ООН, в то время как республики Белоруссия и Украина (до недавнего всплеска национализма, охватившего отделившееся от СССР образова-

ния) выступали как государства в составе ООН, что было признанием той власти, которую Советский Союз получил в конце Второй мировой войны. В целом, впрочем, ООН включив значимые мировые государства, включила в свой состав и новые государства, когда они получили определенную автономию в международных делах.

На *рис. 7.1* представлено географическое распределение членов ООН со времени основания в 1945–1988 г. Картина ясна: ООН началась при большинстве государств Европы и Америки – старая система европейских государств и их преемников (extensions) за вычетом главных проигравших во Второй мировой войне и плюс несколько важных не западных государств. Число государств Европы и Америки постепенно увеличивалось, по мере того как заключались европейские мирные урегулирования и как государства Карибского бассейна обретали независимость и международное признание. Но после 1955 г. в ООН быстрее вступают азиатские государства, опережая государства Запада. С 1960 г. среди новых членов преобладают африканские государства.

Вновь вступившие в ООН государства в основном пришли к своей государственности по пути интенсивного принуждения. Перед тем как уйти из колоний, колониальные державы оставили там мало накопленного капитала, но завещали своим преемникам вооруженные силы, составленные из тех сил подавления (и смоделированные по их образцу), которые они создали раньше для поддер-

Рис. 7.1. Членство в ООН по географическим регионам, 1945–1988 гг.

жания собственных местных администраций. Эти вооруженные силы, сравнительно хорошо экипированные и обученные, впоследствии специализировались в контроле над гражданским населением и в подавлении инсургентов, а не в межгосударственных войнах. Как только европейцы распускали свой правительственный аппарат, вооруженные силы, церкви и западные корпорации часто оказывались самыми действенными организациями на территории (нового) государства. В вооруженных силах протекали некоторые особые процессы: высшие посты здесь быстро занимали люди, которые раньше в колониальных армиях занимали подчиненное положение. Часто в продолжение той системы рекрутирования, которая была установлена еще колониалистами, они набирали людей (нарушая пропорции) из одного сегмента населения, связанного общим языком, религией и/или региональной принадлежностью. Так создавался инструмент и одновременно театр действий жестокого этнического соперничества. Так, например, нигерийская армия до 1966 г. оставалась непричастной к разделениям по региональной или этнической принадлежности. Однако после военного переворота в январе 1966 г. начинается раскол. В июле союз офицеров с севера страны возглавил новый переворот, началось быстрое отстранение игбо (главным образом с юго-востока Нигерии) от армейских должностей и власти. Вскоре (в мае 1967 г.) восток страны, который теперь назывался Биафра, перешел к открытому восстанию, и началась одна из самых кровопролитных гражданских войн в Африке (Luckham, 1971: 17–82).

За исключением тех случаев, когда харизматические национальные лидеры намеренно держали их под контролем, армии третьего мира обыкновенно сопротивлялись гражданскому контролю. Старшие офицеры обыкновенно считали (и открыто заявляли), что лучше, чем простые политики, понимают, что надо их стране и как поддерживать порядок на пути к осуществлению этих целей. При этом часто вооруженные силы не зависели от налогов и проводимого гражданским правительством призыва, поскольку полагались даже на доходы от продажи государством товаров на международном рынке, закупали за границей оружие и принимали поддержку великих держав.

Однако насколько военные стран-экспортеров были в состоянии удерживать власть, зависело от тех союзов, которые они заключали (или не могли заключить) с главными представителями правящего класса, а также от успеха программы экспорта. В Боливии инкапсуляция магнатов оловянной промышленности, прекрасно живших

за счет экспорта и установивших внутри страны крепкие связи, сделала их уязвимыми для захвата военными государственной власти и доходов от олова (Gallo, 1985). На Тайване, в этом по-настоящему полицейском государстве при Чан Кай-ши (Цзян цзе-ши), большой успех программы экспорта в конце концов отвратил военных от приготовлений к вторжению в материковый Китай, ограничил их контроль над политикой и повседневными действиями правительства и привел к тому, что военных окружили властные гражданские должностные лица (Amsden, 1985).

Не будем забывать о том, что после 1945 г. сильно изменился характер войны. Хотя страны Запада больше почти не воевали, в целом в мире смертоносные войны участились. В *табл. 7.1* показана эта тенденцию развития после 1893 г., указаны боевые потери (в тысячах) в войнах, где каждый год страна теряла в бою не менее тысячи человек. Общие показатели сильно меняются от периода к периоду. Однако приводимые цифры ясно указывают на несколько тенденций: рост смертности в периоды всеобщих войн, прекращение роста и даже сокращение «внесистемных» войн, по мере того как все больше и больше государств входило в международную систему государств, нерегулярно увеличивавшееся преобладание гражданских войн как источника боевых потерь. Количество новых гражданских войн возросло с примерно 10 000 боевых потерь в год в начале века до 100 000 смертей в год в 1937–1947 гг., затем колеблется вокруг отметки *сотни тысяч* в следующие три десятилетия.

В XX в. значимость боевых потерь снижается сравнительно с другими разрушениями войны. Из-за бомбардировок и обстрелов

Табл. 7.1. Количество погибших в войнах, где фиксировалось, по крайней мере, 1000 погибших в год, 1893–1980 гг.

Период	Место войны			Всего	В процентах от гражданского
	Межгосударственные	Внесистемные	Гражданские		
1893–1903	30	96	112	238	47,1
1904–1914	8860	0	270	9130	3,0
1915–1925	161	83	506	750	67,5
1926–1936	213	0	955	1168	81,8
1937–1947	16 292	100	1 161	17553	6,6
1948–1958	1 913	59	372	2344	15,9
1959–1969	1 250	0	1 830	1080	59,4
1970–1980	78	73	820	921	89,0

Источник: Small, Singer, 1982: 134, 263.

гражданских населенных пунктов гибнет все больше не участвующего в боевых действиях населения, не говоря уж о том, что уничтожались средства к его существованию. Во время войн и после них государства начинают перемещать и даже изгонять население, причем в невиданных до того масштабах. А преднамеренное истребление всего населения — геноцид и политицид — из редкого, человеконенавистнического отклонения (чем они раньше представлялись) превращаются в обычную практику правительства. В 1945–1987 гг. преднамеренное массовое уничтожение гражданского населения агентами различных государств привело к гибели от 7 до 16 млн человек в мире, что превышало количество погибших непосредственно в международных и гражданских войнах (Harff, Gurr, 1988).

Причиной гражданских войн после 1945 г. иногда была борьба классов за власть в государстве. Но чаще причиной гражданской войны бывали требования автономии со стороны какой-нибудь отдельной религиозной, языковой или территориальной группы или требование передачи этой группе контроля над государством. Этот (узко понятый) национализм становится все важнее в развязывании войн: в то время как мир в целом представлял собой сложившуюся картину стабильных, взаимно непересекающихся государственных территорий, носители власти из числа не допущенных к государственной власти национальностей видели в этих войнах свой шанс.

В то же время великие державы все больше вмешивались в гражданские войны, стремясь к союзу с теми, кто контролирует государство заверениями, что выигрывает сотрудничающая фракция. В 1970-е гг. большие гражданские войны начинаются в Анголе, Бурунди, Камбодже, Гватемале, Иране, Иордании, Ливане, Никарагуа, Пакистане, на Филиппинах, в Родезии и Шри-Ланке; и только в одной из них (в Гватемале) не было широкого вмешательства других государств (Dupuy, 1985: 140). К концу 1980 г. войны полыхали на Филиппинах, в Анголе, Гватемале, Афганистане, Сальвадоре, Никарагуа, Камбодже, Мозамбике и Перу. И почти во всех этих войнах участвовали (хотя бы минимально) Соединенные Штаты, Советский Союз или Южная Африка. И хотя 1980-е гг. стали некоторой передышкой сравнительно с предыдущими десятилетиями, но разрушительность Ирано-иракской войны (в ходе которой погибло в бою возможно 1 млн. человек) и продолжение других войн, начавшихся раньше, не позволяют думать, что в 1990-е гг. войны пойдут на убыль.

Новое оружие сулит новые уровни разрушительности, а распространение ядерного оружия вообще грозит миру уничтожением. В настоящее время США, Россия, Соединенное Королевство,

Франция, Китай и Индия определенно имеют в своем распоряжении ядерное оружие. Кроме того, Западная Германия, Израиль, Бразилия, Аргентина, Пакистан и Япония занимаются переработкой плутония, что подводит их совсем близко к тому, чтобы стать ядерными державами. Другие по видимости неядерные государства, не подписавшие соглашение 1968 г. о нераспространении ядерного оружия — и потому остающиеся реальными кандидатами в ядерные державы — это Испания, Израиль, Чили, Куба и Южная Африка. Около 10% признанных государств мира, включая великие державы, или развертывают ядерное оружие, или не отказываются от права на его использование. Так что войны со временем не станут мягче. (А.Дж.П. Тейлор заканчивает свою, в общем-то, непугающую книгу «Как кончаются войны» леденящим кровь напоминанием о ядерной угрозе: «Не волнуйтесь. Война третьего мира будет последней» (Taylor, 1985: 118).) А тем временем множатся неядерные войны.

Продолжающееся умножение войн связано с укреплением международных границ. За несколькими исключениями военные захваты с нарушением границ прекратились, государства больше не воюют за спорные территории, и пограничные войска теперь заняты не отражением прямых атак, но контролируют инфильтрацию. Армии (а также флоты и военно-воздушные силы) все больше занимаются подавлением гражданского населения, воюют с инсургентами и претендентами на власть. Так, несмотря на то, что границы укрепляются, правительства стали более нестабильными. Поскольку стоящие у власти могут рассматривать как своих врагов целые народонаселения, то войны с громадной скоростью порождают потоки беженцев (приблизительные подсчеты дают нам цифры в— 8 млн беженцев в мире к 1970 г. и 10,5 млн к 1980 г.) (Solberg, 1981: 21).

Если с концом Второй мировой войны началась новая эра войны и мира во всем мире, то 1960-е гг. принесли самые большие в эту эпоху перемены. В начале 1960-х гг. ширится деколонизация, и все больше государств вступают в международную систему новых государств, растет доля гражданских войн среди других войн и одновременно их разрушительная сила, крепнет власть военных в Латинской Америке, Азии и на Ближнем Востоке, а также с большой скоростью увеличивается число военных столкновений за контроль над африканскими государствами. Кубинский (ракетный) кризис подтвердил приблизительное стратегическое равновесие Соединенных Штатов и Советского Союза, а также ограничил претензии этих держав на взаимно исключаящие зоны влияния территориями непосредственно вокруг их границ. Но главное — военные

все больше втягиваются в борьбу за власть внутри государства. Рассмотрим теперь положение военных в государствах третьего мира.

ВОЗВЫШЕНИЕ ВОЕННЫХ

Хотя, анализируя роль военных третьего мира, исследователи были более осторожны и разделены, чем когда они писали о политическом и экономическом развитии, но и здесь западные аналитики обычно пользовались имплицитным понятием «зрелой» государственности (polity). При такой государственности, полагали они, военные, как безусловные профессионалы, занимают важное, но все же подчиненное положение. Эта модель была непосредственным производным опыта большинства европейских государств в формировании государства за последние несколько столетий. В случае принятия этой модели задача аналитика состояла в том, чтобы обозначить путь, который приведет (или может привести) военных, скажем Индонезии или Конго, из нынешнего состояния в состояние, характерное для стабильной демократии. Попутно требовалось также объяснить отклонения от этого предпочтительного пути — и в особенности то загадочное обстоятельство, что многие бывшие колонии, получив формально независимость и имея возможность пользоваться преимуществами внешне демократического и представительного правления, тем не менее быстро переходили к военному режиму.

Большинство аналитиков думали (вместе с Эдуардом Шилсом), что «правление военных есть одна из нескольких практически осуществимых и постоянных возможностей альтернатив, в условиях когда невозможно установить демократическое парламентское правление. Старые и появившиеся вновь препятствия, которые эти режимы, ковыляя, преодолевали, были важнее, чем притязания военных элит, хотя и последние очень важны» (Shils in Johnson, 1962: 9). Таким образом, политическое развитие и военное развитие столкнулись с одной и той же проблемой. Оба понятия растворились в скептицизме, противоречиях и отчаянии.

В таких регионах третьего мира, как Африка и Южная Азия, специалист по истории Запада не может не заметить очевидного расхождения между наличием выглядящих на западный манер армий XX в. и проводимой военной политикой, напоминающей о временах Возрождения, между аппаратом представительного правления и произвольным использованием государственной власти против своих граждан, между установлением по видимости обычной бюрократии и широким использованием правительственных организа-

ций в личных целях. Эти несоответствия более заметны в государствах, недавно освободившихся от колониальной зависимости, чем в остальных странах третьего мира. В противоположность тому, чему нас учит история Европы, теперь создание большого правительства, произвол и милитаризация идут, кажется, рука об руку.

Тридцать лет назад Самуэль Хантингтон заметил, что гражданский контроль над военными осуществляется в виде двух разных процессов, причем один из них стабильный и один нестабильный (прерывистый). Прерывистым процессом является борьба за власть, в ходе которой одна или другая гражданская группа подчиняет военных некоторому правительственному институту, учреждению или определенному общественному классу; Хантингтон называет это странным именем «субъективный» контроль. «Объективный» контроль, по его мнению, является следствием максимального профессионализма военных и признания независимости военной сферы от политики. «Исторически, — заявляет Хантингтон, — потребность в объективном контроле исходит от самих военных, потребность в субъективном контроле — от различных гражданских групп, стремящихся максимально увеличить свою власть в военных делах» (Huntington, 1957: 84–85). Парадоксальным образом гражданские, стремящиеся увеличить свою власть вмешательством в профессионализацию военных, именно этим способствуют захвату власти военными. Согласно этой логике гражданскому контролю способствуют провоенная идеология, недостаточность политической власти у военных и высокий профессионализм военных. В то время как антивоенная идеология, наличие у военных большой политической власти и низкий профессионализм военных способствуют установлению контроля военных.

Мы понимаем, что скатываемся к тавтологии, когда политической властью военных объясняем установление военного контроля. Постараемся разрушить эту аргументацию определением тех факторов, которые Хантингтон считает способствующими политической власти: личное участие военных в составе властных политических групп, передача некоторого ресурса непосредственно под контроль офицерского корпуса, иерархическое взаимопроникновение офицерского корпуса и властных гражданских структур, престиж и популярность офицерского корпуса и его лидеров. Таким образом, мы можем ожидать, что офицерский корпус будет иметь сравнительно мало политической власти, если его состав формируется главным образом вне правящего класса, если у него в распоряжении мало невоенных ресурсов, если офицеры занимают немного гражданских постов и не пользуются популярностью.

Хантингтон писал свою работу в то время, когда установился оптимистический взгляд на профессионализацию армий третьего мира и усиление гражданского контроля. Через пять лет после Хантингтона мексиканский автор Виктор Альба все еще высказывался в духе оптимизма в своих декларациях о латиноамериканском милитаризме, «который достиг предпоследней своей исторической фазы. На последнем этапе он исчезнет. И, вероятно, эта эпоха уже близка. Вдохновляемые возросшими возможностями законодательных и дипломатических действий, а также растущей поддержкой международных организаций, властные элементы Латинской Америки считают своей главной задачей искоренение милитаризма» (Alba in Johnson, 1962: 165–166)

Но тысячелетие шло вперед, волоча ноги. Несмотря на то что военные режимы в Бразилии и Аргентине провалились, несмотря на падение в Чили режима Пиночета и авторитарного правления Альфредо Стресснера в Парагвае, вооруженные силы в 9 из 24 крупнейших государств Латинской Америки и Карибского бассейна все еще пользовались значительной властью и самостоятельностью. Кроме того, военные в странах Южной Америки были (закулисно) немалой политической силой, с которой приходилось считаться. Если мы примем анализ Хантингтона тридцатилетней давности за прогноз, то согласно ему с подъемом провоенных идеологий сокращается политическая власть военных, а с повышением профессионализма военных в разных частях мира должен становиться эффективнее гражданский контроль. Если же контроль военных на самом деле расширился, то мы должны обнаружить, что побеждали антивоенные идеологии, росла политическая власть военных и падал их профессионализм. Что-то в данном прогнозе неверно: за последние 30 лет контроль военных в государствах мира вырос, но если политическая власть военных (по критериям Хантингтона) действительно расширилась, то антивоенная идеология, кажется, не стала более распространенной, а профессионализм военных, без сомнения, возрос. Чтобы понять, что же в действительности произошло, рассмотрим, какое место милитаризирующиеся государства заняли в мировой системе государств.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЕННЫЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Начиная с XVI в. и до самого недавнего времени, западные государства включали остальные страны мира в свою систему посредством колонизации, установления торговых связей и путем прямых переговоров. Самые недавние вступили в систему как независимые ак-

торы путем деколонизации, поэтому они принесли с собой административные структуры, фискальные системы и вооруженные силы, построенные по западным моделям. Что же касается званий, привилегий и формы офицеров бывших колоний, то они отражают национальное влияние. Между тем воспроизведение старой организации вовсе не гарантирует, что новое государство будет вести себя, как старое. Это особенно очевидно, если посмотреть на поведение военных третьего мира. Армии бедных стран во многих отношениях напоминают армии богатых стран. Но в целом эти армии гораздо больше и чаще вмешиваются во внутреннюю политическую жизнь своей страны, и это вмешательство наносит гораздо больше ущерба правам граждан. Почему же это так?

Рассмотрим снова главный парадокс *формирования* европейских государств: преследование военных целей и создание военной мощи, производя как побочный продукт национальные государства, привело также к созданию гражданского правительства и гражданской внутренней политики. Я уже говорил, что для этого было пять главных причин, поскольку в попытке создать и содержать вооруженные силы агенты государства создавали громоздкий аппарат извлечения ресурсов, укомплектованный гражданскими лицами. Дальше эти экстрактивные аппараты начинали сдерживать и ограничивать вооруженные силы. Поскольку же агенты государства вели переговоры с группами граждан, контролировавшими ресурсы, необходимые для эффективного ведения войны, в ходе этих переговоров группы граждан навязывали государству свои требования, которые затем сдерживали военных. Поскольку рост мощи государства в военное время давал тем государствам, которые не претерпели больших военных потерь, возросшую мощь при окончании войны, и агенты этих государств, пользуясь преимуществами сложившейся ситуации, обращались к новым видам деятельности или продолжали ту деятельность, которую они начали как чрезвычайные меры. Поскольку участники военных действий, включая военный персонал, вырабатывали требования к государству, которые они во время войны откладывали (принудительно или по взаимному согласию), но которые они возобновляли после демобилизации. И, наконец, потому что займы военного времени увеличивали национальный долг, который в свою очередь порождал бюрократию для его обслуживания и провоцировал все большее вмешательство государства в национальную экономику.

Можно представить историю Европы в виде картинок, каких оказалось бы четыре. На первой вооруженный король с ме-

чом набирает собственную армию и флот и командует ими, а те несут службу как лично ему преданные воины. На второй король в торжественном военном одеянии заключает контракты с наемниками, которых он набирает для участия в битвах на его стороне. На третьей картинке король в роскошном одеянии, которое совершенно не пригодно для битвы, обсуждает дела с генералами и военными советниками, а те входят в состав уже сложных, главным образом гражданских структур. На последней картинке мы видим короля (или, может быть, переодетого президента или премьер-министра), щеголяющего в деловом костюме и обсуждающего дела не только со штатом своих служащих, но и с соответствующим образом организованным институтом представителей главных классов граждан и населения в целом. (Четыре серии называются, как уже указывалось, патримониализм, брокераж, создание национального государства и армии и специализация.) Конечно, цивилизация, представленная в виде комиксов, описывает самые разные национальные опыты с разной степенью правдоподобия; лучше всего ей подходит опыт германский, а не голландский или российский. Но как схематическое представление развития европейских государств наши комиксы вполне достаточны.

Еще одна общая черта формирования европейских государств заслуживает внимания. В формировании всякого отдельного государства важную роль играли отношения с другими государствами, пусть даже тем, что войны и военные урегулирования существенно воздействовали на структуру государства и его границы. Тем не менее организационные структуры первых национальных государств оформились главным образом как следствие борьбы будущих правителей с тем народом, которым они собирались править. Однако по мере складывания системы европейских государств уже не одно государство, а целый ряд начинают принимать решения относительно выхода из войны и, следовательно, относительно тех организационных структур государств, которые возникали в результате войны. Так кардинально реорганизовывались войсками Наполеона те государства, которые они завоевывали, а Венский конгресс перекроил карту Европы, включив в нее ранее не существовавшее королевство Нидерланды, как и весьма преобразованную Пруссию, Сардинию, Баварию, Баден и Австрию. Европа перешла от относительно «внутренних» к относительно «внешним» процессам формирования государств.

Переход к внешним процессам продолжался и в XX в. При первом же взгляде на процессы формирования государств в XX в. ста-

новится ясно, что они трижды внешние: многие новые национальные государства сформировались как колониальные владения других, в особенности, европейских государств. Многие создали свои институты правления под влиянием других, гораздо более могущественных государств. И союзы государств — последним воплощением каковых стала ООН — их ратифицировали и до некоторой степени поддерживали их существование в качестве отдельных членов международной системы государств. Следствием этого стала в частности относительная устойчивость государственных границ в XX в. За исключением случаев, когда изменение границ было частью общего мирного урегулирования в результате переговоров множества государств, все менее вероятно, чтобы завоевание привело к сколько-нибудь значительному изменению границ какого-то государства. В наши дни только Гватемала претендует на Белиз, а Венесуэла — на часть Гайаны, но другие государства Америки не потерпят территориальных захватов ни в каком случае. И хотя все еще частыми остаются войны или партизанская борьба, но многие государства не знают сколько-нибудь серьезной внешней военной угрозы. Так что многие армии не имеют перспективы реально участвовать в войне. Они специализируются на внутреннем контроле.

Вооруженные силы третьего мира строились конкретно по европейской или американской моделям, с их помощью, ими обучались, причем европейцы и американцы вмешивались в эти процессы гораздо больше, чем раньше европейские государства вмешивались в создание армий друг друга. Например, что касается Латинской Америки, то до Второй мировой войны Франция и Германия обучали офицеров из Аргентины, Боливии, Бразилии, Чили и Перу. После войны эту задачу взяли на себя Соединенные Штаты (Nunn, 1971). Это внешнее вмешательство обеспечило военным силам Латинской Америки исключительную маневренность сравнительно с их потенциальными противниками и врагами.

В Европе навязывание извне государственных форм происходило без видимого воздействия на стабильность режима. Большинство государств, сформировавшихся из остатков Оттоманской и Австро-Венгерской империй, не были так утверждены в стабильной демократии, как их северные соседи, и можно даже увидеть некую связь между поздним формированием национального государства и уязвимостью перед фашизмом Германии и Италии. Но в северной Европе поздно обретенная независимость Финляндии, Норвегии и балтийских республик не помешала им установить относительно устойчивые режимы (Alarigo, 1988).

После 1945 г., однако, в мире окрепла связь между навязанным извне устройством и нестабильностью. Там, где правители получали доходы от экспорта товаров или от военной помощи великих держав, они смогли обойтись без переговоров с их населением, громадные здания государств возводились в отсутствие согласия или поддержки граждан. Без крепких связей между государственными институтами и основными общественными классами эти государства стали более уязвимыми перед лицом насильственного захвата власти и резкой смены правительств. Среди самых бедных государств мира, которые в 1955 г. уже были независимыми, например, более высокий процент правительственных расходов в ВВП (что, возможно, было следствием внешнего влияния) стал причиной более частых смен режимов в следующие 20 лет. Как и более частые смены режимов в 1950–1960 гг. обусловили повышение процента правительственных расходов в последующие 15 лет (Thomas, Meyer, 1980). Этим условиям соответствовало военное устройство, и военные стали стремиться к власти.

Вероятнее всего, зависимость между внешним влиянием и политической нестабильностью не прямолинейна, и нестабильность достигала пика при среднем и/или меняющемся уровнях внешнего контроля. Между тем зависимость внешнего влияния и военного контроля — прямая в высшей степени. Крайней формой внешнего влияния является военная оккупация; пока продолжается оккупация оккупируемый режим имеет тенденцию не меняться. Вторая мировая война отличается от предшествующих войн с участием многих государств тем, что после нее не было общего урегулирования. После этой войны Германия, Австрия, Япония, Корея и некоторые другие районы на долгие годы остались под военной оккупацией. В послевоенные годы великие государства Запада — СССР и США, вне всякого сравнения — держали беспримерно большие военные соединения за границей. В 1987 г. 29 государств официально размещали свои войска на территории других государств. У США было 250 000 человек в Западной Германии, 54 000 в Японии и 43 000 в Южной Корее, а Советский Союз разместил 380 000 человек в Восточной Германии, 110 000 в Афганистане, 65 000 в Венгрии и 60 000 в Чехословакии. В указанном отношении лидировал Советский Союз. СССР: 730 090 войск за границей, США: 492 500, Вьетнам: 190 000, Соединенное Королевство: 89 500, Франция: 84 450, Куба: 29 250.

Особое удивление в приведенном списке вызывают Вьетнам (у которого было 140 000 войск в Камбодже и еще 50 000 в Лаосе) и Ку-

ба (27 000 в Анголе и еще войска в Конго, Никарагуа и Йемене) (Sivard, 1988: 12–13). Хотя наиболее влиятельные государства иногда посылали войска, чтобы предотвратить переход власти или вернуть власть назад, но в целом их присутствие значительно сокращало возможность изменения режима.

ВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Военные расходы мировых государств увеличиваются быстро. После демобилизации по окончании Второй мировой войны они решительно возросли (на душу населения), особенно в третьем мире. В 1960–1987 гг. (с поправкой на инфляцию) военные расходы на душу населения возросли почти на 150%, а ВВП на душу населения — только на 60% (Sivard, 1988: 6). Хотя в богатейших странах мира военные бюджеты сократились примерно с 6,9% ВВП в 1960 примерно до 5,5% в 1984 г., в беднейших странах этот показатель увеличился — с 3,6 до 5,6%. Бедные страны мира теперь тратят больше из своих скудных доходов на оружие и армию, чем богатые из своих гораздо более достаточных доходов. («Богатыми» мы признаем Австралию, Австрию, Бельгию, Болгарию, Канаду, Чехословакию, Данию, Восточную Германию, Финляндию, Францию, Венгрию, Исландию, Ирландию, Израиль, Италию, Японию, Люксембург, Нидерланды, Новую Зеландию, Норвегию, Польшу, Румынию, Испанию, Швецию, Швейцарию, бывший СССР, Великобританию, Соединенные Штаты и Западную Германию. «Бедные» — все остальные страны.)

В отношении военных расходов регионы мира обнаруживают большие различия. *Табл. 7.2* предоставляет на этот счет детали. В пересчете на душу населения в 1984 г. больше всего в мире тратили Северная Америка, страны Варшавского пакта и Ближнего Востока, в то время как в отношении ВВП гораздо больше остальных стран всего тратили страны Ближнего Востока. В этом неприглядном соревновании чемпионами были Ирак, где военные расходы составляли примерно 38,5% ВВП, Оман — 27,9%; Израиль — 24,4%, Саудовская Аравия — 22%, Северный и Южный Йемен — 16,9 и 15,1%, Сирия — 14,9% и Иран — 14,6%; и только дальше список стран переходит из региона Ближнего Востока к Анголе, СССР, Монголии, Ливии, Никарагуа Эфиопии. Исследуя положение в 60 странах третьего мира в 1960, 1970 и 1980 гг., Су-Хун Ли обнаружил, что на рост военных расходов особенно влияло (во-первых) участие государства в войне и (во-вторых) зависимость от внешней торговли (Lee, 1988:

Таблица 7.2. Военные расходы и власть военных по регионам мира, 1972–1986 гг.

Регион	Военные расходы на душу населения (доллары США)			Военные расходы в процентном отношении к ВВП			Процент государств под контролем военных		
	1972	1978	1984	1972	1978	1984	1972	1978	1984
Северная Америка	346	468	935	6,3	4,9	6,1	0,0	0,0	0,0
Латинская Америка	12	22	31	1,9	1,5	1,6	54,2	54,2	37,5
НАТО в Европе	108	237	280	3,8	3,6	3,8	7,1	7,1	7,1
Варшавский пакт	204	311	631	9,0	8,2	9,6	0,0	14,3	14,3
Другие страны Европы	56	121	181	2,8	2,3	2,4	0,0	0,0	0,0
Средний Восток	55	250	441	12,2	12,2	17,9	25,0	37,5	37,5
Южная Азия	4	5	9	4,0	2,8	3,5	50,0	50,0	50,0
Дальний Восток	12	30	34	3,3	2,7	2,8	62,5	62,5	56,2
Океания	98	156	276	3,1	2,4	3,0	0,0	0,0	0,0
Африка	7	22	30	3,0	3,6	3,9	52,3	51,1	64,4
Мир	58	97	161	5,4	4,5	5,6	38,3	40,1	40,8

Источник: Ruth Leger Sivard, *World Military and Social Expenditures*, издания 1974, 1981, 1983 и 1988 гг.

95–111). Так что уязвимость ближневосточных государств объяснялась нефтью и войнами.

Также и численность вооруженных сил оставалась довольно постоянной в богатых странах мира с 1960 г., хотя расходы на одного солдата (матроса, летчика) резко увеличились, в то время как в более бедных странах численность войск выросла примерно вдвое с 1960 г. (Sivard, 1986: 32). В 1960 г. 0,61% населения Земли служили в армии, к 1984 г. это число несколько сократилось – 0,57%. Однако в бедных странах эта величина выросла с 0,39 до 0,45%; богатые страны все еще держат под ружьем больше (в пропорциональном отношении) населения, но здесь эти показатели падают, а в бедных странах растут. В 1964–1984 гг., например, вооруженные силы Гайаны (за исключением полиции) выросли с 0,1 до 1,8% относительно численности всего населения (Danns, 1986: 113–114). Подобный же рост отмечается повсюду, где бывшие колонии переходили от примитивных сил правопорядка, оставленных империалистическими державами, к полномасштабным армиям (*militias*) и флотам. В 1980-е гг. наибольший процент военных относительно численности гражданского населения регистрировался на Ближнем Востоке, за ним следовали страны Варшавского пакта и Северная Америка. Высокие показатели были также у Вьетнама (2,1%), Ирана (2,4), Сирии (2,7), Ирака (3,5) и Израиля (4,3). Показатель 4,3% означает,

что один из 23 человек служит в армии, причем включая женщин, мужчин и детей. Такой уровень почти соответствует интенсивной мобилизации Швеции в начале XVII в.

Больше того, за последние четверть века сильно изменилось направление потоков оружия в мире. Быстро вырос простой объем экспорта вооружения, преумножившись примерно с 2,5 млрд долларов в 1960 г. до 37,3 млрд долларов в 1983 г. (Sivard, 1986: 32). Пришпориваемое военной помощью великих держав вооружение течет во всеувеличивающихся масштабах в третий мир. Ушла в прошлое система, когда оружие направлялось главным образом из одной части западного мира — в другую. Теперь сложилась система, когда оружие направляется из богатых стран в бедные. В 1965 г. в беднейшие регионы мира было направлено около 55% всех международных перевозок оружия; к 1983 г. этот показатель возрос до 77%. (И действительно, в указанное время начинается активное соперничество Бразилии и Израиля на мировом рынке вооружения, а Аргентина начинает создавать собственную промышленность по производству вооружения, но еще ни одна из этих стран не может оспаривать господствующее положение в области продажи вооружения Соединенных Штатов, Советского Союза, Франции или Британии.) В это время страны Ближнего Востока импортировали вооружения примерно на 106 долларов на душу населения в год, сравним с показателем для стран Океании — 19 долларов и для НАТО в Европе — 11 долларов. Фактически страны Ближнего Востока, многие из которых могли расплачиваться нефтью, получали примерно половину всего продаваемого в третий мир вооружения.

Войну покупали не только на Ближнем Востоке. Вот что Ричард Тантер пишет об Азии вообще: «На Земле нет другого места, где бы больше пострадали от организованного насилия: из 10,7 млн человек, погибших в мире от связанных с войной причин в период с 1960 по 1982 г., почти половину составляют азиаты. Даже по окончании второй индокитайской войны в 1975 г. в регион все еще поступает вооружение, причем на таком уровне, который оставался прежним или значительно превышал предшествующий уровень. Больше того, военные правительства в Азии стали нормой, а не исключением, и они глубже, чем раньше, проникали в общественную материю. Системы вооружения, импортируемые в этот регион из промышленно развитых стран, и рост производства здесь сложного вооружения — все это в громадных размерах увеличивало разрушительную способность соответствующих вооруженных сил» (Tanter, 1984: 161)

В 1972–1981 гг. из азиатских стран (не относящихся к ближневосточным) военные расходы сократились только у Бирмы (если считать в долларах базового периода). Военные расходы (в долларах базового периода) по крайней мере удвоились в обеих Кореях, на Тайване, в Индонезии, Малайзии, на Филиппинах, в Таиланде, Афганистане, на Шри-Ланке и в Бангладеш. И в Азии, и повсюду размах военной деятельности растет почти по всем направлениям.

ВОЕННЫЕ У ВЛАСТИ

С развитием военного истеблишмента продолжается ли процесс перехода власти к гражданским, огражданствление (*civilianization*), как мы могли бы ожидать, основываясь на опыте стран Европы? У нас есть основания думать, что нет. Положим, мы будем считать, что имеется «военный контроль» при наличии одного из следующих факторов: ведущими политическими лидерами являются военные офицеры, в стране военное положение, силы безопасности обладают внесудебной властью, недостаточен центральный политический контроль над вооруженными силами или страна оккупирована иностранными войсками (Sivard, 1986: 24; другой автор пользуется гораздо более тонкими критериями, которые, однако, трудно применить на практике (Stepan, 1988, 93–127)). При отсутствии всех этих элементов мы имеем дело с гражданским контролем государства; переход власти к гражданским лицам происходит, когда наличествует хоть что-то из перечисленного ниже:

- число военных офицеров в руководстве страны сокращается;
- заканчивается военное положение;
- ограничивается внесудебная власть сил безопасности;
- усиливается централизованный контроль над вооруженными силами;
- заканчивается военная оккупация иностранными войсками.

На Ближнем Востоке Иран, Ирак, Иордания, Ливан, Сирия и Арабская республика Йемен прошли испытание военным контролем, в Латинской Америке — Чили, Колумбия, Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Никарагуа, Панама, Парагвай, в Европе — возможно, только Турция и Польша. Как видно из нашего списка, по примененным критериям сюда включены также государства, которые «не имеют военного правительства в строгом смысле слова, а включены они согласно сомнительным суждениям относительно власти и автономности вооруженных сил. В Гватемале, например, номинально у власти находится с 1985 г. избранное правительство.

В центре в Небахе один религиозный деятель сказал С. Кинцеру : «Здесь есть мэр, советники и законный легальный аппарат. Но никто не сомневается, что преимущества за армией. Всякое избранное должностное лицо имеет меньше власти, чем человек в форме. Здесь выборы значения не имеют» (Kinzer, 1989: 34). И Латинская Америка почти вся лежит в этой серой зоне: формально демократия и власть военных. И даже если мы подойдем с более четкими критериями, общие направления и региональное распределение военных государств изменится не существенно.

Термин «военный контроль» употребляется, конечно, применительно к довольно разным режимам. Томас Калаги (Thomas Callaghy) считает, что Заир, несмотря на то что там у власти генерал Мобуту, — не военный режим. Он пишет, что различия между военными и гражданскими главами государств не столь существенны. Гораздо важнее общие особенности «авторитарного, по самой своей сущности неизменного (organic-statist) административного государства, много почерпнувшего из централистской корпоративской колониальной традиции, которая все еще поддерживается (часто небрежно и неопределенно) глубоко авторитарным правлением», что стало главным типом правления в Африке (Callaghy, 1984: 45). Впрочем, он соглашается, что военные имели исключительные возможности для захвата власти в Африке. «Эти слабо институализированные вооруженные силы (столь характерные для начала Нового времени) тем не менее имеют сравнительно большую власть в африканском контексте государств и обществ начала Нового времени» (Callaghy, 1984: 44). Так что в Африке, как и повсюду в третьем мире, военная экспансия продвигает военное правление, а не сдерживает его. Процесс идет иначе, чем в Европе.

По тем критериям, которые я изложил раньше, в 1980-е гг. в мире примерно 40% государств жили под военным контролем, и эта пропорция медленно росла. Впрочем, от региона к региону картина менялась кардинально: в Латинской Америке примерно 38% всех правительств — военные, и эта пропорция снижается (после быстрого подъема в 1960-х — начале 1970-х гг.), 38% — на Ближнем Востоке, что означает увеличение с 25% в 1970-е гг., в Южной Азии стабильно 50%, на Дальнем Востоке 60% и 64% в Африке. Военный контроль в той или иной форме стал обычным видом правления в большинстве стран третьего мира, в особенности, в Южной и Восточной Азии и в Африке. Количество государств, находящихся под военным контролем, в регионе пропорционально зависит от

того, как давно произошла деколонизация в этом регионе. Многие современные государства не знали ничего иного, кроме военного правления, с тех пор как они завоевали (или вернули себе) суверенитет. Так в 1990 г. ганцы (жители Ганы) прожили под военным контролем 18 из 30 лет своей независимости и за это время в их стране произошло 4 крупных государственных переворота.

Впрочем, не все государства с военным режимом — новые государства. Большинство латиноамериканских государств, включая те, где у власти стоят военные, были формально независимыми с начала XIX в.; на деле даже раньше большинства европейских государств. И опять древний Таиланд может послужить нам и в этом отношении хрестоматийным примером военного правления.

Сиам, как он тогда назывался, в 1930-е гг. отличался тем, что имел военное правительство. Военные свергли монарха в 1932 г., и с тех пор по большей части у власти находились военные. За 50 лет (с 1932 по 1982 г.) премьер-министрами были военные офицеры в течение 41 года; за это время Сиам/Таиланд пережил 9 удачных государственных переворотов и еще 7 неудачных. Государственные перевороты и попытки государственных переворотов происходили после 1945 г. спорадически (Chinwanno, 1985: 114–115). При щедрой поддержке Соединенных Штатов тайские военные укрепляли свою мощь во имя антикоммунизма. В 1972–1982 гг. численность вооруженных сил выросла примерно с 30 000 чел. до 233 000 чел., то есть в семь раз. И это не учитывая 500 000 резервистов и 600 000 военизированных объединений (Chinwanno, 1985: 115). Военные руководили бесчисленными программами развития сельского хозяйства и содействовали формированию военизированных групп для борьбы с коммунистическими партизанами.

Тогда тайский опыт был исключительным. Но теперь многие другие государства догнали Таиланд. Применяя критерии, сходные с теми, которыми оперировал Рут Сивард, Талукдер Манирузаман (1987: 221–222) подсчитал (для 61 государства третьего мира), сколько лет из всех лет независимости они имели военное (1946–1984) правительство. Вот какая получилась картина:

80–100 %: Китай/Тайвань, Таиланд, Сальвадор, Никарагуа, Алжир, Египет, Заир, Бурунди, Сирия;

60–70 %: Парагвай, Судан, Верхняя Вольта, Аргентина, Бенин, Центральноафриканская республика, Того, Экваториальная Гвинея, Гватемала, Ирак, Народная Республика Конго, Мали, Бирма, Республика Корея, Бразилия, Сомали, Бангладеш, Арабская Республика Йемен;

40–50 %: Нигерия, Пакистан, Перу, Гана, Индонезия, Гренада, Гондурас, Мадагаскар, Боливия, Панама, Доминиканская республика, Ливия, Кампучия, Суринам, Республика Нигер.

Манирузаман упустил особый случай Гаити, где семья Дювалье не только приняла военные звания, но даже использовала официальную и частную армии, чтобы терроризировать гражданское население, то есть он недооценил, как широко распространился военный контроль. Среднее государство третьего мира провело более половины времени после получения независимости (с 1946 г.) под властью военных.

Про мере того как распространялся военный контроль, все больше учащались в третьем мире государственные перевороты. На *рис. 7.2* мы постарались отразить эти наши основные соображения: с 1940-х гг. в мире количество попыток военных государственных переворотов возросло с 8–10 (причем только половина из них были удачны) до вдвое большего числа в 1970-х гг. (при том же соотношении удачных и неудачных). В отличие от гражданских войн, государственные перевороты обычно происходят без открытой их поддержки извне. За 40 лет иностранные государства только в 7% всех государственных переворотов совершили интервенции с целью их поддержки, и в 4% случаев для того, чтобы не позволить совершиться новому (David, 1987: 1–2). Эти цифры, без сомнения, сви-

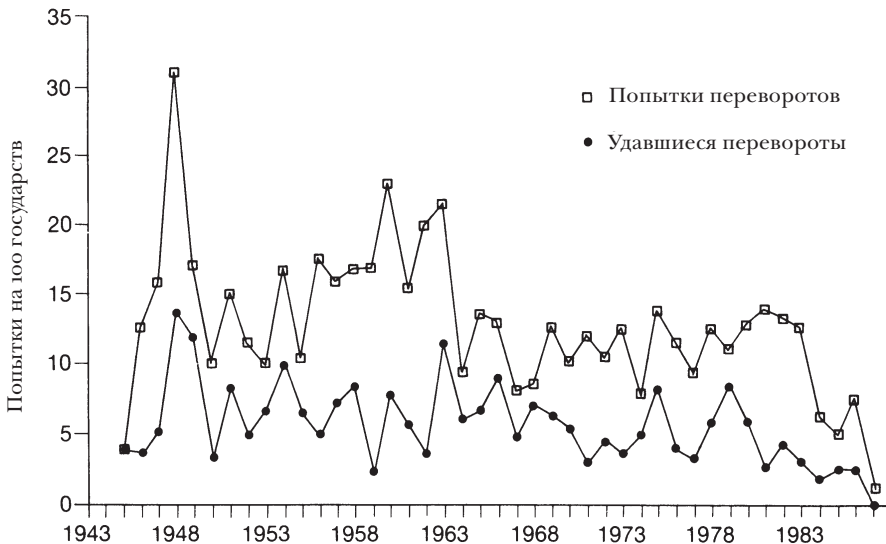

Рис. 7.2. Военные государственные перевороты, 1944–1987 гг.

детельствуют о том, что почти 90% государственных переворотов в мире совершаются *без* сколько-нибудь значительной иностранной интервенции.

Отчасти учащение государственных переворотов объясняется тем, что умножилось число независимых государств. На *рис. 7.3* количество попыток государственных переворотов и удавшихся (переворотов) сопоставлено с числом членов ООН год за годом, демонстрирует, что частота таких переворотов на государство была выше до вступления многочисленных азиатских и африканских государств в 1960-е гг., а затем она снизилась. *Рисунки 7.4 – 7.6* детализируют, что происходило в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Азии – государственные перевороты совершались с самой разной частотой: от в среднем одного переворота в год на каждые 3 государства до примерно 1964 г., и затем количество их устанавливается на уровне одного переворота в год на 5–10 государств. В Африке, однако, не было ни одного государственного переворота, пока там продолжался период европейского контроля, а затем с 1959 г. их стало больше, чем где бы то ни было в третьем мире. Возрастающую частотность государственных переворотов нельзя рассматривать как статистическую иллюзию. Напротив, это значит, что государства по вступлении в ООН после 1960 г. стали особенно уязвимы для военных государственных переворотов, Явилось ли сокраще-

Рис. 7.3. Государственные перевороты на 100 государств, 1944–1987 гг.

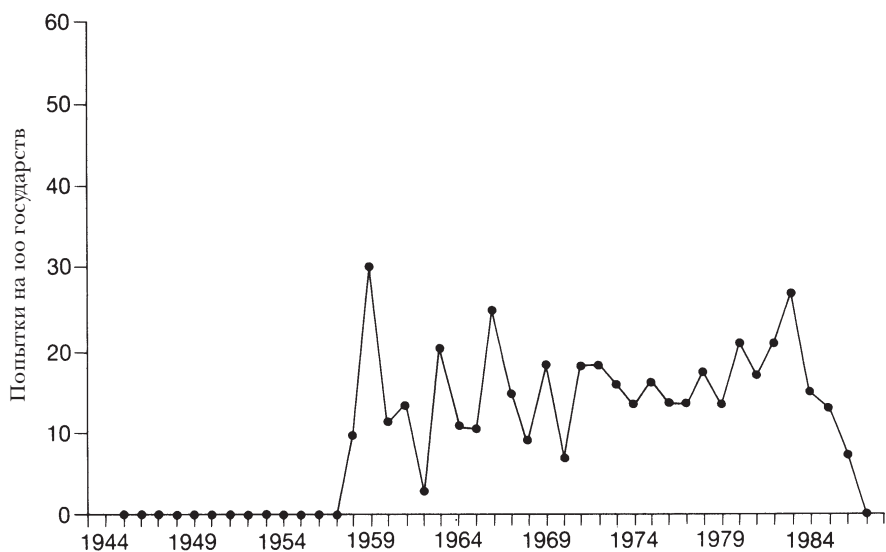

Рис. 7.4. Попытки государственных переворотов на 100 государств, Африка 1944–1987 гг.

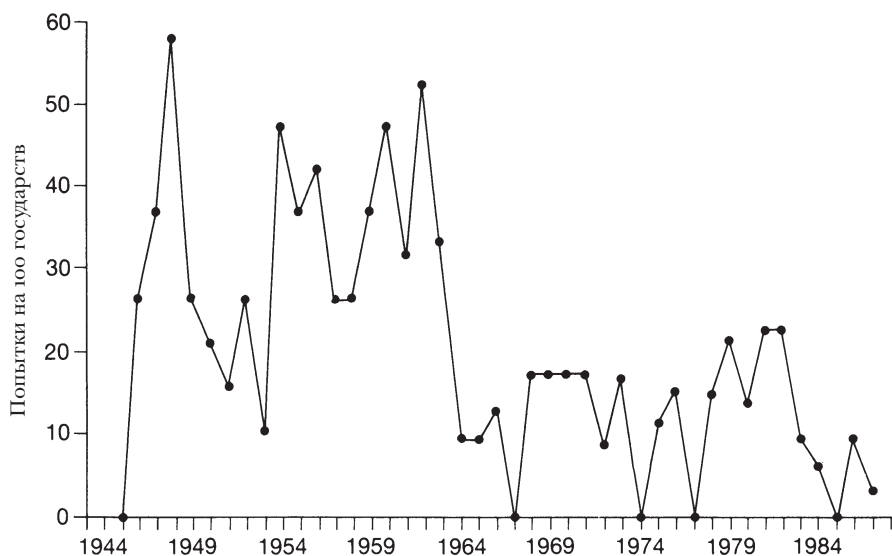

Рис. 7.5. Попытки государственных переворотов на 100 государств, Латинская Америка 1944–1987 гг.

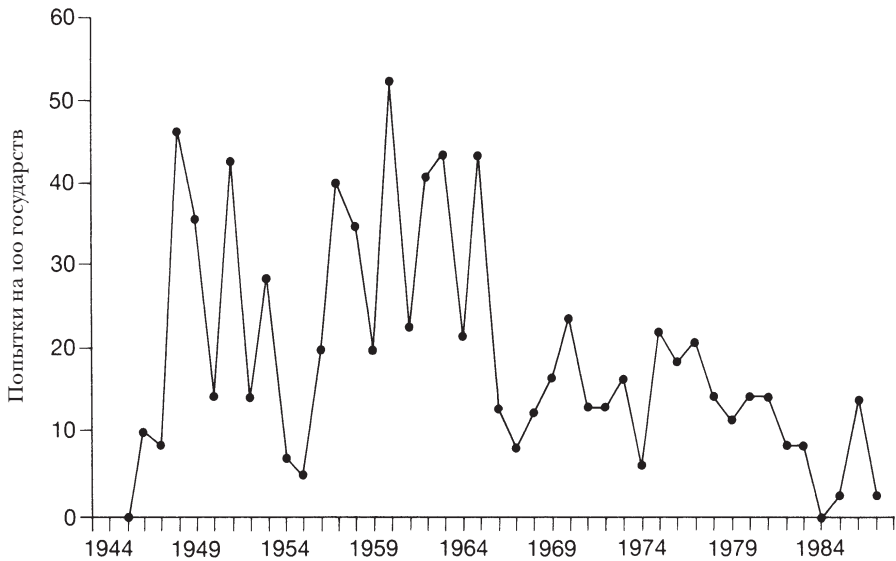

Рис. 7.6. Попытки государственных переворотов на 100 государств, Азия и Ближний Восток 1944–1987 гг.

ние попыток переворотов и количества успешных попыток после 1980 г. следствием определенных изменений, нам еще предстоит выяснить. До тех пор общим результатом изменений после Второй мировой войны было решительное увеличение независимых государств в мире, находящихся в той или иной степени в руках военных. Цифры, приводимые Манирузаманом, показывают, что возвращение к гражданскому правлению (после военного) происходило реже, чем военные государственных перевороты на всех этапах за 1946–1981 гг., так что к 1982–1984 гг. установился средний показатель: 6 переворотов каждый год. В Латинской Америке переход контроля над государствами к гражданским лицам произошел, кажется, после сокращения частоты военных государственных переворотов (что само по себе было результатом установления более или менее стабильного военного режима), начавшегося в 1960-е гг. После Второй мировой войны Латинская Америка прошла в своем развитии три стадии: период постоянной борьбы за государственную власть, результатом чего стала безусловная милитаризация (1945 – начало 1960-х гг.), период относительно стабильного военного правления (1960-е – конец 1970-х гг.) и период частичного сокращения власти военных (после 1980 г.). Поскольку уже не раз преждевременно за-

являли о переходе власти к гражданским лицам в Латинской Америке, мы и сейчас не уверены, что продолжится движение, начатое в 1980 г. (Rouquie, 1987: 2–3). Во всяком случае, государства в Азии, Африке и на Ближнем Востоке, кажется, несколько успокоились с введением довольно стабильных форм военного правления; до сих пор сокращение числа государственных переворотов не свидетельствует об освобождении от контроля военных.

После Второй мировой войны государства третьего мира сильно милитаризировались, и, за исключением Латинской Америки, другие страны (третьего мира) не обнаруживают надежных признаков, что это движение повернулось вспять, уступая дорогу процессу перехода власти к гражданским лицам. Так что миру есть о чем беспокоиться: не только потому, что наши старые представления о «возмужании» со временем национальных государств оказались неверными, не только из-за угрозы, что война в третьем мире будет с применением ядерного оружия или приведет к конфронтации великих держав, но также потому что военный контроль и насилие государства против граждан неотделимы друг от друга.

Остановимся на официальном насилии против граждан в форме пыток, жестокости, похищений и политических убийств. В третьем мире в целом, согласно исследованиям Рут Сивард, половина контролируемых военными государств «часто» прибегает к насилию против своих граждан, причем из невоенных государств так поступают только пятая их часть. Эти различия сильнее в Латинской Америке, на Ближнем и Дальнем Востоке, чем в Южной Азии и Африке. Гораздо чаще встречаются ограничения права голоса в военных государствах третьего мира, чем в невоенных. В этих соотношениях легко увидеть причинно-следственную связь: когда военные захватывают власть, сокращаются права граждан и права человека. И всякий, кто высоко ценит политическое представительство и защищенность граждан от злоупотреблений государственной власти, должен обеспокоиться милитаризацией в мире.

КАК ВОЕННЫЕ ЗАХВАТЫВАЮТ ВЛАСТЬ?

Если после столетий перехода власти к гражданским лицам в системе европейских государств государства, присоединившиеся к системе недавно, теперь двигаются к военному правлению, чем объясняется такое развитие? Конечно, в условиях разнообразия устройства государств третьего мира одно-единственное объяснение не прояснит нам в деталях переход к власти военных в каж-

дой отдельной стране. Так, Самуэль Декало считает, что отнюдь не силой и сплоченностью военных «Черной Африки» (sub-Saharan) объясняется их исключительная склонность бороться за власть в национальных масштабах. Напротив, заявляет он, «многие африканские армии состоят из ограниченного круга отдельных вооруженных формирований, связанных в первую очередь отношениями клиент—патрон с группкой соперничающих между собой офицеров разного ранга, кипящих самыми разными корпоративными, этническими и личными заботами» (Decalo, 1976: 14–15), причем соперничество внутри этих объединений толкает их на попытки государственных переворотов. В то же время Максвелл Овусу (1989) считает, что государственные перевороты в Гане после получения ею независимости принадлежат долгой традиции народных восстаний против недостойных вождей. Рут Колье указывает к тому же, что африканские военные чаще захватывают власть в государствах, где одна фракция навязала однопартийное правление остальным или где с получением независимости установилась многопартийная система, представляющая многочисленные народности, а не там, где доминирующее положение одной партии выросло из электоральных побед еще до получения независимости (Collier, 1982: 95–117). Сосуществование многочисленных цепочек клиент—патрон и этническая раздробленность, по-видимому, делает африканские государства уязвимыми для захвата власти военными, но только в границах, определяемых национальными коалициями и партиями.

Такое объяснение не очень подходит для большинства стран Южной Азии, Латинской Америки и Ближнего Востока. Что касается Латинской Америки, приведем мнение Дж. Самуэля Фитча (J. Samuel Fitch): «Все больше согласия отмечается в отношении того, что именно является условием военных государственных переворотов. Государственные перевороты происходят тогда, когда военные офицеры считают, что налицо имеется кризис. Волнения в обществе и враждебность общества по отношению к правительству, угрозы институциональным интересам военных, когда гражданские президенты нарушают конституцию, когда очевидно, что существующая администрация не может справиться с серьезным экономическим кризисом, или когда знаменитая «коммунистическая угроза» отягощает ощущение военными кризиса. На отдельных офицеров могут влиять личные связи и личные амбиции, но решение о том, чтобы устроить военный государственный переворот обычно является институциональным решением, отражая коллективное мне-

ние высших чинов вооруженных сил в целом о действиях правительства» (Fitch 1986: 27–28).

Теперь мы постараемся установить (в масштабах всего мира) те условия, которые облегчают переход к власти военных или делают его более возможным, а затем обратимся к реальной истории государств и регионов для исследования действительных путей, ведущих к гегемонии военных. На ум приходят три возможности.

Во-первых, в странах третьего мира часто могли оказываться неэффективными возглавляемые гражданскими лицами институты, так что военные берут на себя руководство этими учреждениями. 23 года назад один западный политолог, заметив все возрастающее вмешательство армий в гражданскую политику в Третьем мире, склонялся именно к этому объяснению.

Во-вторых, непропорционально большая поддержка военных организаций третьего мира другими державами извне, возможно, давала военным дополнительные силы сравнительно с их конкурентами внутри страны. Это объяснение часто выдвигают радикальные критики американских программ военной помощи.

В-третьих, тот процесс переговоров и сдерживания военных, который широко проходил на Западе, здесь, возможно, отсутствовал, поскольку государства третьего мира получали средства ведения войны извне от великих держав, в обмен на товары и политическую зависимость. Также все три условия могли присутствовать одновременно.

В целом, у нас недостаточно сведений, какое именно из указанных трех условий имело место. Тщательный анализ вмешательства военных в политику в 35 африканских государствах на отрезке 1960–1982 гг. показывает, что этому вмешательству способствуют следующие факторы:

- доминирующее положение в армии одной этнической группы;
- высокие военные расходы при одновременных частых санкциях в отношении оппонентов правительства;
- отсутствие политического плюрализма;
- низкая избирательная активность до получения страной независимости;
- низкий процент населения занят в сельском хозяйстве;
- быстрый рост населения в столице;
- медленный рост занятости в промышленности и ВВП;
- невысокий уровень экспорта относительно ВВП;
- нарастающая диверсификация экспорта товаров (Johnson, Slater, McGowan 1984: 635).

Несмотря на неоднородность источников, что, к сожалению, подрывает достоверность сведений таких статистических выкладок, мы можем и здесь заметить возвращающиеся темы. Вмешательству военных способствует связь автономии военных с экономическим кризисом. Сами авторы делают вывод, что «общественная мобилизация» способствует вмешательству военных, а «политическое участие» направлено против него. «Оказывается, — замечают некоторые ученые, — что государства, где влиятельные лица усвоили правила мировой капиталистической экономики и таким образом довольно хорошо справляются с исключительно суровым международным экономическим окружением последних 10 лет, они настолько перестали быть периферийными, что даже несколько укрепили свои гражданские структуры. Здесь меньше вмешательство военных, чем в тех государствах, где влиятельные лица не так хорошо с этим справляются» (Johnson, Slater, McGowan 1984: 636). Хотя каждый из упомянутых факторов заслуживает отдельного рассмотрения, ни один из них не проливает света на исторический процесс, в результате которого государства становятся более или менее подвержены захвату власти военными.

Отметим следующий факт. Характерные расколы внутри государств существенно различаются по регионам мира, соответственно различаются и складывающиеся союзы амбициозных военных с группами гражданского населения. Громадное значение имеют в современных африканских и южноазиатских государствах разделения по признаку национальности, этот фактор имеет существенно меньше значения в современных латиноамериканских государствах. На Ближнем Востоке главные противоречия — религиозные, как внутри ислама, так и вне его. Там, где военное правление уже установилось, разгорается соперничество внутри самих вооруженных сил в борьбе за власть в государстве. Попытка государственного переворота в Аргентине (15 апреля 1987 г. и позже) представляла собой вариант сопротивления армии преследованиям борцов против нарушения прав человека при военной диктатуре (Vigo и соавт., 1988: 56–57). Государственный переворот на Фиджи (14 мая 1987 г.) «случился в защиту интересов туземцев Фиджи» против избирательных преимуществ той части населения острова, которое было ближе к Индии (Kelly, 1988: 399). Государственный переворот в Бурунди (3 сентября 1987 г.) стравливал одну армейскую фракцию с другой (Vigo и соавт., 1988: 65). На этом уровне всякий военный режим и всякая попытка захвата государственной власти зависят от структуры местного общества и предшествующей истории это-

го общества. А если мы не можем объяснить развитие конкретных военных режимов особенностями истории (соответствующего общества), мы все же можем с достаточными основаниями задаться вопросом: не способствовали ли некоторые изменения в мире после 1945 г. осуществимости и привлекательности притязаниям военных на власть, что поможет нам объяснить рост количества военных режимов в мире.

До сих пор нам неизвестно, какой именно один из трех возможных процессов — несостоятельность гражданских институтов, поддержка военных извне, недостаточность переговоров между государством и гражданами — в действительности протекает в современном мире. Нам придется это выяснить. Однако резкое отличие того, что происходит в государствах третьего мира, от тех условий, при которых власть перешла к гражданским лицам в Европе, позволяет предположить, что же именно могло бы происходить в Африке, на Ближнем Востоке и в Азии. Вот что мы думаем: сложившаяся после Второй мировой войны биполярная мировая система государств (и постепенный переход к триполярной) обострила соперничество между великими державами за государства третьего мира и общую тенденцию не оставлять нейтральным ни одного государства третьего мира. Это соревнование побуждало великие державы, в особенности, Соединенные Штаты и Советский Союз поставлять вооружения, обучать военных и консультировать многие государства по военным вопросам.

Взамен великие державы (или наиболее влиятельные группы в них) получают товары, такие как нефть, политическую поддержку на мировой арене и иногда доходы от продажи вооружения. В государствах, идущих таким путем, военные организации растут в размерах, силе и эффективности, а другие организации не меняются или даже сокращаются. Относительной жизнеспособностью военных организаций объясняется их привлекательностью для амбициозных, но не имеющих денег молодых людей. В результате таланты, привлеченные военной карьерой, отвлекаются от бизнеса, образования и гражданского государственного управления. Военным становится все легче захватить контроль над государством, а гражданским правителям становится все труднее и труднее их сдерживать. Складывается преторианизм в той или иной форме: олигархический, радикальный или массовый, в формулировке Самюэля Хантингтона. Побеждает милитаризация.

Можно ли считать это предположение верным? Данные относительно послевоенной политической истории тех стран, о которых

мы имеем подробные сведения, подтверждают наши предположения. Крайние формы принял этот путь развития на Тайване и в двух Кореях, где широкая поддержка иностранными державами местных военных привела к жесткому контролю над национальными экономиками, пока даже самый успех экономического развития не начал подрывать гегемонию военных (Amsden, 1985; Cumings, 1984, 1988; Deyo, Haggard, Коо, 1987; Hamilton, 1986). Например, в Южной Корее генерал Пак Чон Хи, бывший офицер японской оккупационной армии, в 1961 г. захватил власть. Пак начал сознательно вводить «японский стиль» (богатая страна и могучие военные» (Launius, 1985: 2). Он мог с этим справиться по двум, главным образом, причинам: потому что в 1907–1945 гг. Корея жила как японская колония, под плотным контролем Японии, и корейские должностные лица без труда заняли властные позиции при новом режиме. А также потому что американская оккупационная армия, остающаяся в Корее и по сегодняшний день, поддержала этот план и помогала сдерживать оппозиционных рабочих и студентов.

Революционное перераспределение земли, после того как Северная Корея оккупировала Южную Корею летом 1950 г., покончило с землевладельцами как еще одним источником оппозиции гегемонии военных (Cumings, 1989: 12). Хотя Южная Корея прошла несколько кратких периодов номинальной демократии при содействии американцев, государственный переворот 1961 г. привел к власти военных. В условиях военного контроля и американской помощи в Южной Корее была создана ориентированная на экспорт с низкими зарплатами экономика, призванная обслуживать в особенности японский и американский рынки. Подобным же образом, хотя и с меньшим экономическим успехом, Советский Союз долгое время осуществлял военное присутствие и контроль в таких странах-сателлитах, как ГДР, Венгрия и Чехословакия.

За исключением, возможно, Панамы, Кубы и Гондураса, прямой иностранный контроль национального корпуса военных (и, таким образом, всего государства) в Латинской Америке не принимал таких крайних форм, как в Восточной Азии. У латиноамериканских государств была собственная устойчивая традиция военного вмешательства в политику, восходящая к тому времени, когда 200 лет назад они освободились от испанского и португальского владычества. В 1960–1970-е гг. здесь устанавливаются довольно устойчивые политические режимы. Эти режимы принимают две формы: личное клиентелистское правление некоего Стреснера в Парагвае или некоего Сомосы в Никарагуа, и «институциональный» контроль во-

енных, установившийся в Аргентине после Перрона и в Бразилии после Варгаса.

В течение некоторого времени до 1960-х гг. Соединенные Штаты держали под своей «военной опекой» многие государства Центральной Америки и Карибского бассейна, так что даже американцы не задумываясь посылали морпехов для поддержки или восстановления угодных им режимов (Rouquie, 1987: 117–128). И все-таки до этого времени ни американский капитал, ни американская военная помощь не проникали глубоко в Латинскую Америку вообще. Бесконечные государственные перевороты в Южной Америке не вызывали прямого вмешательства США. Однако после Кубинской революции, в эпоху последующего советско-кубинского сотрудничества администрация Кеннеди начала пересматривать свою латиноамериканскую политику. С 1962 г. американская военная помощь «усиливается и принимает более определенные институциональные формы. Получает структурное оформление американское военное планирование, теснее становятся связи латиноамериканских армий с армией метрополии. Армия США имеет военные миссии (разного значения) в 19 странах этого субконтинента, и их присутствие часто бывало условием соглашений по продаже или предоставлению в долг вооружения» (Rouquie, 1987: 132).

Военная помощь США Латинской Америке выросла примерно с 40 млн долларов в год в 1953–1963 гг. до 125 млн долларов в год в 1964–1967 гг. (Rouquie, 1987: 131). Американское присутствие помогло предотвратить многие военные перевороты в Латинской Америке, одновременно укрепляя те военные режимы, которые уже пришли к власти. И только в 1970-е гг., когда Соединенные Штаты начинают сокращать поддержку местных военных, начинается слабое движение к передаче власти гражданским лицам — огражданствление.

В этом смысле показателен опыт Бразилии. Хотя здесь военная политика была определенно важнее гражданской (после свержения военными Бразильской империи в 1889 г.), но прямой и надолго захват государственного контроля совершился только с «Апрельской революцией» 1964 г. Затем военизированный режим открыл Бразилию американскому капиталу, американской военной помощи и бразильско-американскому сотрудничеству в делах холодной войны. Военные продержались до 1985 г. Во время региональных выборов 1982 г. лидеры оппозиции пришли к власти в ключевых провинциях, и в 1984 г. умеренный оппонент военной власти Танкредо Невес стал президентом Бразилии. Началась демилитаризация, однако одновре-

менно военные получали значительную компенсацию, в стране росли производство вооружения и военный бюджет. Соединенные Штаты прямо не вмешивались здесь в процесс огражданствления, но американское влияние проявляло себя в поддержке борьбы за права человека и в сокращении помощи терявшим власть военным.

Соседний Суринам пришел к военному правлению через пять лет после обретения независимости от Нидерландов, но суринамские военные объявили себя социалистами (Sedoc-Dahlberg, 1986). В период от получения независимости в 1975 г. до военного государственного переворота 1980 г. три крупнейшие партии Суринама представляли три основные этнические группы: индусов, креолов и яванцев. Когда же боо человек войска под предводительством сержантов захватили государственный контроль (после долгих трудовых споров в армии), новое правительство начинает получать значительную помощь от Кубы и корректирует свою политику с кубинской. Увеличивается численность военных, организуется народная милиция примерно в 3000 человек для осуществления контроля внутри страны, и вообще под ружье поставлено примерно 1,4% всего населения, более чем в три раза превышающая обычные цифры для государств с низкими доходами. Бразильские лидеры, обеспокоенные тем, что рядом с ними находится левацкое государство, начинают **готовить соглашение в 1983 г.**, согласно которому «Суринам будет продавать Бразилии рис и алюминий в обмен на вооружение, достаточное, чтобы удвоить армию Суринама» (Sedoc-Dahlberg, 1986: 97). Кроме того, от Суринама требовалось перейти к более умеренной социальной политике. Эта двойная поддержка (со стороны Кубы и Бразилии) обеспечила военным такой простор для маневра, что они были в состоянии править в Суринаме, даже не имея широкой социальной базы.

Другим путем пришла к военному правлению Ливия (Anderson, 1986: 251–269). Во времена итальянского империализма здесь были объединены территории враждебных и совершенно разных Триполитании и Киренаики. Санусит Идрис, ставший королем во время борьбы за независимость в 1951 г., получал поддержку главным образом от Киренаики. Его участие в действиях союзников по изгнанию Италии из Северной Африки доставило ему решительное политическое преимущество над его соперниками из Триполитании. С получением независимости Ливия становится не вполне определившимся национальным государством. Разросшиеся семьи правят здесь через системы патронажа. Они обогащаются доходами от продажи нефти, что позволяет им создать некоторую ин-

фраструктуру, и король со своими сатрапами мог дальше править без помощи сколько-нибудь значительной центральной бюрократии. Небольшая королевская ливийская армия была сформирована из соединений, боровшихся с британцами во Второй мировой войне. Однако между этой армией и племенным населением встали войска службы безопасности из провинций, велико было также влияние расположенных здесь американских и британских военных баз. Несмотря на присутствие англо-американцев, капитан Муамар аль-Кадафи возглавил успешный государственный переворот в 1969 г. Захватив контроль над доходами от нефти, Кадафи сумел изгнать британцев и американцев, покончил с большинством прежних правителей, исламизировал и арабизировал государство, проводил программу помощи нарождающимся революционным режимам повсюду и при этом, как и его предшественник, обходился без громоздких центральных структур. Преобразившееся государство начинает робко заигрывать с Советским Союзом и противостоять власти американцев. Теперь хрупкое государство поддерживается своеобразным национализмом, который оправдывает военное правление.

Послевоенное государство Южной Кореи сформировалось в результате прямой американской оккупации. В Бразилии переориентация американцев в отношении латиноамериканских военных произвела политические сдвиги, но ни в коем случае не стала определяющей для истории военного правления. Ливия перешла к военному режиму, несмотря на американское военное присутствие. Так что условия (и последствия) перехода власти к военным были самыми разными в разных странах третьего мира. Соперничество великих держав и их вмешательство только оказывали определенное влияние при государственных переворотах, как и в поддержании установившегося военного режима. Гораздо важнее для ритмических колебаний установления военного контроля в мире вообще были изменения отношений государств третьего мира к великим державам и друг к другу. Причем влияние оказывала собственно система государств как таковая.

Если конфронтация великих держав и их вмешательство в национальные вооруженные силы действительно оказывали такое влияние, как мы здесь утверждаем, то ясно определяется один путь к огражданствлению. Этот путь предстает в двух вариантах: или сокращение участия соревнующихся между собой великих держав в создании военной мощи государств третьего мира, или полная отстраненность соответствующего государства от этого соперниче-

ства. В таком случае необходимо стимулировать переговоры между государственными гражданскими институтами и всей массой граждан. Создание регулярных систем налогообложения, справедливо распределяемых и понятных гражданам, может ускорить процесс. Результативным было бы и открытие новых возможностей для граждан строить карьеру помимо военной службы. Возможно, заявляет Альфред Степан (1988: 84–85), что развитие экспортной промышленности крупного вооружения в Бразилии приведет к парадоксальному результату: ограничению независимости бразильских генералов. Тогда быстрее будет развиваться демократия через рост гражданской бюрократии, заинтересованных кругов и переговоры с гражданским населением. В более общем смысле (и, будем надеяться, не столь воинственном) все большее втягивание правительства в расширение производства товаров и услуг способствует огражданствлению. Ни в коем случае не воспроизведение европейского опыта (на сегодняшний день, надо полагать, мы можем отчасти избежать повторения этого сурового опыта). Но обращение к некоторым возможностям, которые становятся нам яснее при трезвом анализе процесса *формирования* европейских государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, мой подход к рассмотренным темам имеет определенные обертоны. Он снова возвращается, несмотря на все мои прежние протесты, к своего рода интеллектуальному колониализму, к предположению, что если европейские государства выработали путь к огражданствлению общественной жизни, то так же могут и должны действовать государства третьего мира — стоит им (или их патронам) позволить развернуться этому европейскому процессу. Это допущение пренебрегает геополитическими характеристиками разных регионов, именно теми, что накладывают сильный отпечаток на отношения военных с гражданскими. К такому отнесем постоянную угрозу прямой американской интервенции в Центральную Америку или страны Карибского бассейна, особую важность проблемы нефти в экономиках множества стран Ближнего Востока, широкое проникновение Южной Африки в государства к северу от нее, промышленную экспансию Японии, Южной Кореи и Тайваня — все эти факторы являются определяющими для политики их соседей. При нашем допущении мы забываем об этнической раздробленности и вражде как условиях, подталкивающих к передаче власти военным. Предпринимая попытку рассмотреть современ-

ную милитаризацию в исторической перспективе, я рискую бросить слишком много света на рассматриваемую проблему, так что незамеченными останутся ее тонкости, будет искажено ее прирожденное сочетание света и тени. Скажем просто, не следует думать, что установление власти военных в государствах третьего мира — это всего лишь обязательная фаза процесса формирования государства, и прошлый опыт нам этого не подсказывает и не дает уверенности, что, по мере развития государство эту фазу минует.

Во всяком случае, современная милитаризация власти — не единственный вопрос, изучению которого помогает опыт формирования европейских государств. Этот процесс заслуживает внимания сам по себе, просто потому, что формирование европейской системы национальных государств глубоко повлияло на жизнь всех людей на Западе, а также и на жизнь остального человечества. В настоящей книге я, надеюсь, сумел показать, что формирование европейских государств часто определялось случаем, случайным оказалась даже конечная победа национальных государств над всеми другими формами политической организации. И только великая экспансия в XVI в. международных войн (что, конечно, явилось результатом соперничества европейских государств между собой, а также с турками и китайцами) дала определенные преимущества национальным государствам сравнительно с империями, городами-государствами и федерациями, преобладавшими в Европе, и это преимущество актуально даже до наших дней.

Европейцы шли к национальному государству не одним путем. В зависимости от того, что доминировало в определенном ареале континента — концентрированный капитал или концентрированное принуждение — вырабатывались три частично различавшиеся пути преобразований: интенсивного принуждения, интенсивного капитала и смешанного пути — капитала и принуждения. По этим разным путям шли правители, землевладельцы, капиталисты, рабочие и крестьяне. По ходу дела большинство государств (некогда существовавших) исчезли, оставшиеся же претерпели глубокие изменения как по форме, так и в действиях. В тех регионах и в те периоды, где и когда ведущую роль играли капиталисты, государства обычно дробились, сопротивлялись централизации и создавали небольшие формальные институты, представляющие господствующие здесь классы. До того как в XVIII—XIX вв. началось создание громадных армий, такие государства с легкостью проводили мобилизацию (в особенности, для войны на море), но не создавали для этого сколько-нибудь устойчивых государственных структур.

В регионах, где доминировали землевладельцы, напротив, складывались громоздкие, централизованные государства просто потому, что добыть у населения средства ведения войны в условиях некоммурализованной экономики можно было лишь при помощи большой администрации и активного содействия правителям со стороны союзных им землевладельцев. В крайнем случае, этот путь развития, как он протекал, например, в Польше в течение 4–5 столетий, землевладельцы подавляли даже королевскую власть, что вело к стагнации или коллапсу.

Средний путь *формирования государства* (между путем интенсивно-го капитала и интенсивного принуждения), путь баланса капитала и принуждения обеспечивал классовую борьбу, но лишь в нескольких случаях, как Франция и Великобритания, открывал путь формирования национального государства, которое бы было в состоянии создать и содержать массовые вооруженные силы. Эти немногие установили стандарты ведения войны для всех остальных государств, они играли непропорционально важную роль в распространении в мире системы европейских государств и европейского варианта национального государства. После Второй мировой войны лишь европейская система национальных государств стала претендовать на контроль над всем миром. Поскольку эта система происходит из Европы, подробный анализ истории Европы помогает нам понять истоки, характер и границы современной мировой системы.

Тем больше причин внимательно исследовать те изменения, которые толкают европейские государства в новую эру, как я писал весной 1992 г. Случилось то, что невозможно было себе представить. После 1988 г. Советский Союз прекращает серьезную (хотя и непрямую) конфронтацию с Соединенными Штатами в Афганистане, затем распадается на составляющие СССР республики, а некоторые из них распадаются дальше. Россия и Украина (ставшие теперь самостоятельными отдельными государствами в рамках шаткой федерации) начинают издавать воинственные кличи по поводу принадлежащего им ядерного оружия, Крыма и черноморского флота. Из Югославии выделилась Сербия и бегут несербские республики. ГДР растворилась в своем крупном и богатом немецком соседе, который некогда был врагом. Другие восточные и центральные европейские государства отказались от своих социалистических режимов после разного накала борьбы, появились новые трещины, как между чехами и словаками, некогда объединенными в социалистической Чехословакии. В зоне бывшего советского влияния появились перспективы перехода к военному правлению.

И это еще не все. С благословения умиравшего Советского Союза под водительством Соединенных Штатов несколько европейских государств пустились в разрушительную атаку на Ирак в ответ на вторжение Ирака в Кувейт. Тем временем Европейское сообщество еще на несколько шагов приблизилось к экономическому объединению, когда пограничные государства – включая и те, которые еще недавно были социалистическими – вступили в острую борьбу за вступление в ЕС. По размаху, скорости и взаимовлиянию эти изменения напоминали важнейшие преобразования в системе европейских государств, которые обыкновенно происходили после урегулирований в завершение громадных войн, как в 1815–1818, 1918–1921 и 1945–1948 гг. Казалось, что *холодная война* – это не просто метафора.

Как же эти изменения были между собой связаны, если они были связаны? Без сомнения, центральная ось соединяла три структуры: американское государство, советское государство и Европейское сообщество. Имея несопоставимые и несравнимые экономические базы, США и Советы в течение 40 лет строили свою внешнюю политику вокруг военного и политического соперничества друг с другом. Вторжение обеих сторон в Афганистан (американцев в виде поддержки партизанской оппозиции режиму, за которым стояли Советы, Советов в виде финансовой помощи и прямой интервенции) продемонстрировало, что американцы могут заблокировать победу Советов, если прямо не насадить проамериканский режим, истощая при этом финансы Советов, людские ресурсы, боевой дух и военный престиж.

Придя в 1985 г. к власти, Михаил Горбачев не только начал подготовку к выводу войск из Афганистана. Он еще дальше развернул демилитаризацию Советского Союза, перейдя к политике прекращения репрессий против диссидентов в странах Варшавского пакта, а также перевода советскую экономику с производства военной продукции на производство гражданской продукции. И хотя эта новая политика ударила по военному и партийному истеблишменту и по разведке Советского Союза, но она же позволила большинству стран бывшего Советского блока думать о вступлении в Европейское сообщество, что было для них желательно. Одновременно новая политика быстро и решительно ослабила советских коллаборационистов в Польше, Чехословакии, Эстонии, Латвии, Литве и других регионах вдоль западных границ СССР. Когда Горбачев отказался от военной интервенции против тех, кто угрожал сателлитным режимам СССР в этой зоне, оппозиции быстро мобилизовались.

И в остальных государствах и других образованиях (не воспользовавшихся открывшимися возможностями сразу) росла потребность в автономии и независимости. Лидеры союзных республик и этнических групп бывшего СССР взывали к помощи других государств, повторяя магическую формулу национального самоопределения. Так, Эстония, Литва и Латвия быстро вышли еще из Советского Союза. Позднее Словения, Хорватия и Босния-Герцеговина также заручились международной поддержкой при выходе из Югославии.

В своей собственной потрясенной стране Горбачев столкнулся с оппозицией не только военных, интеллигенции и партийного истеблишмента, положение которых он подорвал, но еще двух других важных групп. К первой принадлежали конкурирующие группы националистов и псевдонационалистов из разных административных районов бывшего СССР: Грузии, Осетии, Молдавии, Нагорного Карабаха и даже Ленинграда. Вторая состояла из непрочной сети экономических и политических реформаторов, которые со временем сплотились вокруг Бориса Ельцина, бывшего московского партийного босса. Огромное разнообразие мнений и проведение сомнительных выборов во вновь созданный Съезд народных депутатов — придавали реформаторам уверенность и сплачивали их между собой. В августе 1991 г. члены старого истеблишмента предприняли попытку государственного переворота, но потерпели поражение из-за измены военных и дружного противостояния реформаторов, включая Ельцина. В завершение этих событий Горбачев оставил свой пост, Ельцин стал действительным национальным лидером как глава Российской Федерации, а СССР распался номинально на соединенные в конфедерацию республики, при решительно отделившихся балтийских государствах. Не только закончилась холодная война, но и одна из супердержав (того времени) лежала растертой в пыль.

В далекой перспективе, если мы в своих построениях правы, с прекращением враждебности холодной войны уменьшится и давление на неевропейские страны, побуждающее их блокироваться с великими державами. А те, в свою очередь, их вооружают в обмен на товары и политическую поддержку, содействуют установлению или поддержке военных режимов и вмешиваются в гражданские войны по всему миру. Также ускорится распад государственной системы европейцев, сложившейся за века патримониализма, брокеража и создания национальных государств. Системы, которая затем, в XIX—XX вв., была навязана по всему миру. В таком случае перед миром возникнет беспрецедентная возможность мирного преобразования.

Сколько еще протянет эта система? Мы уже видим некоторые признаки того, что эра формально автономных государств проходит: безвыходное положение ООН, вытеснение быстро складывающихся альянсов устойчивыми военно-экономическими блоками, формирование таких образований, которые имеют рыночные связи, Европейское экономическое сообщество и Европейская ассоциация свободной торговли, интернационализация капитала, появление корпораций, капитал которых находится повсюду и нигде, требование автономии и национального состава в уже существующих государствах, что может привести к дроблению на кусочки некогда целого пирога, озабоченность внутренними проблемами Соединенных Штатов и Советского Союза, активизация национальных движений в бывшем СССР, получение значительной власти в мире демилитаризованными странами — Японией — перспектива или угроза, что Китай распространит свою громадную организационную, демографическую и идеологическую власть на весь мир. Государственная система, которую создали европейцы, существовала не всегда. Она и не будет всегда существовать.

Трудно написать ей некролог. С одной стороны мы видим, что жизнь граждан в Европе умиротворяется, создаются более или менее представительные политические институты. И то и другое суть побочные продукты формирования государств, движимых задачей наращивать военную мощь. С другой стороны, мы видим, что растет разрушительная сила войны, государства все больше проникают в частную жизнь своих граждан, создаются инструменты невероятного классового контроля. Разрушите государство — и получите Ливан. Укрепите государство — и получите Корею. Положительный результат не представляется возможным, если только на смену национальному государству не придут другие формы государственности. Единственное и реальное, что можно сделать, — это отвратить громадную власть национальных государств от занятий войной — к укреплению правосудия, личной безопасности и демократии. Моя работа не указывает, как исполнить эту гигантскую задачу. Я лишь стремился показать, почему нельзя с этой задачей медлить.

БИБЛИОГРАФИЯ

Чарльз Тилли

**Принуждение, капитал и европейские государства.
990–1992 гг.**

Выпускающий редактор серии *Е. Попова*

Корректор *Е. Макеева*

Оформление серии *В. Коршунов*

Верстка *Д. Кашкин*

Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 26,57. Тираж 1000 экз.

Заказ №

Издательский дом «Территория будущего»
105066, Москва, ул. Ольховская, 45, стр. 1, офис 4

Отпечатано в гуп ппп «Типография “Наука”»
121099 Москва, Шубинский пер., 6